

Джузеппе Де Луттиис

ИСТОРИЯ
ИТАЛЬЯНСКИХ

СЕКРЕТНЫХ

СЛУЖБ

Giuseppe De Lutiis

**STORIA
DEI SERVIZI
SEGRETI
IN ITALIA**

Editori Riuniti

Джузеппе Де Луттиис

ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ

ПРЕДИСЛОВИЕ Л. ЗАМОЙСКОГО

Москва
«ПРОГРЕСС»
1989

ББК 63.3(4Ит)
Д 29

Переводчик Николаев В. М.

Редактор Расшивалова Э. В.

Де Лутиис Дж.

Д 29 История итальянских секретных служб: Пер. с ит. / Предисл. Л. П. Замойского.— М.: Прогресс, 1989.— 320 с.

Автор на основе большого фактического материала анализирует деятельность итальянских секретных служб с момента зарождения фашизма и до наших дней. В книге показано, что итальянские секретные службы действуют в тесном контакте и под фактическим руководством американских спецслужб.

Большой интерес представляют приводимые в книге данные о связях сотрудников спецслужб с террористическими организациями, группами фашистского толка, мафиози и членами масонской ложи «П-2», факты о причастности спецслужб к диверсионным акциям и политическим заговорам.

Д $\frac{0305000000-117}{006(01)-89}$ 52-89

ББК 63.3(4Ит)

ISBN 5-01-001571-4

© Editori Riuniti

© Перевод на русский язык, предисловие издательство «Прогресс», 1989

* * *

Оказывается, нет ничего увлекательнее неприукрашенной исторической правды, правды как она есть. Язык свидетельств и документов звучит куда весомее многих детективных версий, хотя бы и правдоподобных и оправданных.

Автор этой «биографии» итальянских секретных служб — Джузеппе Де Лутиис — ведет свое повествование скрупулезно, педантично, не поддаваясь искушению разукрасить свою работу занимательными гипотезами, прикрыть неизбежные в таком исследовании белые пятна флером фантазии.

Но странное дело — именно благодаря строгому следованию источникам, достоверным фактам, отсутствию «архитектурных украшений», столь часто свойственным жанру «жития» секретных служб, — работа Де Лутииса исподволь, по мере продвижения к современности все более захватывает. И если читатель захочет разобраться в цепи событий итальянской истории, сюжетам которой посвящены многочисленные публикации и даже телесериалы вроде «Спрута», — план военного переворота «Соло», политический терроризм, носивший попеременно то черную, то «красную» окраску, убийства, похищения, взрывы, черный айсберг масонской ложи «П-2» — то, как напутствуют в Италии охотников: пожалуйста в «пасть волку»... — в путь по страницам книги!

Она дает простор для работы мысли, анализа, который поможет связать, вычислить единый знаменатель многих трагедий итальянской жизни, столь разных вне-

шне, но по сути вытекающих из одного и того же явления — «стратегии напряженности».

И это уже история не только самой Италии, но и горькая глава в истории Западной Европы, плата за то, что после разгрома фашизма усилилось рабочее движение, вырос авторитет левых партий, прежде всего коммунистов и социалистов, окрепло национальное самосознание людей. Что, например, значительной части итальянского общества виделось как естественный процесс обновления страны, в глазах руководителей блока НАТО, и прежде всего в глазах его лидера — США, стало крамоллой. Все эти годы ЦРУ — инструмент осуществления тайных операций — вело настоящую войну против левых сил страны. Войну, где в ход пускаются не только провокации и клевета, но где по-настоящему стреляют и убивают.

И в этой войне секретным службам Рима была отведена роль, прямо противоположная той, которая обычно ложится на специальные службы: вместо предупреждения и ликвидации заговоров — организовывать их, вместо выявления преступников — укрывать их, вместо подавления терроризма — взращивать его, направлять, делать все более злым.

Секретные службы, рожденные во времена выхода Италии на тропу колониальных завоеваний и империалистического дележа территорий, в годы после второй мировой войны в значительной мере были приспособлены к интересам американского «большого брата». Процесс этот вряд ли можно считать завершенным. Он шел, несмотря на десятки реформ, переформирований, переименований служб итальянской разведки и контрразведки. Им предписывалась основная задача — служить США, даже если для этого надо было вести войну против собственного государства, его учреждений, парламента, партий.

Как гласил меморандум объединенной группы начальников штабов вооруженных сил США от 14 мая 1952 года, секретные службы союзных Вашингтону стран в Южной Европе должны были сконцентрировать усилия по выполнению плана «Димагнетайз» («Размагничивание», «Стирание») в отношении коммунистов Италии и Франции. «Ограничение власти коммунистов в Италии и во Франции, — говорилось в меморандуме, — является при-

оритетной целью: она должна быть достигнута *любыми средствами*» (курсив наш.— Л. З.). И еще: «О плане „Димагнетайз“ не должны знать правительства Италии и Франции, поскольку очевидно, что он может нарушать их национальный суверенитет».

В 60-е годы вмешательство США в дела других стран, включая союзные, было почти узаконено. ЦРУ совместно с руководителями крупнейших банков и корпораций США, представленных в могущественном Совете по международным отношениям, вырабатывающем основные линии внешней политики Вашингтона, разработали доктрину скоординированного вмешательства во внутренние дела других стран под флагом «защиты интересов» США.

«Новая доктрина,— писал в своих мемуарах один из ее авторов Генри Киссинджер,— оправдывала неограниченное вмешательство, имеющее целью произвести внутренние изменения в странах, которые не только не угрожали нашей безопасности, а даже могли быть союзниками Соединенных Штатов». В эти же годы в Греции к власти были приведены фашиствующие военные. На очереди стояла Италия. Учитывая, что в Испании и Португалии стояли у власти крайне правые режимы, переворот в Италии должен был завершить создание «черного пояса» на юге Европы под эгидой НАТО, США.

Вот почему в эти годы механизм «стратегии напряженности», дестабилизации внутренней обстановки в Италии действовал с особой активностью. Де Лутиис в своей книге приводит подробности, показывающие работу наиболее скрытой части механизма — спецслужб Италии, на которые натовский отдел «психологической войны» и ЦРУ возложили наиболее трудоемкие и грязные дела. В частности, ставилась задача наиболее крупные террористические акты, до того проводившиеся боевиками неофашистских организаций, тесно связанных со спецслужбами Италии, проводить под «левым» флагом. Общественности хотели внушить, что это «красные» осуществляют кровавые преступления во имя взятия власти и, мол, поэтому Италии нужен «твердый режим», «железная рука». То была линия на лишение страны демократических завоеваний, удар по левым партиям и профсоюзам, линия на установление прямой диктатуры монополий — ставленников США.

Фашисты Мерлино, Стефано, Делле Кьяйе, Фреда и Вентура и их сообщники организовывали взрывы, повлекшие большие человеческие жертвы, в ряде банков Рима и Милана, на железнодорожных вокзалах и в поездах. Совершались нападения на казармы пограничников.

Подобные акции инспирировались агентами секретных служб сначала под вывеской анархизма, затем группировок с левацкими названиями. Наиболее известны среди них «красные бригады».

Для облегчения манипулирования левацкими элементами были отловлены лидеры «красных бригад» и в их руководство внедрены лица, способные на самые жестокие провокации и убийства. Система под контролем так называемых «параллельных структур» — специальных отделов секретных служб — действовала изошренно и эффективно. Борьба с ней была крайне затруднительна, поскольку преступления организовывались самими «стражами безопасности», а преступники вывозились с фальшивыми паспортами за границу и ввозились, когда снова нужно было взрывать бомбы и устранять тех, кто мог раскрыть преступления. Список честных, исполняющих свой долг следователей, судей, юристов, уничтоженных бандами под «красными» вывесками, все удлинялся. Недаром руководитель секретной службы генерал-фашист Мичели однажды обронил фразу: «Отныне вы больше не услышите о «черном» терроре. Он будет „красным“».

Если говорить об основном нерве формирования внутренней политики Италии, то это был страх, страх правых сил однажды увидеть в правительственном большинстве коммунистов. Вот почему объектом заговора оказался лидер Христианско-демократической партии Альдо Моро — последовательный сторонник поисков взаимопонимания католиков и левых сил страны, поисков единения на базе отстаивания интересов Италии. Руководитель военной жандармерии и секретных служб генерал Де Лоренцо, многие годы готовивший государственный переворот (план «Соло»), собрал на видных итальянских деятелей 150 тысяч досье. Причем резидент ЦРУ в Риме Карамессинес обращал его особое внимание на сбор компрометирующих данных против Моро и его сотрудников. «Заботило» резидента и руководство Итальянской социалистической партии.

Похищение и убийство Моро весной 1978 года стали одной из высших точек волны политического террора. Устранение Моро руками боевиков «красных бригад» (выдрессированных в специальных лагерях итальянских секретных служб на Сардинии и в других местах) стало двойным ударом — по левым силам и по суверенитету Италии. Находясь в плену у похитителей, Моро, видимо, не питал иллюзий относительно того, кто стоит за спиной «красных бригад». В одном из писем, посланных коллегам по партии, он прямо говорит об «американском и западногерманском индикаторе» осуществленного против него заговора.

Де Лутиис вскрывает характерную особенность его зловещего механизма. Помимо, так сказать, профессиональных связей между итальянскими и американскими секретными службами, соответствующими службами НАТО, существовал еще один весьма специфический вид связи. Он проявился вместе с раскрытием заговора масонской ложи «П-2» в 1981 году. Тайное общество «вольных каменщиков» (масонов) оказалось каналом, через который осуществлялись операции, требовавшие особо тщательной маскировки и секретности, особо продуманной координации, выхода на самые разнообразные политические и общественные силы Италии, средства массовой информации и т. д.

С масонами связаны ведущие фигуры политического и финансово-экономического руководства многих стран Запада. Среди масонов, как правило, ответственные чины ЦРУ. Центр руководства филиалами тайного общества, разбросанными по многим континентам и странам, находится в США. События в Италии показали, как каналы масонства используются для оказания политического давления, для вмешательства через оккультные силы в дела стран союзников США. И не только их.

В Италии «вольные каменщики» стали проводниками экспансионистской линии США и даже приняли на себя организацию политического террора. Ложа «П-2» плела заговор против собственной страны, ее общественного устройства. Возглавил ложу агент американской военной контрразведки, бывший фашистский офицер Личо Джелли. В момент похищения Моро на Джелли была возложена обработка информации секретных служб, касающейся обстоятельств преступления. Внутри ложи под его руко-

водством работали все шефы секретных служб Италии, их помощники и доверенные лица. Ложа курировала и «параллельные» структуры секретных служб, напрямую служившие ЦРУ. Членами ложи являлись руководители министерства обороны Италии, лидеры ряда партий, депутаты, а также крупнейшие банкиры, промышленники, директора газет и журналов, радио и телевидения.

Этот «спрут» — так именуют в Италии систему тайных организаций, — протянул щупальца в жизненно важные центры страны. Он связан и с преступным миром, наемными убийцами. Хотя ложа «П-2» формально запрещена, мало кто из ее участников заплатился за пребывание в ней. Тайное олигархическое общество, защищающее привилегии привилегированных, сохраняет свое могущество, рычаги влияния.

Книга Де Лутиса интересна тем, что открывает такие тайники управления капиталистическим обществом, его невидимые центры, которые тщательно камуфлируются, скрываются от внешних взоров. В этом ее особая ценность.

Лоллий Замойский

Глава I

СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ И ФАШИЗМ

ПЕРВЫЕ ШАГИ

«Предается гласности существование наряду с гражданской полицией полиции военной, сфера деятельности которой не ограничивается только военной контрразведкой, а распространяется также на область политических взглядов и образа действий граждан и которая раскидывает свои сети, действуя абсолютно независимо от любой правительственной власти»¹. Эти слова Клаудио Тревеса, депутата-социалиста, члена парламентской комиссии, осуществлявшей контроль за деятельностью правительства во время первой мировой войны,— первое официальное свидетельство об «отклонениях от нормы» в работе секретной службы. К тому времени отдел военной разведки, созданный в 1863 году при генеральном штабе армии и опирающийся на небогатый опыт, накопленный в ходе третьей войны за независимость*, существовал уже 17 лет. Именно его можно считать первым отделом «Р» в истории Италии. Начальником отдела стал Эдоардо Дрике, усач полковник, родившийся в Будапеште в 1824 году. В 1848 году он уже сражался в рядах итальянцев за независимость. Будучи превосходно осведомлен о положении в Австро-Венгерской империи, владея многими европейскими языками, полковник оказался наиболее подходящей кандидатурой для руководства отделом «Р» в преддверии неминуемой войны между Италией и Ав-

* Имеется в виду третий, заключительный этап национально-освободительной борьбы итальянцев (вторая половина 60-х гг.—1871 г.), завершивший объединение страны.— *Здесь и далее примечания со звездочкой — переводчика.*

стрией. Однако в чем он не был специалистом, так это в закулисных интригах, царивших в генеральном штабе, жертвой которых и пал. Его сделали козлом отпущения, возложив вину за злополучные события под Кустоцкой и у Лисса*; в 1866 году его уволили, а отдел «Р» упразднили.

В течение последующих 34 лет о разведывательной военной службе не было слышно. В сентябре 1900 года отдел «Р» возродился. Руководить им назначили полковника графа Фаличе Де Куранд де Сент-Усташа, потомка знатного рода. Внешне отдел совсем не соответствовал высокому происхождению графа, располагаясь в трех-четырёх скудно мебелированных комнатах, затерявшихся в недрах здания министерства обороны. Столь низкие, что казалось, там нечем дышать, и столь темные, что электричество в них постоянно горело даже среди бела дня, комнаты имели выход во внутренний дворик².

В первые годы в подчинении шефа отдела «Р», несшего одновременно функции военной полиции и контрразведки, находились капитан—его секретарь—и всего один офицер-карабинер**. Зимой 1904 года «отдел усилили офицером экспериментальных курсов генерального штаба, но через некоторое время его отозвали»³.

В 1904 году полковник Винченцо Гариони, сменивший в июле 1902 года Де Куранда на посту начальника отдела, попросил дать в штат нескольких офицеров, но просьбу не удовлетворили.

Как видим, руководство отделом тогда еще осуществлялось довольно кустарно, хотя средствами он располагал по тем временам значительными. В 1902—1903 годах, по свидетельству генерала Де Росси, тогда капитана, сотрудника службы, бюджет отдела составлял 50 тысяч лир в год***. «И за эти деньги,—сетует, однако, генерал,—служба должна была добывать информацию,

* В ходе войны за присоединение к Италии ее северо-восточных областей, оккупированных австрийцами, 26 июня 1866 г. итальянские войска потерпели тяжелое поражение. Чуть позже, 20 июля, австрийцы основательно потрепали итальянский флот в сражении у острова Лисс.

** Особый род войск в Италии, нечто среднее между собственно армией и полицией. Исполняет функции двойственного характера: военные карабинеры—военная полиция и гражданские—охрана общественного порядка.

*** Почти 180 млн. лир по современному курсу (1984 г.)

выуживая секреты по всему миру»⁴. Не существовали ли уже в те годы и некие «черные» фонды, предназначенные для определенного рода деятельности?

Полковник Гариони вступил в должность, имея смелый план реорганизации отдела: за три года пребывания на своем посту он изобрел первый телеграфный шифровальный код, разработал новые инструкции для консульств за рубежом, предписания по цензуре печатных органов и их деятельности в военное время, правила сношения с осведомителями, подготовил план мобилизации отдела «Р» на случай войны и впервые организовал учебу офицеров, готовящихся для ведения разведки в приграничных районах. Об этом можно прочитать в книге, воскрешающей историю военной секретной службы вплоть до 1945 года, изданной СИФАР^{5*}

Несмотря на бурную деятельность, полковник не был по достоинству оценен потомками—генеральный штаб оставил нам лапидарное и безапелляционное суждение: «При всей своей доброй воле он ничего не добился»⁶.

Лишь при преемнике Гариони, полковнике Сильвио Негри, разведывательному отделу удалось продемонстрировать, на что он способен, тем более что и случай подвернулся—ливийская война**. Она-то и открыла широчайшие горизонты перед отделом «Р», который снабдил экспедиционный корпус данными о топографии, населении этой североафриканской страны, об обороне противника и его силах. Для этого отдел «Р» воспользовался помощью известных географов: в начале 1911 года ряд университетских преподавателей неожиданно для всех отправились в «научные экспедиции» в Триполитанию. Двигал же ими отнюдь не научный интерес: по заданию отдела «Р» географы должны были сделать детальные топографические карты Ливии для готовящегося десанта. Вся информация стекалась в отдел монографий и военных справочников генерального штаба, руководимого генерал-лейтенантом Карло Порро ди Санта

* Servizio informazioni forze armate (SIFAR)—Разведывательная служба вооруженных сил, так называлась военная секретная служба с конца 1949 г. до ее переименования в 1966 г.

** Имеется в виду итало-турецкая война 1911—1912 гг., в результате которой Италия отобрала у Турции Триполитанию—прибрежную полосу ливийской территории, и ряд других областей.

Марией. Отдел занимался сбором данных о работе тыловых служб, о передвижениях войск в зонах, представляющих стратегический интерес. Данные издавались в виде брошюр для сугубо служебного пользования.

Пик деятельности этой секретной службы пришелся на 1913 год. Тогда же она, с запозданием, была раскрыта разведслужбой австрийского генштаба — Эвиденцбюро. Кстати, к этому году относится и начало сотрудничества с отделом «Р» Чезаре Баттисти, автора многочисленных географических публикаций. С весны 1913 года по сентябрь того же года Чезаре Баттисти провел рекогносцировку провинции Тренто, находящейся тогда под юрисдикцией Австрии. Весной 1914 года он получает задание проделать подобную же работу в другой северо-восточной провинции — Больцано, но где-то в начале июля приходит приказ прервать эту миссию. 28 июня произошло покушение в Сараево*, и, очевидно, генеральный штаб посчитал рискованным оставлять в австрийском тылу столь ценного агента⁷.

В октябре 1912 года во главе разведывательного отдела встал полковник Розолино Поджи, который попытался добиться резкого увеличения бюджета (до 200 тысяч лир в год) и улучшения технической оснащенности службы, а также децентрализации ее структуры путем создания периферийных бюро в приграничных зонах⁸. Ему отказали. И все же задуманная Поджи реформа спешно была проведена в 1914 году, с началом мировой войны, так что к моменту вступления в войну Италии разведка уже имела семь своих бюро, действовавших вдоль северо-восточной границы. Но все это ни в какое сравнение не шло с размахом австрийской разведки — отдел «Р» не имел ни телефонно-телеграфного перехвата, ни шифровальной службы. Впрочем, война всего за несколько лет превратит отдел в разветвленную сеть, имеющую в своем распоряжении сотни людей.

Но это позже. А пока результаты деятельности службы не блестящи: австрийские диверсанты потопили броненосец «Леонардо да Винчи» и взорвали несколько фабрик, изготавливавших боеприпасы, в Анконе и Генуе.

* 28 июня 1914 г. был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Фердинанд, что послужило поводом к развязыванию первой мировой войны.

Более того, грызня между разведывательной службой и смежными службами генштаба и других ведомств не могла не дать плачевных результатов. Это подтверждает уже упомянутая книга СИФАР. «Множество причин, и среди главных — выпячивание своих заслуг, дух фронды и нетерпимости, усиленный очевидными разногласиями между отделом «Р», отделом ситуаций генштаба... соответствующими отделами Верховного командования обусловили неприятные последствия, которые удалось устранить только к концу войны»⁹.

Кстати, еще один феномен этого периода: умножение числа разведывательных отделов. Руководствуясь «патристическими целями», каждое министерство спешит создать собственную службу «Р». «Наши организационные недостатки побудили создать большее количество разведывательных служб, подчиненных министерству внутренних дел, президиуму Совета министров, министерству военных дел, министерству военного флота и Верховному командованию. Таким образом, немногие, действительно ценные кадры были рассеяны, и их энергия в значительной степени растрачивалась в постоянном соперничестве, конкуренции, ревности, наносивших огромный ущерб интересам Службы»¹⁰.

К этому времени относится и начало телефонного подслушивания. В книге СИФАР этот факт констатируется с гордостью, но одновременно не без сетований на имевшееся сопротивление. «В структуре Службы спешно создавалось подразделение подслушивания телефонных разговоров. Первые результаты его деятельности, пока еще кустарной и ограниченной из-за неизбежного неприятия нового и скептицизма вышестоящих органов, не соответствовали темпам общего совершенствования организации»¹¹.

5 сентября 1916 года — спустя год после назначения начальником отдела полковника Джованни Гаруччо — проведена первая крупная реформа в области разведки: сделана попытка четко разграничить функции отдела «Р» и отдела ситуаций и боевых операций Верховного командования, поручив последнему всю область армейской разведки. За отделом «Р», с этого момента получившим название «разведывательная служба Верховного командования», остается сбор информации в тылу и за границей. Освобождается он и от контрразведывательных функций,

передающихся новому отделу — контрразведки и военной полиции, — который тотчас же начинает выходить за рамки определенных для него задач. Подтверждение этому мы найдем все в том же издании СИФАР. «Отдел контрразведки и военной полиции поставил себя в двусмысленную ситуацию, вопреки своим прямым обязанностям проникал в области, считающиеся исключительной компетенцией других аппаратов, особенно гражданских»¹². Речь идет не столько о «проникновении», сколько о самой настоящей противозаконности, о чем и говорил депутат Тревес в уже цитированном на первой странице выступлении в палате депутатов парламента.

Реформой 1916 года впервые в истории секретных служб Италии был организован также экономический отдел, который заменил существовавший ранее самостоятельный центр со штаб-квартирой в Париже, чья миссия состояла в пресечении военной контрабанды¹³.

Таков был аппарат разведки и контрразведки, каким располагала Италия к моменту событий под Капоретто*.

Вина за поражение, разумеется, была возложена и на разведслужбу, хотя последняя добыла массу информации, говорящей о предполагаемом наступлении австрийцев, однако генштаб не принял предупреждения всерьез. Полковник Дука, на год посаженный за решетку за то, что осмелился послать нескольким министрам докладную записку с критикой действий генштаба, пишет: «Донесения Отдела разведки и Отдела ситуаций, несмотря на содержащиеся в них данные о концентрации австрийских войск в Трентино, всерьез не принимаются, и следует вывод, что это ложный маневр. И хотя там скопилось уже от 14 до 18 дивизий, относятся к этому как к шутке»¹⁴.

Тем не менее считалось, что разведывательная служба в результате учиненного расследования отделалась меньшими нареканиями, чем она того заслуживала. Разведка оправдывалась тем, что полковник Одоардо Маркетти к моменту поражения под Капоретто руководил ею меньше двух месяцев, и посему вряд ли можно возлагать вину на него, а следовательно, и на службу. К тому же, несмотря на проведенную реформу, сохранились взаимное недове-

* В октябре 1917 г. австрийские войска в сражении под Капоретто нанесли итальянцам тяжелое поражение, которое едва не вывело Италию из числа воюющих стран.

рие и соперничество между разведывательной службой и генеральным штабом. И если высшие чины вооруженных сил еженедельно собирались у заместителя начальника генштаба (в этих встречах иногда принимали участие премьер-министр и некоторые члены правительства), то шеф разведслужбы получил право присутствовать на них только в последние месяцы войны.

Чем служба особенно гордилась, так это организацией психологической работы в войсках: с этой целью в частях были созданы специальные отделы «П», каждый из которых «рекрутировал» какое-то число инвалидов войны для выполнения почетной миссии — поднять боевой дух солдат, изрядно упавший после печальных событий под Капоретто. Для содержания этого небольшого войска пропагандистов, которых цветистая лексика того времени окрестила «святым легионом», Верховное командование, как говорилось, «не скупилось в средствах»¹⁵, но, конечно же, сражавшиеся солдаты так никогда и не узнали, что «святой легион» щедро оплачивался разведотделами.

Одоардо Маркетти руководил разведывательной службой до конца 1919 года, затем до февраля 1921 года на этом посту находился полковник Камилло Калеффи. Сменивший его Атилло Виджевано заслуживает особого упоминания: офицер альпийских стрелков, начальник разведотдела 4-й армии, автор ценных исторических исследований¹⁶, он принял руководство службой в очень сложный момент и оставался ее главой, пережив множество трудностей, до апреля 1926 года. Джакомо Карбони так говорит о нем: «Атилло Виджевано стал начальником СИМ* и в определенной степени преобразовал ее, поставив на солидную основу. СИМ обязана ему тем, что, пустив прочные корни, смогла противостоять всем превратностям фашистского двадцатилетия. Не будучи в состоянии скрыть антипатию к фашизму, Виджевано вынужден был в 1926 году оставить пост руководителя службы, после чего для нее наступил тяжелый период упадка и гонений, едва не уничтоживших ее»¹⁷.

В октябре 1925 года, через 10 месяцев после речи Муссолини, в которой практически провозглашалось установление диктатуры, военная секретная служба была

* Servizio informazioni militari (SIM) — служба военной разведки; так стала называться военная секретная служба с октября 1925 г.

реорганизована в соответствии с новыми задачами: королевским декретом № 1809 от 15 октября структура СИМ обновлялась и расширялась. 18 месяцев спустя еще одним королевским декретом от 6 февраля СИМ передавалась в прямое подчинение начальника генерального штаба.

ОВРА*: НАЧАЛО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ ДЛЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

На тот же период приходится и перестройка информационных служб министерства внутренних дел — в соответствии с задачами тайной политической полиции фашистского режима.

Еще в 1880 году был учрежден первый политический отдел при секретариате генеральной дирекции общественной безопасности. В 1906 году он стал называться тайным отделом. В конце первой мировой войны был образован центральный следственный отдел, координировавший свои действия с разведслужбой генштаба при организации облав на дезертиров, выявлении и преследовании «групп, содействующих дезертирству, снабжающих дезертиров фальшивыми медицинскими документами для освобождения последних от воинской службы или же оставления их при складах, а то и дома»¹⁸.

С окончанием войны, в 1919 году, была перестроена вся система тайного сыска, в результате чего возникли два подразделения отдела общих и тайных дел: общественного порядка и иностранное. Первому подчинялась центральная политическая картотека, созданная еще в 1896 году. Таким образом, 1919 год можно считать годом рождения отдела тайных дел в том виде, в каком он просуществовал до 1974 года.

В 1927 году последовала новая реорганизация: к двум действующим подразделениям добавилось третье — подрывных движений. В подчинение новому отделению, помимо центральной картотеки, были переданы секция политических ссылок и ОВРА — тайная политическая полиция фашистского режима, — сформированные в конце 1926 года. Реорганизация началась на основании закона

* Opera vigilanza repressione antifascismo (OVRA) — институт надзора за антифашистским движением и его подавления.

№ 2318 от 31 декабря 1925 года, вступившего в силу без голосования в парламенте. Позже, 6 ноября 1926 года, был принят королевский декрет № 1848, которым утверждалась новая единая структура общественной безопасности. Среди главных пунктов декрета — учреждение политической ссылки.

В 1930 году новым начальником отдела общих и тайных дел назначается Кармине Сенизе, а шефом полиции еще раньше, в 1926 году, становится Артуро Боккини, остававшийся на этом посту в течение 15 лет. Его приход в Виминал* совпал с небывалым ростом секретных денежных фондов, переданных в распоряжение полиции. Согласно некоторым источникам, они возросли с 3 до 50 миллионов лир, то есть на 1500%. Даже если эта цифра кажется невероятной (соответствующий рост фондов СИМ с 2 до 4 миллионов лир приветствовался как громкая победа Роатты, шефа военной разведки с 1934 года), несомненно одно: ОБРА имела в своем ведении огромнейшие суммы для оплаты услуг тысяч тайных осведомителей. «Среди них можно было встретить... журналистов, которые, если судить по их статьям, пренебрегали презренным металлом; бывших офицеров... известных педагогов, целиком погруженных в философские формулы; женщин всех возрастов и социальных слоев — от кокотки высокого пошиба до честной генеральской вдовы; старого кулуарного интригана, получающего деньги от всех правительств, и прелата, даже в ранге кардинала»¹⁹.

Шеф ОБРА Гуидо Лето свидетельствовал позже, что в центральном аппарате организации работало около 80 функционеров и 600 агентов, руководивших тысячами тайных и надежных осведомителей.

Уточненные данные приводит Терсильо Боргезе, агент СИМ: «ОБРА руководили 11 генеральных инспекторов общественной безопасности, которые имели в своем распоряжении 6 квесторов**, 4 их заместителей, 15 старших комиссаров, 31 помощника комиссара, 176 унтер-офицеров и отборных агентов общественной безопасности»²⁰.

* Старинный римский дворец, в котором размещается министерство внутренних дел.

** *Квестор* — начальник полицейского управления.

СИМ

Как мы уже видели, и военная секретная служба подверглась реконструкции. 15 октября 1925 года королевским декретом № 1809 учреждалась СИМ—служба военной разведки. Руководителем службы оставался Атилло Виджевано, но поскольку он впал у властей в немилость, то в апреле следующего года был уволен. Шефом СИМ стал полковник Карло Барбьери, руководивший службой до июня 1927 года.

Луиджи Тозелли занимал этот пост с июля 1927-го по июнь 1929 года. В первых числах июля 1929 года службу возглавил Марио Верчеллино, произведенный в 1930 году в бригадные генералы и остававшийся в должности шефа службы до 31 декабря 1931 года. То был первый случай, когда у руля разведотдела стоял генерал. После войны это станет традицией. В январе 1932 года начальником СИМ назначается полковник Витторио Соньо, проработавший до января 1934 года. Короче говоря, в эти годы руководство военной разведки меняется часто. Вероятно, Муссолини опасался, что длительное пребывание на такой ответственной должности одного человека могло способствовать появлению сильного соперника.

Об этом этапе истории секретной службы имеется очень мало сведений, и, стало быть, довольно трудно судить, до каких пределов простиралось ее сотрудничество с фашистским режимом: то есть запятнала ли себя СИМ уже в те годы участием в тяжких преступлениях или это случилось лишь в последующие годы, когда ее возглавил Марио Роатта. Возможно, первым руководителям службы удалось избежать участия в явно противозаконных акциях, но, с другой стороны, вряд ли можно думать, что деятельность СИМ могла быть радикально переориентирована в течение всего лишь года, после того как у руководства встал Роатта, уже давно занимавший в разведслужбе высокие должности. Очевидно одно: его назначение в январе 1934 года было воспринято с большим удовлетворением в среде не обремененных совестью агентов и осведомителей²¹.

Два месяца спустя он добился удвоения фондов, находящихся в распоряжении СИМ, с 2 до 4 миллионов лир ежегодно, и его популярность резко возросла. Именно при Роатте СИМ сделала качественный скачок, пере-

став быть только аппаратом разведки и контрразведки и приобретя все худшие черты, характерные для современных секретных служб. В соответствии с новыми задачами была приведена ее структура: количество отделов возросло с 5 до 7. В частности, под ее контроль перешли центры телефонного подслушивания и военный атташат за рубежом. Был усилен и третий отдел — контрразведка. Его начальником был утвержден полковник Джузеппе Пьекé, руководивший им до 1932 года.

И это тоже симптом новой ориентации служб. Третий отдел ведал внутренней безопасностью, следовательно, служил инструментом слежки за оппозицией в стране. Его прерогативы сохранятся, как станет ясно, и после второй мировой войны, когда отдел будет переименован в отдел «О» (оборона).

Худощавый, с пронзительным взглядом за стеклами круглых маленьких очков, Роатта в 1937 году отметил свое 47-летие. Беспредельно честолюбивый, он скажет о себе позже: «Я никогда не был ни фашистским, ни антифашистским генералом, я был просто генералом итальянской армии. Ни цвет, ни форма правительства меня никогда не интересовали»²². Признание в целом искреннее, так как единственное, чем интересовался Роатта,—собственная карьера, и с этой точки зрения понятны тесные дружеские связи генерала с восходящей звездой фашизма Галеаццо Чиано, чванливым фаворитом дуче.

УБИЙСТВО БРАТЬЕВ РОССЕЛЛИ*

Именно в союзе Чиано—Роатта родился замысел убить Карло Росселли. Но это преступление было лишь одним из звеньев цепи «специальных операций» длиной в несколько лет. В 1945 году об этом многое расскажет преемник Пьекé на посту шефа контрразведки с 1936 по 1941 год, полковник Санто Эмануэле²³.

11 июня 1937 года обезображенные трупы Карло и Нелло Росселли будут обнаружены на окраине нормандского городка Баньоль-сюр-Орн за придорожной изго-

* Лидеры организации итальянских эмигрантов-антифашистов «Справедливость и свобода».

родью. Оба антифашиста ехали к городку, когда, вероятно под каким-то предлогом, их остановили пассажиры другой машины. Карло был убит сразу же, как только вышел из автомобиля. Его брат Нелло был намного сильнее, отчаянно сопротивлялся и рухнул лишь после того, как удары нападавших превратили его лицо в кровавое месиво.

Только в 1945 году магистратура* смогла с достаточной точностью восстановить события, предшествовавшие преступлению. Тот же Эмануэле в момент ареста признался, что был втянут в двойное убийство. «Не знаю точно, кем было принято крайнее и жестокое решение о судьбе Карло Росселли, но однажды во время ежедневного визита к начальнику СИМ—тогда им был полковник Паоло Анджои—я получил приказание поручить моим подчиненным исполнение спущенного сверху распоряжения об убийстве Карло Росселли»²⁴.

Случайная находка судебным следователем в архивах секретариата министерства военных дел досье Эмануэле окончательно прояснила картину: в папке имелось большое количество донесений, среди которых два—одно от 29 января, другое от 3 февраля 1937 года—адресованы Эмануэле генералу Роатте, в них содержался план террористических акций на ближайшие месяцы. В первом донесении перечислялись «специальные операции», которые полковник оценивал как легко выполнимые. Из второй части донесения следовало, что он брал на себя координацию и руководство ими. Туринскому центру контрразведки, возглавляемому майором Навале, поручалась практическая организация этих акций. Некий «Франческо» получил задание по выполнению всех «специальных операций». Эта таинственная личность была расшифрована в судебном процессе: ею оказался служивший в СИМ лейтенант корпуса карабинеров Манлио Петраньяни, который был арестован 15 ноября 1944 года²⁵.

Как развивались операции, ясно вытекало из второго донесения, датированного 3 февраля 1937 года. Текст содержал много поправок, сделанных от руки. На допросе 6 ноября 1944 года полковник Эмануэле признал, что правка делалась им в тексте, отпечатанном майором

* Городское судебное управление.

Навале. Донесение практически представляло собой длинный список распоряжений для «Франческо», среди которых было, например, приказание изучить «возможность спровоцировать эпидемию в Барселоне или в пограничной с Францией зоне с целью вызвать этим закрытие франко-испанской границы по санитарным причинам... Завербовать кого-нибудь из сотрудников Красно-го Креста в Марселе для подбрасывания в доставляемые на склады провиант и материалы соответственно «подготовленных» партий товаров якобы от лица неких подрывных организаций, как итальянских, так и иностранных». Последняя часть донесения содержала предварительные распоряжения к организации убийства Карло Росселли и еще одного человека. «Постарайся узнать, где в настоящий момент находится известный тебе Бономи-ни, с целью его устранения». Эмануэле на полях уточняет: «Он довольно быстро выполнил порученное ему задание, выяснив все насчет Бономини, облегчив нам тем самым разработку детального плана операции»,—затем добавляет: «Подобную предварительную работу он сделал и по Росселли»²⁶.

На том же допросе Эмануэле подтвердил все, что содержалось в донесении. «В 1937 году от полковника Паоло Анджой я получил приказ разработать план актов саботажа, распространения эпидемий и устранения не-угодных лиц во Франции и Испании. Я выполнил задание с помощью моих сотрудников, прежде всего из туринско-го центра, возглавляемого майором Роберто Навале... Должен обратить внимание, что все было сделано с полного согласия командования СИМ, более того, по приказу начальника СИМ, каковым в то время являлся генерал Роатта. Он же, будучи одновременно команду-ющим итальянским экспедиционным корпусом в Испа-нии*, осуществлял руководство СИМ через полковника Анджой. Между ними была тесная связь и полное взаимопонимание».

Определенный интерес представляет содержащаяся в донесении шкала расценок, соответствующих разным видам актов насилия, а также компенсаций агентам, оказавшимся в «неприятной» ситуации.

* «Вклад» фашистской Италии в совместную с гитлеровской Герма-нией и испанской фашистской реакцией антинародную войну в Испании.

Вот эти расценки: «...за уничтожение парохода — 25 тысяч лир; за уничтожение паровоза или организацию крушения эшелона — 15 тысяч; за уничтожение грузевого товарняка, стоящего на станции, — 5 тысяч; за уничтожение грузовика с людьми — 10 тысяч, с материалами — 5 тысяч; за распространение инфекционных заболеваний или нанесение вреда произведениям искусства, разрушение железных дорог и т. д. оплата будет соизмеряться с полученным результатом...

В случае «неприятностей», завершившихся арестом, каждый агент знает, что его семье будут перечисляться прожиточные средства вплоть до его освобождения. В случае смерти компенсация составит 50 тысяч лир».

Дальше Эмануэле подробно перечисляет: «В случае инцидента я условился перечислять семье агента — анонимным путем — следующие суммы: за арест на срок не более 5 месяцев — 5 тысяч лир; за арест и осуждение на срок менее 10 лет — 10 тысяч, более 10 лет — 25 тысяч; в случае гибели — 50 тысяч лир».

Отвечал за организацию «специальных операций», как мы уже знаем, туринский центр контрразведки. Среди других периферийных центров СИМ он наиболее хорошо снабжался и финансировался, так что имел возможность открыть в Сан-Ремо бар-варьете «Исланда», по имени его управительницы, а также дом свиданий²⁷.

Навале тотчас приступил к делу: донесение, направленное им Эмануэле после первых контактов с кагулярами, являет собой наиболее неопровержимые улики против обоих, ибо в нем содержится большое количество подробностей, включая оговоренное вознаграждение за убийство Росселли — не в деньгах, а в льготах на приобретение 100 карабинов²⁸.

Как только убийство было совершено, Эмануэле вызвали в министерство иностранных дел. «Вспоминаю, что по получении известия об убийстве меня вызвал в министерство иностранных дел посол Анфузо, который потребовал подробного отчета. В его кабинете я увидел также Галеаццо Чиано, и он тоже интересовался деталями операции. Однако мне нечего было сообщить до прибытия майора Навале, которого я приказал вызвать как можно быстрее. Прибыв в Рим на следующий день, майор Навале рассказал, как развивались события, и уточнил, что он воспользовался помощью французов, в

частности кагуляров... Я все подробно передал Чиано и послу Анфузо и должен сказать, что их реакцию можно было расценить как удовлетворение, смешанное с озабоченностью за последствия. Таким образом я удостоверился, что приказ, переданный мне полковником Анджои, исходил именно от Анфузо. У меня создалось также впечатление, что Муссолини не в курсе дела, потому что оба были особенно обеспокоены тем, как он среагирует на происшедшее. Позже Чиано домогался через Анджои моих подтверждений, что преступление совершено исключительно французами (которые, впрочем, на самом деле взяли на себя ответственность за убийство и молчали о сговоре и о мандате, полученном от майора Навале)»²⁹.

Это заявление Эмануэле вместе с приведенными выше документами рисуют исчерпывающую картину происшедшего. Правда, вызывает сомнение утверждение, что, дескать, Муссолини был не в курсе дела. Если же все обстояло действительно так, как говорилось выше, факт организации убийства служит наглядным примером стремления секретной службы, или особых центров власти, реализовывать собственные инициативы без контроля со стороны государственных властей.

Ордер на арест от 6 декабря 1944 года, которым привлекались к ответственности Роатта, Анджои и Эмануэле вместе с рядом их сотрудников, дает ясное впечатление о работе СИМ в те годы. Это цепь убийств, покушений, организованных кораблекрушений, железнодорожных катастроф, поджогов зданий и кораблей, заражения источников с целью вызвать эпидемии³⁰. И это при том, что многое из задуманного еще не удалось осуществить из-за плохой организации и исполнения.

15 апреля 1937 года Марио Роатта был освобожден от командования экспедиционным корпусом в Испании, оно было поручено генералу Бастико, но и не вернулся на свой пост в СИМ, которой в его отсутствие руководил полковник Анджои. 30 июня он передал должность полковнику Трипиччоне³¹.

СИМ ТРИПИЧЧОНЕ

Будучи по своему характеру полной противоположностью Роатте и, видимо, встревоженный тем, что ему стало

известно о делах предшественников, Донато Трипиччоне, как свидетельствует Джакомо Карбони, решительно ограничил деятельность СИМ, превратив ее в «беспольную контору по сбору газетных вырезок»³². Разумеется, это утверждение надо понимать иносказательно уже потому, что Санто Эмануэле оставался шефом контрразведки все то время, когда Трипиччоне руководил СИМ. Как бы то ни было, в этот период, по словам того же Эмануэле на процессе Роатты, «спецслужбы» пусть неофициально, но фактически перешли в прямое подчинение к заместителю министра военных дел, которым в те годы являлся генерал Париани. Это заявление — официальное свидетельство существования «особой» службы, целиком посвятившей себя незаконной деятельности.

О том, что такая служба существует, часто упоминалось в ходе процесса над генералом Роаттой. Настолько часто, что председатель суда потребовал от подсудимого разъяснений, не добившись, однако, вразумительного ответа³³.

Несколько лет спустя бывший глава СИМ в мемуарах туманно намекнет на эту службу, естественно, стремясь приуменьшить ее значимость. «На самом деле никаких «специальных» служб не было в рамках СИМ (или, точнее, в третьем отделе), за исключением разве что скромнейшего по своим задачам отделения подделки документов, изготовления отмычек и так далее»³⁴.

Трипиччоне руководил СИМ до августа 1939 года. Его наследником стал Джакомо Карбони³⁵, первый глава службы — генерал. Его личность позже окажется в центре жесткой полемики по вопросу об ответственности и за неудавшуюся оборону Рима 8 сентября 1943 года*. Джакомо Карбони еще ждет окончательной оценки историками своей роли. В послевоенные годы, в обстановке всеобщей подозрительности, он осторожно сблизился с левыми силами, и верные ему люди в секретной службе оказали помощь ряду журналистов, в частности Руджеро Дзангранди, в разоблачении беззаконий, творимых СИФАР.

* Заключив 3 сентября 1943 г. перемирие с союзниками, Италия тем самым разорвала свои отношения с Германией. В ответ северная и центральная части страны были оккупированы немцами. 8 сентября, прорвав оборону итальянцев, гитлеровцы вошли в Рим.

Период работы Карбони характеризуется его непрекращающимися стычками с полковником Эмануэле, который, имея сильную протекцию, с трудом выносил свою зависимость от главы СИМ. Еще в бытность Трипиччоне шеф третьего отдела частенько согласовывал свои действия через голову начальника непосредственно с заместителем министра военных дел Париани. Юридически, однако, все оставалось без изменений, так как вписывалось в определенный порядок: заместитель министра являлся одновременно начальником генерального штаба армии, которому и подчинялась СИМ, хотя за оперативную работу отвечал руководитель разведслужбы.

В самом начале своей деятельности на этом посту Карбони соответствующим циркуляром санкционировал, неизвестно, правда, по своей ли воле, самостоятельность отдела контрразведки³⁶. Но несколько месяцев спустя, осознав, вероятно, что эта «автономия» Эмануэле грозит перейти все границы, сменил курс и начал широкомасштабный маневр с целью восстановить контроль над третьим отделом. Для начала он проинспектировал периферийные центры контрразведки и обнаружил то, что и так знал: работа Эмануэле в рамках официальной деятельности отдела была малоэффективной. Целиком поглощенный «специальными операциями» в Испании и во Франции и личными нелегальными торговыми аферами, беззащитный полковник полностью запустил дела военной контрразведки.

Затем Карбони отправился к заместителю министра военных дел генералу Содду и потребовал незамедлительного отстранения Эмануэле с поста шефа контрразведки. Однако Эмануэле, должно быть, уже принял меры предосторожности, потому что Содду хоть и признал крайнюю серьезность выводов Карбони, тем не менее изобрел «смягчающие обстоятельства» в поступках Эмануэле, напомним о его «заслуге» в организации убийства Росселли, а затем раскритиковав кандидатуру, предложенную главой СИМ вместо Эмануэле.

Несколько дней спустя уже официальным письмом Карбони потребовал убрать полковника из службы³⁷. В течение трех месяцев шло выяснение, «кто кого» в противоборстве Карбони—Эмануэле; последний, заручившись поддержкой Содду, Чиано, Роатты и Анфузо, сопротивлялся изо всех сил.

Их борьба закончилась неожиданно. Содду принял беспрецедентное решение: контрразведка была выделена из СИМ в самостоятельную службу под названием «военная контрразведка и специальные службы» (КСМСС). То, что де-факто случилось при Трипиччоне, отныне закреплялось де-юре. Реакция Карбони была незамедлительной: 27 апреля 1940 года, то есть через три дня после оглашения циркуляра Содду, он ответил короткой телеграммой, бывшей, по сути, рапортом об отставке.

Содду сейчас же пригласил начальника СИМ, умоляя его не настаивать на своем решении, поскольку он, Содду, прибегнул к такой мере под давлением Анфузо, и заверил, что в течение двух-трех месяцев уволит Эмануэле и вернет контрразведку в лоно СИМ. Карбони был озадачен сказанным, но, уступив настойчивым уговорам заместителя министра, согласился остаться на своем посту в обмен на торжественное обещание, что через некоторое время контрразведка (точно!) вернется под его юрисдикцию.

Прошло еще четыре месяца, и Карбони, настояв на визите к Содду, в ультимативной форме опять поставил вопрос о контрразведке. В ответ на новые увертки заместителя министра генерал решительно заявил о своей отставке. Отставка была принята, а начальником СИМ назначен Чезаре Амэ³⁸, бывший до того заместителем Карбони.

Но звезде полковника Эмануэле не суждено было сиять долго. Она начала меркнуть с уходом Содду с поста заместителя министра военных дел. Его преемник, генерал Гуццони, воспользовавшись вскрывшимся фактом незаконного присвоения полковником 100 тысяч лир, уволил его из секретной службы 5 января 1941 года. Итак, Эмануэле руководил контрразведкой в течение 5 лет. Покидая кабинет, предусмотрительный полковник прихватил с собой несколько мешков секретных документов. В свидетельских показаниях на процессе Роатты Чезаре Амэ утверждал, что впоследствии служба снова завладела этими документами, но его свидетельство сомнительно: во время их пропажи именно Амэ руководил СИМ и не в его интересах было разъяснять истинное положение вещей.

Место Эмануэле в третьем отделе занял полковник Винченцо Тоски. Тандем Амэ — Тоски руководил СИМ в

течение всего периода войны на стороне Германии. В послевоенные годы Амé издаёт книгу, в которой воскрешает в памяти тот этап³⁹. В книге он попытается вызвать уважение к собственной персоне как к добросовестному солдату, прилагавшему все усилия для выполнения долга, несмотря на отсутствие помощи и внимания со стороны военных и политических иерархов. И ни одной строки, которая проясняла бы идеологические убеждения нашего героя, как будто в те годы он усердно служил нормальному парламентскому правлению, а не фашистскому режиму.

С другой стороны, достаточно показательным, что Амé никогда не выпячивал тот факт, который, быть может, является его наибольшей заслугой: именно он в 1944 году внушил судебному следователю из Верховного комиссариата по расследованию фашистских преступлений первые подозрения об ответственности Эмануэле за убийство Росселли.

Когда Амé принял руководство службой, Италия уже три месяца как воевала, имея четыре разведывательные службы, действующие независимо друг от друга: СИМ (армейская разведка), СИС (секретная разведслужба военного флота), СИА (разведслужба авиации) и КСМСС (контрразведка)⁴⁰. Абсурд, породивший множество гротесковых ситуаций и эпизодов, таких, как, например, взаимная слежка и взаимные аресты. Литература по этому поводу обширна и разнообразна и представляет собой истинно итальянскую вариацию классической шпионской литературы, в которой двусмысленности подобного рода почти обязательны. Порой, правда, дела принимали не столь уж комический оборот, выливаясь в открытую конкуренцию между различными «приходами». Например, в Специи агент СИМ, следивший за несколькими иностранцами, занимавшимися шпионажем в порту, был в свою очередь выслежен и изгнан из порта сотрудниками флотской контрразведки. К тому же глава морского ведомства заявил по поводу «вмешательства в его дела» решительный протест генеральному штабу, которому подчинялась СИМ.

Положение и впрямь сложилось весьма странное, что повлекло за собой изменения, следовавшие одно за другим в фарсовой форме: менее чем за три года структурные перестройки прошли пять раз! Первая, как

нам известно, заключалась в создании КСМСС, вторая — в ее упразднении. Третья реформа была проведена 10 июня 1941 года, в результате чего СИМ, бывшая до сих пор органом армии, перешла в подчинение Верховного командования. Четвертая — произошла 1 ноября 1941 года и касалась создания СИЕ — разведывательной службы армии. И, наконец, реформой от 10 октября 1942 года вся контрразведывательная деятельность была сосредоточена в руках СИМ, с упразднением соответствующих отделов в СИА и СИС.

Последний шаг был наиболее логичным и должен был положить конец — как надеялись его инициаторы — конкуренции, взаимным слежке и арестам. Если принять во внимание, что все происходило в разгар войны, можно вообразить, как это отражалось на деятельности втянутых в междоусобицу разведслужб. К ним добавлялись и плодившиеся как грибы после дождя собственные разведслужбы крупнейших фашистских бонз, также следивших друг за другом. Например, Муссолини, имевший собственную секретную службу при президиуме Совета министров, поручил генералу Джузеппе Пьекэ установить тайный контроль за деятельностью органов разведки режима, то есть «шпионить за шпионами»⁴¹.

В феврале и июне 1943 года произошли еще две небольшие перестройки. Первая состояла в том, что СИМ передавались функции координации и руководства отделами «Р» всех воинских подразделений. Но верхушке службы этого показалось мало: 5 мая она потребовала передачи в ее руки монополии на сбор разведанных и за пределами Италии. Просьба была удовлетворена, и приказом от 1 июня СИМ стала «хозяйном» зарубежной разведсети и руководителем всей разведывательной деятельности общего характера.

В таком виде служба подошла к 25 июля*, действуя в атмосфере взаимного глубокого недоверия: заговорщики из Большого фашистского совета** считали неосмотритель-

* В этот день по решению своих бывших единомышленников и по приказу короля Муссолини был арестован и фашистский режим заменен военно-монархической диктатурой во главе с генералом Бадольо, ставшим премьер-министром.

** Состоявший из крупных функционеров фашистской партии и высокопоставленных чиновников Большой фашистский совет, формаль-

тельным заранее информировать Амэ о своих планах. Он не был предупрежден даже тогда, когда в первых числах августа Верховное командование стало готовить кое-какие меры безопасности на случай внезапного вторжения немцев.

Ситуация тем более парадоксальная, что адмирал Канарис, шеф секретных служб третьего рейха, убежденный в неизбежном падении Гитлера и ожидавший его, вечером 2 августа по прибытии в Венецию отвел Амэ в сторону и сказал: «Примите самые горячие поздравления, мы тоже желаем себе скорейшего прихода нашего 25 июля»⁴². Утром 3 августа начались официальные переговоры: «Амэ заверил в «непоколебимом желании» Италии продолжать войну на стороне Германии. Канарис сделал вид, что искренне верит в это и попросил запротokolировать взаимопонимание сторон. В полдень обе делегации совершили поездку на Лидо. Дав указание сопровождающим сотрудникам оставить их с глазу на глаз, оба шефа разведок прогуливались по пустынному пляжу. Когда они отошли метров на сто, Канарис возобновил прерванную накануне вечером беседу и, демонстрируя полную осведомленность о предстоящем выходе Италии из войны, долго рассказывал Амэ о желании многих офицеров рейха устранить Гитлера. Завершая беседу, Канарис предупредил: «Послушайте меня—сделайте все, чтобы в Италию вошло как можно меньше немецких войск, в противном случае вам придется несладко»⁴³. Амэ, однако, не разделял волнений и надежд Канариса, связанных с освобождением Германии и Италии от обоих диктаторов. Позднее, в мемуарах старого генерала, Канарис на встрече в Венеции характеризуется как излишне «возбуждаемая личность», которую политический азарт «вынудил преступить границы долга и воинской чести».

Посвященный в заговор против Гитлера, но не играя в нем никакой роли, Канарис тем не менее был арестован—за то, что не донес о нем начальству. Он избежал участи других заговорщиков, вероятно, в силу большого уважения, которое, несмотря ни на что, вызывал. Однако

но являвшийся высшим партийным органом, на деле представлял собой орган административно-правового характера, контролирующий все сферы жизни Италии.

у него были могущественные противники: Гиммлер и прежде всего Кальтенбруннер, давно пытавшиеся удалить адмирала из абвера, чтобы затем слить абвер с гестапо.

Впрочем, Германия уже проиграла игру, и, находясь в лагере Флоссенбург под Нюрнбергом, Канарис, видимо, еще надеялся, что ему удастся спастись. В последний момент кто-то вспомнил о нем — он слишком много знал, для того чтобы попасть живым в руки врага. Утром 9 апреля 1945 года — американские войска уже продвигались по Германии — в камеру, где Канарис сидел все эти месяцы, вошло несколько эссесовцев. Через некоторое время оттуда послышались душераздирающие крики, затем наступила тишина. «И вскоре еще агонизирующего, почти полностью раздетого Канариса проволокли по коридору во двор, сбросили с невысоких ступенек на землю, к основанию наскоро сколоченной виселицы и повесили».

После встречи в Венеции Амé еще две недели оставался у руля СИМ, а затем, 18 августа, приказом Бадольо был отстранен от должности. Руководство службой было передано назначенному правительством комиссару Джакомо Карбони, остававшемуся на этом посту до 8 сентября*.

К этому моменту в составе СИМ действовали два новых специальных отдела: один — для пресечения действий «пятой колонны» фашистов в столице, другой — для выявления фашистских элементов в армии. Начальником первого назначили полковника Винченцо Тоски, помощником — подполковника Фага, его сотрудника по контрразведке. Руководство другим отделом было поручено подполковнику Манфреди Таламо. Однако работа новых отделов оказалась малоэффективной. Бадольо отдал распоряжение начальнику полиции Сенизе предпринять ряд охранных мер против возможных фашистских выступлений и, видимо, не доверяя успокоительному отчету последнего, приказал через Карбони главнокомандующему корпусу карабинеров Черике арестовать всех подозреваемых лиц. Ситуация усложнялась двойной игрой многих заинтересованных лиц, среди которых был и король.

Один из подозреваемых, Убальдо Содду, был арестован, но спустя несколько часов отпущен по высочайшему

* День оглашения акта о капитуляции Италии.

распоряжению. Когда Черике доложил об этом Бадольо, тот подтвердил, что приказ об аресте остается в силе: в течение одного дня Содду был посажен, выпущен и вновь водворен в подвалы Форте Боччеа—штаб-квартиры СИД. Еще одним подозреваемым явился бывший секретарь фашистской партии Этторе Мути, о котором ходили самые невероятные слухи. Вот что пишет о нем Карбони: «Ему удалось завербоваться в разведслужбу, подчиненную Роатте. В ее деятельность я не имел права вмешиваться. Мути пользовался симпатиями нового начальника полиции Сенизе и к тому же был частым гостем самого Бадольо, который испытывал перед Мути непреодолимый ужас и не отваживался отказать ему, когда тот настаивал на аудиенции, неожиданно появляясь в резиденции премьера»⁴⁴.

Оставим на совести Карбони точность приводимых им фактов, так или иначе, они передают общую атмосферу, царившую в те дни. 23 августа Этторе Мути был убит во Фреджене при загадочных обстоятельствах. Кое-кто высказывал подозрение о причастности к этому загадочному убийству самого Карбони.

Такова была обстановка накануне 8 сентября 1945 года.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I

¹ Camera dei deputati, Comitati segreti sulla condotta della guerra, verbale della seduta del 25 giugno 1917.

² См.: *T. Marchetti*. Ventotto anni nel Servizio Informazioni Militare. Trento, 1960, p. 21.

³ *O. Marchetti*. Il Servizio Informazioni dell'Esercito Italiano nella grande guerra. Roma, Tipografia regionale, 1937, p. 15.

⁴ *E. De Rossi*. La vita di un ufficiale italiano sino alla guerra. Milano, Mondadori, 1927, p. 15.

⁵ См.: Stato Maggiore della Difesa, Sifar. Il Servizio Informazioni Militare italiano dalla sua costituzione alla fine della seconda guerra mondiale, Edizioni, 1967, p. 10. Официальные данные и некоторая информация о деятельности отделов «Р» и СИМ с 1863 по 1945 г. взяты из этой книги, изданной в качестве учебника для подготовительных курсов СИФАР. Хотя содержащаяся в книге информация подобрана заинтересованной стороной и поэтому в определенной степени субъективна, тем не менее она — один из немногих источников, содержащих конкретные данные о структуре секретной службы в те годы.

⁶ *T. Marchetti*. Op. cit., p. 17.

⁷ *O. Marchetti*. Cesare Battisti nel Servizio Informazioni.— «Quaderno della rivista Trentino», № 11. Trento, 1931.

⁸ См.: Stato Maggiore della Difesa, p. 18.

⁹ Ibidem, p. 17.

¹⁰ *L. Capello*. Note di guerra, v. I, p. 26.

¹¹ Stato Maggiore della Difesa, p. 18.

¹² Ibidem, p. 29.

¹³ Ibidem.

¹⁴ *G. Douhet*. Documenti a complimento della relazione d'inchiesta per Caporetto. Roma, 1919.

¹⁵ Stato Maggiore della Difesa, p. 36.

¹⁶ Среди написанного Виджевано: I Cacciatori delle Marche, La campagna estera garibaldina, L'Alzani e Garibaldi, Gli ultimi telegrammi del Governo pontificio, La fine dell'esercito pontificio.

¹⁷ *G. Carboni*. Memorie segrete 1935—1948. Più che il dovere. Firenze, Parenti, 1955, p. 16. Виджевано формально оставил службу в апреле 1926 г. Карбони же указывает дату: 1925 г., вероятно, полагая, что после того, как фашисты «затянули гайку» 3 января 1925 г.*, шеф

* В ответ на активизацию антифашистской оппозиции Муссолини в речи 3 января 1925 г. призвал к усилению репрессий. Последовала волна погромов демократических организаций и органов массовой информации.

разведслужбы был практически лишен возможности выполнять свою работу. Неоднократно цитируемая книга генштаба и СИФАР ничего не сообщает о его новом назначении или повышении в звании — единственный случай в повествовании о судьбах руководителей службы. Год спустя, в возрасте всего лишь 53 лет, Атилло Виджевано умер.

¹⁸ *Stato Maggiore della Difesa*, p. 37.

¹⁹ *E. De Rossi. Op. cit.*, p. 225—226.

²⁰ *Ernesto Rossi. La pupilla del duce*. Parma, Guanda, 1956, p. 12.

²¹ *Мапуо Поамма* родился в Модене в 1887 г.; был произведен в пехотные лейтенанты в 1906 г. Окончив военное училище, переводится в чине капитана на службу в генеральный штаб. После первой мировой войны назначается военным атташе в Варшаве, а затем в Хельсинки. В 1930 г. получает назначение военным атташе в Берлин. В том же году становится заместителем начальника генштаба, а с марта 1941 г. по январь 1942 г. — его начальником. Затем командовал 2-й армией в Хорватии и 6-й армией на Сицилии. После чего вновь назначается начальником генерального штаба до ареста в ноябре 1943 г. Умер в Риме в 1968 г.

Свидетельские показания полковника Санто Эмануэле на процессе Роатты приведены в кн. *C. Conti. Servizio segretj. Crjanache e documenti dei delitti di Stato*. Roma, Djanatello De Luigi, 1945, p. 268.

²² Протокол допроса от 1 февраля 1945 г. см. в кн.: *Il processo Roatta*. Roma, Universale De Luigi, 1945, p. 34.

²³ *Санто Эмануэле*, полковник корпуса карабинеров, родился в Никозии (провинция Энна) 7 июля 1893 г. Служил в контрразведке с апреля 1934-го по январь 1941 г. В 1936 г. сменяет полковника Пьекé на посту начальника третьего отдела.

²⁴ Протокол допроса обвиняемого Эмануэле от 16 сентября 1944 г. см.: *C. Conti. Op. cit.*, p. 258—259. Полковник генерального штаба Паоло Анджой родился в Альгеро в 1890 г. Инвалид войны, награжден за храбрость многими наградами. Был заместителем начальника СИМ, с октября 1936 г. по 30 июня 1937 г. являлся фактическим шефом службы, замещал Роатту, занятого командованием экспедиционным корпусом в Испании. В 1943 г. был депортирован в Германию. В 1945 г. признан виновным в соучастии в убийстве братьев Росселли и осужден. Несмотря на это, продолжал числиться в кадрах вооруженных сил до 1947 г. в чине дивизионного генерала, а в 1952 г. был произведен в генералы армейского корпуса.

²⁵ Полный текст донесения см.: *C. Conti. op. cit.*, p. 212—220.

²⁶ По этому поводу судье в Риме не удалось узнать ничего больше того, что заявили сами подсудимые. Тот же Эмануэле утверждал: «Так называемое «дело Бономини» относится к убийству, спланированному без моего участия кем-то из СИМ, кем точно, сказать не могу. Этот кто-то передал приказ непосредственно Франческо. Связанный с этим делом план приводится в моем донесении только потому, что Франческо, или, точнее, его деятельность, находился под моим контролем. Я не знаю ни деталей убийства, ни того, произошло ли оно на самом деле». — *C. Conti. Op. cit.*, p. 277. Разумеется, к словам Эмануэле надо отнестись критически, однако кажется вероятным, что обстоятельства убийства Бономини схожи с теми, в каких произошло убийство братьев Росселли. Речь идет о том самом Энрике Бономини, официанте-анархисте, который 20 февраля 1924 г. застрелил в кафе первого

секретаря парижской фашистской организации Николо Бонсервици.— См.: *F. Andreucci-T. Detti. Il Movimento operaio italiano. Dizionario biografico*, 1. Roma, Ed. Riuniti, 1975.

²⁷ См.: *C. Conti. Op. cit.*, p. 148; *Il processo Roatta*, p. 138—139.

²⁸ Кагулярами звались члены «тайного комитета революционных действий» — французской фашистской организации, запятнавшей себя в период с 1932 по 1940 г. целым рядом преступлений, среди которых убийства братьев Росселли и министра внутренних дел Франции Макса Дормоя.

Вот как изложены события в донесении: «Сотрудничество с целью устранения неугодных лиц пока находится в стадии обещаний. Была намечена первая цель в лице известного антифашиста Карло Росселли (79, ул. Н. Д. Поля, Париж). Один из руководителей кагуляров специально приехал в Ниццу, чтобы обговорить со мной детали... Вышеуказанный руководитель, которого я имею основания считать кадровым офицером министерства обороны, находящимся в отпуске, торжественно обязался исполнить задуманное (квартира Росселли уже взята под наблюдение) и попросил меня оказать содействие в приобретении на льготных условиях по меньшей мере ста полуавтоматических карабинов Беретта... Думаю, выполнение задания было отложено, потому что я не смог дать дополнительной информации по этому поводу, так как был занят в двух других важных операциях: Ивалиди и Черри... Я бы мог собрать оружие у границы с этой стороны и помочь кагулярам его вывезти, как только „дело Росселли“ будет закрыто. Плата наличными, дополненная компенсацией посреднику, обеспечившему нас „крышей“». — *C. Conti. Op. cit.*, p. 234—239.

В последующие недели, по мере того как завершались другие «специальные операции», майор Навале шлет Эмануэле соответствующие донесения с их подробностями. Упомянутый им руководитель кагуляров — по всей вероятности, Иозеф Дарнан, впоследствии коллаборационист и эсэсовец. Назначенный в декабре 1943 г. шефом общественной безопасности, он становится затем министром внутренних дел правительства Виши. Незадолго до конца войны перебирается в Германию, затем в Италию. Выданный французским властям, приговорен к расстрелу.

²⁹ Акты следствия по делу об убийстве Росселли. Протокол допроса Эмануэле 16 сентября 1944 г.— См.: *C. Conti. Op. cit.*

³⁰ Вот некоторые выдержки из ордера на арест: «...за организацию по собственной инициативе пожара на корабле „Турия“ 14 марта 1937 г. в городе Ницца с помощью взрывчатки... за организацию потопления путем взрыва парохода „Читта ди Барселона“ 30 мая 1937 г. на рейде Джероны... за организацию потопления путем взрыва парохода „Кап Феррат“ в водах Марселя в феврале 1937 г. ... по обвинению в предумышленном сговоре с лицами французской национальности (кагулярами) с целью убийства Карло Росселли, находящегося в изгнании... и руководство этим убийством, совершенным в Баньольсюр-Орн (Франция) 9 июня 1937 г. ... по обвинению в соучастии в убийстве Нелло Росселли... происшедшем при обстоятельствах времени и места, названных выше и с целью снять с себя подозрения в убийстве Карло Росселли... по обвинению в оказании помощи гражданам французской национальности, совершившим под Вентимильей убийство советского гражданина Никитина, избежать расследования дела и

подвергнуться допросу представителей органов власти...» Что касается убийства Никитина, то и в ряде других преступных акций следствию так и не удалось добиться ясности, столкнувшись с «потерей памяти» руководителей СИМ. Полный текст ордера см. в кн.: *C. Gontti. Op. cit.*, p. 137—143, и *Il processo Roatta*, p. 12—15.

³¹ В цитируемой книге генштаба и СИФАР приводятся следующие данные: Марио Роатта руководил СИМ с января 1934 по сентябрь 1936 г.: Паоло Анджои—с октября 1936 г. по июнь 1937 г.; Донато Трипиччоне—с июля 1937 г. по август 1939 г. Это соответствует действительному положению вещей. Однако все свидетели единодушны в утверждении, что Роатта никогда не оставлял контроля над СИМ в те месяцы, которые провел в Испании. Эмануэле, например, ездил к нему в феврале 1937 г. проконсультироваться, прежде чем начать «специальные операции». Правда, Роатта пытался снять с себя всякую ответственность за убийство Росселли; в прошении, поданном суду, он обращал внимание на то, что не имел никакого отношения к СИМ начиная с августа 1936 г., хотя являлся официально главой службы до июня 1937 г.

Донато Трипиччоне, полковник генерального штаба, родился в Ливорно в 1889 г. Являлся начальником СИМ с июня 1937 г. по август 1939 г. Произведенный в бригадные генералы в 1939 г., был назначен сначала начальником штаба 3-й армии, а затем 11-й армии, действовавшей в Греции. Покончил с собой в Риме в 1943 г.

³² *G. Carboni. Op. cit.*, p. 17.

³³ Заседание суда 1 февраля 1945 г. Допрос Марио Роатты. *Председатель суда*: Вы обвиняетесь в том, что создали внутри СИМ так называемую «специальную службу секретной информации». *Обвиняемый*: Я не имел права самостоятельно увеличивать число подразделений без специального разрешения начальства. Все изменения, проведенные мною в СИМ, были сделаны по приказу сверху.—См.: *Il processo Roatta*, p. 29.

³⁴ *M. Roatta. Sciacalli addosso al Sim. Roma, Corso, 1955*, p. 266.

³⁵ *Джакомо Карбони*, бригадный генерал, был начальником СИМ с ноября 1939 г. по сентябрь 1940 г., а затем чрезвычайным комиссаром той же службы с 18 января по 10 сентября 1943 г. Родился в Реджо Эмилии в 1889 г.; в качестве офицера альпийских стрелков участвовал в ливийской и первой мировой войнах. В 1936 г. за особые заслуги был произведен в полковники и назначен командиром 81-го пехотного полка. В 1937 г.—бригадный генерал, заместитель командира дивизии «Альпийские егеря». Уйдя из службы, с 1940 по 1941 г. возглавлял Академию пехоты и кавалерии—дивизию «Фриули». Будучи произведенным в генералы армейского корпуса, возглавил 7-й армейский корпус на Корсике, затем с 8 сентября 1943 г.—моторизованный армейский корпус, дислоцированный в окрестностях Рима.

³⁶ Вот почти полный текст циркуляра Карбони, рисующий нам картину структуры секретной службы:

«Министерство военных дел. СИМ. Рим, 10 сентября 1939 г. Получив распоряжение заместителя министра военных дел, приказываю: с 16 декабря 1939 г. ввести следующую структуру аппарата СИМ:

- начальник службы;
- заместитель начальника службы;
- три отдела, носящие имена Кальдерини, Дзуретти, Верри;

— административная секция (в прямом подчинении начальника службы);

— бюро связи с министерством иностранных дел (в прямом подчинении начальника службы).

Заместитель начальника службы представляет или замещает начальника в его отсутствие или по его приказу.

Отдел Кальдерини — назван по имени полковника Марио Кальдерини, кавалера Золотой медали, бывшего заместителя начальника СИМ, погибшего в боях за империю. Представляет собой «ударную» часть службы и состоит из секретариата начальника отдела и шести отделений.

Отдел Дзуретти — в честь полковника Джанфранко Дзуретти, кавалера Золотой медали, бывшего начальником 2-го отдела СИМ и павшего в боях за империю. Представляет собой «ситуационную» часть службы и состоит из секретариата начальника отдела и четырех отделений.

Отдел Верри носит имя капитана Пьетро Верри, кавалера Золотой медали, сотрудника разведки, павшего в боях за Ливию. Представляет собой «оборонительную» часть службы и состоит из секретариата начальника отдела, четырех отделений и ряда специальных центров обороны (ЧЕДИС).

Начиная с 16-го числа текущего месяца следующим офицерам приступить к исполнению обязанностей в качестве:

заместителя начальника службы — полковнику генерального штаба Чезаре Амё;

начальника отдела Кальдерини — подполковнику генштаба Джованни Дуке;

начальника отдела Дзуретти — подполковнику генштаба Людовико Донати;

начальника отдела Верри — подполковнику корпуса карабинеров Санто Эмануэле.

Целью новой структуры является предоставление возможности различным органам центрального аппарата СИМ строить свою деятельность на децентрализованной, гибкой основе, отвечающей задачам момента. В дальнейшем каждое подразделение получит соответствующую самостоятельность в рамках директив начальника службы под ответственность начальника отдела... Начальнику отдела Верри, исходя из специфики контрразведывательной работы, придаются:

— права и обязанности начальника отдела кадров;

— право визирования всех документов технико-профессионального характера...

Бригадный генерал, начальник службы Г. Карбони»

Циркуляр ожидала необычная судьба: 96 часов спустя в него была внесена интересная поправка, которой «ниспровергался» по непонятным мотивам один из героев, чьим именем был назван третий отдел.

«Министерство военных дел. СИМ. Рим, 14 декабря 1939 г.

Изменение к циркуляру № 204 Н. С. от 10 декабря.

Вместо «отдел Верри» и так далее читать: «отдел Бонсиньоре» — в честь капитана карабинеров, кавалера Золотой медали Антонио Бонсиньоре, павшего в боях за империю».

Очевидно, погибнуть в бою за империю почетнее, чем пасть в бою за Ливию. Бедный Пьетро Верри!..

³⁷ Письмо заместителю министра военных дел от 19 февраля 1940 г.

Вот его узловые положения: «...внутренние подразделения отдела (здесь: контрразведки.— *Перев.*) как в центре, так и на периферии совсем незаметны, в то время как их энергия и средства растрачиваются в основном на второстепенную, вспомогательную деятельность, часто приватного и конъюнктурного порядка, чуждого кардинальным задачам охраны военных секретов от внешнего проникновения, как никогда активизировавшегося в настоящее время. Главная причина подобного перерождения контрразведки, на мой взгляд, в сепаратности и бесконтрольности ее действий в течение долгого времени... Не исключено, что полковник Санто Эмануэле, возглавляющий отдел контрразведки, может считаться доблестным и заслуженным офицером... Однако в результате ряда проверок—хорошо документированных—я был вынужден убедиться в отсутствии связи между этим фактом и более чем скромными результатами деятельности возглавляемого им отдела... В связи с чем предлагаю, чтобы он был заменен на этой должности офицером более высокого звания, право выбора которого я оставляю за собой.

Бригадный генерал, начальник службы Г. Карбони

³⁸ Чезаре Амэ, полковник, затем бригадный генерал, был начальником СИМ с 20 сентября 1940 г. по 18 августа 1943 г. Родился в Кумиане в 1892 г. Пехотный лейтенант с 1912 г., вступил в СИМ, когда им руководил Виджевано. Работал в специальном центре в Турине, затем руководил центрами СИМ в Вене и Будапеште, имея в качестве прикрытия должность чиновника Итальянского национального туристского ведомства. В 1937 г. производится в полковники и 1 января 1940 г. назначается заместителем начальника СИМ, а 20 сентября—ее начальником. В 1942 г., находясь в этой должности, получает чин бригадного генерала. Умер в Риме в 1983 г.

³⁹ См.: *C. Amè, Guerra segreta in Italia. Roma, Casini, 1954.* Есть еще несколько книг, в которых незаслуженно превозносится его деятельность в разведслужбе.—См.: *G. Pillon. Spie per L'Italia. Roma, I libri del No, 1968;* *C. De Risio. Generali, Servizi Segreti e fascismo. Milano, Mondadori, 1978.* Автор последней, согласно спорному выводу еженедельника «Темпо», являлся единственным из тех 78 журналистов, «приближенных к СИМ», кто отказался строить отношения с разведслужбой на меркантильной основе. Его имя всплывет в 1981 г. в списке предполагаемых членов ложи «П-2».

⁴⁰ Точная дата создания СИС и СИА нам неизвестна. Амэ (Op. cit., p. 16) пишет, что в 1940 г. СИА только формировалась. СИМ работала исключительно на армию. КСМСС тоже принадлежала армии, являясь ее контрразведывательным «щитом». В аналогичных службах флота и авиации функции «наступательные» и «оборонительные» не были разграничены.

⁴¹ См.: *G. Boatti. L'Arma. I carabinieri da De Lorenzo a Mino. 1962—1977. Milano, Feltrinelli, p. 22.*

⁴² *C. De Risio. Op. cit., p. 213.*

⁴³ *G. Pillon. Op. cit., p. 204.*

⁴⁴ *G. Carboni. Op. cit., p. 227.*

Глава II

ОТ КРАХА ФАШИЗМА ДО ЦЕНТРИЗМА *

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА БРИНДИЗИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА **

10 сентября 1943 года, добравшись до Бриндизи, санные беглецы обнаружили, что в их окружении нет ни одного офицера СИМ. Необходимо было как можно скорее ликвидировать это прискорбное обстоятельство, создав разведывательную службу, которая работала бы в контакте с секретными службами союзников. Ядро новой организации со скромным, но длинным названием: бюро разведки и связи при отделе оперативного планирования Верховного командования — составили четыре офицера. С 1 октября в бюро, которое будет в июле 1944 года реорганизовано в службу военной разведки и сразу же после освобождения Рима переберется в столицу, начали функционировать традиционные отделы: организационный, или «ситуационный», который обрабатывал поступающую информацию и поддерживал связи с другими разведорганами, подбирал кадры разведчиков, разрабатывал шифровальные коды и занимался кое-чем еще, что загадочно определялось как «другие направления деятельности»; «ударный» отдел, готовящий разведчиков для заброски в оккупированные немцами районы, и отдел контрразведки, пресекающий действия вражеских шпионов.

Отдельно шло воссоздание СИС (на флоте) и СИА (в

* Политика декларируемого стремления к реформам при явном нежелании и боязни сколь-нибудь существенного нарушения равновесия между социальными уступками и социальным консерватизмом.

** После подписания капитуляции король и правительство Бадольо бежали на юг под защиту высадившихся в Италии союзных войск и обосновались в городе Бриндизи.

авиации), тогда как аналогичная служба, возникшая при генштабе армии, была поглощена бюро разведки Верховного командования.

К 1 ноября формирование бюро было, по существу, закончено. Очевидно, чтобы не нарушать традиции, его руководство решило присвоить трем из четырех отделов имена, которые они носили в последние годы фашизма. Отдел «ситуаций» вновь стал называться отделом Дзуретти, «ударный» отдел — отделом Кальдерини и «оборонительный» — отделом Бонсиньоре. Было сформировано по две группы — разведки и контрразведки — при союзных армиях, действующих в Италии, — 5-й и 8-й. Начали действовать центры контрразведки в Неаполе, Кальяри и Катанье с филиалами в Катандзаро и Сассари. Аппарат бюро был дополнен школой разведчиков и радистов, а также центром допросов, располагавшимся в Лечче.

С середины октября к руководству бюро приступил полковник Помпео Агрифольо¹, 54-летний умбриец, имевший большой опыт работы в разведслужбе генерального штаба армии. Агрифольо оставался на этом посту до декабря 1945 года, когда в деятельности секретных служб наступил длительный застой вплоть до сентября 1949 года, закончившийся с созданием СИФАР. В этот же отрезок времени они практически стали придатками американских разведорганов, сначала отдела стратегических служб США (Office of Strategic Services (OSS)), а затем — новорожденного Центрального разведывательного управления (ЦРУ) (Central Intelligence Agency).

В октябре 1943 года по договоренности с аналогичной английской службой — Special Force, начало работу специальное подразделение, названное Группы сопротивления и саботажа, подчинявшееся отделу Кальдерини. В оккупированные немцами районы Италии это подразделение забрасывало «миссии», снабженные радиостанциями, для «...обеспечения организованных отрядов патриотов связью с освобожденной Италией; поиска в зонах, определенных для каждой «миссии», неизвестных групп Сопротивления; снабжения информацией об их возможностях и обеспечения их надежной связью»².

Служба установила также контакт с оккупированным Римом. В городе было организовано две подпольные разведгруппы. Одна, руководимая полковником Монтеце-моло³, начала действовать 24 сентября. Ее главными

задачами были: создание разветвленной разведывательной сети в Северной Италии, занятой немецкими войсками, и сопровождение бежавших из плена военнослужащих союзных войск до швейцарской границы.

Вторая группа, называвшаяся «центральной», состоявшая из офицеров бывшей СИМ, занималась сбором и обработкой разведанных, которые ежедневно передавались в Бриндизи через собственную радиостанцию.

Отношения между этими двумя группами дружескими назвать было нельзя. Как свидетельствует Габрио Ломбарди, который позже станет известным своими «крестовыми походами» против разводов: «Между Монтецемоло и офицерами радицентра было мало согласия — в центре работали яркие личности, а Монтецемоло старался ограничить их деятельность исключительно передачей подготовленных им депеш»⁴. Реакция с их стороны была соответственной. Когда 10 октября пришла шифровка из Бриндизи — «Узнайте у Монтецемоло, не мог бы он взять на себя организацию и руководство всеми подпольными группами», — радицентр ответил: «Монтецемоло не способен выполнять ни политические, ни разведывательные, ни военные задачи, требуемые вами».

Несмотря на такую оценку недовольных им членов «центральной» группы, Монтецемоло постепенно расширил влияние на севере страны путем слияния своей организации с двумя другими, действовавшими «в тандеме» на оккупированной территории. Речь идет о группах Ферре и Гаспоротто. Используя большой авторитет организации Ферре — Гаспоротто у Комитета национального освобождения (КНО) Верхней Италии, группа Монтецемоло стала частью разведывательной службы командования КНО, а после трагической смерти полковника перешла в подчинение Корпуса добровольцев свободы*.

В январе 1944 года Монтецемоло и его правая рука Джорджо Эрколани были арестованы с интервалом в несколько дней. А когда несколько недель спустя в Вероне схватили и расстреляли еще одного ее руководителя, полковника Дука, группа фактически была обезглавлена. Джованни Дука много лет служил в СИМ и даже в 1939—1940 годах возглавлял в ней «оборонный» отдел. Ему поручили командование группой после ареста Мон-

* Партизанская армия итальянского народа.

тецемоло, и он тотчас отправился на Север. Подъезжая к Вероне, он был остановлен для банальной проверки документов. Но вместо того, чтобы предъявить документы, Дука предложил немецкому офицеру 100 тысяч лир, чтобы тот поскорее пропустил его. Кончилось тем, что машину Дуки тщательно обыскали и обнаружили в ней секретные документы, деньги и семь удостоверений личности на различные фамилии. Последовал арест, а через несколько дней расстрел в Вероне⁵.

«Центральная группа», получившая солидное подкрепление и насчитывавшая в своем составе уже 280 человек, стала сильнее. Она состояла из четырех подразделений: ведущего и трех вспомогательных. Командовали ими пехотный полковник Эрнесто Бончинелли (подпольная кличка Антонио) и его заместитель, подполковник генштаба Джованни Де Лоренцо (известный среди подпольщиков как Паоло)⁶.

4 июня 1944 года немцы оставили Рим, в город вошли войска союзников. В следующем месяце перебравшись в столицу из Бриндизи правительство и Верховное командование. Переехала в Рим и секретная служба, отбросив по этому случаю временное название бюро разведки и вернувшись к прежнему — СИМ.

Произошло это в августе 1944 года. Некоторые источники утверждают, что уже в октябре служба была распущена. На самом деле расформирование СИМ приходится на конец 1945 года. В январе того же года случилось очередное, энное по счету, переименование, связанное с тем, что в этот период стала достоянием гласности деятельность СИМ под руководством Роатты в 1936—1937 годах. В печати разгорелась горячая полемика вокруг вопроса, вправе ли существовать столь дискредитировавшая себя организация. В ответ военное руководство с благословения правительства просто-напросто сменило вывеску службы⁷. В последующие десятилетия этот прием будет использован неоднократно.

Под новым названием — отдел разведки генерального штаба — секретная служба действовала в течение всего 1945 года, но 31 декабря появился приказ о ее роспуске⁸. Однако военная разведка продолжала существовать: в документах процесса Эдгардо Соньо, относящихся к 1947 году, когда теоретически ее уже не должно было быть, служба упоминается не один раз.

ПРОЦЕСС РОАТТЫ

Рим августа 1944 года. Всего два месяца, как город освобожден. Хотя феррагосто* в зените, уехать в отпуск не может почти никто: все заняты восстановлением учреждений и ведомств, прекративших существование после 8 сентября. Идет энергичная работа и в СИМ, возрожденной по возвращении из Бриндизи. Кипучая деятельность и в следственном отделе Верховного комиссариата по расследованию фашистских преступлений, к членам которого в первых числах сентября обратился — по своей ли инициативе или же по велению сверху — полковник королевских карабинеров Санто Эмануэле, заявив, что располагает обширной информацией о фашистских преступниках, и предложив следователям воспользоваться услугами рекомендованных им надежных осведомителей. Цель его очевидна: контролировать и направлять деятельность Верховного комиссариата. За день до того генерал Амэ позволил «просочиться» сведениям о том, что в убийстве братьев Росселли был «замешан некий полковник Эмануэле». Экспресс-расследование прошлого всех находящихся в Риме офицеров с такой фамилией привело полицию и магистратуру к выводу, что речь может идти лишь о бывшем начальнике контрразведки. Его собирались вызвать в квестуру. Однако, вероятно, полковник был уже предупрежден, что следствие интересуется его персоной, и, опередив события, предстал перед полицейскими властями. Уже на первом допросе он попытался выторговать себе прощение, предложив в обмен сотрудничество. На вопрос о том, кто приказал ему убить двух антифашистов, Эмануэле, ни секунды не задумываясь, назвал Паоло Анджои, заместителя начальника СИМ.

Несмотря на принятые меры, информация об этом проникла в печать, производя эффект разорвавшейся бомбы. 21 сентября «Унита» опубликовала статью под заголовком «Почему не ликвидируется СИМ?». В свою очередь корпус карабинеров дал понять полиции, что прекрасно осведомлен о самых секретных подробностях расследования⁹.

В последующие недели — новое потрясение обще-

* Середина августа — самое жаркое время в Центральной Италии, время массовых отпусков.

ственного мнения: в архивах секретариата военного министерства обнаружено — вероятнее всего, было приказано отыскать его — пухлое дело полковника Эмануэле, содержащее документацию о его деятельности в 1937 году, дополненную его донесениями шефу СИМ и перепиской с Государственным советом о задержке присвоения ему генеральского звания. Так и осталось тайной, кто же позаботился о том, чтобы эти ценные материалы¹⁰ попали в руки следствия. Ознакомившись с ними, оно тотчас же выдало ордер на арест Марио Роатты, бывшего до 1943 года начальником генерального штаба армии. Известие об этом вызвало настоящую панику в СИМ, генштабе и самом правительстве, в результате чего между ними и органами расследования вспыхнула первая в послевоенной истории страны «война досье». Еще раз дали о себе знать таинственные «доброжелатели», одарившие судью Робино материалами на Эмануэле. На этот раз некто проник прямо в кабинет судьи — в его отсутствие, разумеется, и положил на стол еще одну пухлую папку: это были протоколы заседаний Верховного командования в течение первых трех лет войны¹¹. Личность загадочного помощника правосудия осталась неизвестной.

Впрочем, и противная сторона не оставалась в долгу: через заинтересованных людей прессу снабжали фальшивой информацией о ходе и методах следствия, для того чтобы дискредитировать судью, создать вокруг него невыносимую обстановку. В печати появились намеки на то, что возможен арест самого Бадольо, еще несколько дней назад являвшегося премьер-министром. Опровержение судьи не снизило накала страстей. В это время во главе правительства становится Бономи. Воспользовавшись дезорганизацией, вызванной правительственным кризисом, точнее, тем, что новые министерства еще не вступили в полномочия, только что избранный председатель правительства вмешался в действия следствия, потребовав передачи ему документов несуществующего «дела Бадольо».

Под таким нажимом Верховный комиссариат принимает решение отказаться от расследования и передать все материалы Верховной судебной палате. Именно этого и добивались противники глубокого расследования. Получив свое, они переключили внимание на генерала Роатту, сидевшего в римской тюрьме Реджина Чели, находящей-

ся под юрисдикцией Верховного комиссариата. В комиссариат зачастили генералы и полковники, интересовавшиеся «истинным» состоянием здоровья «бедного Роатты». Начали раздаваться голоса о необходимости его перевода в клинику. Несмотря на сопротивление комиссариата, после череды медицинских обследований и консультаций Роатта был переведен в помещение лица Вирджилио, служившего в ту пору военным госпиталем.

Тем временем продолжалась работа по выхолащиванию всякого политического содержания из расследования деятельности фашистов. Сам премьер-министр Иваноэ Бономи не раз создавал препятствия нормальному отправлению правосудия со стороны Верховного комиссариата по расследованию фашистских преступлений, и глава комиссариата, Марио Берлингуэр, взявший на себя прокурорские обязанности, вынужден был рассматривать дела фашистов в чисто уголовном плане, дабы избежать уже испытанных на себе последствий недовольства Бономи.

В одном из секретных документов государственного департамента США читаем: «Защите не будет разрешено представить доказательства в пользу подзащитных, если эти доказательства наносят ущерб союзникам». Послы Соединенных Штатов и Великобритании присвоили себе право определять, какие доказательства относятся к категории секретных. Но в этом не было особой необходимости: еще раньше Иваноэ Бономи заверил адмирала Стоуна, главу Союзнической контрольной комиссии (АКК), в том, что в судебном зале не прозвучит ни единого слова, которое повредило бы как интересам союзников, так и интересам монархии и Бадольо¹². Еще большее рвение проявил министр иностранных дел Де Гаспери: когда в его руках оказалась переписка между Муссолини и тогдашним послом Италии в США Фульвио Сувиком, касающаяся некоторых «видных деятелей Америки», он сначала передал ее на изучение в АКК, которая посчитала возможной ее обнародование, но затем «по собственной инициативе,—отмечает госдепартамент,—принял решение не передавать переписку Верховному суду, даже в отцензурованном виде»¹³.

Таким образом, сложилась своеобразная ситуация, когда обвиняемые оказались как бы вырванными из времени и обстоятельств, да к тому же без всякой

мотивации. В такой обстановке 22 января 1945 года началось судебное разбирательство по делу Роатты¹⁴. Пока перед судом вереницей шли свидетели, два полковника — сотрудники секретной службы, Вальфре ди Бонцо и Феррацци, — зачастили к синьоре Инес Роатте, прося ее добиться встречи с содержащимся за решеткой генералом.

Судебные дебаты завершились через несколько недель. Все доказательства вины подсудимых уже были получены предварительным следствием и «полемическая» фаза судебного разбирательства представляла собой, как это часто случается, серию неуклюжих запирательств и отказов от данных прежде показаний. Прокурор потребовал расстрела для Филиппо Анфузо, каторжных работ для Роатты, Эмануэле и Навале и 24 лет тюрьмы для Анджои.

Когда до вынесения приговора оставалось несколько дней, в суд обратилась синьора Роатта с просьбой разрешить ей снять со своего счета в банке значительную сумму денег. Одно это могло бы послужить предупреждением о том, что кем-то что-то затевается, но суд удовлетворил просьбу.

В воскресенье 4 марта 1945 года в 21.30 одетый в пижаму генерал Роатта ускользнул из-под надзора охранявшего его карабинера, вышел в сад, перелез через ограду, тянувшуюся вдоль набережной, и исчез¹⁵.

За полчаса до этого во всем здании внезапно погас свет. Сорока минутами раньше синьора Инес Роатта была приглашена к телефону госпитального коммутатора человеком, личность которого установить не удалось¹⁶.

Хотя граница и была перекрыта, помешать бегству Роатты не сумели. Как оказалось, он сперва укрылся в Ватикане и уже оттуда пробрался в Испанию, где к нему чуть позже присоединилась жена и где они спокойно прожили до 1966 года, после чего вернулись в Италию.

Кто организовал его побег? Синьора Роатта и полковник Феррацци, который в последние месяцы был самым прилежным посетителем генерала, сразу же были арестованы. Серьезные подозрения пали и на другого офицера СИМ, полковника Вальфре ди Бонцо, частенько навещавшего синьору, однако против него никаких мер не было предпринято. Как нетрудно предположить, через некоторое время и синьора Роатта, и полковник Феррацци оказались на свободе, а дело Роатты — в архиве.

Из заключения Роатта внимательно следил за ходом процесса, и, когда из обвинительной речи прокурора стало ясно, что его дела обстоят плохо, генерал, с помощью жены «вызволив» свои деньги, осуществил подготовленный заранее план побега.

Постоянное присутствие рядом с ним его жены все последние перед побегом недели не оставляет сомнения в том, кто являлся организующим центром операции: преемственность между СИМ времен фашизма и СИМ образца 1945 года не могла иметь лучшего подтверждения.

Раздавались голоса, что побег был организован с помощью или участием эмиссаров других стран, а также что здесь замешаны те итальянские деятели, кто боялся показаний Роатты, касающихся трагических событий 8 сентября. В депеше госдепартамента США посольству в Риме, датированной 12 марта 1945 года, можно прочесть о том, что Дрю Пирсон, американский журналист, частенько вытаскивающий на свет «последние новости», получаемые им от своих людей в секретных службах, выступая по радио, сказал, что Роатта бежал с помощью англичан, «опасавшихся, что он расскажет на суде о компрометирующей их переписке между Черчиллем и Муссолини, а также о скандальной двойной игре британского правительства по отношению к югославским партизанам-монархистам Михайловича»¹⁷. Действительно, Роатта командовал оккупационной армией в Югославии в самый критический момент разногласий между Михайловичем и Тито и даже снабжал отряды первого оружием; тем не менее никаких доказательств иностранного участия в его побеге нет.

Если где и надо искать соучастников, так это в военном руководстве Италии. За надежное содержание Роатты в тюрьме отвечал главнокомандующий корпуса карабинеров Таддео Орландо. В годы фашизма он был начальником секретариата квадрумвира Де Боно*, когда тот занимал пост министра внутренних дел. Затем он командовал армейским корпусом в Далмации, подчиняясь как раз генералу Роатте. За «деятельность» на югослав-

* Одного из четверки фашистских иерархов, которой Муссолини поручил в октябре 1922 г. организацию операции по захвату фашистами власти в стране.

ской территории в 1944 году правительство этой страны неоднократно — и безрезультатно — требовало выдачи обоих. Действительно, генерал Роатта отдал приказ своим подчиненным «без ложного милосердия» выполнять все его предписания, усердным исполнителем которых был генерал Орландо: многие сотни партизан были расстреляны, деревни сожжены, жители терроризировались.

Назначенный заместителем министра военного ведомства в правительстве Бадольо, Таддео Орландо становится затем главнокомандующим корпуса карабинеров. В этой должности он и был обязан надзирать за своим бывшим командиром. Караульную службу он поручил команде из 15 карабинеров¹⁸. Первый же осмотр места происшествия сотрудниками магистрата позволил обнаружить с внешней стороны решетки, в том месте, где через нее перелезал генерал, грязные следы, доказывающие, что кто-то помогал ему преодолеть ограду.

Жители Рима гневно встретили известие о побеге Роатты: на площади Колизея состоялся митинг, в котором приняли участие левые партии и профсоюзы. Среди многочисленных выступавших был Велио Спано, один из руководителей ИКП, потребовавший от имени коммунистов роспуска СИМ. Он и объявил о том, что генерал Таддео Орландо уволен. По окончании митинга огромная толпа, возглавляемая бывшими партизанами, направилась к центру города. На площади перед Квириналом произошла стычка с нарядами полиции, взорвались три ручные гранаты, в результате чего 17 человек были ранены, а двое — польский офицер и манифестант — убиты. Тело последнего обернули красным знаменем, положили на грузовичок, и толпа направилась к Виминалу, где уже собрались тысячи римлян.

Преодолев короткое и слабое сопротивление полиции, толпа ворвалась в здание. Делегацию принял председатель Совета министров Бономи. Возглавлявший делегацию Велио Спано потребовал «принятия незамедлительных строжайших мер по отношению к виновным в случившемся или же немедленной отставки правительства»¹⁹. На следующий день генерал Брунетто Брунетти сменил Таддео Орландо на посту командующего корпусом карабинеров. Однако в конце 1946 года новорожденная республика предоставила прощтрафившемуся генера-

лу официальную должность, назначив его председателем комиссии по присвоению чинов младшему офицерскому составу. Излишне говорить, как, будучи на этом посту, он относился к военным, вышедшим из рядов Сопротивления.

Побег Роатты не повлиял на приговор, который огласили неделю спустя. Как и требовал прокурор, Филиппо Анфузо, изобличенный также в сотрудничестве с немцами, был заочно приговорен к расстрелу; Роатту, Эмануэле и Навале ожидала каторга, Анджои — 20 лет и 6 месяцев тюрьмы (меньше, чем просил прокурор, — видимо, ему зачли тюремное заключение в Германии). Получили свое и другие обвиняемые, проходившие по этому делу: Альберто Париани заочно приговорили к 15 годам тюрьмы, Манлио Петраньяни, сотрудничавший с Навале в террористических актах во Франции и известный нам под кличкой Франческо, получил 12 лет, Бертолини, Лигас, Формика и Пикардо были оправданы.

Приговор в целом справедливый, но, если учесть, что почти все осужденные были «в бегах», решение суда носило скорее символический характер. Но вышестоящему судебному ведомству и это показалось излишне жестоким: кассационный суд сразу же начал работу по разрушению приговора, прибегая для этого к самому беззастенчивому нарушению законности. На основании законодательного декрета № 198 от 13 сентября 1944 года все решения Верховного суда считались не подлежащими апелляции, но уже 4 мая 1946 года коллегия кассационного суда приняла к рассмотрению жалобу Париани по поводу незаконного заочного осуждения. Увидев в этом добрый знак, подали жалобы на Верховный суд Анфузо, Навале и Анджои. 22 июня, добавив беззакония к уже совершенному, кассационный суд принял и их заявления, даже не потребовав предварительного помещения заявителей в тюремную камеру²⁰. В конце концов создалась более чем странная ситуация, когда решение Верховного суда осталось окончательным и безоговорочным для одних осужденных и потерявшим силу для других.

Окончательный удар по приговору был нанесен 17 мая 1944 года, когда был обнародован законодательный акт № 494, признававший возможность оспаривать решения Верховного суда. 10 июня в Риме началось новое судебное разбирательство в специальном суде

присяжных. Процесс длился не больше недели. Прокурор Доменико Бискотти потребовал — невероятно, но факт! — оправдания Навале, признав виновными только Анфузо и Эмануэле.

Приговор явился шедевром лицемерия: Навале был приговорен к 7 годам, 5 из которых были «прощены», а так как он уже отсидел 2 года, то был немедленно освобожден. Паоло Анджои, все еще скрывающийся от правосудия, и вовсе был оправдан.

С приговором Верховного суда было покончено 14 октября 1949 года, когда суд присяжных города Перуджа после очередного судебного разбирательства, вызванного новой кассационной жалобой Анфузо, Эмануэле и Навале, оправдал всех троих: первого как абсолютно невиновного, двух других — за недостаточностью улик²¹.

Для вынесения оправдательного приговора судья воспользовался следующим приемом: приведя все доводы, свидетельствовавшие против обвиняемых, он постарался эти доводы дискредитировать. Так, он признал, что «...из всей суммы собранных доказательств вне всякого сомнения вытекает, что граждане итальянской национальности отдали приказ Санто Эмануэле и Роберто Навале подготовить устранение Карло Росселли как опасного антифашиста, для чего те установили связь с кагулярами». Но тут же вслед за этим заявил: «Было бы логично, исходя из всего, что стало ясным и обоснованным, заявить о виновности Эмануэле и Навале в убийстве Карло Росселли... Однако суд не может скрыть одного сомнения, связанного с тем, что загадочная среда международной политической эмиграции чревата мрачными трагедиями, жертвой одной из которых мог оказаться Карло Росселли. То есть нельзя исключить того факта, что, вращаясь в подобной среде, он стал объектом преступления, совершенного без ведома Эмануэле и Навале и независимо от них какой-нибудь преступной группой, но так, чтобы в силу совпадения по времени они сами могли бы поверить в то, что это их рук дело, и, таким образом, вынудить их признать себя, как они и поступили, виновными в происшедшем убийстве. Как следствие этого сомнения, вытекающего из неопределенности предположений об их виновности, суд выносит оправдание повторно обвиняемым Навале и Эмануэле за недостаточностью доказательств их вины в убийстве Карло Росселли»²².

Короче говоря, судья рассуждал приблизительно так: доказано, что Эмануэле получил приказ убить Росселли, доказано, что он передал этот приказ Навале, доказано, что Навале поручил кагулярам исполнить приговор, доказано даже, что последние взялись за его исполнение, однако кто нам сказал, что одновременно кто-то другой не замышлял подобного против Росселли и не исполнил задуманного раньше? Раз есть сомнения—значит, надо освобождать.

«Определение «загадочная среда политической эмиграции» годится на все случаи,—с горькой иронией комментирует известный историк Гаэтано Сальвемини.— У вас полная свобода вкладывать в него любой смысл, подразумевая, как это было принято в 1937 году, итальянских или испанских коммунистов, итальянских или каталонских анархистов, предпочтительно из круга политических друзей Карло. Можно даже подозревать жен Карло и Нелло, пожелавших отделаться от своих мужей. Или же мать Карло и Нелло, которой надоели ее шалопаи сыновья»²³.

Однако вынесенный приговор может быть прочитан и под другим углом—как заявление судьи о давлении, которое на него, несомненно, было оказано. Вот что по этому поводу написал Пьеро Каламандреи: «Составляя приговор, судья хотел спасти свою душу, дав понять, что все оправданные виновны и что, если бы была возможность решить дело по справедливости, они были бы осуждены... Поразительное обоснование приговора не может иметь никакого другого правдоподобного объяснения... Я ощущаю мучительный, тревожный смысл в действиях судьи, я вижу в нем крайнюю форму протеста, своего рода SOS, посланный порядочным судебским чиновником: в Италии политическое правосудие вершится так! SOS! SOS!» Даже когда виновность фашистских преступников полностью доказана, порядочные судьи вынуждены, идя против совести, оправдывать их. Какому же давлению должны были подвергнуться, какие запугивания пережить те честные судебские чиновники, которые хотели вершить правосудие, но так и не сумели сделать это! Приговор суда в Перудже ставит проблему и ждет ответа²⁴. Но ответа так никто никогда и не дождался.

СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В течение всего 1946 года секретные службы как таковые не существовали. Действовали только армейские разведотделы.

В 1947 году мало-помалу возобновил работу отдел разведки генерального штаба. Однако в течение двух лет он, пользуясь бесконтрольностью своего бюджета, занимался главным образом субсидированием (порой в виде значительных сумм) офицеров, финансовое положение которых было подорвано войной. Среди многих облагодетельствованных из кассы отдела числился и Джакомо Карбони, получивший несколько миллионов лир.

Что касается разведывательной работы, она практически сошла на нет. Союзники, в основном американцы, мешали развернуться итальянской секретной службе до тех пор, пока выборы 18 апреля 1948 года и вступление страны в Атлантический пакт окончательно не убедили их, что Италия находится в сфере американского влияния.

В октябре 1948 года служба обрела нового шефа: им стал бригадный генерал Джованни Карло Ре²⁵.

В тесном контакте с министром обороны Паччарди генерал организует первую секретную службу республиканской Италии. Появляется реальная возможность создания института, действующего на основе новой демократической конституции. Однако то, что возникло между 30 марта (датой учредительного циркуляра) и 1 сентября (датой фактического образования СИФАР — разведслужбы вооруженных сил) фактически представляет собой полную аналогию с СИМ. Служба явилась детищем служебного циркуляра № 27 военного министерства, а не результатом парламентских дебатов и последующего решения парламентариев. За ее созданием не последовало никакого законодательного акта, которым регламентировалась бы деятельность службы, ее рамки и обязанности²⁶.

Более детально события развивались таким образом. Прологом создания СИФАР послужило слияние — 28 января 1947 года — трех министерств (военных дел, флота и авиации) в единое министерство обороны. Затем распоряжением по министерству № 365 от 30 марта

1949 года восстанавливалась часть прав начальника генерального штаба, в подчинение которого передавалась учреждаемая этим же распоряжением специальная служба «для ведения наступательной и оборонительной деятельности в сфере информации, представляющей государственный интерес и для руководства и координации действий разведслужб трех родов войск»²⁷.

Одновременно при каждом из штабов трех родов войск создавались оперативные разведывательные службы (СИОС), призванные функционировать исключительно в военно-технических областях всех вооруженных сил,—в последующие годы на них также падет тень подозрений, которая сгустится над СИФАР и СИД.

Первым начальником СИФАР стал генерал Джованни Карло Ре, бывший шеф отдела разведки с октября 1948 года и остававшийся в руководящем кресле после его реорганизации и присвоения нового имени СИФАР. С него начинается традиция назначения на пост главы секретной службы только генералов — еще один признак ее возросшей значимости. Ре руководил СИФАР до марта 1951 года, уступив место бригадному генералу Умберто Брокколи²⁸, пребывавшему на этом посту всего 17 месяцев, то есть до сентября 1952 года. Период его руководства весьма бесцветен: ничего не известно об «отклонениях от нормы» в деятельности руководимой им службы. Правда, это вовсе не означает, что ее можно расценить как положительную: то, что стало известно о действиях секретной службы в послевоенные годы,—наверняка лишь верхушка айсберга.

После Брокколи настала очередь Этторе Муско²⁹, который командовал СИФАР в течение трех лет. 27 декабря 1955 года он был произведен в дивизионные генералы и назначен командиром дивизии «Фолгоре», уступив место Джованни Де Лоренцо.

Когда много лет спустя разгорелся скандал вокруг досье, ведущихся в СИФАР, Муско, задетый одним неосторожным заявлением Гронки, впервые нарушил обет молчания, который до сих пор соблюдали все руководители службы. Дело в том, что бывший президент республики посчитал личным оскорблением чье-то замечание, что начало правонарушений СИФАР совпало с его приходом в Квиринал, и в открытом письме, опубликованном одной из газет, заявил: «Абсолютно лживо и

необоснованно утверждение, будто «Италия досье» началась в семилетие Гронки. Я никогда не просил у СИФАР информации подобного рода и поэтому все эти семь лет не мог знать о существовании пресловутых досье. Я только сейчас понял, что эти досье действительно существовали с самого начала реорганизации службы»³⁰. Такое заявление делало соучастниками темных дел службы всех ее начальников в послевоенный период. Ответить бывшему президенту взялся Этторе Муско. «В период моего руководства служба не интересовалась политикой,—заявил он.— В это время в сейфах СИФАР находилось около 10 тысяч дел, связанных лишь с контрразведывательными акциями»³¹.

Ни первого, ни второго заявления не стоит принимать на веру, но, вероятно, в своем возмущении ближе к истине Муско: действительно, наиболее крупные «прегрешения» начались после него, однако и он не прав, утверждая, что все дела «его СИФАР» были связаны лишь с контрразведывательными операциями. На самом деле вся антиконституционная деятельность службы тех лет была главным образом следствием обязательств, взятых на себя Италией с подписанием Атлантического пакта.

НАТО была создана в апреле 1949 года. Она являлась частью широкой сети военных блоков: НАТО, СЕАТО, СЕНТО, Организации американских государств, Колумбийского пакта и других,—которую в послевоенные годы раскинули Соединенные Штаты.

На практике НАТО была не просто военным блоком—проводником антикоммунистических планов США и других западных стран, но вместе с другими подобными альянсами ставила задачу сохранения политического статус-кво в государствах-членах. Этот аспект наиболее очевидно проявился в случае с СЕНТО—Организацией центрального договора, в которую входили Соединенные Штаты, Англия, Турция, Иран и Пакистан. В структуре этого союза открыто и официально действовал Комитет по борьбе с подрывной деятельностью*. Что касается Атлантического пакта, то, видимо, учитывая остроту реакции, которую могли бы вызвать у левой оппозиции в Италии и во Франции откровенно антидемократические

* Читай: по борьбе с демократическими движениями.

цели организации, участники пакта предпочли путь тайных соглашений.

Вступление Италии в НАТО, естественно, было встречено левыми силами в штыки. Парламент ратифицировал договор лишь после бурного и долгого обсуждения. Среди тех многочисленных обязательств, которые взяла на себя в связи с этим наша страна, были и прямо касавшиеся секретных служб. Вот как обобщил это 25 лет спустя Массимо Капрара: «На основе соглашений НАТО разведывательная служба министерства обороны (СИФАР) — должна была передавать информацию в специальный центр ЦРУ и получать оттуда инструкции. ЦРУ же непосредственно подчинялось правительству Соединенных Штатов. В кодовых сообщениях Служба проходила под шифром Бренно. В чисто военном плане Служба была связана с ОНИ (разведбюро военно-морского флота США), с ОСИ (разведбюро военной авиации) и с ДИА (разведгентством министерства обороны), последнее занималось также сбором информации в самом широком смысле слова и в области науки и техники. Тесные отношения Служба поддерживала также с аналогичными организациями других стран — членов НАТО»³².

Поэтому вовсе не случайно, что итальянские секретные службы были реорганизованы одновременно с созданием НАТО, что между двумя этими событиями существует четкая временная последовательность: 30 марта 1949 года было принято решение о создании секретной службы республиканской Италии, а 4 апреля подписан Североатлантический пакт. 1 августа парламент ратифицировал вступление в него Италии, 24 августа начинают функционировать органы НАТО, а с 1 сентября — СИФАР.

Наши секретные службы не ограничивались простым обменом информацией: они все глубже втягивались в разведработу в области радиотелефонных коммуникаций, особенно активизировавшуюся в эти годы. В США для этого существовало даже специальное ведомство — НСА (национальное агентство безопасности), занимавшееся исключительно подслушиванием и дешифровкой перехвата. В 1947 году это агентство создало международный «пул» информации, к которому примкнули секретные службы ряда западноевропейских стран. «Пул» представлял собой «союз неравных», как, впрочем, и было предусмотре-

но уставными документами в момент его рождения. Вот что написал в 1972 году один бывший агент НСА: «Подписав эти документы от имени Соединенных Штатов, национальное агентство безопасности стало тем юридическим лицом, которое называлось в них «первый подписавший». От имени Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии документы подписали аналогичные службы, став таким образом «вторыми подписавшими». Спустя некоторое время к договору присоединились новые страны, включая ФРГ, Италию, Японию, став «третьими подписавшими». Между «первыми» и «вторыми подписавшими», согласно уставу, должны были действовать правила обмена всей имеющейся информацией. На деле все обстояло иначе. «Третьи подписавшие» не получали от нас почти ничего, в то время как мы от них — практически все, то есть договор с ними напоминал дорогу с односторонним движением. Того же мы хотели и в отношениях со «вторыми подписавшими», внимательно следя за их каналами поступления сведений»³³.

Это, так сказать, официальная, известная часть обязанностей нашей службы перед США. Но широко признано существование «секретных протоколов», подписанных в рамках Атлантического пакта, которыми предусматривается и целый ряд других обременительных поручений итальянским спецслужбам. Поручений чисто разведывательного порядка, но на несколько ином уровне, о чем будет рассказано в IV главе.

ТАЙНЫЕ СЛУЖБЫ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

До сих пор мы следили за превратностями военных секретных служб. Но и в министерстве внутренних дел, несмотря на роспуск ОБРА, продолжал функционировать информационный отдел, подчинявшийся руководству полиции. Как уже отмечалось, в 1930 году начальником отдела тайных дел был назначен Кармине Сенизе. Произведенный два года спустя в префекты*, он становится заместителем начальника полиции Боккини. В ноябре 1940 года возглавляет полицейское ведомство, но 14 ап-

* Эмиссар правительства, возглавляющий административный аппарат крупной территориальной единицы страны.

реля 1943 года Муссолини внезапно увольняет его, видимо, серьезно усомнясь в его политической благонадежности.

Сенизе возвращается в свой кабинет в Виминале вечером 25 июля, но уже 23 сентября Рим оказывается в руках немцев. Сенизе арестовывают эсэсовцы и депортируют в Германию, сначала в Дахау, затем в Хиршег, в Баварии.

По-иному складывается судьба шефа ОВРА Гуидо Лето: вместе с другими высшими полицейскими чинами он примкнул к «социальной республике*», но несколькими месяцами позже с ним устанавливают осторожные, но прочные контакты эмиссары союзников. Генеральная дирекция общественной безопасности размещалась в то время в Вальдано, где, кроме Лето, находились Рикардо Пасторе³⁴, Чиро Вердиани³⁵ и их сотрудники.

Сведения о том, чем занималась эта группа в «социальной республике», достаточно фрагментарны. Позже Лето утверждал, что ему обязаны спасением многие антифашисты — рядовые участники и некоторые руководители Сопротивления, попавшие в руки немцев. Оставим эти утверждения на совести самого Лето как лица заинтересованного. Но вот достоверный факт: сотрудники миланской ОВРА своевременно уничтожили все секретные архивы, которые содержали досье на антифашистов, захваченных позже гитлеровцами, опасаясь, что этими документами завладеет СС. Лето объявил также своей заслугой то, что ему удалось хитростью утаить от эмиссаров «республики Салó» затребованные ими списки всех политических заключенных, содержащихся в тюрьмах оккупированной Италии. Абстрагируясь от личных интересов Лето, выпячивающего собственные заслуги, отметим, что нацисты действительно намеревались сконцентрировать всех политических заключенных — а их были тысячи — в одном месте, и, если бы эта операция была осуществлена, вряд ли кому-нибудь из них удалось бы выбраться живым.

* 23 сентября 1943 г. под непосредственным контролем немцев Муссолини провозгласил создание на севере Италии «итальянской социальной республики», вошедшей в историю как «республика Салó» — по названию столицы этого марионеточного фашистского государства.

Контакты Лето с союзниками были неоспоримыми, из чего, однако, не следует, что о них было известно в руководстве Сопротивления, поэтому есть некоторое сомнение в их чистоте. В июне 1944 года, на следующий день после освобождения Рима, из столицы отправились секретнейшие посланцы министерства внутренних дел и ОСС с заданием установить контакт с руководством полицейского аппарата «социальной республики». Среди «гонцов» был и молодой комиссар общественной безопасности Умберто Федерико Д'Амато³⁶. После 25 апреля * ОСС принял все необходимые меры для сохранения всей группы полицейских чинов, с которыми были установлены контакты. Guido Лето временно был утвержден в должности и остался в Вальдано присматривать за бесценными архивами ОВРА. Хотя его усердие оказалось излишним: после того, как архив был перевезен в Рим, его фактически разграбили те, кто был заинтересован в том, чтобы в списках полицейских осведомителей не встретились имена некоторых политических деятелей, которым вроде бы удалось сохранить свою демократическую невинность. А пока Лето засыпал телеграммами генеральную дирекцию общественной безопасности в Риме, требуя восстановления на своем посту в столице, но добился прямо противоположного: был отстранен от должности, арестован и чуть не осужден. Однако вскоре, будучи полностью оправданным комиссией по чистке**, возобновил работу в генеральной дирекции общественной безопасности в качестве технического директора всех полицейских школ³⁷.

Через некоторое время Guido Лето оставил эту службу. В Вальдано во времена «социальной республики» он познакомился с промышленником Мардзотто и в 1952 году, воспользовавшись дружбой с ним, получил пост управляющего сети гостиниц «Отель Джолли», создаваемой промышленником.

Многие другие функционеры бывшей ОВРА были

* День начала вооруженного восстания, завершившегося полным освобождением Италии от гитлеровцев и их итальянских прихвостней.

** Имеются в виду созданные после Освобождения правительственные комиссии, в задачу которых входило очищение государственных органов от людей, скомпрометировавших себя активным сотрудничеством с фашистским режимом.

назначены на различные должности в полицейском ведомстве новой Италии. Самой яркой личностью среди вернувшихся из Вальдано ветеранов полиции был инспектор Чиро Вердиани, назначенный в начале войны куратором зоны ОВРА с центром в Загребе, юрисдикция которой распространялась также на Зару, Каттаро и Люблян.

Уже 26 апреля Чиро Вердиани становится вторым квестором освобожденного Рима. Затем, оставив руководство квестурой столицы, он переходит на службу в тот самый отдел общих и тайных дел, который помнил его еще молодым сотрудником ОВРА. Через несколько лет мы встретим его фамилию среди участников «борьбы» с бандитизмом на Сицилии³⁸.

Тем временем в министерстве внутренних дел произошли некоторые преобразования: после того, как в июне 1944 года был упразднен отдел политической полиции, министр Ромита разбил отдел общих и тайных дел на две части. Отдел общих дел стал самостоятельным звеном полицейского аппарата, а отдел тайных дел был переименован в службу социальной информации (СИС).

Однако уже в 1948 году все вернулось на круги своя: отдел общих и тайных дел восстановили в прежнем виде. Руководство им поручили квестору Джезуальдо Барлетте, командовавшему в первые военные годы 9-й зоной ОВРА³⁹. Назначение Барлетты стало одним из элементов обширной программы перестройки министерства внутренних дел, начатой Ромитой и завершенной Шельбой накануне первых в послевоенной истории политических выборов. Первым же весьма сомнительным мероприятием в рамках этой программы явился прием в 1946 году на службу в общественную безопасность агентов распущенной ПАИ (Колониальной полиции итальянской Африки), состоявшей в основном из фашистских боевиков. Под этим надуманным предлогом — «возрастной ценз» — из полиции удалили всех бывших партизан, принятых туда годом раньше, и подпольщиков Сопротивления, которым едва перевалило за 40. Их заменили бывшими полицейскими фашистского режима, многим из которых было далеко за 40. В органы полиции возвращались коллаборационисты и даже те, кто запятнал себя службой в полиции «республики Салó».

Режиссировал «чистку» генерал корпуса карабинеров

Джузеппе Пьекé, в прошлом начальник третьего отдела СИМ и сотрудник ОВРА, в 1937 году координировавший всю работу по оказанию военной помощи Франко. Во время войны он руководил итальянской военной миссией в Югославии при усташском правительстве кровавого Анте Павелича. По просьбе хорватского диктатора Пьекé организовал и возглавил его политическую полицию. После 25 июня Пьекé был недолгое время префектом в Фодже, затем 19 ноября 1943 года правительство Бадольо назначает его главнокомандующим корпуса карабинеров — должность, которая кормила его до июля 1944 года.

Собственно, чистка началась именно с него, после увольнения он некоторое время был не у дел. Но уже при первом правительстве Де Гаспери вернулся на государственную службу. Его новый пост — начальник службы по борьбе с пожарами министерства внутренних дел — был формальным прикрытием основной деятельности: руководство тайным отделом, занимавшимся сбором соответствующей информации и политическими провокациями. Пьекé содействовал созданию неонацистских групп, внедрял своих осведомителей в левые организации, возродил, по указанию Шельбы, центральную политическую картотеку⁴⁰.

Накануне парламентских выборов 1948 года он содействует созданию террористической фашистской организации «антикоммунистическое движение за преобразование Италии» (МАКРИ), закамуфлированной под католическое благотворительное общество. Он формирует также «антибольшевистский фронт» — вооруженное формирование, финансируемое американскими и английскими спецслужбами. В нем объединились самые различные монархические и фашистские группировки.

Планы «фронта» предусматривали внедрение провокаторов с фальшивыми членскими билетами в коммунистическую и социалистическую партии — в случае положительного исхода выборов для левых сил. Провокаторам предписывалось устраивать погромы в помещениях Христианско-демократической и других политических партий, а затем сдаваться прибывшим полицейским. Эти налеты должны были послужить основанием для последующих за ними арестов руководителей и активистов левых партий.

Параллельно с «антибольшевистским фронтом» действовала и так называемая «итальянская освободительная армия», состоявшая из фашистских и монархических элементов, промышлявших контрабандой оружия через Больцано, Тренто и Рим на юг под благосклонным и негласным контролем министерства внутренних дел. Темные делишки освободительной армии всплыли в связи с самоубийством бывшего офицера-республиканца, некоего Дзанетти: «армия» была распущена, а ее члены — ради успокоения общественного мнения — временно арестованы.

У руля отдела общих и тайных дел министерства внутренних дел, как уже говорилось, стоял один из бывших руководителей ОБРА, Джезуальдо Барлетта. Его ближайший помощник — также экс-функционер фашистской политической полиции Доменико Ротондано, тоже в свое время сидевший в Падуле.

Барлетта руководил отделом в течение 8 лет, с 1948 по 1956 год, то есть в самый мрачный период центризма, «холодной войны» и преследования коммунистов. Руководство Барлетты отмечалось осмотрительностью и осторожностью, наверное, поэтому ему удалось «проплыть, не повредив корабль», среди рифов только что рожденной, но уже вырождающейся демократии. Пожалуй, это все, что нам известно об отделе в те годы. Вряд ли когда-нибудь узнаем больше: контроль со стороны демократических сил был довольно слабым, общественное мнение занято куда более важными проблемами, и множество людей, среди которых находились и искушенные политики, вероятнее всего не подозревали ни о существовании отдела общих и тайных дел, ни о его деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II

¹ *Помпео Агрифольо*, полковник пехоты, был начальником секретной службы с октября 1943 г. до ее роспуска 31 декабря 1945 г. Родился в Терни в 1889 г., полковником стал в 1941 г., когда и был откомандирован в разведслужбу при генеральном штабе армии. Умер в Палермо в 1948 г.

² *Stato Maggiore della Difesa, Sifar, Il Servizio Informazioni Militare Italiano dalla sua costituzione alla fine della seconda guerra mondiale*, Edizione 1957, p. 108.

³ *Джузеппе Кордеро Ланца ди Монтецемоло*, полковник генштаба, родился в Риме в 1901 г. Во время второй мировой войны — начальник оперативного отдела Верховного командования. После подписания перемирия организует в Риме подпольный военный центр. Схвачен немцами в январе 1944 г. Пройдя пытки, он, его помощник Дж. Эрколани в числе 335 человек зверски убиты 24 марта в Фоссе Ардеатине в отместку за покушение на немцев на одной из римских улиц.

⁴ *G. Lombardi. Montezemolo e il fronte clandestino di Roma*, Le Edizioni del lavoro, 1947, p. 25.

⁵ *V. Formaro. Il Servizio Informazioni nella lotta clandestina*. Roma, Editoriale Domus, 1945, p. 22.

⁶ См.: *G. M. Catanzaro. Montezemolo*. Roma, Editoriale Romana, 1944, Appendice, «Nota sul servizio informazioni della organizzazione clandestina».

⁷ Циркуляр № 30170/AB протокола 3800 от 11 января 1945 г., изданный Главным генеральным штабом и подписанный бригадным генералом Джузеппе Манчинелли.

⁸ Цитируемое издание СИФАР, рассказывая о судьбах руководителей секретной службы, не называет ни одного имени в качестве ее главы в период между 31 декабря 1945 г. и октябрём 1948 г.

⁹ Во время одной из бесед с судьей Робино начальник генерального штаба армии, полковник Романо Далла Кьеза, продемонстрировал ему служебную записку, из которой ясно следовало, что генералу детально известно все, связанное с арестом и допросами Эмануэле, включая и признание последнего, послужившее поводом для привлечения к суду Чиано и Анфузо. Эти действия генерала содержали явную угрозу и предупреждение: неизвестно, каким образом оказались вне стен суда документы, являющиеся следственной тайной.

¹⁰ Как только Эмануэле понял, что папка с его делом находится в руках следствия, он сразу заявил, что только враг мог подбросить ее в кабинет министра военных дел и назвал имя генерала Амэ.

¹¹ См.: *C. Conti. Servizio segreto. Cronache e documenti dei delitti di Stato.* Roma, Donatello De Luigi Editore, 1945, p. 101.

¹² Документ № 86500/1-2345 и документ № 86500/1-1845 приведены в кн.: *R. Faenza, M. Fini. Gli americani in Italia.* Milano, Feltrinelli, 1976, p. 96, 97.

¹³ *Ibidem.* Документы госдепартамента носят нумерацию: 86500/2-2445 и 86500/2-945 CS/EG.

¹⁴ Обвиняемые по этому делу: *Альберто Паруани*, родился в 1886 г. в Милане, генерал королевской армии; *Филиппо Анфузо*, родился в Катанье в 1901 г., в период процесса — посол «итальянской социальной республики» в Берлине, скрывается от правосудия; *Паоло Анджои*, родился в Альгеро в 1890 г., генерал королевской армии, скрывается от правосудия; *Санто Эмануэле*, родился в Никозии (провинция Энна) в 1893 г., полковник королевских карабинеров, арестован; *Роберто Навале*, родился в Турине в 1897 г., майор королевских карабинеров, скрывается от правосудия; майор *Винченцо Бертолини*, арестован; *Манлио Петраньяни*, капитан королевских карабинеров, скрывается от правосудия; *Эфизлио Лугас*, офицер королевских карабинеров, скрывается от правосудия; *Эудженио Пикардо*, скрывается от правосудия; *Доменико Формика*, арестован. Паоло Анджои, считавшийся скрывающимся от правосудия, в это время находился в немецком концлагере. Майор Навале — это станет известно много лет спустя — работал в это время у Валетты на ФИАТе в качестве начальника внутренней осведомительной службы.

¹⁵ Часовой-карабинер рассказал, что сопровождал Роатту во время посещения им майора Росси и других помещенных в госпиталь офицеров. Карабинер оставался на посту в крытой галерее, по которой генерал прогуливался с несколькими офицерами, и не заметил, как тот вышел во двор через застекленную дверь.

Таким образом, суду и общественности стало известно, что генерал пользовался абсолютной свободой передвижения по госпиталю и возможностью встречаться с кем угодно. И это при том, что несколькими месяцами раньше для его перевода из Форте Боччеа полиция и карабинеры планировали привлечь для охраны ни больше ни меньше 2 танка.

¹⁶ См.: *A. M. Brondi. Un generale e «otto milioni baionette».* Roma, Atlantica, 1946, p. 209.

¹⁷ *R. Faenza, M. Fini. Op. cit., p. 98.*

¹⁸ См.: «Il Giornale del mattino» 6 marzo 1945.

¹⁹ «Il Giornale del mattino» 7 marzo 1945.

²⁰ См.: *Z. Algari. Processi ai fascisti. Valecchi, 1973, p. 53.* Об отказе обвиняемым, скрывающимся от суда, в апелляции по поводу их осуждения на срок, превышающий 1 год, ясно сказано в статье № 210 Уголовного кодекса. Это правило было отменено законом № 1514 от 29 декабря 1948 г.

²¹ Вот как, в частности, шли обвиняемые к своему полному оправданию: Анфузо — 22 июня 1946 г. кассационный суд аннулирует смертный приговор, вынесенный Верховным судом. В октябре 1949 г. суд присяжных в Перудже признает его полностью невиновным.

Эмануэле—6 марта 1948 г. кассационный суд отменяет приговор Верховного суда от 12 марта 1945 г., передавая дело в суд присяжных Перуджи, где он в октябре 1949 г. освобождается за недостаточностью улик. Навале—22 июня 1946 г. кассационный суд отменяет приговор, и 17 июня 1947 г. он осуждается судом присяжных Рима на 7 лет. Кассационный суд принимает его жалобу в марте 1948 г., и уже в октябре Навале освобождается судом присяжных Перуджи за недостаточностью доказательств вины. Анджои—вновь предстал перед судом 4 мая 1946 г. после отмены приговора Верховного суда и признан невиновным судом присяжных Рима 17 июня 1947 г. Париани—4 мая 1946 г. кассационный суд отменяет приговор от 12 марта 1945 г., и 20 января 1947 г. он признается невиновным как не совершавший преступления. Петраньяни—6 марта кассационный суд отменяет приговор Верховного суда без передачи дела в другой суд. Таким же образом был признан невиновным Марио Роатта: кассационный суд отменил приговор без права возобновления дела.

²² F. Martinelli. L'OVRA. Milano, De Vecchi, 1967, p. 392—393.

²³ G. Loteta. Il pugnale di Mussolini.—«L'Astrolabio», № 24, 11 giugno 1967.

²⁴ См.: «Il Ponte», № 2, febbraio 1950, p. 193—195.

²⁵ Джованни Карло Ре, бригадный генерал, являлся начальником военной секретной службы с октября 1948 г. по март 1951 г. Родился в Савильяно в 1895 г. В 1941 г.—военный атташе в Загребе, затем—глава военной миссии в Хорватии. Закончив службу в СИФАР, получает чин дивизионного генерала и назначается начальником штаба командования сухопутных войск союзников в Южной Европе. Затем командует туринским военным округом. В 1954 г. производится в генералы корпуса и командует северо-западным военным районом до марта 1958 г., а потом в течение 6 месяцев, до выхода на пенсию,—северо-восточным военным районом и одновременно—3-й армией.

²⁶ См.: U. Spagnoli. I problemi di riforma dei servizi informazione della difesa dopo le risultanze della commissione d'inchiesta.—B: Le istituzioni militari e l'ordinamento costituzionale, Atti del convegno organizzato dal Centro studi e iniziative per la riforma dello Stato. Roma, Ed. Riuniti, 1974.

²⁷ E. Cerquetti. Le forze armate italiane dal 1945 al 1975. Milano, Feltrinelli, 1975, p. 84.

²⁸ Умберто Брокколи, бригадный генерал, родился в Неаполе в 1895 г. Во время войны был заместителем начальника штаба 6-й армии и начальником штаба 8-го армейского корпуса в Греции. В 1943 г. становится бригадным генералом и командующим 11-й армией, а чуть позже—начальником афинского гарнизона. По окончании службы в СИФАР получает чин дивизионного генерала и назначается командиром дивизии «Аоста». Умер в Неаполе в 1955 г.

²⁹ Этторе Муско, бригадный генерал, родился в Неаполе в 1899 г. Был участником неудавшейся обороны Рима и даже написал об этом книгу «La verita sull'8 settembre». В 1947 г. был назначен начальником оперативного отдела генерального штаба армии. В 1952 г. произведен в бригадные генералы.

³⁰ «La Nazione», 6 febbraio 1967.

³¹ R. Trionfera, Sifar affair. Roma, Ed. Reporter, 1968, p. 26.

³² M. Caprara. I sette diavoli custodi.—«Il Mondo», 20 giugno 1974.

³³ M. Sassano. SID e partito americano. Padova, Marsilio, 1975, p. 47.

³⁴ Бывший начальник неаполитанской зоны ОВРА.

³⁵ Бывший начальник загребской зоны ОВРА (подробнее о нем см. далее)

³⁶ *Умберто Федерико Д'Амато* родился в Марселе в 1920 г. в семье квестора. В полицию поступил в годы войны. С 1945 по 1957 г. служил в римской квестуре, главным образом в политическом отделе, которым руководил с 1950 г. В 1957 г. переходит в отдел тайных дел, постепенно поднимаясь по служебной лестнице: в 1969 г. становится заместителем, а в 1972 г. — начальником отдела

³⁷ См.: *Ernesto Rossi. Una spia del regime.* Milano, Feltrinelli, 1957, p. 276.

³⁸ *Чиро Вердиани* руководил генеральным инспекторатом общественной безопасности на Сицилии в 1949 г. Созданный 19 октября 1945 г. специально для борьбы с бандитизмом, инспекторат понес ряд ощутимых поражений, самое крупное из которых — бойня в Беллолампо 18 августа 1949 г., когда главарь банды Джулиано, заманив карабинеров в ловушку, подорвал бронетранспортер с сидевшими в нем карабинерами: семь человек погибли, 10 были ранены. Чиро Вердиани к тому времени возглавлял инспекторат всего несколько месяцев, но уже успел окружить себя сомнительными личностями и даже встречался с Джулиано и другим главарем бандитов, Пишоттой. Через 5 дней после событий в Беллолампо министерство внутренних дел решает ликвидировать инспекторат и заменить его новым органом, подчиненным не полиции, а корпусу карабинеров, называвшимся «командование силами по борьбе с бандитизмом». Начальником назначается полковник Уго Лука, бывший сотрудник СИМ, выполнявший ответственные задания на Дальнем Востоке. Дискредитировавший себя Вердиани продолжал дружить с Джулиано и Пишоттой, пока не угодил под следствие «за долговременное, совершаемое при отягчающих обстоятельствах, личное пособничество и помощь скрывающемуся от правосудия Сальваторе Джулиано и членам его банды». Однако до суда дело не дошло: 4 марта 1952 г. Чиро Вердиани умер.

³⁹ В юрисдикцию зоны входили: Литтория, Фрозиньоне, Витербо и, с июля 1941 г., Риети.

⁴⁰ См.: *G. Boatti. L'Arma. I carabinieri da De Lorenzo a Mino.* Milano, Feltrinelli, 1978, p. 23.

Глава III

КРИЗИС ЦЕНТРИЗМА И РЕАКЦИЯ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ

«ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ» ФЕРНАНДО ТАМБРОНИ

1956 год — своеобразный рубеж в деятельности и военных секретных служб, и информационных отделов министерства внутренних дел, когда их антидемократическая направленность становится очевидной. Центризм — как политическая формула руководства страной — оказался бессилем. Политическая ось страны начинает поворот вправо. Те, кто способствовал такому повороту, видели, что ни промышленные круги, ни широкая общественность не имеют ему прогрессивной альтернативы, тем не менее они отдавали себе отчет, что их попытка несомненно вызовет недовольство. Для «работы с оппозицией» и было решено использовать секретные службы.

Министром внутренних дел 7 июля 1955 года стал Фернандо Тамброни, бывший высокопоставленный сотрудник фашистской милиции, который в широкой гамме течений, составлявших христианско-демократическую партию, значился среди «левых» друзей Джованни Гронки. Последний же был избран 29 апреля на пост главы государства в острой борьбе с официальным кандидатом ХДП Чезаре Мерцагорой, получив большинство, включая голоса и коммунистов, и неофашистов, и части христианских демократов.

В 1956 году Тамброни заменяет Дездеуальдо Барлетту, руководителя отдела тайных дел, «варягом» — Гуидо Де Ноццей, бывшим во времена американской оккупации квестором Триеста.

Тогдашний шеф ЦРУ в Италии, питомец Аллена Даллеса, Роберто Дрисколл, посоветовал Тамброни назначить главой отдела Де Ноццу. Де Ноцца привел с

собой трех сотрудников. Один из них — Вальтер Бенефорти, начальник политической полиции Свободной территории Триест*, дослужившийся потом до полковника гражданской полиции¹. По возвращении города в состав Италии он — заместитель комиссара полиции Триеста. Во время войны Бенефорти работал также в специальных службах американской полиции.

Вместе с ним в Риме появились комиссары Анджело Маньяно и Илио Корти. Последний был шефом иностранного отдела, сначала гражданской полиции Свободной территории Триест, а затем квестуры города. Он обладал обширными связями с агентами разведок многих стран, сделавших Триест одним из крупнейших международных центров шпионажа.

Одновременно с этой четверкой в столицу прибыло около двух десятков агентов триестинской гражданской полиции, которые, не имея никаких юридических прав для выполнения полицейских функций на территории Италии, носили оружие, вели следствия, допрашивали людей, подслушивали телефонные разговоры. Эта группа привезла с собой совершенную по тем временам аппаратуру, вызвавшую зависть римских коллег, довольствовавшихся еще кустарными системами подслушивания. Еще больший восторг у них вызвал десяток закамуфлированных под такси специальных машин, которые с помощью радиосредств, установленных на них, могли контролировать телефонную сеть целого города.

Де Ноцца и его сотрудники принялись за работу. Тамброни распорядился оборудовать за свой счет тайный «психологический» отдел в апартаментах на площади Индипенденца, где его доверенное лицо, журналист Антонио Томассини, вел досье на политических деятелей страны. В нужный момент министр внутренних дел использовал то или иное досье, публикуя ядовитые статьи в печатных изданиях, финансируемых им совместно с монсеньором Анджелини, могущественным «крестным отцом» благотворительной деятельности Ватикана.

Тех, кто работал на площади Индипенденца,

* Город и крупный порт на берегу Адриатического моря. Долгие годы — объект дипломатической борьбы. По условиям мирного договора был выделен в автономную Свободную территорию Триест. В 1954 г. по итало-югославскому договору большая ее часть с городом Триест отошла к Италии.

контролировала и консультировала четверка «триестинцев». Были открыты еще две конспиративные квартиры под вывеской контор импорта-экспорта: одна, по адресу улица Романьоли, 12, другая — улица Вальдосоле, 1, в элегантном квартале вдоль бульвара Кортина д'Ампеццо.

Главной была последняя, и руководили ею лично Дрисколл и Бенефорти. Таким образом, речь шла о самом настоящем секретном центре, насчитывавшем не двух-трех специалистов и осведомителей, а несколько десятков агентов, которые «...по уши влезли в секретные дела правительства и государства, активно интересовались деятельностью министров, различных правительственных течений и т. д., короче говоря, действовали в лучших традициях одной иностранной спецслужбы, подчиненной органам безопасности государства»^{2*}.

Де Ноцца в течение всего периода руководства отделом тайных дел заботился об этих специально созданных «командах» больше, чем о вверенном ему министерском подразделении. Так продолжалось до 1959 года, пока, из-за непредвиденной накладки, вызванной бдительностью почтового ведомства, на стол квестора Рима Марцано не легла зашифрованная телеграмма, отправленная людьми Де Ноццы³. Квестор, никогда не питавший особых симпатий к триестинскому квартету, ухватился за эту возможность насолить ему. Сделав вид, что он не в курсе того, что фальшивые «конторы импорта-экспорта» относятся к министерству внутренних дел, одной из которых и была адресована шифровка, Марцано послал по этому адресу два десятка своих агентов во главе с молодым комиссаром Эмилио Сантилло. Все, кого обнаружили визитеры квестора, были арестованы, в том числе и Анджело Маньяно, который пытался спрятаться под кроватью. Так столкнулись лбами две силы: с одной стороны те, кого представлял Тамброни, с другой — почти все более или менее влиятельные политики из стана христианских демократов. Хорошо зная о том, насколько глубоко осведомлен Де Ноцца, и в частности об их собственных делах, они открыто встали на сторону квестора и потребовали немедленного закрытия тайных «контор». Сколка продолжалась целый год и закончилась

* Намек на ЦРУ.

поражением Тамброни: квартет был изгнан из Рима и «развезен по городам и весям». Хотя это нисколько не сказалось на карьере каждого из четверых, Гуидо Де Ноцца назначается квестором Пескары и остается им до ухода на пенсию. Илио Корти после короткого пребывания в тени делается начальником электронного центра Криминалпола в Риме также до ухода на пенсию. Анджело Маньяно в 1973 году становится объектом покушения, организованного мафией, избежав смерти только благодаря случайному стечению обстоятельств. Бенефорти переводится во Фрозиньон, но через несколько лет возглавляет отделение Криминалпола в Милане, где трудится до 1971 года, когда официально увольняется из полиции. Однако есть немало сомневающихся в его отставке и полагающих, что на самом деле он вновь вернулся в отдел тайных дел.

Когда в марте 1973 года Бенефорти арестовывают в связи со следствием по делу о телефонном подслушивании, он долгое время содержится в карцере, и допрашивающие безуспешно пытаются вытянуть из него какие-либо подробности. Спокойствие, с которым он относился к аресту, могло объясняться единственно расчетом на чью-то влиятельную протекцию. Последующие события показали, насколько обоснован этот расчет: пробыв несколько месяцев в тюремной камере, Вальтер Бенефорти был выпущен по решению кассационного суда, взявшего следствие в свои руки: расследование, проведенное судьей Доменико Сикой, не дало результатов. Осенью 1976 года в «Паэзе сера» появилась заметка о новом аресте Бенефорти, причины которого остались неясны. В 1978 году — новый арест бывшего полицейского. На этот раз обвинение в контрабанде и операциях с финансами, добытыми грабежом. Но скандал, чреватый громкими разоблачениями, был быстро погашен, и через несколько недель Бенефорти и его соучастник Сампаоли были отпущены⁴.

Что касается деятельности министерства внутренних дел по составлению досье, то на этот счет есть любопытный секретный документ ЦРУ, датированный 5 июля 1963 года⁵. «Когда Шельба занимал в правительстве пост министра внутренних дел, у него возникла мысль собрать воедино все досье на деятелей первого ранга в политике, профсоюзах, деловом и интеллектуальном мире. Это было

поручено префекту Пьекé, занимавшему высокую должность в тайной полиции и службах безопасности...

Собранные досье, несмотря на краткость, были хорошо документированы. Когда министром внутренних дел стал Тамброни, он приказал Павоне (начальнику полиции в 1953 году) расширить зону сбора информации и с помощью нескольких журналистов, близко с ним сотрудничавших... основал агентство «Эко ди Рома», служившее ширмой для сбора сведений о политических деятелях, профсоюзных лидерах и журналистах. За короткое время список лиц, на которых были заведены досье, насчитывал уже несколько тысяч имен...

Оставив министерское кресло, Тамброни прихватил досье и перевез их на Сардинию, на виллу своего друга... После его смерти досье в конце концов оказались в руках Шельбы... Слухи о существовании секретных досье вызвали замешательство и гнев широкого числа политических деятелей, включая многих наших друзей. Кое-кто из них опасается, что эти досье могут оказаться в руках людей, которые попытаются бессовестно воспользоваться ими в собственных интересах — вещь, в целом возможная, учитывая сложившуюся обстановку. Кроме того, кажется, идет работа по созданию других секретных досье...

Досье Тамброни — Шельбы явились объектом ряда конфиденциальных встреч и бесед, с участием, в том числе, министра Андреотти. Высказывалось соображение, что было бы в высшей степени желательно изъять наиболее важные досье из «коллекции» Тамброни — Шельбы и передать их в специальный отдел СИФАР, для того чтобы свести к минимуму число лиц, могущих их использовать...»

Этот документ, опубликованный на страницах еженедельника «Астролабио», сопровождался комментарием его директора Ферруччо Парри*, в котором среди прочего говорилось: «Мало сказать о личной ответственности кого бы то ни было, необходимо недвусмысленно осудить политические нравы и политику правительства, чреватую возможностью подобных противозаконных действий. Разумеется, нельзя исключить, что та же СИФАР в конку-

* Прогрессивный политический деятель, сенатор, во время второй мировой войны — один из организаторов и руководителей итальянского Сопротивления.

ренции с «цехом» Тамброни не позаботилась о налаживании подобного промысла. Вполне вероятно, что этот солидный правительственный «подарок» станет поворотным пунктом в деятельности СИФАР»⁶.

Как уже было сказано, с падением Тамброни нелегальная структура, действовавшая вне рамок министерства внутренних дел, была упразднена. Точно неизвестно, были ли собранные досье переданы СИФАР или ушли в коллекцию какого-либо политического деятеля. Но действительно, 1956 год явился для СИФАР поворотным. От кустарной деятельности, опирающейся на корпус карабинеров без особых средств и возможностей, служба под энергичным руководством своего нового шефа Джованни Де Лоренцо, оснащенная самой современной, дорогостоящей специальной техникой, переходит на более высокий уровень, ставящий ее в один ряд с заокеанской.

ДЕ ЛОРЕНЦО: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СБОРА ДОСЬЕ

Джованни Де Лоренцо был назначен начальником СИФАР 27 декабря 1955 года⁷. За него просил лично президент республики Джованни Гронки, чем вызвал соответствующую реакцию Муско, тогдашнего шефа службы. К тому же кандидатуру поддержала американский посол Клер Бут Люс по совету Кармела Оффи, политического советника госдепартамента и сотрудника Аллена Даллеса⁸. «Американцы не очень доверяли Гронки, считая, что от того пахнет левизной». Внедряя в его окружение такого человека, как Де Лоренцо, они пытались тем самым облегчить себе контроль над ним.

Свою роль сыграли как действительные, так и предполагаемые заслуги генерала в движении Сопротивления, когда после 8 сентября он выполнил несколько заданий, связанных с оказанием помощи партизанам. Эта его деятельность была оценена дождем наград: двумя Серебряными медалями (из которых одну потом отберут), повышением в чине и кучей благодарностей в приказах. На самом же деле заслуги эти по большей части мнимые. Первая Серебряная медаль была пожалована ему по личному повелению наследника престола Умберто Савойского 9 октября 1945 года. В представлении говорилось: «С заключением перемирия, будучи офицером генераль-

ного штаба королевской армии, он незамедлительно пробрался в Романью, где сразу же приступил к организации отрядов патриотов, руководя ими в течение шести месяцев активнейших действий, выразившихся в значительных результатах в борьбе с угнетателями... Рим, 8 сентября 1943—4 июня 1944 года». Почти аналогичная мотивировка сопровождает вручение второй Серебряной медали генералом Бончивенгой, военным комендантом Рима в годы Соппротивления. Факт сам по себе не очень красивый: получение второй награды за одно и то же. Но это еще не все. Президентским декретом от 5 февраля 1948 года он производится в полковники за боевые заслуги, то есть получает третью «благодарность» за то же самое.

Это всплыло, когда генштабу понадобилось передать в министерство обороны на утверждение документы на медаль, врученную генералом Бончивенгой, без чего награда считалась недействительной. Для того чтобы избежать очевидных повторов в мотивировках, в последнем случае изменили редакцию и дату награждения. В этой откорректированной редакции благоразумно опускалось какое бы то ни было упоминание об участии в партизанской борьбе⁹.

Открытые для доступа исследователей секретные американские архивы позволили узнать о тайных делишках Де Лоренцо в первые годы его пребывания у руля СИФАР. Так, он взял на себя обязательство перед американскими спецслужбами, не уведомляя об этом собственное правительство, добиваться всеми силами снижения влияния коммунистической партии.

Сверхсекретный документ Верховного командования генерального штаба вооруженных сил США подтверждает это, указывая, что первое распоряжение, «импортированное» шефу СИФАР из-за океана, касалось обязанности следовать целям постоянно действующего антикоммунистического проекта под названием «Размагничивание».

Вот его центральный пункт: «Конечная цель проекта состоит в том, чтобы уменьшить возможности коммунистических партий, их материальные ресурсы, их влияние в итальянском и французском правительствах и, в частности, в профсоюзном движении, чтобы максимально свести на нет опасность экспорта коммунизма в Италию и во Францию, что нанесло бы ущерб интересам США в этих

двух странах... Ограничение влияния коммунистов в Италии и во Франции является приоритетной целью. Она должна быть достигнута любыми средствами... *О данном проекте ни итальянское, ни французское правительства не должны знать ничего, ибо он может столкнуться с присущим им стремлением к национальному суверенитету*».

Курсив дан нами, поскольку выделенные слова без всяких комментариев говорят сами за себя. «С этого момента и дальше СИФАР была связана по рукам и ногам интересами правительства США. Первым примером сотрудничества СИФАР—ЦРУ явилась услуга, оказанная шефом нашей спецслужбы, состоявшая в том, что в кабинетах Квиринала и библиотеке понтифика в Ватикане были установлены микрофоны, с помощью которых записывались личные разговоры президента республики и папы»¹⁰.

Микрофоны, установленные в Квиринале, имели решающее значение во время кризиса 1964 года. Однако магнитофонные кассеты, которыми владела СИФАР, так и не были переданы ни парламентской следственной комиссии, ни магистратуре. Микрофоны в Ватикане были обнаружены сотрудниками папы Иоанна XXIII и уничтожены по его распоряжению.

Де Лоренцо руководил СИФАР в течение 6 лет 10 месяцев и 15 дней: дольше его на этом посту не находился никто. И не случайно, что его пребывание во главе службы совпало с семилетием президентства Гронки. Их союз, тесный с самого начала, со временем становился все более прочным. Де Лоренцо удалось обратить себе на пользу лишённые основания (и подогреваемые им) слухи о мнимом заговоре против Гронки, чтобы в результате выставить себя его спасителем, повысив собственные акции в глазах главы государства. Дело приобрело гротесковый оттенок: чтобы защитить президента от «готовящегося» покушения, были истрачены сотни миллионов лир, в том числе и на приобретение бронированного автомобиля, которым президент так никогда и не воспользовался.

Все началось с заявления сына адмирала, когда-то личного секретаря Рандольфо Паччарди, что люди, связанные с бывшим министром обороны, готовятся с помощью группы парашютистов похитить Гронки и перевезти на Корсику.

То была явная ложь, порожденная ссорой между Паччарди и его секретарем-адмиралом, но Де Лоренцо доложил об этом президенту, всячески подчеркивая свою озабоченность. В эти дни глава государства как раз собирался отправиться в Пизу, чтобы открывать традиционную регату. Узнав, что почетный эскорт поручен офицерам дивизии «Фольгоре», он не на шутку встревожился и потребовал от инспектора Ди Стефано, начальника службы общественной безопасности Квиринала, дополнительной охраны в 25 человек, «специалистов во всех видах спорта», как было написано в переданной тому телефонограмме. Со своей стороны Де Лоренцо стянул около тысячи своих людей в Рим, Пизу и поместье президента в Сант Россоре, а воздушный флот финансовой гвардии получил задание контролировать небо над Тирренским морем между Тосканой и Корсикой.

Ничего, естественно, не случилось, но по возвращении из поездки Гронки было доставлено пухлое дело, подготовленное Де Лоренцо, о той опасности, которую удалось предотвратить вверенной генералу службе. Вес генерала в глазах президента вырос до небес. 5 июля 1974 года Андреотти напомнил об этих событиях, выступая перед парламентской комиссией по обороне. «Хочу сказать, что в течение двух недель я был в немилости или даже под подозрением президента Гронки, потому что, когда он рассказал мне о потопленной подводной лодке, я не мог удержаться от смеха... И если существовало событие, в результате которого генерал Де Лоренцо, разумеется, с чьей-то помощью, смог предстать в образе спасителя президента республики от похищения, то это оно и есть. И все являвшиеся с визитом к президенту могли видеть прятавшихся за деревьями и в дворцовых галереях агентов». В этот же период, то есть в 1950—1960 годы, сотрудники СИФАР начали массовое составление досье на соотечественников, в результате чего «коллекция» секретной службы пополнилась 150 тысячами папок. Дьявольская информационная машина, в предыдущее десятилетие нарабатывавшая всего несколько тысяч досье, с начала 1959 года заработала на всех парах. Циркуляром «для служебного пользования» от 26 февраля первый отдел (отдел национальной безопасности, или, как его для краткости называли, отдел «Б») потребовал от начальников периферийных центров контрразведки «биографиче-

ских справок и подробных сведений о деятельности депутатов и сенаторов»¹¹. Таким образом, каждый центр должен был стать исследователем-биографом парламентариев, заводя на каждого подробное досье.

Однако сенаторы и депутаты составляли лишь малую часть тех, кем пристально интересовались ищейки отдела «Б». Следственная комиссия генерала Беолкини, учрежденная в 1968 году в связи с разразившимся скандалом, подтвердила, что, кроме профсоюзных активистов, партийных руководителей и чиновников всех мастей, через сито СИФАР были пропущены и «подшиты к делу» даже 4500 священнослужителей и представителей различных епископальных организаций. К многократному увеличению числа попавших в картотеку спецслужбы обязывала и методологическая директива, подготовленная непосредственно шефом отдела «Б», которая оказалась в руках комиссии Беолкини. «Всякий раз,—гласила она,—когда в донесениях, составленных в соответствии с установленной практикой и касающихся сколь-нибудь значительных случаев, есть ссылка на чье-либо имя, на этих лиц должно составлять новое досье. Кроме того, необходимо размножать это донесение в стольких экземплярах, чтобы одну из копий вкладывать в любое досье, где имя это упоминается, и так действовать всякий раз, когда в различные досье идут документы, касающиеся новых имен»¹².

Из этого нетрудно вывести предположение, что «под колпаком» спецслужб могла оказаться половина населения Италии. «Для того чтобы сложить вместе все досье, не хватило бы комнаты-сейфа,—заявил в одном из интервью летом 1974 года тот же Беолкини.—Подходящей оказалась бы если не площадь, то очень большой зал. Наш окончательный подсчет все время откладывается: 157 тысяч досье составляли только дела, разложенные по именам и темам. Некоторые из них были просто огромны. На депутата Фанфани, например, было заведено дело, состоящее из четырех томов, каждый из них — толстый, как двуязычный словарь. К этому добавлялись досье, классифицированные по отдельным фактам, по тем или иным событиям, то есть еще 40 тысяч»¹³.

Постепенно менялся характер собираемой информации: это были уже не просто факты, представлявшие интерес с точки зрения государственной безопасности, но и относящиеся к интимной жизни, тайной деятельности

людей. Отдел «Б» поставил цель перед своими филиалами «знать все обо всех». Шефу одного из периферийных филиалов, у которого эта директива центра вызвала такое замешательство, что он даже запросил разъяснений, было отвечено: «...под деятельностью надо понимать все, чем занималось интересующее службу лицо с самых юных лет до сего дня во всех сферах жизни: социальной, коммерческой, профессиональной, политической, личной, а также в прочих, даже если оно было задействовано в них случайно: контактами считать все отношения, как личные, дружеские, так и вытекающие из деятельности в вышеназванных сферах, то есть с представителями политических, экономических, интеллектуальных кругов, а также с подозрительными или опасными для национальных интересов личностями».

Обратим внимание на *«а также с подозрительными или опасными для национальных интересов личностями»*, то есть единственный разряд людей, составление досье на которых могло бы носить законный характер. Это дополнение к тексту появилось, видимо, потому, что в последнюю минуту составитель циркуляра вспомнил об уставных задачах службы и решил успокоить совесть ее периферийных сотрудников, в то же время давая им ясно понять, что законная часть их деятельности имеет второстепенное значение по отношению к противозаконной. Вообще надо сказать, что в директивах, рассылаемых центром, об истинных целях широчайшего сбора досье говорилось в завуалированной или иллюзорной форме. В одном из циркуляров, датированном 13 марта 1959 года, читаем: «Службе важно постоянно и подробно знать обо всех деятелях, которые могут быть назначенными на высокие посты, а также о тех, кто занят или только привлекается к руководящей деятельности во всех сферах жизни нации».

Углубившись в изучение материалов, комиссия, возглавляемая генералом Беолкини, делает еще одно открытие: итоговые оценки службы, содержащиеся в досье на того или иного человека, с течением времени могли изменяться на прямо противоположные на основании одной и той же собранной информации. Это лишний раз доказывало, что аналитическая работа службы носила абсолютно тенденциозный характер, ориентируясь на потребности той политической группы, которая пользова-

лась досье. Причем если в первые годы получаемая информация сопровождалась ссылками на источник, то позже все сведения становятся анонимными, и установить приславшего их стало невозможно. Выступая перед парламентской следственной комиссией, образованной в 1969 году, генерал Беолкини сообщил и другие обнаруженные им интересные подробности: «Изучая дела, мы не раз убеждались, что многие досье появились как результат любопытной системы: Служба собирала информацию, заранее организованную и распространенную ею же». На вопрос: «Именно такая последовательность: сначала распространение, а потом уже сбор информации?» — Беолкини ответил: «Совершенно верно. Были характерные случаи, ясно указывавшие на это»¹⁴.

Этап самого беззастенчивого нарушения законности был, однако, еще впереди. 2 февраля 1961 года Де Лоренцо произвели в генералы армии, по уставу он должен был уйти с поста начальника спецслужбы. Однако в нарушение уставных положений он оставался ее шефом при попустительстве государственных властей, откладываявших его новое назначение, вплоть до октября 1962 года, когда, согласно должностному предписанию, он, будучи формально отстранен от руководства службой, получал право контроля над ней.

Именно Де Лоренцо удалось настоять на приеме специального закона, названного «законом равнозначности», который позволил ему получить повышение в звании без обязательного в подобных случаях, пусть даже краткосрочного, пребывания на оперативной командной должности в армии. Циркуляром генштаба обороны от 4 марта 1962 года № С2/511 руководство СИФАР приравнивалось к командованию дивизией. До издания этого циркуляра генералу уже присмотрели дивизию «Мантова» для прохождения предписываемого уставом периода оперативного командования, но тогда он должен был бы покинуть СИФАР. Теперь последнее препятствие было устранено.

Впрочем, Де Лоренцо смотрел дальше: его целью было место командующего корпусом карабинеров. Достижению ее мешал генерал Ренато Де Франческо, которому оставался год до выхода на пенсию. Однако Де Лоренцо не из тех, кто отступает перед трудностями: он приказывает людям из СИФАР покопаться в личной жизни шефа

карабинеров, используя для этого «клопов», подслушивающие устройства телефонных разговоров, слежку, все, вплоть до провокаций. Несмотря на такие сверхусилия, досье старого генерала остается пустым, лишь два-три подозрения, лишённые доказательств. Но так как главнокомандующий карабинеров должен быть выше даже подозрений, усердие Де Лоренцо приносит свои плоды: 15 октября 1962 года, за 9 месяцев до конца законного срока, Де Франческо отправляют на покой, и в его кресло садится Де Лоренцо.

Однако до этого он должен был решить еще одну проблему: шеф отдела «Б» Виджиани, верный ему человек, имел чин полковника и не имел оснований для производства в генералы, без чего не мог рассчитывать сделаться начальником СИФАР. Де Лоренцо легко преодолевает и это препятствие: изготавливает фальшивый приказ, подделываются документы, и Виджиани становится генералом и шефом службы.

Естественно, подобные «игры» должны были иметь надежное политическое прикрытие. Но этот аспект деятельности генерала никогда так и не стал объектом расследования. Де Лоренцо практически продолжал руководить СИФАР в качестве третьего лица. Если принять во внимание, что свыше 80% штата службы составляли карабинеры, то нетрудно представить, какую власть над спецслужбой имела связка Де Лоренцо—Виджиани в течение долгого периода, закончившегося со смертью последнего 5 июня 1965 года.

Кроме того, в этот же период на должность руководителя отдела «Б» был назначен еще один верный человек Де Лоренцо—генерал Джованни Аллавена, командовавший до этого управлением центров контрразведки Рима (РЧК) и вопреки правилам сохранивший за собой этот пост. Таким образом, с октября 1962 года вся служба оказалась в руках двух дублеров Де Лоренцо. К ним надо добавить полковника Луиджи Тальямонте, являвшегося долгое время начальником административного отдела СИФАР, теперь же, при содействии Де Лоренцо, прибавившего к этому должность начальника отдела программирования и бюджета главного командования корпуса карабинеров. Это значит, что к концу 1962 года 6 наиболее важных мест в корпусе карабинеров и СИФАР (главнокомандующий, шеф секретной службы, начальник

отдела «Б», руководитель РЧК, управляющий делами СИФАР и глава бюджетного отдела корпуса карабинеров) занимали Де Лоренцо и три его абсолютно надежных человека.

Как вскрыла парламентская следственная комиссия, получив назначение главкомом карабинеров, Де Лоренцо привел с собой по меньшей мере 17 офицеров СИФАР¹⁵: клика Де Лоренцо могла в любое время бросить контролируемый им разведывательный аппарат на поиски компрометирующей информации обо всех и вся.

Вот что замечает по этому поводу Беолкини: «...очевидно, что после 1962 года начался сбор преимущественно такой информации, которая могла бы навредить определенному человеку, став инструментом шантажа. Это был не просто сбор сведений, попирающий права личности, выявилась тенденция: смысл полученных сведений исказить таким образом, чтобы они представили личность в наиболее темном свете».

Давая показания перед парламентской следственной комиссией, генерал Беолкини высказался еще определенной: «...велась слежка, с помощью телеобъективов фотографировались те, кто посещал объект наблюдения... контролировалась переписка, с применением специальной аппаратуры подслушивались и записывались телефонные разговоры. Все совершалось явно вопреки закону. Делались попытки завербовать в осведомители друзей и знакомых и через них добыть сведения об образе мыслей подконтрольного».

Сколько же досье было использовано для того, чтобы сломать одни карьеры и создать благоприятные условия для других! В апреле 1962 года, например, когда завершилось семилетие президента Гронки и в качестве его преемника начала вырисовываться кандидатура Леоне, оттесняя в тень Сеньи, человека, на которого очень рассчитывал Де Лоренцо, СИФАР провела операцию; в результате в руки парламентариев попало длинное письмо, содержавшее пикантнейшие подробности личной жизни синьоры Виттории Леоне. Сеньи был избран президентом, получив большинство в основном за счет голосов неофашистов¹⁶.

Тем временем начиная с 1958 года становится все очевидней провал центризма как системы управления страной. Политическая обстановка становилась все неста-

бильнее. Провал авторитарных попыток сохранить власть, вызвавших немедленную и недвусмысленную реакцию общественности, помог руководству христианских демократов осознать неизбежность смещения влево политической оси. В этом свете избрание Сеньи при поддержке неофашистов явилось компенсацией за постепенную утрату монополии на власть, гарантией самосохранения антидемократических сил в условиях полевения страны. Хорошо понимая, что гарантии эти ненадежны, руководящие круги Соединенных Штатов пытались использовать итальянские секретные службы для того, чтобы поставить барьеры сдвигу Италии влево. Именно в это время Де Лоренцо через начальника отдела экономических и промышленных исследований (РЕИ) СИФАР полковника Рокки начинает устанавливать связи, результатом которых через два года явится попытка печально знаменитого путча.

Связи эти освящены «высоким покровительством» филиалов американских секретных служб в Риме и Франкфурте-на-Майне, где располагалась штаб-квартира разведслужбы Пентагона в Европе. В самом деле, зависимость наших спецслужб от американских становилась все более сильной. В конце 1962 года ЦРУ составило новый меморандум, который от Италии подписал Де Лоренцо,— согласно этому документу итальянская секретная служба брала на себя, помимо прочего, следующие обязательства: «...разработать программу мобильных действий в случае чрезвычайных обстоятельств; увеличить финансирование сил, противостоящих политическому сдвигу влево; поддерживать любые выступления, направленные на подрыв социалистической партии, благоприятствовать возможным внутренним расколам в ней»¹⁷.

Первый пункт меморандума станет основополагающим в плане Де Лоренцо, который он попытается реализовать в 1964 году. Это не случайное совпадение: американцы были не только в курсе всего, что предпринимал генерал, но с 1959 года, когда тот интенсифицировал работу по сбору досье «на всех и вся», регулярно получали копии наиболее важных из них. Томас Карамесинес, резидент ЦРУ в Риме, посоветовал генералу Де Лоренцо завести специальные персоналии на политических лидеров, содействующих сдвигу влево, с целью выявить тех из них, кого можно шантажировать. В

частности, он попросил завести подробную картотеку на группу сотрудников Альдо Моро.

Де Лоренцо передал Карамессинесу по две копии каждого досье. Оставив себе одну, шеф римского центра ЦРУ переслал другую в штаб-квартиру американского шпионского ведомства в Лэнгли.

В такой атмосфере сплошных интриг социалисты входят в состав правительства. В Риме собираются секретные совещания. Военный аташе США полковник Вернон Уолтерс утверждает, что, если социалисты войдут в правительство, Соединенные Штаты будут вынуждены ввести в Италию войска. Томас Карамессинес занимает более реалистичную позицию, полагая, что вместо того, чтобы противиться неизбежному, лучше направить все силы на ослабление прогрессивных сил и как бы изнутри обесмыслить политический крен влево. Устанавливаются контакты с правым крылом социалистов, начато наступление на Рикардо Ломбарди, справедливо считающегося главной помехой планам консервативных сил.

Однако в октябре 1962 года всех ошеломляет новость: Кеннеди решает поддержать происходящий в Италии процесс некоторого полевения политической жизни страны. Это решение встречает сильное сопротивление руководителей Пентагона, внимательно следящих за событиями на Апеннинах. В результате президент США вынужден сделать кадровые перестановки. Вернон Уолтерс заменяется более гибким полковником Джеймсом П. Штраусом. Прежде чем покинуть Италию, Уолтерс договаривается с Де Лоренцо, что все инструкции, касающиеся сверхсекретного плана вмешательства в итальянские дела, будут передаваться непосредственно Карамессинесу и Ренцо Рокке. Действительно, последний находился в постоянном контакте с Уолтерсом и теми офицерами Пентагона, которым была не по душе осторожность, проявляемая Карамессинесом в отношении событий в Италии.

Тайные махинации, предпринятые в период, непосредственно предшествующий июлю 1964 года, еще очень далеки от окончательного разоблачения. Кое-что прояснил Роберто Фаенца, написав в «Малаффаре»: «Харви согласовывал с Роккой действия по дестабилизации обстановки в стране в противовес попыткам Моро сохранить стабильность. Необходимо, подсказывал Харви, создать

«команды действия», которые, выдавая себя за левых, совершали бы налеты на помещения христианских демократов и редакции ежедневных газет на севере страны, а также «группы давления», которые требовали бы от правительства и главы государства перед лицом совершаемых погромов принятия чрезвычайных мер. В архивах резидентуры ЦРУ в Риме обнаружены списки членов крайне правых военизированных формирований, уже давно предложивших свои услуги по организации антикоммунистических выступлений. В этих списках более 2 тысяч человек, способных на все: убивать, подкладывать бомбы, вести пропаганду и т. д.»¹⁸

Что касается «групп давления», которые должны были бы требовать от правительства и главы государства принятия чрезвычайных мер, о них ничего не известно. Правда, бросилось в глаза странное совпадение — еженедельник «Эпока» вышел 5 июля 1964 года с трехцветной обложкой (под цвет национального флага Италии. — *Перев.*), на которой крупными буквами была написана следующая знаменательная фраза: «Трудовая Италия требует от главы государства энергичного и компетентного правительства, которое могло бы с ответственностью противостоять экономическому и моральному кризису, отравляющему нацию».

В центре заговора стоял скромный и осторожный человек — полковник артиллерии Ренцо Рокка. Эта личность — один из важных ориентиров для понимания подлинной обстановки начала 60-х годов в Италии. Родившийся в 1910 году в пьемонтском городке Альбао, он окончил артиллерийскую школу в Турине. В 28 лет получил чин капитана. В 1946 году, когда ему было всего 36 лет, стал подполковником и мог бы сделать блестящую карьеру. Но когда в 1949 году возникла СИФАР, он неожиданно перешел на работу туда, приняв руководство одним из важнейших подразделений службы — отделом экономических и промышленных исследований (РЕИ).

Основной обязанностью РЕИ была — или должна была быть — охрана экономических и промышленных секретов, патентов, а также контроль за продажей оружия итальянского производства возможным зарубежным покупателям. На деле все обстояло по-иному. Дзангранди в своем исследовании по СИФАР так описывает истинное положение вещей: «...начиная с 50-х годов Рокка в качестве

начальника РЕИ (отдела промышленного контршпионажа) собирал деньги на антикоммунистическую деятельность среди крупных промышленников... Через руки Рокки прошли сотни миллиардов лир («компенсированные» военными подрядами, разрешением на экспорт оружия и т. д.), которые он распределял между политическими партиями, течениями и группами»¹⁹.

Этот вид деятельности начался во времена «захвата власти» демохристианами 18 апреля 1948 года и официального создания СИФАР 1 сентября 1949 года. Он не прервался, даже когда выстрел из револьвера 27 июня 1968 года неожиданно положил конец жизни полковника, и на сцену вышло другое действующее лицо — Витторио Валетта, могущественный директор-распорядитель ФИАТа.

История отношений между РЕИ и ФИАТом — это и многолетняя история провокатора Луиджи Кавалло²⁰, чья судьба тесно переплетена с судьбами Рокки и Валетты.

Союз Рокки и Кавалло сложился в середине 50-х годов. В 1962—1963 годах они активно сотрудничали, готовя группы провокаторов-добровольцев, которые должны были вызывать беспорядки во время митингов и собраний левых сил, а в случае переворота выполнять задачу поддержки и флангового прикрытия основных ударных отрядов путчистов. Ферруччо Парри писал по этому поводу: «„Группы добровольцев“ создаются во многих городах. Они уже наследили в Милане, Турине, Генуе, Модене. Активизировались агенты СИФАР. В Турине вновь появляется пресловутая команда Кавалло... их план ясен и прост: провоцировать беспорядки, конфликты, налеты, настраивая соответствующим образом общественное мнение. Чуть спокойнее в Риме. Но римляне запомнят, как была сорвана этой осенью забастовка строителей, вышедших на площадь Санти Апостоли»²¹. Эпизод, о котором упоминает Парри, произошел 9 октября 1963 года. На профсоюзном митинге, назначенном в связи с проходящей забастовкой строителей, неожиданно вспыхнули беспорядки, имевшие серьезные последствия. Этот частный случай, непосредственно связанный с событиями 1964 года, так никогда и не был глубоко изучен. Что касается Парри, то он был прекрасно обо всем осведомлен и хотел, чтобы и другие знали об этом; к

сожалению, к нему тогда мало кто прислушался²².

Он неоднократно возвращался к происходившему. 3 марта 1968 года в «Астролабио» Парри приводит свидетельство отставного лейтенанта-карабинера, к которому по выходе его на пенсию обратились с предложением вступить в «группу фланговой поддержки». Сигналом к явке на место сбора группы должна была служить расклеенная по городу афиша несуществующего вестерна.

Вызванный в парламентскую следственную комиссию, Парри заявил: «Эти группы создавались из бывших армейцев, моряков и карабинеров. В качестве вспомогательных сил подготовленного переворота они должны были провоцировать беспорядки и оказывать поддержку подразделениям карабинеров... Речь идет об авантюристах, установивших контакты с офицерами-карабинерами и получивших от них оружие и форму...»²³

Не менее достоверные сведения сообщил комиссии журналист Лино Яннуцци. В своих показаниях он разъяснил, что вербовка велась по двум направлениям: секретная комплектация групп из отставных карабинеров и рекрутирование нелегальных формирований «гражданской милиции», оплачиваемых из тайных фондов СИФАР. Яннуцци заявил также: «Параллельно ширилось использование разнообразных военизированных формирований, полностью или частично засекреченных. Например, в Генуе местный шеф контрразведки полковник Пассаро осенью 1963 года обратился к начальнику генуэзских карабинеров полковнику Таддеи с предложением сообща разработать план, который предусматривал бы возможность сбора, в случае чрезвычайных обстоятельств, в казармах карабинеров группы лиц, состоящей из бывших солдат и моряков, «Дечима мас»* и им подобных. Полковник Таддеи, отвергнувший это предложение, был отстранен от занимаемой должности в ноябре того же года»²⁴.

Другой бывший офицер СИФАР, полковник Гульемо Черика, признал перед той же комиссией: «...я целиком подтверждаю, что именно несчастный полковник Рокка, разумеется, не по своей инициативе, а по приказу, полученному сверху, установил связи с бывшими парашю-

* «Дечима флоттилья мас» — воинское формирование «республики Салó».

тистами и моряками». Яннуцци удостоверил это, заявив комиссии, что ему известно все со слов Рокки. В свою очередь сын полковника Рокки свидетельствовал, что в последние месяцы жизни полковник был очень обеспокоен возможностью вызова в комиссию. «Почему полковник так боялся этого?— задавали вопрос члены комиссии в своем отчете и отвечали: — Конечно же, он знал, что вряд ли сможет избежать ответственности за участие в событиях июня—июля 1964 года, о которых знал все, принимая во внимание степень оказываемого ему доверия». Речь идет о самых серьезных делах, таких, как незаконная вербовка, установка микрофонов в Квиринале, деятельность РЕИ. Ему принадлежала ведущая роль в самых секретных, темных и противозаконных операциях²⁵.

Мы специально заострили внимание на факте вербовки провокаторов, потому что считаем—подобное случилось и позже. Далее будет рассмотрено, какую роль сыграли в «стратегии напряженности» и заговорах, ее сопровождающих, так называемые «параллельные группы» из гражданских лиц, итальянцев—экстремистов правого толка, возглавляемых военными, которые зависели от параллельных наднациональных структур, подчиненных НАТО. Кроме того, мы расскажем о секретной учебной базе на сардинском мысе Маррарджу, на юг от Альгеро, где проходили соответствующую подготовку молодые экстремисты. Так как лагерь функционировал уже в 1964 году, хотя и не с таким размахом, как позже, достаточно вероятно, что здесь тренировались и люди полковника Рокки.

Тут уместно спросить: а что же случилось со всеми завербованными им в 1964 году? Неужели эти сотни и тысячи мужчин, прямо скажем, далеко не ангелов, мечтающих о приключениях а-ля Д'Аннунцио*, вернулись к обычной повседневности? Всего пять с половиной лет прошло между июльскими событиями 1964 года и кровопролитием на площади Фонтана**, еще через год состоялась попытка государственного переворота князя Боргезе**. Известно, что в этих событиях участвовали сотни

* Имеется в виду Г. Д'Аннунцио (1863—1938)—писатель и поэт—певец и герой романтического авантюризма, замешенного на воинственном национализме.

** Об этом подробно в следующих главах.

людей, прошедших где-то специальную подготовку. И что же, все они потом мирно разошлись по домам? Маловероятно.

Деятельность сотрудников РЕИ не ограничивалась только вербовкой. Мы уже упоминали о финансовой ее стороне. Действительно, в конце 50-х — начале 60-х годов полковник Рокка координировал операции по перераспределению сумм, ассигнуемых Конфиндустрией* на борьбу с влиянием компартии. Часть денег шла на финансирование огромного количества печатных изданий самой разной периодичности и значимости, которые рождались и умирали в прямой зависимости от приливов и отливов заключаемых с ними «контрактов на рекламу», то есть денежных подачек из фондов РЕИ. Эта область деятельности РЕИ почему-то осталась вне зоны внимания серьезной публицистики. Исключение, быть может, составляют глубокие работы Руджеро Дзангранди, который, используя довольно «полноводные» источники информации, дал на страницах газеты «Паэзе сера», а затем в небольшой, но сработавшей подобно бомбе книжке чудовищную картину «мелких прегрешений» — от финансирования провинциальных органов массовой информации до детального, «вплоть до седьмого колена» копания ищек СИФАР в политическом прошлом 59 претендентов на должности в аппарате Конфиндустрии.

Отношения между ассоциацией промышленников и РЕИ были настолько тесными, что под крышей здания, служившего прикрытием для последнего, размещался один из отделов Конфиндустрии²⁶.

В дальнейшем активность РЕИ будет сильно ограничена, но это вовсе не означает, что возможности его уменьшатся. Отдел специальных исследований (РИС) — преемник РЕИ — сохранит за собой контроль за торговлей оружием с другими странами, то есть область, в которой служба продолжит «грешить» еще очень долго.

Смерти полковника Рокки в июне 1968 года предстоит остаться одной из многих неразрешенных, темных загадок истории 60-х годов. Она как бы символически определит рубеж двух эпох: с одной стороны, поставит кровавую точку авантюрам Де Лоренцо, вот уже год как

* Конфедерация итальянских промышленников — антирабочий фронт итальянского капитализма.

разоблаченным прессой и пропущенным через сито парламентской следственной комиссии, а с другой — фактически послужит сигналом к началу осуществления «стратегии напряженности».

Несмотря на прошедшее время и на достоверность сведений о прошедших событиях, найти доказательства политической ответственности за случившееся тех, кто руководил деятельностью Де Лоренцо, трудно. Тот же Яннуцци, журналист, первый набросавший контуры заговора, воздерживается от обвинений в адрес главы государства, скорее всего из соображений, что тот находился в тяжелых условиях²⁷. Но кроме Сеньи, был же еще кто-то, кто наверняка нес ответственность за происходящее, но вот кто — на этот вопрос не смогла ответить даже парламентская следственная комиссия.

Вероятно, истину можно отыскать, пристально взглядевшись в официальную версию. В ней говорилось об «обыкновенном исполнении плана по защите общественного устройства», который вступает в силу при чрезвычайных обстоятельствах. Нетрудно догадаться, что подобный план на самом деле существовал и что весной 1964 года мы имели «исполнение» его пунктов. Гораздо труднее поверить, что все, что случилось, было направлено «на защиту общественного устройства». По существу, чрезвычайный план являлся лишь одной из крайних мер среди прочих возможных, которые власти — а точнее, спецслужбы — держали в запасе на случай очевидного усиления влияния левой оппозиции.

В течение лета 1964 года на страницах печати, между сообщениями о тяжелом состоянии здоровья Сеньи, а позже о смерти Тольятти в Ялте, время от времени появлялись неясные намеки на какие-то готовящиеся события. Более ясно об этом было сказано в статье лидера социалистов Ненни, опубликованной в «Аванти!» 26 июля. «Неожиданно партии и парламент оповестили нас, что в любую минуту они могут быть выбиты из седла. Единственной альтернативой, которая возникнет при возможном вакууме власти, вызванном отказом от левоцентризма, выдвигается создание чрезвычайного правительства, состоящего из так называемых «выдающихся личностей, бескорыстных служителей государства», что, исходя из реальностей нашей страны, означало бы появление правого правительства фашистско-аграрно-

промышленного толка, в сравнении с чем поблекла бы даже память о событиях июля 1960 года».

Это была блестящая, доказательная, полная тревоги статья. Дальше этого Ненни больше никогда не пойдет, более того, отвечая на вопросы парламентской комиссии, он постарается приуменьшить ее ударную силу.

Тем временем Де Лоренцо продолжал управлять СИФАР, словно бы оставался ее начальником. Последние месяцы 1964 года он посвящает упорной борьбе за то, чтобы Джованни Аллавена, который вот уже свыше двух лет руководил отделом «Б» и римским центром контрразведки, был повышен в звании «за исключительные заслуги». Это тот самый Аллавена, который был с 1945 по 1947 год изгнан из армии за дисциплинарные проступки, настолько серьезные, что ему пришлось уничтожить все документы, их касающиеся! Но Де Лоренцо, как уже говорилось, не из тех, кто останавливается перед мелочами,—и повышение состоялось.

Только 6 месяцев спустя, когда умер от рака Виджигани, все поняли, что целью забот генерала было не упустить из рук высшую командную должность в службе. Он знал о неизлечимой болезни шефа СИФАР и готовил почву для его замены. Так и случилось: 5 июня 1965 года Аллавена пересаживается в освободившееся кресло.

1965 год прошел без потрясений: ничего из того, что не должно было стать достоянием широкой общественности, не вышло за пределы узкого круга заинтересованных лиц. Военные круги сохраняли внешнее спокойствие, но их внутренняя борьба разгорелась, как никогда за предыдущие 20 лет. Генерал Росси, почти 7 лет занимавший пост начальника генштаба министерства обороны, достиг пенсионного возраста и готовился уйти в отставку. 22 декабря его сменил генерал Алойя. До этого, с апреля 1962 года, он руководил генеральным штабом армии и служил проводником опасной «ардитизской»* концепции. Виднейший представитель проатлантического, проамериканского крыла в итальянских вооруженных силах, Алойя считал, что в случае гражданской войны определя-

* *Ардитизм*—определенное состояние духа и социального поведения некоторых слоев итальянского общества, характеризующееся безоглядным авантюризмом, вызывающим поведением, оправленными идеологической и символической атрибутикой.

ющую роль сыграет идеологическая подготовка армии. По его мнению, все солдаты должны пройти курс «антипартизанской подготовки» в специальных школах психологической войны. Он окружил себя группой журналистов фашистского толка: Гуидо Джаннеттини, Пино Раути, Эдгардо Бельтраметти, Жанфранко Финальди, Энрико Де Боккардом и другими приверженцами военной культуры, ориентирами которой являлись элитарная идеология фашизма и деяния французской ОАС* и французских генералов в Алжире. Армия, которую они видели в мечтах, была армией «центурионов»: относительно малочисленная, вооруженная самым современным оружием, хорошо выученная профессионально и политически обработанная в антикоммунистическом духе, а также исполненная чувства исключительности собственной миссии.

Еще будучи начальником генштаба армии, Алойя начал претворять в жизнь вынашиваемые им и его советниками идеи. Первые «ардитизские» курсы были открыты им при пехотном училище в Чезано, на окраине Рима. В январе 1965 года агентство печати, возглавляемое Раути и Джаннеттини, так прокомментировало этот факт: «На ардитизских курсах создан особый психологический и этический климат для слушателей... Генеральным штабом подготовлены тысячи людей, специальным образом обученные борьбе с подрывными элементами, готовые действовать в крайних обстоятельствах...» Как видим, речь шла о том, чтобы привнести в армию абсолютно чуждый итальянским вооруженным силам дух. В 60-е годы много иронизировали по поводу поддержки, которой якобы пользовался Де Лоренцо со стороны левых сил. Он действительно сумел получить дивиденды со своих мнимых «заслуг» в период Сопrotивления, и поддержка, если она и имела место, была, думается, продиктована боязнью стать невольными соучастниками планов Алойи, казавшегося еще более опасным.

В те же годы начал функционировать Институт

* ОАС—буквально: секретная вооруженная организация—военно-фашистская группировка, созданная реакционным крылом французской военщины весной 1961 г. для борьбы с национально-освободительным движением алжирского народа и демократическим движением в самой Франции.

военной истории Альберто Поллио, в руководство которого вошли журналисты-неофашисты, перечисленные чуть раньше, а также некоторые офицеры генерального штаба. С 3 по 5 мая 1965 года институт провел в римском отеле «Парко дей принчипи» печально известный симпозиум по вопросам «революционной войны», который обычно считают актом идеологического оформления «стратегии напряженности». Работой симпозиума руководили советник миланского апелляционного суда Сальваторе Аланья, генерал парашютистов Алчесте Нулли-Аугусти и полковник артиллерии Адриано Маджи Браски.

Гуидо Джаннеттини выступил с докладом «Разнообразие техники ведения революционной войны», Пино Раути сделал сообщение на тему «Тактика коммунистического проникновения в Италию», Джорджо Пизано в свою очередь рассказал о «Революционной войне в Италии в 1943—1945 годах», подразумевая под этим, естественно, ту, которую вели «черные бригады» «республики Салó». Удивительно пророческим оказалось выступление Джано Аккаме на тему «Контрреволюция греческих офицеров»: путчу афинских полковников еще предстояло случиться*. Профессор Пио Филиппани Ронкони, специалист по санскриту и переводчик шифровального отдела министерства обороны, предложил создать немногочисленные отборные команды, «натасканные на террористов», и с их помощью добиться изменения «рисунка созвездия сил, находящихся у власти».

Среди других участников симпозиума необходимо упомянуть Ивана Маттео Ломбардо, который в 1947 году вместе с Сарагатом явился одним из инициаторов раскола социал-демократов, а также Витторио Де Бьязе, правую руку Джорджо Валерио, директора-распорядителя фирмы «Эдисон», находившейся в начале 60-х годов на острие борьбы Конфиндустрии против «полевения» Италии.

Есть предположение, что эти два крупнейших промышленника были среди тех, кто финансировал симпозиум. Остальные деньги поступали из фондов отдела РЕИ в

* В апреле 1967 г. связанная с американскими спецслужбами греческая реакционная военщина совершила государственный переворот с целью остановить развитие демократического движения в стране.

виде значительных фиктивных выплат агентству печати, возглавляемому Раути и Джаннеттини.

Тот факт, что близкий к Де Лоренцо полковник финансировал мероприятия Алойи, свидетельствовал о том, что в этот период соперничество между двумя генералами еще не началось и что секретные службы еще были в поиске тактики, наиболее подходящей для противодействия левым силам. Толчок к конфликту между Алойей и Де Лоренцо дали события, последовавшие месяцем позже со смертью шефа СИФАР Виджиани, вызвавшей целый ряд перестановок в армейской верхушке. И если Де Лоренцо удалось протолкнуть к руководству службой своего человека, Аллавену, то Алойя в свою очередь добился назначения на пост начальника отдела «Б» своего, ходившего тогда в полковниках, Энцо Виолы. Конфликт не вырвался наружу, оставаясь «подпочвенным» в течение всей зимы 1965/66 г., но закат Де Лоренцо уже начался.

22 сентября произошли другие значительные перемещения в военном руководстве: Алойя оставил командование генштабом армии и возглавил генеральный штаб обороны, а его место занял Де Лоренцо, освободив в свою очередь должность главнокомандующего корпуса карабинеров. Более всех пострадал от этого Аллавена, оказавшийся в тисках между Алойей и его ставленником — Виолой.

Как только Алойя занял пост в главном военном штабе страны, он тотчас же распространил опыт «ардитизских» курсов на все три рода войск²⁸. На этот раз его инициатива не прошла, как ему хотелось, незамеченной. 7 января «Унита» опубликовала заметку, в которой с тревогой отмечалось постепенное превращение армии в силу идеологической борьбы. 19 марта об этом же написал еженедельник ИКП «Ринашита», заявив об опасности выучки такого типа.

К этому же времени относится и начало «войны досье». 14 апреля «Паэзе сера» сообщила, что целые партии мин перевозятся из одного района Италии в другие, чтобы дать заработать ряду фирм, которым поручено разминирование итальянского побережья. В скандале, получившем название «золотая мина», оказался замешан генерал Альдо Сенаторе, ближайший сотрудник Алойи. Это был прямой удар по начальнику генерального

штаба, а характер информации, переданной в газету, ясно обнаруживал свое происхождение: спецслужбы.

Как станет известно позже, 18 марта Аллавена изъясил из архивов СИФАР несколько досье, среди них — на Алойю и Ведовато.

20 и 21 апреля оба генерала лично «вышли на поле боя»: 20 апреля Алойя подтвердил, несмотря на критику, свою точку зрения о законности «ардитизских курсов» во всех вооруженных силах; на завтра Де Лоренцо упразднил их в армии.

Это решение вызвало бурную реакцию Пино Раути, который обозвал его «нейтралистским лавированием». Таким образом выплыло на свет основное противоречие между двумя концепциями эффективного сдерживания наступления левых сил. Алойя исходил из тезиса, что грань между войной и миром становится все уже, и, учитывая возможность вспышки гражданской войны, считал, что уже сейчас необходимо психологически готовить к этому вооруженные силы. Де Лоренцо, напротив, полагал, что для того, чтобы водить левых за нос, достаточно иметь в своем распоряжении сильную секретную службу, опирающуюся на небольшое воинское подразделение, например механизированную бригаду.

В этом и состояло противоречие двух «школ». Первая опиралась на результаты симпозиума в отеле «Парко дей принчипи» и получила недвусмысленную поддержку американской военной верхушки. Вторая не имела такой солидной зарубежной поддержки, но, вооруженный своей «коллекцией» досье, Де Лоренцо считал собственные позиции достаточно надежными. 4 мая 1966 года газеты опубликовали подробности другого скандала, касавшегося приобретения годом раньше 200 американских танков М-60А1, таких огромных, что их было невозможно перевезти по железной дороге, так как они не вписывались в туннели. Ответственность за это приобретение возлагалась на Андреотти и Алойю. Последний внешне не реагировал на выпады, однако в закулисной борьбе одержал убедительную победу, сумев отстранить 12 июня от руководства СИФАР Аллавену.

Практически генерал был уволен, хотя по дурной, чисто итальянской, традиции ему пожаловали другую престижную должность. Сначала правительство решило назначить его советником Государственного контроля,

но, как только стала известна эта новость, в высшем контрольном органе страны вспыхнуло столь сильное возмущение, что правительство предпочло пристроить Аллавену при Государственном совете, более зависимом от политической власти и, стало быть, более покладистом.

К руководству службой, переименованной к тому времени в СИД (разведывательная служба обороны), был призван адмирал Эудженио Хенке. Аллавена, прежде чем предоставить ему кабинет, в свою очередь «почистил» архивы, изъяв из них досье на Сарагата, Тремелони, Ромиту, Ла Пиру и десяток других политиков рангом пониже. Этот акт, совершенный наверняка по наущению Де Лоренцо, будет стоить ему должности также и в Государственном совете летом 1967 года.

Уже в начале 1966 года в прессе появляется неофициальная информация, приподнимающая занавес над противозаконными действиями секретных служб. Подобное Де Лоренцо старается душить в зародыше. 30 января в «Астролабио» опубликована небольшая заметка под заголовком «СИФАР и генералы», в которой критикуется деятельность карабинеров и всего лишь намекается на широкое использование ими досье. Но и этого оказалось достаточно для незамедлительной реакции штаб-квартиры СИФАР, отдавшей своим периферийным центрам приказ провести широкомасштабную операцию: весь поступивший в газетные киоски тираж в течение 24 часов скуплен их сотрудниками²⁹.

С приходом в СИД адмирала Хенке были проверены подвалы в ее резиденции в Палаццо Бараккини, и сразу же обнаружилась пропажа части досье. Новый шеф службы тотчас же сообщил об этом Алойе и политическим властям. Было учинено расследование—первое в длинной цепи ему подобных, которое возглавил генерал Буккери, командир дивизии карабинеров «Подгора». Результаты расследования оставались за семью замками, делалось все, чтобы замять дело. Некоторое время это удавалось. Громкий скандал, раздутый печатью, разразился в середине января 1967 года, когда достоянием гласности стал факт, что «под колпаком» секретных служб находился даже глава государства, досье на которого также исчезло из архивов. Выдержки из него появились в первых числах февраля на страницах журнала «Эуро-пео»³⁰. Это была сенсация. В министерстве обороны

состоялось большое совещание, в ходе которого обсуждалась необходимость наказания автора статьи Ренцо Трионфера за разглашение секретных сведений, но в конце концов было решено ничего не предпринимать. Трионфера в своем письме министру обороны Тремеллони и в последовавшей за ним статье в «Эуропео» сообщил, что владел этой информацией с 1962 года, когда близился срок завершения президентского семилетия Гронки и некая личность из его окружения передала ряду журналистов «лакомые» данные о возможных кандидатах в преемники Гронки. Последний в то время не скрывал надежды на возобновление мандата, и его сотрудники—с помощью СИФАР—позаботились, чтобы снабдить прессу материалами, выставляющими вероятных соперников в неприглядном свете.

Атмосфера все больше накалялась, и 14 апреля государственный советник Андреа Луго, глава секретариата министра обороны, отправился в резиденцию Де Лоренцо в генштабе армии с единственным предложением: генерал должен подать в отставку, а в обмен правительство предоставит ему достаточно видный дипломатический пост посла в Бразилии или в любой другой латиноамериканской стране. Это была явная попытка замять скандал, но Де Лоренцо, рассчитывая, видимо, на «убойную» силу находящегося в его руках досье, отказался от предложения. Беседа длилась несколько часов, порой на повышенных тонах. Подробно записанная на магнитофон, она стала самостоятельным делом в деле: пленка была в первый раз предъявлена суду 15 октября 1969 года адвокатом Кризафулли, юрисконсультom генерала на процессе против еженедельника «Эспрессо». Суд приобщил кассету к документам, однако на следующий день адмирал Хенке, шеф СИД, лично явился к судьям и потребовал выдачи пленки. Судебные чиновники воспротивились, тем не менее 11 февраля 1970 года магнитофонные записи были изъяты на основании постановления председателя парламентской следственной комиссии Алесси. Но и сама комиссия не успела прослушать записи: 8 дней спустя заместитель министра обороны Франческо Коссига предстал в кабинете ее председателя, предъявив ноту министра обороны Гуи за № 414/R, в которой предписывалось изъять пленку.

Члены комиссии безуспешно пытались вернуть плен-

ку. Ответ был откровенно издевательским: кассету возвратили опечатанной в предпоследний день работы комиссии, 14 декабря 1970 года, снабдив запретом министра обороны на ее прослушивание, поскольку в ней «содержатся секреты военно-политического характера». На следующий день комиссия прекратила существование, и пленка была положена в сейф. На основании закона о сроках секретности ее можно будет прочесть—если тем временем ее никто не украдет—только через 70 лет, то есть в 2040 году. Однако, если быть до конца откровенными, множество людей—министры, их заместители, генералы и сановные чиновники—читали и перечитывали занесенные на бумагу записи: газета «Паэзе сера» в четырех номерах начиная с 17 октября 1968 года публиковала отрывки из них.

15 апреля 1967 года, за день до встречи Луго и Де Лоренцо, собравшийся на чрезвычайное заседание Совет министров отстранил последнего от должности начальника генерального штаба армии.

Результаты расследования, возглавляемого генералом Беолкини, вскрывшего серьезные «грехи» службы, так и не стали известны общественности, потому что наиболее важная часть итогового доклада не была опубликована. Много лет спустя, в момент, столь же опасный для страны, тот же Беолкини скажет: «Если бы доклад, который я подготовил вместе с генералом Умберто Туррини и государственным советником Андреа Луго, был передан парламенту и магистратуре, вовремя стали бы ясны многие позиции, многие противозаконные действия удалось бы предупредить, многих ошибок избежать. Главное, удалось бы устранить самое серьезное зло: долговременность, постоянную сменяемость кризисных ситуаций в стране»³¹. Доклад, по словам Беолкини, содержал 81 страницу, не больше половины из них дошло до широкой общественности. Да и здесь многие абзацы были прямо-таки вырезаны. Самым вопиющим явилось то, что ни один из приложенных к докладу 32 документов не был предъявлен парламенту. Уничтожен целый раздел доклада, касающийся подслушивания телефонных разговоров. Только по делу о подслушивании комиссия рекомендовала привлечь к суду 7 высших офицеров-карабинеров и 3 офицеров административных служб. Никто из них не получил даже ничтожного взыскания.

Комиссия Беолкини определила также меру ответственности некоторых политических деятелей. В уже цитированном выше интервью генерал воскликнул: «Да что там военные секреты! Расследование вскрыло настоящие политические ляпсусы, недостойные государственных деятелей. Выявилось настолько очевидное сведение личных счетов между ними, что тяжело об этом знать. Требуется мужество, чтобы оздоровить обстановку в целом по стране, и в первую очередь почистить наиболее приватные службы вооруженных сил, привести в соответствие с законом их деятельность. В противном случае все будет идти, как шло, ничего не изменится, более того, ухудшится, упрочится и увековечится».

Несмотря на существование такого доклада, все наиболее близкие Де Лоренцо офицеры в дальнейшем будут повышены в званиях и должностях. Те же немногие, например генерал Манес, кто предупреждал об опасном перерождении корпуса карабинеров, сильно испортили себе этим карьеру.

Что касается следственной комиссии Беолкини, она, в назидание другим, наказала именно тех свидетелей, которые постарались скрыть истину. Большинство из них были замешаны в противозаконных операциях службы. Так, полковник Витторио Менегуццер, ближайший сотрудник Де Лоренцо, Виджиани и Аллавены, секретарь отдела «Б» в течение многих лет, виновный в исчезновении досье в 1966 году, был отстранен от должности командира анконского легиона карабинеров и переведен в запас. Полковник Марио Де Форгеллинис, шеф неаполитанского центра службы, также переведен в запас после 10-суточного содержания под арестом. Полковник Марио Филиппи, некогда начальник аналогичного центра в Болонье, а затем сотрудник генштаба армии, увильнувший от дачи показаний, переведен в Удине и наказан 20-дневным арестом. Этот Филиппи — участник всех совещаний по плану «Соло» (о нем будет рассказано дальше) — часто «пророчествовал», что позже корпус карабинеров будет «достойно вознагражден», имея в виду предполагаемое назначение Де Лоренцо министром обороны.

Немало и других офицеров были наказаны подобным образом. Однако позже все они были восстановлены в правах и повышены в чинах.

Но вернемся к 15 апреля 1967 года. Отстранение от должности Де Лоренцо произошло в крайне напряженной обстановке. Объявление о созыве заседания Совета министров в субботнее утро было передано его членам в пятницу вечером и застало многих в поездках по соответствующим избирательным округам. Субботнее совещание длилось более 5 часов, поскольку некоторые министры-демохристиане были расположены спустить дело на тормозах и противились наказанию генерала. Только к 16.45 их сопротивление было сломлено, и заседание закончилось снятием Де Лоренцо с должности начальника генерального штаба армии и назначением на этот пост генерала Гуидо Ведовато. После чего стянутые к Палаццо Киджи* дополнительные воинские силы вернулись в свои казармы.

Через несколько дней и Аллавена подал в отставку с должности государственного советника, которую ему пожаловали в июне предыдущего года. Бывший шеф СИФАР отдавал себе отчет, что с увольнением Де Лоренцо его позиции стали еще уязвимее, и поспешил предупредить возможные меры по отношению к собственной персоне.

Но если кто-то решил, что с переводом в запас генерала Де Лоренцо завершился и скандал, он глубоко ошибался: все только начиналось.

10 мая 1967 года политики были в смятении: их всполошили информационные агентства, дав анонс статьи-бомбы Яннуцци в «Эспрессо». «Наконец-то правда о СИФАР. 14 июля 1964 года: заговор в Квиринале. Сеньи и Де Лоренцо готовили государственный переворот»,— кричал огромный заголовок с обложки еженедельника за 14 мая. Эта статья была написана сразу, как только стало известно о пропаже нескольких досье, и уже несколько месяцев горячо обсуждалась в журналистских кругах. Еженедельник же использовал информацию— об этом станет известно позже,—полученную «из недр» военных кругов сенатором Парри и депутатами Андерлини и Скьяно. Ее передали несколько офицеров-карабинеров, против воли, в силу занимаемых должностей, втянутых в подготовку переворота. Когда Де Лоренцо в декабре 1965 года вот-вот должен был стать

* Резиденция итальянского правительства.

начальником генштаба армии, эти офицеры обратились к представителям левых партий в надежде, что это помешает его назначению.

Депутат Скьяно, уже давно внимательно прислушивавшийся к тревожным сигналам, поступавшим из СИ-ФАР и корпуса карабинеров, своевременно обратился к сенатору Парри, чтобы тот, используя свой моральный и политический авторитет, помешал Де Лоренцо занять столь высокий пост в вооруженных силах.

Усилия одного из бывших руководителей Сопротивления не привели, однако, к ожидаемому результату, зато послужили причиной скандала, высветившего тревожную ситуацию, сложившуюся в стране. В течение всей второй половины 1967 года христианские демократы прилагали немало сил, чтобы замять дело. Кончилось тем, что в конце сентября сам Гуарнера, прокурор республики в Риме, потребовал положить его под сукно.

Несмотря на это, шумная кампания в прессе, начатая «Эспрессо», достигла такой остроты, что Де Лоренцо решился подать в суд. Официальным предлогом послужило не выдвинутое еженедельником обвинение в подготовке генералом государственного переворота, а уже упоминавшаяся коротенькая заметка, появившаяся в журнале в сентябре. Дело рассматривалось в уголовном отделении римского суда. Во время слушания подсудимые Эудженио Скальфари и Лино Яннуцци очень скоро из обвиняемых превратились в обвинителей. Но все же процесс, начатый 11 ноября 1967 года, завершился 3 марта 1968 года приговором: Скальфари и Яннуцци — соответственно к 15 и 14 месяцам тюрьмы условно. Суд посчитал их виновными в диффамации, совершенной при отягчающих обстоятельствах. И это невзирая на то, что главный прокурор Оккорсио — позже, 10 июля 1976 года, он будет застрелен неофашистом Конкутелли — потребовал в обвинительном заключении полного оправдания для них, как хроникеров, использовавших свои права.

В ходе процесса всплыл неопровержимо доказанный факт: 26 июня 1964 года Де Лоренцо срочными кодированными телефонограммами созвал в Рим командиров трех дивизий — «Пастренго», «Подгора» и «Огаден» — «для важного сообщения». 27-го утром эти офицеры тайно встретились в кабинете Де Лоренцо с руководством СИФАР: здесь они получили распоряжения по

подготовке к дню «икс» и списки людей, которых предстояло арестовать в первую очередь.

Офицеры на следующее утро провели аналогичные совещания в своих штабах в Милане, Риме и Неаполе. В ходе судебного заседания стало известно—позже это подтвердит доклад следственной комиссии, возглавляемой Ломбарди,—что Де Лоренцо приступил к разработке плана, названного им «Соло» (поскольку должен был воплотиться единственно силами корпуса карабинеров), уже в первые месяцы 1964 года. Этим опровергалось утверждение генерала, что он предпринимал тогда исключительно превентивные меры в связи с правительственным кризисом июня 1964 года.

Ну, а пока в парламенте велись острейшие дебаты, инициаторами которых были депутаты левых партий, требовавшие, вопреки сопротивлению христианских демократов, создания парламентской следственной комиссии.

10 января 1968 года, пытаясь опередить возможное парламентское расследование, министерство обороны назначило собственную, энную по счету комиссию, состоящую из трех генералов во главе с Ломбарди, тесно связанных с военным истеблишментом. Одно это сулило мало гарантий того, что следствие, ею проводимое, добавит что-либо к уже известному. Но опубликованный комиссией уже полгода спустя доклад вызвал удивление: несколько раз подчеркнув «отсутствие доказательств по подготовке переворота», комиссия тем не менее отметила, что с 13 апреля 1964 года Де Лоренцо осуществил ряд нелегальных мер, направленных на установление контроля над крупными городами. Доклад подтвердил также существование «сил поддержки», рекрутированных главным образом из отставных карабинеров. Таким образом, расчет на проведение «безопасного» расследования не оправдался.

Кульминацией борьбы за учреждение парламентской следственной комиссии явилось выступление в парламенте 29 января депутата-социалиста Луиджи Андерлини, бывшего когда-то заместителем министра в первом в правительстве Моро, затем вышедшим из социалистической партии и создавшим независимую левую. Депутат взялся доказать, что «купюры», которыми изуродован доклад комиссии, возглавляемой генералом Манесом, и

которые объяснялись якобы необходимостью сохранять военные секреты, на самом деле содержали детали, внешне малозначимые в отдельности, но, будучи собранными воедино, создававшие ясную картину противозаконной деятельности секретных служб и корпуса карабинеров.

Выступление с разбором доклада Манеса было ораторским дебютом депутата. Сначала, сказал он, доклад целиком был передан судьям, рассматривавшим дело Скальфари и Яннуцци, затем его потребовал генерал Чильери, главнокомандующий карабинеров, для «изъятия отдельных параграфов, относящихся к структуре и полномочиям командований, воинских соединений». На самом деле цель была иной: «Уничтожить любое упоминание, что в совещаниях в Риме, Милане и Неаполе принимали участие командиры танковых полков, потому что, если бы стали известны их имена... все могло взлететь на воздух».

Затем Андерлини детально изложил суть «купюр». Оказавшись владельцем неотцензурованного текста доклада Манеса, он зачитал «купюры», ясно показывая, что все они имеют мало отношения к «структуре и полномочиям командований, военных соединений и подразделений». Это вызвало резкую, почти истеричную реакцию председателя Совета министров Моро — человека обычно выдержанного. Подобная реакция лишней раз доказывала, насколько велики ставки в политической игре.

Неоднократно прерываемый Моро, Андерлини продолжал свое выступление:

— Арестованные должны были быть сконцентрированы ...«купюра»... А вот то, что под ней скрыто: «...в аэропорту Фальконары или в порту Анкона, чтобы затем быть перевезенными на остров, место расположения которого дано лишь намеком». Какая военная тайна заключена в этой фразе, что ее необходимо было вычеркнуть? На мой взгляд, речь может идти только о доказательствах существования заговора... «Нам было рекомендовано,— гласит текст,— не сообщать ни слова даже командирам бригад...» Некий генерал в центре рекомендует полковникам не говорить ни слова бригадным генералам, в чьем подчинении они находятся. И это, синьор председатель, по моему скромному разумению, также является доказательством заговора³².

Срок полномочий парламента закончился еще до того, как на повестку дня поставили вопрос об учреждении парламентской следственной комиссии.

Генерал Де Лоренцо не только не был осужден, но даже не понижен в звании. Он к тому же нашел настолько теплый прием у монархистов, что был избран ими в новый состав парламента. Накануне выборов он обратился к карабинерам Итальянской Республики, прося их голосовать за монархическую партию. Судя по всему, присяга на верность государству являлась для генерала-путчиста пустым звуком. За это 16 июня 1968 года на него было наложено дисциплинарное взыскание: отстранение от службы сроком на три месяца — единственное наказание, которому он когда-либо подвергался.

31 марта 1968 года длившаяся два года борьба левых сил увенчалась успехом: парламентская следственная комиссия была сформирована.

Один из главных свидетелей, Ренцо Рокка, «выбыл из строя», пустив себе пулю в висок в июне 1968 года, а посему не мог свидетельствовать по делу о незаконной вербовке накануне путча добровольцев в «группы поддержки» в Лигурии и Пьемонте, а также по поводу установленных им в Квиринале подслушивающих устройств, с помощью которых фиксировались беседы Сеньи с политиками всех мастей. Еще несколько загадочных смертей лишили комиссию ценных свидетелей. 27 апреля 1969 года погиб генерал Чильери, командующий 3-й армией, когда-то командир корпуса карабинеров. Генерал ехал по одной из окраинных улиц Падуи без документов, удостоверяющих личность, за рулем частной машины. Внезапно, без видимых причин, автомобиль перевернулся. Причина смерти так и не была до конца выяснена. К тому же из машины исчез пакет, который фоторепортеры, прибывшие первыми на место происшествия, не только видели, но и успели заснять.

25 июня 1969 года генерал Манес, вокруг которого друзья Де Лоренцо развернули в печати гнусную кампанию, впал в протрацию, сидя в кресле перед парламентской следственной комиссией, и так и не начал давать показания. За несколько месяцев до этого он был отстранен от должности заместителя главкома корпуса карабинеров, и пост этот вызывающе был передан правой руке Де Лоренцо, генералу Чёли, являвшемуся в

1964 году командиром дивизии «Огаден», размещавшейся в Неаполе. Гонения на Манеса — лишь один из эпизодов мрачного периода, последовавшего за разразившимся скандалом. Генерал Дзиндза, командовавший в 1964 году миланским легионом, единственный признавшийся в том, что принимал участие в июньских совещаниях, положил тем самым конец своей карьере; из министерства финансов был уволен полковник Де Крешенцио; генерал Стефани был переведен в Венецию, а полковник Фьориани, руководивший римским центром СИД, — во Флоренцию; в качестве наказания был перемещен и капитан Фуско.

Офицеры-«делоренцианцы», в той или иной степени причастные к событиям 1964 года, напротив, пошли в гору.

15 декабря 1970 года итоговый доклад парламентской следственной комиссии представили президиуму палаты депутатов. Подготовленный депутатами-демохристианами Джузеппе Алесси, Пьетро Буффоне и сенатором-социалистом Франческо Ианнелли, доклад всячески преуменьшал доказательность выявленных фактов, утверждая, например, что слова «занять города» в плане заговорщиков — синоним, и только, понятия «стать гарнизоном» и так далее. Зато на добрых семи страницах с восторгом описаны «боевые заслуги» Де Лоренцо, разумеется, без упоминания о ЧП с отнятой медалью. И конечно же, ни слова о всплывших в ходе расследования нарушениях им воинской дисциплины и законов государства.

Если к этому добавить, что комиссии так и не удалось получить полного текста плана «Соло», хранящегося в штаб-квартире корпуса карабинеров, а также записи беседы Де Лоренцо с Луго и неотцензурованных докладов комиссий Беолкини, Манеса и Ломбарди, станет понятна мизерность полученного результата.

Правда, комиссия в довольно робких формулировках предложила реорганизовать спецслужбы, но и это в течение 6 лет оставалось лишь предложением. Как и решение о судьбе «коллекции» Де Лоренцо: 34 тысячи досье из имевшихся 157 тысяч были «приговорены» к сожжению. И хотя таковым было единодушное мнение парламента, выраженное 4 мая 1971 года, досье оставались в архивах службы еще три года и были брошены в

огонь только 9 августа 1974 года после энергичного вмешательства Андреотти, вновь ставшего министром обороны в марте этого года. Прежде чем оказаться в костре, досье несколько раз были пересняты и позже служили орудием шантажа, десятилетиями отравляющего жизнь страны. Личо Джелли, и не только он, строил на этих досье свою карьеру.

ОТДЕЛ ТАЙНЫХ ДЕЛ В НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ

С уходом Гуидо Де Ноццы отдел тайных дел переживал долгий период застоя, завершившийся роспуском отдела на следующий день после событий в Брешии. В течение 14 лет им руководили 7 квесторов. О деятельности этой семерки нам известно не много. Вероятнее всего они «нагрешили» не меньше, чем Де Ноцца, но им удалось избежать повторения его судьбы и они пристойно завершали свои карьеры, так что их старость была спокойна.

Человеком, сменившим Де Ноццу горячим летом 1960 года, был Ульдерико Капуто, чиновник политической полиции при фашизме, посаженный союзниками в лагерь в Падуе. Его назначение лишний раз свидетельствовало о том, что даже после противозаконных действий 60-х годов никто не проявил маломальской политической воли для изменения характера деятельности отдела. Капуто руководил им всего год, после чего был назначен квестором Турина. Он был связан с самыми правыми кругами Пентагона, и его отстранение от должности главы отдела совпало с заменой людей, представлявших в Риме американские спецслужбы, более гибкими, признававшими вслед за Кеннеди — хотя бы из тактических соображений — необходимость некоторого «полевения» политической ситуации в Италии. Достоинно внимания, что Капуто, долгие годы связанный с полковником Роккой, в свою очередь близким к Валетте, финансировавшим антирабочие акции на ФИАТе, был переведен именно в Турин. Во время его руководства квестурой пьемонтской столицы в городе случилось несколько подозрительных инцидентов. 7 и 9 июля 1962 года, когда толпа демонстрантов, состоявшая частью из рабочих ФИАТа, частью — из молодых эмигрантов, соб-

ралась перед помещением УИЛ*, руководители которого подписали невыгодный для рабочих контракт, было спровоцировано серьезное столкновение с полицией. По словам одного лейтенанта полиции нравов, среди собравшихся на площади было немало ее «старых клиентов»³³. 8 июля на квартире Диэго Новелли, бывшего тогда корреспондентом «Паэзе сера», раздался, как оказалось — по ошибке, телефонный звонок. Звонил секретарь инспектората общественной безопасности Аньезина, который сказал следующее: «Предупреди своего шефа, что завтра здесь, в Турине, произойдут беспорядки. Очень серьезные беспорядки». Звонок предназначался корреспонденту римского еженедельника «Темпо». И означал, что существовали те, кто, воспользовавшись смущением собирающихся принять в демонстрации участие, внедрит в их среду своих людей для провоцирования столкновений с полицией.

Новым главой отдела стал квестор Эфизин Ортона, который в последние годы монархии был шефом полиции Квиринала, человеком, близким к окружению королевы Елены. Ортона руководил отделом тайных дел до 1964 года, когда избранный президентом республики Джузеппе Сарагат поручил ему возглавить инспекторат, то есть полицейскую службу руководства республикой.

Именно в этот трехлетний период Де Лоренцо и готовил путч в июле 1964 года. Вызывает удивление, что ни на одной из 1412 страниц доклада парламентской следственной комиссии, относящихся к этому событию, Ортона не был даже упомянут. Надо полагать, комиссия палец о палец не ударила, чтобы допросить человека, который наверняка мог бы поведать о многом касательно деятельности Де Лоренцо. Учитывая традиционный антагонизм двух тайных служб, не вызывает сомнений, что отдел тайных дел следил, разумеется, с должной осторожностью, за кознями СИФАР.

Что делает честь отделу тех лет, так это акции по ограничению в стране деятельности членов ОАС, пользовавшихся благосклонностью военной секретной службы. СИФАР, прежде поддерживавшая Фронт национального

* Итальянский союз труда — одна из трех ведущих профсоюзных конфедераций трудящихся, возглавляемая социал-демократами и республиканцами.

освобождения Алжира, поскольку это отвечало интересам национальной нефтяной промышленности, возглавляемой Маттеи, после смерти последнего резко изменила политику, открыто содействуя подрывной деятельности французских фашистов. Отдел тайных дел, который до этого стоял по сравнению с СИФАР на более правых позициях в отношениях с алжирскими патриотами, неожиданно, вопреки своей воле оказался, напротив, на стороне демократических сил. И надо признать объективно тот факт, что Италия перестала быть альпийским лужком, на котором могли безопасно пастись различные сустелли, сузини, де мессе, лачерои — главари французских фашистов, и заслуга в этом, несомненно, принадлежит отделу тайных дел.

В декабре 1964 года Ортона оставил свой пост квестору Савино Фигурати, который оставался на нем до своей смерти в 1967 году. Когда-то он руководил политическим отделом миланской квестуры. Эту должность, кстати, после него занимал еще один чиновник, коему предстоит стать главой отдела тайных дел, — Ариберто Виджевано, о чем будет рассказано дальше.

Фигурати руководил отделом в течение трех лет. Это были годы, когда звезда Де Лоренцо еще сияла, но информация о его путчистской деятельности уже становилась известной кое-кому. Это были годы самого серьезного кризиса в истории СИФАР, закончившегося в 1966 году переименованием службы — к чему не раз прибегали политические круги — в СИД. Тогда, казалось, можно было надеяться, что противозаконной деятельности военной секретной службы положен конец. Надежды остались надеждами. Больше того, приход к руководству службой адмирала Хенке ознаменовал начало еще более глубокого — хотя и более скрытого — вмешательства службы в политическую жизнь Италии на основе так называемой «стратегии напряженности».

Еще некоторое время отдел будет находиться «вне зоны критики». После смерти Фигурати начальником отдела стал Джузеппе Лутри, человек, чье имя связано в памяти итальянцев с трагическими событиями в Генуе в июне 1960 года³⁴. Он был последним главой отдела тайных дел, которому удалось удержаться в тени. Его преемникам повезло меньше: события, связанные с реализацией «стратегии напряженности», вытаскают их на авансцену с той или иной степенью освещенности.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III

¹ Звание, ближе всего соответствовавшее чину фельдфебеля,— в настоящее время — инспектора итальянской полиции.

² *A. Oriani. I ventidue uomini che controllavano la polizia italiana.*— «Paese sera», 19, 20 febbraio 1960.

³ Весной 1959 г. Де Ноцца и Бенефорти по совету Дрисколла направили на Сицилию агента, который, выдавая себя за коммуниста, должен был втянуть компартию в скандал, связанный с мафией. Однажды агент послал своему начальству зашифрованную телеграмму, которая оказалась подозрительной почтовому служащему, и он отнес ее в прокуратуру. Так в поле зрения попала «коммерческая фирма», которой была адресована шифровка.— См.: «Paese sera» del 13 ottobre 1976.

⁴ См.: «Messaggero» del 20 gennaio 1978, и в последующих номерах.

⁵ «L'Astrolabio», № 41, 15 ottobre 1967.

⁶ Следующий номер «Астролабио» вышел с письмом Шельбы, в котором тот называет эти сведения «недоказанными» и «невероятными». Парри в свою очередь оценил реакцию Шельбы как саму собой разумеющуюся, «ибо, как видно из документов, он имеет ко всему написанному прямое отношение», и подтвердил достоверность источника информации, с которым знаком лично.

⁷ *Джованни Де Лоренцо*, бригадный генерал, родился в Виццини (провинция Катанья) 29 ноября 1907 г. Во время второй мировой войны воевал в СССР в составе итальянского экспедиционного корпуса. Вернувшись в Италию в сентябре 1943 г., до февраля 1944 г. был связан с партизанами Романы, а затем — с военно-разведывательным центром подпольного фронта Сопротивления в Риме. С приходом союзников становится офицером связи между генштабом итальянской армии и 92-й дивизией американской армии, действовавшей на Тирренском фронте. Затем командовал 132-м бронетанковым полком, 33-м артиллерийским полком дивизии «Фолгоре», был заместителем начальника штаба ЭТАЗЕ (сухопутных сил союзников на юге Европы) и начальником штаба 5-го армейского корпуса. Уйдя из СИФАР и корпуса карабинеров, назначается начальником генерального штаба армии. После увольнения 15 апреля 1967 г. занимается политической деятельностью и в мае 1968 г. избирается в парламент по списку монархической партии. С ее роспуском вступает в неонацистскую партию —

Итальянское социальное движение (МСИ). Умер в Риме в 1973 г.

⁸ См.: *R. Faenza. Il malaffare*. Milano, Mondadori, 1978, p. 312.

⁹ См.: президентский декрет от 18 февраля 1958 г., зарегистрированный в Государственном контроле 10 марта, 12-й регистр, Армия, лист 31.

¹⁰ См.: Joint Chief of Staff, Memorandum, 14 maggio 1952.—В: *R. Faenza. Op. cit.*, p. 313, 314.

¹¹ Доклад следственной комиссии во главе с генералом Альдо Беолкини, созданной министерством обороны, приведен у: *R. Trionfera. Sifar affair*. Roma, Reporter, 1968, p. 139.

¹² *Ibidem*, p. 140, 141.

¹³ *M. Caprara. La verità sta negli omissis*.—«Il Mondo», 25 luglio 1974.

¹⁴ Показания генерала Беолкини перед парламентской следственной комиссией см.: Commissione parlamentare d'inchiesta sugli eventi del giugno—luglio 1964, Relazione di minoranza. Roma, 1971, p. 68.

¹⁵ В письме, направленном министерством обороны в парламентскую следственную комиссию, названы имена полковников Де Форгеллиниса, Филиппи, Палуμπο, Пассаро, Бранко; подполковников Бруно, Буоно, Каstellано, Джентиле, Джанмарии, Джаллонелло, Локателли, Стабиле, Треполилли; майора Меннити; капитана Марцеллы.—См.: Commissione parlamentare d'inchiesta, Relazione di minoranza, p. 74.

¹⁶ *Антонио Сеньи* был избран президентом республики 6 мая 1962 г. при поддержке ХДП, ИРП, ИМП и МСИ. Он собрал 443 голоса—на 15 больше, чем конкурент. 32 голоса принадлежали фашистам.

¹⁷ *R. Faenza. Op. cit.*, p. 315, 317.

¹⁸ *Ibidem*, p. 369.

¹⁹ *R. Zangrandi. Inchiesta sul Sifar*. Roma, Editori Riuniti, 1970, p. 103.

²⁰ Об этом см. в V главе.

²¹ Luglio'64: Pentagono e Confindustria.—«L'Astrolabio», 24 dicembre 1967.

²² 4 февраля 1968 г. на страницах «Астrolабии» Парри изложил ряд подробностей, связанных с «группами фланговой поддержки». «Среди групп, курируемых агентами СИФАР, есть организации платных провокаторов. Известно также расположение секретных складов с мундирами карабинеров, армейскими комбинезонами. Известно о существовании организованной в рамках СИФАР команды кинооператоров, чья обязанность—снимать политические и профсоюзные митинги и собрания, избегая при этом «брат в кадр» участников «групп беспорядка»... Руководство всеми этими командами и группами принадлежит, судя по всему, РЕИ».—*F. Parri. Al fondo della crisi*.—«L'Astrolabio», 4 febbraio 1968.

²³ Commissione parlamentare d'inchiesta sugli eventi del giugno—luglio 1964, Relazione di maggioranza, p. 556, 557.

²⁴ *Ibidem*, p. 554.

²⁵ Commissione parlamentare d'inchiesta, Relazione di minoranza, p. 166.

²⁶ Палаццо Дориа, по улице Дель Корсо, 303, являлся зданием-прикрытием РЕИ под вывеской СИАТИ (Итальянское общество внедрения промышленной техники). Здесь же располагался специальный отдел Конфиндустрии, называвшийся ЧИС, в котором среди прочих работали два бывших офицера СИФАР.

²⁷ Тяжело заболевший 7 августа 1964 г., Антонио Сеньи остался инвалидом. Подал в отставку с поста главы государства 6 декабря того же года. Умер 1 декабря 1972 г.

²⁸ Директива генерального штаба обороны А/10/66.

²⁹ 27 февраля Парри так расскажет об этом своим читателям: «У № 5 «Астролабио» необычная участь. Некто старательно скупил в газетных киосках... все экземпляры. Наш управляющий, обрадованный возможностью распродавать весь тираж без остатка, попросил нас и дальше развивать на страницах журнала тему, так подействовавшую на нервы неведомому организатору его скупки. Но кто же это? Какое неведомое «его превосходительство» скрежещет зубами по нашему поводу? Синьор министр обороны, не скажете ли, по какой статье государственных расходов будут оплачены затраты на этот налет?» — *Un appunto per Tremelloni.* — «L'Astrolabio», № 9, 27 febbraio 1966.

³⁰ См.: *R. Trionfera. Ecco le copie fotografiche.* — «L'Europeo», № 7, 16 febbraio 1967.

³¹ *M. Caprara. La verita sta negli omissis.* — «Il Mondo», 25 luglio 1974.

³² *Camera dei deputati. Atti parlamentari. Seduta del 29 gennaio 1968.*

³³ См.: *A. Papuzzi. Il provocatore.* Torino, Einaudi, 1976, p. 62.

³⁴ *Джузеппе Лутри* был назначен квестором города, награжденного Золотой медалью за Сопротивление в те самые дни, когда стало известно, что на съезде неофашистов, избравших Геную местом его проведения, будет председательствовать бывший префект города Эмануэле Базиле. Назначение Лутри, бывшего в годы фашизма начальником политической полиции Турина, лишь подлило масла в огонь, добела раскаливший обстановку в городе. — См.: *R. Canosa. La polizia in Italia dal 1945 a oggi.* Bologna, Il Mulino, 1976, p. 216.

ЛЕВОЦЕНТРИЗМ И «СТРАТЕГИЯ НАПРЯЖЕННОСТИ»

ЭУДЖЕНИО ХЕНКЕ

Верхом цинизма звучало уже само название созданной согласно декрету президента республики № 1477 от 18 ноября 1965 года¹ разведывательной службы обороны (СИД). Дело в том, что в Италии уже когда-то существовала СИД—так называлась секретная служба армии «республики Салó»,—ревностный исполнитель приказов Гимmlера. Новоявленная СИД уже с первых дней получила полную свободу действий, что способствовало в дальнейшем превращению ее в антидемократический организм: в парламенте не дебатировались вопросы ни о ее задачах, ни о контроле, которому должен подлежать любой, даже самый секретный, аппарат; не изменился устав службы-предшественницы, не было принято закона об учреждении СИД—его заменил параграф президентского декрета, касающийся общего вопроса реорганизации генеральных штабов армии, авиации и флота. В параграфе «д» статьи № 2 в лаконичной форме излагались основные цели объединенной разведывательной службы вооруженных сил, состоящие в «разработке и осуществлении через собственные подразделения и соединения мероприятий по охране военных секретов, проведение деятельности любого рода в интересах национальной безопасности и обороны страны; предупреждение всяких направленных против нашей страны действий потенциального противника».

1 июля 1966 года аппарат СИД приступил к работе, согласно циркуляру министра обороны². В параграфе 5 этого циркуляра, среди прочего, говорилось: «Органы и персонал СИД не могут расследовать дела, не связанные

с вопросами национальной безопасности или обороны страны... не могут снабжать информацией ведомства или отдельных лиц, не относящихся к вышестоящему руководству». Уточнение очень важное, если иметь в виду беззакония, творимые руководителями СИФАР, но абсолютно лишённое смысла, принимая во внимание, что верхушка СИД окажется замешанной в ещё более серьёзных противозаконных действиях. Впрочем, чего же было ожидать: все сотрудники коррумпированной, «путчистской» СИФАР остались на своих местах. И вновь, как уже случилось в 1944 году, в ответ на требования органов массовой информации и части политиков о чистке секретной службы правительство ограничилось простым ее переименованием. Знаменательно и то, что смена вывески произошла до того, как «грехи» СИФАР были вытащены на свет. Это наводит на мысль, что такой операцией политические власти пытались предвосхитить скандал и снизить его резонанс.

Руководить СИД было поручено адмиралу Эудженио Хенке, молчаливому невзрачному человеку, чья фамилия свидетельствовала о наличии в жилах немецкой крови. Родившись в Генуе в 1909 году, он обрел политическую закалку под крылом Тавиани, когда тот с августа 1953 по июнь 1958 года был министром обороны³. В 60-е годы Хенке сблизился с социал-демократами, и его назначение на пост главы СИД случилось не без помощи адмирала Спиган, военного советника президента республики Сарагата, бывшего руководителя Итальянской социал-демократической партии.

Реорганизация секретной службы, санкционированная циркуляром министра обороны, была не просто организационной: переход отдела РЕИ, руководимого тогда Ренцо Роккой, в подчинение отделу «Б» (и образование таким образом 4-го отдела⁴) означал начало политической агонии полковника. Всесилие Рокки базировалось на тесной связи с Валеттой, который в свою очередь опирался на Паоло Эмилио Тавиани, руководившего центристскими правительствами, «закрытыми» для социалистов. Когда же весной 1968 года Валетта был заменен на высшем посту в ФИАТе Джанни Аньелли, Тавиани, являвшийся тогда министром внутренних дел, предпочел полковника, прославившегося «еретиком» из-за своей преданности Де Лоренцо, держать на расстоянии. И все же, несмотря на

то, что 1 июля 1967 года Рокка формально вышел в отставку, он продолжал пользоваться в СИД большим влиянием. На его место был назначен полковник Николо Фальде, остававшийся на этом посту до марта 1969 года, когда покинул его из-за разногласий с Хенке.

О первых годах пребывания адмирала у руля СИД известно очень мало. Но это был период громогласных скандалов, связанных с делоренцианской СИФАР. Хотя Хенке исподволь и внес свой вклад в разоблачение прегрешений предшественника, он тем не менее позже оказал большую помощь Моро в возведении вокруг дела СИФАР частоккола «купюр». Его действия, с одной стороны, были направлены на «контролируемую дестабилизацию» группы политиков, опиравшихся на Де Лоренцо, с другой — на погашение скандала, грозившего смести со сцены тех политиков-демохристиан, которые поддерживали тесные отношения с бывшим главой секретной службы.

Первое двухлетие работы Хенке в СИД частично совпало с назначением начальником отдела «Б» полковника Энцо Виолы и явилось подготовительным периодом «стратегии напряженности». Оба офицера поддерживали и развивали отношения с подрывными группами правого толка, установили контакты с БНД — спецслужбой ФРГ, возглавляемой Рейнхардом Геленом⁵. БНД, тесно связанная с баварской группировкой Франца Йозефа Штрауса, обратилась к СИД с просьбой помешать ИКП в ее посреднической деятельности в диалоге между западногерманскими социал-демократами и правительствами социалистических стран. СИД охотно откликнулась на эту просьбу. В том же году устанавливаются первые контакты и с секретной службой Греции, где у власти находились полковники-путчисты. Для этого в начале 1968 года Виола направляет в Грецию подполковника Пьекэ. Уже несколькими месяцами позже обе секретные службы организуют «ознакомительную» поездку в Грецию 200 итальянских неофашистов, среди которых были Раути, Мерлино, Делле Кьяйе.

Казалось, после разоблачений противозаконных действий секретной службы ее деятельность должна быть переосмыслена. Так нет же, именно при Хенке, Виоле и их шефе, начальнике генерального штаба Алойе, она стала носить еще более противозаконный характер. Куль-

минацией явились кровавые события периода 1969—1974 годов.

Оба руководителя СИД работали душа в душу, в стороне от шума прессы, увлеченной разоблачением грехов СИФАР и поэтому проморгавшей появлению новой, еще более серьезной опасности.

Энцо Виола — как, впрочем, и Хенке — вышел «сухим из воды» и, после многочисленных следствий, продолжил свою блистательную карьеру: оставив отдел «Б» в июне 1968 года, он быстро проделал путь от бригадного до корпусного генерала.

Пост начальника контрразведки наследует полковник Федерико Гаска Куеиранца, стеснительный, погруженный в себя артиллерист. Ему также удалось избежать каких-либо неприятностей, хотя он и руководил отделом «Б» в самый трагичный период, с июля 1968 по июнь 1971 года. В мае 1969 года он получил от Джаннеттини рапорт, в котором говорилось о готовности «автономных неофашистских отрядов» приступить к «террористическим актам в общественных местах». Позже, допрошенный по этому поводу судьей, Куеиранца утверждал, что передал этот рапорт «компетентным органам», имея в виду 1-й отдел, руководимый тогда полковником Петрини, хотя в этом вопросе отдел «стеснительного артиллериста» был наиболее «компетентным» и следовало ожидать, что рапорт проделает обратный путь. Но эту тайну, как и многие другие, рано ушедшие из жизни и Петрини и Куеиранца унесли с собой в могилу. Остался вопрос: как мог Джаннеттини передать в СИД такой компрометирующий документ? Ответ кажется однозначным: поскольку СИД смотрела сквозь пальцы на подрывную деятельность правых, то подтолкнуть службу к соучастию в ней можно было, только снабдив СИД сведениями об их полной готовности к выступлению.

ОТДЕЛ ТАЙНЫХ ДЕЛ В «СТРАТЕГИИ НАПРЯЖЕННОСТИ»

В критическом для итальянской демократии 1969 году сменилось и руководство отдела тайных дел. Джузеппе Лутри уступил место Эльвио Катеначчи, который взлетел так высоко после нескольких лет руководства квестурами

Перуджи и Тренто — основных опорных пунктов «стратегии напряженности». Катеначчи был одним из главных действующих лиц событий, сопровождавших кровопролитие на площади Фонтана.* Узнав о смерти Пинелли, он лично вылетел в Милан, где быстренько провел расследование, уведшее Калабреззи от какой-либо ответственности. Затем, летом 1969 года, отправился в Падую в связи с отстранением (возможно, согласно его распоряжению) от службы комиссара полиции Паскуале Джулиано на основании сфабрикованных обвинений⁶.

В следующем году Катеначчи явился с инспекцией в Джойя Тауро, где 6 июля потерпел крушение поезд. Официальная, как впоследствии оказалось, необоснованная версия, о виновности железнодорожников была принята не без его участия. Но самая большая ответственность ложится на Катеначчи и руководимый им отдел за события на площади Фонтана — ими были уничтожены важные для следствия вещественные доказательства⁷.

Несмотря на то что в связи с вышеперечисленным на него пали серьезные подозрения, уже в начале 1971 года Катеначчи пошел в гору, став заместителем начальника полиции, оставаясь на этом посту, даже когда подозрения превратились в доказанные факты, и ушел в отставку лишь по выслуге лет.

На должности начальника отдела тайных дел его сменил Ариберто Виджевано, до этого, с 1966 по 1968 год, — начальник политического отдела миланской квестуры, затем квестор в Бергамо, откуда и пришел в отдел тайных дел. Приказом от 20 ноября 1971 года отдел вновь сменил вывеску⁸. Теперь он назывался «служба общей информации и внутренней безопасности» (СИДЖСИ), но это не афишировалось и всплыло лишь много месяцев спустя, когда служба подверглась острой

* 12 декабря 1969 г. в Сельскохозяйственном банке Милана на пл. Фонтана была взорвана бомба, в результате чего около ста человек было ранено и убито. Сразу же была распространена версия, будто покушение произвели анархисты. Во время допроса (его вел комиссар Калабреззи) из окна здания полиции «выпал» анархист Пинелли. Есть подозрение, что он был убит при допросе. Позже Пинелли и арестованный по тому же поводу танцор-анархист Вальпреда были реабилитированы. Бомбу заложили связанные с секретными службами боевики-неофашисты.

критике по поводу подтасовки данных и провала следствия по делу на площади Фонтана.

Весной 1972 года Виджевано получил другое назначение, став генеральным инспектором полиции Ватикана, но через несколько недель после вступления в должность скончался от инфаркта. О его руководстве службой известно одно: он делал все, дабы убедить общественность в том, что события на площади Фонтана — дело рук анархистов, хотя никаких доказательств этого не предъявил.

Здесь надо отметить, что уже давно отдел фактически находился в руках Д'Амато. Человек большого ума, носящий маску жуира-неаполитанца, Умберто Федерико Д'Амато был заместителем начальника отдела у Эльвио Катеначчи, остался им и при Виджевано⁹. Некоторое время он работал в специальном секретариате и отделе безопасности НАТО¹⁰. То есть уже давно контролировал деятельность службы, и непонятно почему не он стал ее шефом уже в 1971 году, когда с этой должности ушел Катеначчи.

Имя этого ловкого и предусмотрительного чиновника вы не встретите ни в одном документе расследования различных «грешков» спецслужб, хотя, само собой разумеется, он был в самом центре многих из них. Главная претензия, которая когда-либо высказывалась в его адрес, — это контакты со Стефано Делле Кьяйе, террористом-фашистом, замешанным под разными именами в многочисленных эксцессах времен «стратегии напряженности»: от кровопролития на площади Фонтана до попытки переворота Боргезе и массового убийства на вокзале в Болонье 2 августа 1980 года. Правда, Д'Амато подозревали в санкционировании противозаконного прослушивания телефонных разговоров, но это, пожалуй, самое малое, что ему наверняка можно было бы инкриминировать.

Время его руководства отделом совпало с самым драматическим периодом «стратегии напряженности», но никто не связывал имя Д'Амато с «ястребами» из числа сотрудников спецслужб. Тонкий и расчетливый политик, близкий к Тавиани, а затем к Румору, он поддерживал дружеские отношения с представителями многих партий. Достаточно правдоподобно предположение о том, что он был связан с более или менее умеренными кругами ЦРУ,

теми, что в 1974 году воспрепятствовали планам путчистов в Италии и способствовали уходу одиозных профашистских режимов в Греции и Португалии.

Личность Умберто Федерико Д'Амато останется загадочной: его имя фигурирует в списке вероятных членов масонской ложи «П-2»¹¹.

30 мая 1974 года, на следующий день после событий в Брешии, он был уволен, а отдел тайных дел расформирован. Увольнение Д'Амато носило скорее демонстративный характер. Этой показательной мерой Тавиани стремился успокоить возмущенное общественное мнение.

Д'Амато сначала был переведен в запас, а затем назначен начальником управления дорожной, пограничной, железнодорожной и почтовой полиции: от руководства штатом из 9 старших и сотни младших офицеров он перешел к командованию почти 20 тысячами сотрудников, что составляло практически четвертую часть отборных полицейских кадров.

При его содействии был создан новый отдел, получивший название «инспекторат по борьбе с терроризмом», отразивший стремление придать старой структуре отдела тайных дел более широкие оперативные возможности. К 9 функционерам бывшего отдела тайных дел, составившим костяк, было подключено 30 человек из числа лучших офицеров полиции, которые возглавили региональные отделения инспектората, и небольшое число младших офицеров — превосходных специалистов.

НОЧЬ НЕУДАВШЕГОСЯ ПУТЧА

18 октября 1970 года Эудженио Хенке, после более чем 4-летнего пребывания на посту шефа секретной службы, назначается командующим эскадрой.

Руководителем службы становится генерал Вито Мичели. Еще в 1969 году, будучи начальником армейской спецслужбы, он был связан с заговорщиками, руководимыми князем Боргезе¹². Хотя он позже и утверждал, что ничего противозаконного в его контактах с ними не было, тем не менее факт остается фактом. Во всяком случае, поведение генерала ночью 7 декабря 1970 года во многом обусловило ход следовавших одно за другим драматических событий этой ночи. В 24.00, поставленный

в известность начальником отдела «Б» Гаской Куеиранццей¹³ о захвате мятежниками Квиринала, Мичели распорядился ничего не предпринимать, сказав, что займется делом лично. Однако прошло более двух часов, прежде чем он решился на какие-то меры. Этого было достаточно, чтобы предупрежденные путчисты смогли беспрепятственно скрыться. На следующий день, докладывая о событиях начальнику генерального штаба, генералу Маркези, Мичели сделал довольно странную оговорку, сообщив не только о попытке захвата Квиринала, но и о концентрации путчистов на площади Санта Кроче, о чем ему даже не намекал в своем рапорте начальник отдела «Б». Если бы магистратура или военное руководство провели расследование событий по горячим следам, думается, и этот факт, и двухчасовая задержка антипутчистских действий могли бы объяснить многое из происшедшего и помочь найти действительных главарей.

Утром 8 декабря, на следующий день после неудавшегося переворота, его участник — лейтенант парашютистов Сандро Саккуччи, в ряде телефонных разговоров комментировал события прошедшей ночи. Он, несомненно, хорошо сознавал, что телефон может прослушиваться, но, вероятно, был твердо уверен, что прослушивающие — сотрудники секретных служб, с которыми лейтенант поддерживал тесные контакты. Утром 9 декабря майор Роза, еще один соратник Боргезе, жаловался по телефону, что их предали: иначе не объяснишь срыв акции. СИД, записавшая обоих, положила пленки в сейф, и они попали в руки судебных следователей лишь в январе 1975 года, после отстранения Мичели от руководства службой. Эти записи послужили основой составленного сотрудниками СИД письменного доклада «для служебного пользования», зарегистрированного под символом Z/1138. В нем содержалось подробное описание хода попытки переворота, его цели, указывались группы и отряды, принимавшие в нем участие. 23 января в другом докладе (Z/11138) картина переворота реконструируется еще более подробно. Оба доклада не были переданы магистратуре, когда после провала путча, 18 марта 1971 года, она формально начала расследование. Без особых подробностей был введен в курс дела политический отдел римской квестуры, дабы тот взял под контроль телефоны заговорщиков.

Тем не менее следствие началось, и судьи вызвали для дачи показаний шефа СИД, однако генеральный прокурор Кармело Спаньюоло помог Мичели избежать допроса. Правда, ненадолго. 13 августа он уже отвечал перед специальной судебной инстанцией, сообщив, что в ночь с 7 на 8 декабря СИД действительно получила информацию о «некоем шумном выступлении» «крайне правых групп», но незамедлительно предпринятые меры не обнаружили «какого-либо подтверждения полученного известия». К тому же экстренное расследование, проведенное службой, добавил Мичели, не подтвердило «наличия тайного сговора, попустительства или участия в этом выступлении отдельных лиц или групп из числа военнослужащих».

Прокурор Клаудио Виталоне напишет позже в обвинительном заключении: «Мичели беззащитно лгал, более того, более трех лет он вел себя таким образом, и никакое высокое начальство не могло заставить его уважать основополагающие принципы законности и корректности».

Сказано сильно, однако затронут лишь один аспект проблемы: если следствие по делу о путче Боргезе с 1971 по 1974 год тормозилось, вина за это ложится не только на генерала Мичели. Министр обороны Танасси — как утверждают многие источники — также был в курсе событий той драматической ночи. Его информировал Мичели. К тому же 8 сентября начальник СИД доложил об этом, естественно, начальнику генерального штаба обороны, генералу Маркези. Министр внутренних дел Рестиво — вопреки заявлениям, сделанным в парламенте 18 марта 1971 года, — также был с самого начала путча проинформирован не только о захвате заговорщиками здания своего министерства, но и о концентрации их на площади Санто Кроче и верфях Монтесакро.

В 1971—1974 годах в печати шла хорошо срежессированная кампания, поддержанная публичными заявлениями правительственных кругов и политиков правого толка. Цель кампании: убедить общественность, что путч-де представлял собой попытку «переворота пенсионеров», то есть явился проявлением патетического возмущения определенных возрастных групп, лишенных к тому же серьезных связей и поддержки. Римская магистратура пошла на поводу этой версии, практически

прекратив дальнейшее расследование. Как стало очевидно в 1974 году, когда следствие возобновилось, это было сделано под сильным нажимом со стороны СИД, внимательно следившей за деятельностью суда и органов, отвечающих за безопасность государства. Вряд ли такие силы вмешались бы в следствие, если бы речь шла о простом «возмущении пенсионеров».

В частности, было сделано все, чтобы не стало достоянием гласности участие в путче масонов, которых среди его участников было очень много. «Во время белой трапезы, состоявшейся 20 сентября в «Хилтоне», брат полковник Джелли из ложи «П» сообщил брату Сальвини, что Великий магистр посвятил на шпаге четыреста высших армейских офицеров с целью создания «правительства полковников», которое предпочтительнее коммунистического правительства. На это были уже посвящены или готовились к посвящению и ряд крупных деятелей из ХДП»¹⁴. Приведенное письмо — быть может, первая серьезная улика, подтверждающая, насколько глубоко участвовало масонство в подрывных антигосударственных акциях, и уж, конечно, документ, который любое серьезное следствие обязано было принимать во внимание, проанализировав все путчи, попытки которых предпринимались в Италии начиная с 1969 года.

Сведения о «посвящении» 400 высших армейских офицеров оставались тайной до марта 1971 года, когда они впервые мелькнули на страницах газет в общем потоке информации о неудавшемся перевороте. Но ни одно следствие так и не обратилось к этому факту¹⁵, даже когда информация об участии масонов в заговоре Боргезе стала достоянием широких кругов общественности. Вскрылось, что среди участников путча был Гавино Матта, бывший фашистский легионер, сражавшийся в Испании, член миланской масонской ложи из группы, возглавляемой Джованни Гинацци. Последний — также бывший фашистский волонтер, сражавшийся в Испании в чине сержанта авиации и получивший «за боевые заслуги» чин полковника. В свое время он приложил руку к расколу социал-демократии в Палаццо Барберини и, переметнувшись затем к монархистам, был прекрасно осведомлен о планах готовящегося заговора. Гинацци попал в поле внимания судьи Тамбурино, ведущего следствие по делу «Розы ветров», а также судьи Виоланте,

расследующего «белый путч» Эдгардо Соньо. Оба этих дела мы рассмотрим чуть позже.

Когда 18 марта 1971 года в прессе появились подробности заговора и часть заговорщиков была арестована, Матта и Боргезе, вовремя предупрежденные, без всяких помех перебрались в Испанию. Однако и к тем, кому скрыться не удалось, отношение было более чем благоклонное. По причине серьезного «ухудшения здоровья» все они — и среди них упоминавшийся лейтенант Саккуччи — были помещены в комфортабельные частные клиники, где вне всякого контроля могли спокойно обсуждать сложившуюся ситуацию. Орландини, помещенному в клинику Вилла Маргерита — в ту самую, где долгие годы скрывался от правосудия руководитель сицилийской мафии Лучиано Лиджо, — нанес визит Вито Мичели, подавший ему условный сицилийский знак, означающий: «Не говори ни слова, ты под моей защитой». Орландини во время допросов эту установку неукоснительно выполнял, хотя много позже признался, что еще с 1969 года установил контакты с Мичели и полковником Козимо Паче из армейской спецслужбы.

Мичели также не отрицал своих визитов, утверждая, что их целью было глубже понять «подрывной феномен». Однако он так и не передал магистратуре ни выводов собственного исследования «феномена», ни хотя бы одного из многочисленных донесений своих сотрудников по этому поводу¹⁶. К тому же следствию стало известно, что тот же Саккуччи был сотрудником СИД, следственное же заключение гласило, что он «пользовался покровительством специальных военных ведомств».

Бесспорно одно: главы путча — Боргезе, Орландини, Саккуччи — постоянно находились в тесном контакте с высшим руководством СИД.

Сразу после событий возникли сомнения: не явилась ли попытка переворота некой «генеральной репетицией», своего рода тренировкой или же действительно что-то в последний момент поломало заранее продуманные планы. Очевидно лишь, что приказ о прекращении путча явился для заговорщиков полной неожиданностью. В свете же позже полученной информации стало совершенно ясно, что планам Боргезе не суждено было сбыться: с самого начала события должны были перейти под контроль других лиц. Это подтверждают полученные много лет

спустя показания неофашиста Паоло Алеандри: «...если бы вооруженным внепарламентским правым группам («Ордине нуово» и «Авангардия национале») и ряду армейских подразделений удалось овладеть жизненно важными центрами (радио- и телестанциями, дворцом президента республики, министерством внутренних дел), должен был начать действовать план мероприятий на случай чрезвычайных обстоятельств, хранящийся в сейфах главного командования корпуса карабинеров. Этот план предусматривал арест карабинерами профсоюзных активистов, политических и военных деятелей и другие аналогичные операции. Реализация такого плана позволила бы установить военный режим, поддерживаемый некоторыми институциональными силами, давшими свое молчаливое согласие на проведение операции в целом».

Идею привлечь высших офицеров корпуса карабинеров к поддержке переворота выдвинул, по мнению Алеандри¹⁷, уже знакомый нам Гуидо Жаннеттини. Не случайно программа путчистов очень напоминала план «Соло» 1964 года, в котором корпусу карабинеров также отводилась решающая роль.

Кто же посоветовал, или приказал, Боргезе прекратить действия? А если он самостоятельно принял такое решение, то как понял, кем был предупрежден, что с минуты на минуту окажется в ловушке и что путч будет использован для того, чтобы вывести из игры наиболее скомпрометировавших себя представителей правых сил? Ряд косвенных улик, собранных парламентской следственной комиссией по делу тайной масонской ложи «П-2», наводит на мысль, что это решение было принято не без участия ее главы Личо Джелли¹⁸. Уже в то время он имел тесные контакты с людьми из секретных служб. Кроме того, он присутствовал на некоторых совещаниях с участием офицеров-карабинеров, где оговаривались политические аспекты переворота. Но, даже предполагая, что именно Джелли распорядился остановить путч, трудно поверить, что сделано это было по его личной инициативе. В приказе об остановке путча вероятнее всего проявился первый симптом серьезных разногласий сторонников двух тактик одной и той же «стратегии напряженности», то есть между теми, кто считал жесткие меры единственной защитой от сдвига страны влево, и теми, кто считал более реалистичным сконцентрировать

силы для создания политического равновесия иного типа, но, разумеется, с перевесом правых сил.

Не случайно во второй половине 1972 года оперативный центр СИД, подчиненный начальнику отдела «Б», генералу Малетти, и возглавляемый капитаном Лабруной, начал собственное следствие по делу об антигосударственном выступлении. Лабруна установил контакты с Орландини и сумел заполучить от него подробные объяснения всех событий— во время путча и следовавших за ним. В тщательно зафиксированных показаниях Орландини содержится масса интересной информации, например о дружеских отношениях между Де Лоренцо и Боргезе или о том, как некий судовладелец из Чивитавеккьи представил в распоряжение путчистов свой флот для перевозки арестованных ими на остров Липари. Получили подтверждение данные о контактах с инженером Хунгом Фендвичем, руководителем электронной компании «Селения», известным как «серый кардинал» ЦРУ в Италии. Его имя всплывет также в связи с делом о попытке переворота Эдгардо Соньо. Орландини указал на инженера как на посредника между Боргезе и президентом Никсоном, который обещал путчистам полную поддержку.

Сведения, собранные Лабруной, были обработаны и объединены в одно досье, которое генерал Малетти представил в июле 1974 года руководству СИД и которое министр обороны Андреотти позже, в сентябре того же года, передаст римской магистратуре. В те дни инициатива министра, казалось, дала новый импульс вяло текущему следствию по делу Боргезе, однако на деле римская магистратура воспользовалась ею для того, чтобы помешать расследованию, проводимому магистратурами Турина и Падуи. Данное досье мало что прибавило к уже собранному судебными следователями этих городов, которые готовили следственное заключение, когда неожиданно 27 марта 1975 года их римский коллега Филиппо Фьоре подписал постановление, где утверждалось, что Мичели «не был замешан в преступном заговоре» и обвиняется лишь в пособничестве ему.

С другой стороны, затеянное генералом Малетти собственное расследование, основывавшееся исключительно на признаниях Орландини, попахивало двуличием. СИД и без того было хорошо известно многое, и

инициатива генерала могла объясняться напряженными отношениями между ним и Мичели, особенно если учесть, что она не принесла каких-либо неожиданных результатов. Более того, в выводах его расследования даже намеком не затрагивался вопрос об обильном финансировании путчистов со стороны итальянских и американских промышленников. Нельзя исключить и вероятность того, что генерал Малетти получил распоряжение пожертвовать «чернорабочими» из «партии путча». На то же самое были направлены действия римской магистратуры. 8 сентября 1975 года главный прокурор Виталоне представил заключительное обвинение по делу о путче Боргезе. В нем он хотя и назвал шефа СИД в числе виновных, однако в приговоре вывел его из-под серьезных обвинений. «Несомненно, обвиняемый сделал много, чтобы вызывать по отношению к себе серьезные подозрения в соучастии. Однако спокойный и серьезный анализ сведений, выявленных в ходе процесса, позволяет утверждать, что встречи Мичели с Орландини и Боргезе, имевшие место до событий 1970 года, и действия начальника СИД, использованные мятежниками, не являются ни актом присоединения первого к инициативам других, ни доказательством преступного сговора».

На самом же деле «спокойный и серьезный анализ» открывал возможность судейскому чиновнику разглядеть в действиях Мичели гораздо больше, чем простое потворство. Поэтому остался без внимания факт, что некоторые из главных обвиняемых, такие, как Антико, Тиццони, Николи и Дельи Инноченти, были тесно связаны с СИД. Вне зоны внимания следствия осталось и участие американских официальных лиц, что утверждалось в рапорте Малетти, а также связи заговорщиков с военными кругами, о чем подробно говорилось там же.

Завершая обвинительное заключение, Виталоне пишет: «Если бы в компетентных политических органах своевременно отреагировали на требование сопоставить серьезные выводы судебных инстанций и версий происшедшего, выдвинутых начальником СИД, вывод был бы однозначным: немедленное отстранение Мичели от должности. Ибо или он ловко дезинформировал свое начальство, или ему явно не доставало главных качеств для исполнения функций, которые ему надлежало исполнять»¹⁹.

Но если в «компетентных политических органах» сделали вид, что не ведают истины, если судебные чиновники Рима, которые вели следствие, на деле завалили его, то все это происходило явно не случайно. Подрывная структура, которая приняла позже форму нелегальной организации «Rosa dei venti» («Роза ветров»), должна была остаться в неприкосновенности в качестве «путчистской карты» как одна из важных в политической игре.

«РОЗА ВЕТРОВ»

«Это была, пожалуй, самая опасная попытка, которую предприняли правые силы... Этот антигосударственный заговор имел глубокие организационные корни и солидное финансирование и пользовался поддержкой не только внутри страны, но и за рубежом... эта попытка еще не завершена, мы имеем документальное подтверждение тому, что она еще находится в развитии...»

Это сказал депутат Арнальдо Форлани на митинге в Специи 5 ноября 1972 года. Когда же его попросили пояснить столь серьезное заявление, тогдашний секретарь ХДП прикусил язык. Неведомой осталась и причина, побудившая его к столь неожиданному выступлению, как осталось неясным, кому адресовались слова, выглядывшие как предостережение. Тем не менее это было серьезное заявление человека, как известно, не склонного к странным выходкам.

Тогда, осенью 1972 года, многие итальянцы отдавали себе отчет в том, что страна переживает трудный момент, хотя улавливали лишь внешние его аспекты. 4 марта неофашист Пино Раути, член руководства итальянского социального движения, был арестован по обвинению в организации бойни на площади Фонтана. 6 марта процесс над Валпредой неожиданно прервался всего лишь после недельного слушания под предлогом переноса его в Милан, где он так и не возобновился. 15 марта Джанджакомо Фельтринелли погиб, подорвавшись при загадочных обстоятельствах у основания высоковольтной опоры в Сеграте*. 17 мая комиссар общественной безопасности

* Имя богатого миланского издателя, вышедшего из ИКП, связывают с созданием левозкстремистских групп, на основе которых формиро-

Луиджи Калабреззи был хладнокровно расстрелян на пороге своего дома. 31 мая в Петеано начиненный взрывчаткой «ФИАТ-500» взорвался, в то время как его обыскивали карабинеры, вызванные сюда анонимным звонком. Наконец, 21 и 22 октября была совершена серия диверсий, практически парализовавших железные дороги, ведущие на юг, и вызвавших массовые митинги трудящихся по призыву трех профсоюзных конфедераций в Реджо Калабрии.

Такой была атмосфера в стране, в которую «упали» слова Форлани... Несколько лет спустя следствие придет к выводу, что к тому времени подрывная сеть оставалась целой и действовала все активнее, постоянно обновляя дату переворота. Главное, тайная группа в СИД активизировала деятельность гражданских и военных параллельных организаций в антиконституционных целях. Этот факт так никогда и не нашел своего отражения в судебных заключениях из-за сильного нажима на судебных чиновников, обративших на него внимание.

Осталось неизвестным истинное назначение параллельных структур: то ли они действительно собирались совершить путч, то ли стремились спровоцировать консервативный политический поворот, используя для этого «анормальные, противозаконные, тайные, насильственные» действия. Во всяком случае, ясно одно: организация «Роза ветров» приступила к конкретным подрывным акциям. Название «Роза ветров» как символ намерения «наносить безжалостные удары во все стороны» затем принимает «подзаголовок»: «Роза-20»* — по числу подрывных групп, входящих в организацию. Позже их стало уже 24. Как бы то ни было, эта организация являлась детищем секретной службы НАТО. Не вызывает сомнений, что большая часть террористических актов середины 70-х годов, начиная с неудавшейся акции в поезде Ту-

вались затем «красные бригады». Похоже, однако, что Фельтринелли был устранен агентами секретных служб, чтобы расчистить возможность для манипуляций «красным бригадам», которым впоследствии поручались наиболее жестокие террористические акции, вроде похищения и убийства Альдо Моро.

* Название организации с итальянского «Rosa dei venti» можно перевести и как «Роза ветров», и как «Роза двадцати».

рин — Рим²⁰, беспорядков 12 апреля 1973 г. в Милане²¹ до кровавых событий на улице Фатенефрателли²², совершались при прямом участии подрывных групп, входящих в «Розу ветров». Всеми этими печальными событиями занимался падуанский судья Джованни Тамбурино, когда кассационный суд отнял у него следствие, вероятно, испугавшись, что судья докопается до корней террористической деятельности, до руководящего ядра, созданного из функционеров разведслужб страны и НАТО. Но об этом мы поговорим подробнее чуть дальше, а сейчас вернемся к началу первого следствия по делу «Розы ветров», в октябре 1973 года.

Некий врач из Лигурии, Джанпаоло Порта Казуччи, экзгибиционист, любивший украшать себя орденами третьего рейха, неосмотрительно введенный в курс дел секретной организации, прибежал в полицию и передал ей объемистое досье, оказавшееся программой-максимумом захвата власти в стране. В папке среди прочего содержались списки людей, предназначенных к уничтожению, карты, инструкции по захвату стратегически важных объектов и т. д. Полицейские чины были ошарашены: документы явно готовились в течение долгого времени и явно при участии людей, работающих в важнейших государственных учреждениях. Что делать? Вице-квестор Родольфо Венеция забрал бумаги и срочно вылетел в Рим к своему начальству.

Понемногу стали проясняться контуры заговора. Среди заговорщиков находился бывший командующий веронским военным округом генерал Франческо Нарделла, недавно вышедший на пенсию. С 1962 по 1971 год он возглавлял отдел психологической войны при союзном командовании Южной группы войск НАТО со штаб-квартирой в Вероне. Заговорщиком оказался и подполковник Анджело Доминиони, сменивший Нарделлу на посту начальника отдела и руководивший им в момент начала следствия. Заговорщиком был и Амос Спяцци, подполковник, заместитель командира 2-го дивизиона полевой артиллерии и шеф отдела «Р» своего подразделения.

Это первые, кто оказался «под колпаком» магистратуры, но она не торопилась делать выводы. Их постаралась сделать пресса. Еженедельник «Эспрессо», например, написал: «Отдел психологической войны Южной группы

войск НАТО работает в тесном контакте с американскими представителями. К тому же он тайно сотрудничает с исследовательским отделом ЦРУ. Деятельность отдела покрыта тайной, тем не менее есть предположение, что среди прочего его сотрудники изучают психологические аспекты всевозможных стратегий на предмет использования их в случае государственных переворотов, гражданской войны, мятежей, антипартизанских действий. Кто-то полагает, что в эти последние годы особое внимание уделяется «научному» исследованию возможностей использования стратегии напряженности...»²³

Уже в марте 1974 года следствие делает качественный скачок, когда Роберто Кавалларо, один из главных действующих лиц заговора, будучи арестованным по приказу следователей из Падуи, неожиданно выложил все, что ему было известно. Хотя Кавалларо и молод — он родился в Вероне в 1949 году, — его жизнь изобиловала приключениями, арестами и допросами. Получив классическое образование, он эмигрирует (а возможно, был послан) во Францию, где посещает университеты в Страсбурге и Нанте, как раз в горячую пору студенческих волнений. Вернувшись в Италию, он несколько лет работает в профсоюзах, сначала в ИКПТ*, затем в ЧИСНАЛ**. В 1972 году порывает с обоими и становится одним из организаторов «Группы альфа», небольшой фашистской организации боевиков из сынков крупных буржуа, обучающихся в основном в Католическом университете в Милане.

Здесь Кавалларо развернулся вовсю. Будучи одним из руководителей организации, которая ставила целью «изменение структуры власти в Италии», молодой человек, выдавая себя за сотрудника военного суда, втирается в доверие к военным, чтобы заручиться их поддержкой на случай антигосударственного мятежа. Есть предположение, что именно на этой почве произошло его сближение с СИД. В провинциальном городке, где каждый знает все обо всех и где службу безопасности возглавляет такой специалист, как полковник Марцолло, маловероятно, чтобы активная деятельность мнимого представителя

* Одна из трех крупнейших профсоюзных конфедераций, находящаяся под контролем ХДП.

** Профсоюзное объединение, контролируемое неофашистами.

военных судебных властей среди военных веронского округа могла длиться долго, не пользуясь он тайным покровительством руководства секретной службы. Он же без помех плетет нити заговора, который уже в апреле 1973 года должен был вылиться в государственный переворот, или, как он сам уточнил, «переворот государства». Внезапно он прекращает заговорщическую деятельность и покидает организацию, но тем не менее в ноябре 1973 года его арестовывают согласно ордеру падуанской прокуратуры. В течение 4 месяцев Кавалларо не раскрывает рта, но с марта 1974 года неожиданно обрушивает на следователей поток показаний. Начал он со сведений о существовании параллельной организации, не имеющей ничего общего с «Розой ветров»²⁴. По его словам, в руководстве организации представлены не только итальянские и американские спецслужбы, но и некоторые могущественные многонациональные компании. Через посредников они осуществляли руководство группами террористов. Целью организации был не государственный переворот, а создание обстановки террора и беспорядков, которые оправдали бы любое вмешательство в дела страны якобы с целью наведения порядка. На вопрос, когда организация приступила к осуществлению своего плана, Кавалларо назвал 1964 год, связав это с провалом плана «Соло», и привел в качестве примера события в Альто Адидже.

Все это, как и многое другое из сообщенного Кавалларо, требовало проверки, однако было необычайно важным уже потому, что прозвучало в марте 1974 года, задолго до того, как официальные сведения о существовании «параллельной СИД», или «суперСИД», появились на страницах печати. Откровения Кавалларо подтолкнули судью Тамбурино «прижать к ногтю» подполковника Амоса Спяцци, который не мог не быть в курсе дела.

Спяцци долго увиливал: сначала просто молчал, затем попросил устроить ему конфиденциальную встречу с Мичели, на что судья не пошел, согласившись только на очную ставку с главой СИД в его присутствии. Но от этого отказался уже сам Мичели, видимо, опасаясь последствий, к которым могла бы привести такая встреча. Тут-то Спяцци заговорил, подтвердив в основном предположения следователей. Во время допроса в мае 1974 года подполковник подробно рассказал о существо-

вании «организации безопасности» и о том, как получил через одного офицера СИД приказ вступить в «Розу ветров». Вот некоторые выдержки из протокола допроса²⁵.

— Верно ли, что в июне 1973 года вы, как заявил на допросе Роберто Кавалларо, получили приказ привести в состояние боевой готовности «группы поддержки» вооруженных сил? Кто отдал такой приказ?

— ...Я получил приказ от одного вышестоящего офицера, принадлежащего к организации безопасности вооруженных сил, конечной целью которой является не антигосударственная деятельность, а, наоборот, защита государственных институтов от марксизма. Эту организацию нельзя отождествлять с СИД, хотя она и имеет с ней много общего.

— Из кого состоит эта параллельная организация безопасности? Это военная организация?

— Насколько мне известно, в ее составе не только военные, но и гражданские лица: политики, промышленники.

Во время другого допроса, отвечая на вопрос римского судьи Фьоре, Спяцци подробнее уточнил характеристики организации:

— Организация носит официальный характер, если исходить из ее установок, касающихся как методов деятельности, так и деятельности ее членов... В сущности, организация являет собой «альтер эго» официальной структуры спецслужбы... Она всегда оставалась антикоммунистической организацией».

Этим Спяцци не ограничился: он сообщил также, что приказ о вступлении в контакт с заговорщиками ему передал кодом по телефону майор Мауро Вентури, секретарь полковника Марцолло. Это случилось, по его словам, между 25 и 30 апреля 1973 года. Воспользовавшись пятицифровым кодом, который в практике НАТО имеет высшую категорию секретности — «нос космик», — Вентури передал ему распоряжение выйти на связь с генуэзскими промышленниками Леркари и Тубино, уже предупрежденными генералом Риччи. Тем же образом Вентури передал Спяцци приказ отправиться в Пиккола Капреру²⁶ для встречи с человеком из СИД, который должен был передать ему дальнейшие инструкции.

Все это свидетельствовало о начале активной фазы заговора. Вентури звонил, как показывают собранные свидетельства, из казармы карабинеров в Конельяно Венето, которыми он командовал до перевода в римский центр контрразведки.

Тем не менее, по заключению римских следователей, еще требовалось доказать, были ли звонки на самом деле, а если и были, то действительно ли звонил именно Вентури. Совершенно очевидно, что поведение судей было направлено на то, чтобы воспрепятствовать развитию следствия по делу о «Розе ветров», и оно было «утоплено» в деле о путче Боргезе и последующих антигосударственных выступлениях. Все было сведено на спокойные рельсы «заговора пенсионеров».

Но самым серьезным фактом, на который не удалось обратить внимание римское следствие, явилось само существование организации, созданной, согласно официальным, хотя с грифом «секретно», протоколам НАТО. Именно она, как установил падуанский следователь Тамбурино, координировала подрывную деятельность «Розы ветров», не будучи структурно с нею связана. Если последняя являлась подрывной организацией в узком смысле, то «организация безопасности», как ее называл Спяцци, представляла нечто иное. В ордере на арест Вито Мичели, выданном Тамбурино, ее цели были определены следующим образом: «Организация, определяемая как «организация безопасности», фактически представляет собой барьер на пути определенных изменений внутренней и международной политики, барьер, который, ограничивая народный суверенитет, принимает формы аномальных, противозаконных, тайных, насильственных действий».

Эта организация, носившая явно наднациональные черты, действовала, как утверждал Спяцци, в тесном контакте с руководством спецслужб итальянских вооруженных сил и с аналогичными службами других стран НАТО. В этом и состоял наиболее пикантный аспект дела, послуживший, вне всякого сомнения, причиной незамедлительного затребования всех материалов в Рим, под крыло обеспокоенных «заинтересованных лиц».

Дело в том, что протоколы Атлантического союза, тем более секретные, подписывались на совещаниях самого высокого уровня в Брюсселе. Имена участников совеща-

ний сохранялись в полной тайне. Причем сохранение этой тайны они должны год от года подтверждать обстоятельной и ответственной клятвой. От каждой страны присутствовало не более десятка человек, допущенных к секретам, выходящим даже за пределы «нос космик», то есть наивысшей категории секретности в НАТО, и, как правило, глава СИД был одним из них. Могло случиться так, что ни председатель Совета министров, ни министр обороны, ни даже глава государства не входили в круг людей, допущенных к этим суперсекретам, считаясь недостаточно надежными²⁷. Не случайно кому-то было необходимо сохранить в секрете имена членов «организации безопасности» даже от высших должностных лиц государства.

Какова же была цель этой организации? Помешать захвату эффективных рычагов управления государством (государствами—принимая во внимание интернациональный характер организации, связанной с НАТО) коммунистами или, более общо, левыми силами. Средства для достижения цели могли быть самыми различными, вплоть до кровопролития. В таком случае организацию—которую для удобства называем «параллельная СИД», даже если термин и не совсем точный,—нельзя считать подрывной организацией в узком смысле этого понятия, ибо она больше стремилась к сохранению политического статус-кво, нежели к его разрушению.

Чтобы лучше объяснить линию поведения членов этой организации, нелишне задуматься над их психологией. Ее адепты—как военные, так и гражданские—ощущали себя главным образом членами международной структуры, которая представляла западный, или капиталистический, мир, находящийся в состоянии войны, пусть неоткрытой, с миром коммунистическим. И с этой точки зрения любое действие, даже насильственное, считалось законным. Вполне допустимым считалось и нарушение клятвы на верность собственной стране и ее конституции, обусловливаемое «состоянием острой необходимости». Так можно было оправдать даже уголовное преступление. И этой логикой руководствовался в своих действиях подпольный центр власти.

Когда в СИД стало известно, что Спящи рассказал судье Тамбурино о его существовании, ее руководство попросило устроить очную ставку с подполковником. На

встрече службу представлял генерал Алеманно, начальник отдела безопасности СИД. Весь разговор был за протоколирован и записан на пленку. Алеманно сказал коротко, но ясно: «Ты должен заявить, что все происшедшее было лишь вашей личной инициативой. Ты не должен вмешивать в это других». С этого момента Амос Спянци больше не открывал рта.

Судья Тамбурино продолжал расследование и 24 октября направил начальнику СИД Вито Мичели приглашение явиться в суд для дачи показаний в связи «с участием в политическом заговоре». Но правые органы массовой информации открыто призывали к передаче следствия в Рим под предлогом «объединения в одних руках» всех дел, касающихся подрывных акций, продемонстрировав завидную осведомленность о ходе следствия в магистратурах Турина и Падуи. Тем не менее 31 октября Тамбурино делает решительный шаг: подписывает ордер на арест Мичели.

В кабинете судьи Галуччи, начальника следственного отдела римского трибунала, генерал подвергся перекрестному допросу судей Фьоре и Амато, прокуроров Сиотто и Виталоне и того же Галуччи. Допрос окончился в 19.30. Мичели собрался уходить из приемной, когда к нему подошел начальник полицейской службы римского трибунала, полковник Плачиди. Полковник отдал честь и быстро зачитал ордер на арест²⁸, затем вежливо, но твердо произнес ритуальную фразу «следуйте за мной!». Мичели все казалось дурным сном: он, один из самых могущественных людей Италии, всегда исполнявший все распоряжения вышестоящих властей, неоднократно получавший от них заверения в искреннем уважении, брался под арест в приемной суда, в присутствии стольких людей, по ордеру, выданному судьей, по возрасту годным ему в сыновья! А друзья-политики, где же они? Где глава Совета министров Моро, еще месяц назад в знак уважения приславший ему личное письмо?

Десятью минутами позже Мичели мчался в автомобиле карабинеров по направлению к Падуе. Через полчаса генерал потерял сознание (или только сделал вид), упав навзничь на заднем сиденье машины. Полковник Вариско, которому поручили доставить Мичели в Падую, приказал отвезти генерала в военный госпиталь Челио. В те часы, когда газеты исступленно повторяли новость об

аресте Мичели, генерал переступил гостеприимный порог госпиталя. На этот раз ему удалось избежать позора тюремного заключения.

Так завершился памятный день в истории подрывных организаций, а также в истории наших специальных служб. Только однажды в истории единой Италии шеф секретной службы брался под арест: в 1944 году, когда к ответу за убийство братьев Росселли был призван Марио Роатта. Но это был 1944 год— время больших надежд и больших перемен. С тех пор практически все руководители службы запятнали себя участием в не менее серьезных преступлениях, и все же государство не осмеливалось тронуть кого-либо из них, больше того, однажды, в подобных же обстоятельствах, предложило главному виновнику пост посла в крупной стране.

Арест Мичели породил много надежд: после стольких лет закулисных интриг, которые с минуты на минуту могли привести к краху страны, казалось, мужественный поступок провинциального судебного чиновника сможет открыть новую эпоху— время «платы по счетам». Но, видимо, были недооценены возможности тех, кто поставил целью нейтрализовать действия судебных инстанций, несмотря на поддержку последних со стороны общественного мнения.

И если еще в конце октября судьи Д'Амброзио в Милане, Тамбурино в Падуе и Виоланте в Турине не жалея сил готовили почву для нанесения решительного удара по подрывной организации, то двумя месяцами позже— 30 декабря— кассационный суд принимает решение изъять все материалы следствия и передать их римской прокуратуре. Здесь они приобщились к делу о путче Боргезе, и с таким трудом скомпонованная судьей Тамбурино единая картина заговора оказалась раздроблена на тысячи фрагментов, связь между которыми практически было невозможно установить.

По ходу следствия Тамбурино обратил особое внимание на деятельность некой террористической организации в Южном Тироле, члены которой, Норберт Бурджер и Петер Кейнесбергер, являлись в свое время сотрудниками особых отделов СИФАР²⁹. Много других офицеров службы в разное время работали в Альто Адидже: Чильери, Грассини, Марцолло, Пиньятелли, Спяцци. На одном из допросов, рассказывая об этой «работе», Спяц-

ци не удержался от хвастовства: лились потоки крови, сказал он, и без больших усилий*. Альто Адидже была «умиротворена», «сорные семена», такие, как студенческие выступления или столкновения на фабриках, «нейтрализованы» и еще долго не дадут всходов. Если бы организации позволили спокойно «работать» и в остальной части Италии, дал понять полковник, доведя до конца задуманное, «умиротворена» была бы вся Италия. То, что рассказал Спящи, поставило много вопросов, и среди них такой: ограничивалась ли СИФАР лишь провоцированием ирредентистов на террористические акты, чтобы тем самым эффективнее выявлять их, или же сама организовывала их? В этом свете интересен такой факт: веронский суд вынес неожиданный оправдательный приговор Элио Массагранде — владельцу самого настоящего оружейного арсенала. Он был освобожден как «коллекционер», после того как Амос Спящи объяснил судебным чиновникам, что оружие тот получил от карабинеров. Вспоминается забытое расследование веронской квестуры, касающееся деятельности в Альто Адидже другого террориста — Фумагалли, — начатое на основании полученной от тайного осведомителя информации и неожиданно прекращенное спустя несколько дней. Осведомитель же был взят под домашний арест, а затем осужден на пять лет за незаконное хранение оружия, обнаруженное в его квартире. Веронская магистратура неоднократно покрывала преступления с многочисленными жертвами, и только однажды несколько молодых неонацистов были осуждены за «непреднамеренное» убийство, но не отсидели и года за это.

Вспышка терроризма в Южном Тироле закончилась неожиданно и сразу, словно повинувшись поданному сигналу, а южнотирольские националисты прекратили настаивать на самоопределении. И здесь уместно вспомнить,

* В описываемые годы в северной, пограничной с Австрией области Италии, Альто Адидже, на фоне общего обострения внутривнутриполитической обстановки в стране, появились сепаратистские тенденции, уходящие корнями еще в порубежье XIX—XX веков. Спецслужбы воспользовались этим для удара по левым силам, провоцируя столкновения сепаратистов и их противников, националистов-ирредентистов, со времен создания единого итальянского государства ратовавших за присоединение пограничных с Италией земель с населением, говорящим на итальянском языке.

как однажды ночью в июне 1961 года, вошедшей в историю под названием «ночь огней», беспорядки начались так же внезапно, как будто был дан сигнал. СИФАР была хорошо осведомлена о начале террористических акций и даже предупредила тогдашнего командира 4-го армейского корпуса, генерала Беолкини, чтобы тот имел план действий на случай чрезвычайных обстоятельств. Но этот план так и не был пущен в ход, когда ночью 12 июня ирредентисты начали действовать.

И события в Альто Адидже, и дело «Розы ветров» возвращают нас к вопросу о суперсекретной организации, стоящей за спиной «всех и каждого» и существование которой не отрицал даже Мичели. Прикрываясь необходимостью сохранять военно-политические секреты, он неизменно держал рот на замке³⁰.

Мичели провел в тюремной камере всего несколько месяцев, после чего магистратура любезно выпустила его «под залог». Это была единственная жертва опального генерала на алтарь столкновения государства и закона с тайной структурой. Он ведь хорошо сознавал, что его молчание — гарантия скорого освобождения.

Организация действительно никогда не оставляла без покровительства своих членов, которым случалось «сгореть». Результаты многих процессов, имевших место в 1977 году, которые, казалось, должны были закончиться суровыми приговорами, подтвердили опасения тех, кто полагал, что без изменения общей политической ситуации в стране подрывные элементы в военном руководстве выявить невозможно.

Много лет спустя, в ноябре 1983 года, Амос Спяцци, ставший к тому времени полковником, отвечая на вопросы парламентской следственной комиссии по делу ложи «П-2», сообщил интересные подробности, которые, разумеется, нуждаются в тщательной проверке.

Прежде чем отвечать на вопросы, он заявил о «самоосвобождении от сохранения военных секретов», мотивируя это решение тем, что уже давно серьезно сомневается в конституционном характере многих директив, полученных им в 1973 году. После такого вступления Спяцци подробно поведал членам комиссии, как действовала тайная «организация безопасности» вооруженных сил. Деятельность ее шла по двум уровням. Во-первых, в подразделениях проводился тщательный

отбор надежных людей, которые в нужное время могли бы составить прочные звенья общей цепи заговора. «Нам поручалось все время пополнять списки людей — противников существующей оппозиции... Сформировать из них небольшие кадровые подразделения не представляло особых проблем. Эти группы должны были вступить в дело с началом осуществления плана чрезвычайных действий или его апробирования».

Во-вторых, существовала наиболее засекреченная часть организации, которая вступала в действие в случае самых острых ситуаций, например при открытых столкновениях противодействующих политических сил или же в случае выборов, результаты которых повлекли бы за собой обострение внутривнутриполитической ситуации. В этих случаях армия должна стать «не сторонним наблюдателем, а силой, вмешательство которой помогло бы блокировать развитие ситуации, а затем и принять решение по существу»³¹.

Этот план, по словам Спяцци, тесно увязывался с вербовкой сотрудниками корпуса карабинеров, офицерами разведслужб и прежде всего мобилизационных центров «людей, не имеющих отношения к вооруженным силам или когда-то имевших, — демобилизовавшимся, вышедшим на пенсию офицеров и младших офицеров, и особенно прошедших специальную подготовку».

Это свидетельство почти текстуально совпадает со словами Ферруччо Парри, произнесенными им перед парламентской следственной комиссией по делу СИ-ФАР³², касающимися вербовки полковником Роккой бывших карабинеров и демобилизовавшихся военных с целью использования их в качестве «сил поддержки» в случае чрезвычайных обстоятельств в 1964 году. Это лишний раз подтверждает факт единой стратегии секретных структур в событиях, так далеко отстоящих друг от друга. Но в признаниях Спяцци содержалось нечто большее: сведения, касающиеся путча Боргезе, будучи подкрепленными уже имеющимися данными, во многом объяснили тайные аспекты этого заговора.

Примерно в 9 вечера 7 декабря 1970 года, то есть в тот самый час, когда заговорщики собрались в условленных местах, Спяцци получил телеграмму из разведотдела полка, расквартированного в Кремоне, гласившую: «Вводите в действие «треугольник»»³³, что означало

незамедлительный ввод в действие групп военных, отобранных в результате проверки на политическую благонадежность, о чем он рассказал в начале своих показаний. Место их сбора «для приведения в исполнение предписанного решения» был городок Сесто Сан Джованни, где было сильно влияние компартии.

Когда Спяцци и его люди, соответствующим образом вооруженные, прибыли на станцию Аграте, близ Милана, пришла телефонограмма, превращавшая операцию в обыкновенные маневры. Итак, полковник подтвердил перед парламентской следственной комиссией все предположения судьбы Тамбурино, добавив новые достойные внимания подробности к событиям декабря 1970 года.

Но на этом Спяцци не остановился: хотя никто его не спрашивал, он рассказал и о событиях в Альто Адидже. Когда он проходил там службу—это был пик разгула южнотирольского терроризма,—один из его начальников поинтересовался, почему в зоне, им контролируемой, нет ни одного случая вооруженных столкновений. На вопрос Спяцци: «Вы недовольны? Что-то не так?»—офицер ответил, что «в интересах глобального характера» в этом нет ничего хорошего. Тут полковник рассказал подробности исключительной важности: «Однажды я арестовал при попытке совершения террористического акта двух сотрудников СИФАР, но, когда вез их в Больцано, чтобы передать командованию зоны, меня перехватили карабинеры и полиция... На следующий день мое пребывание в Альто Адидже закончилось»³⁴.

МАР ФУМАГАЛЛИ

«Движение революционного действия» (МАР) родилось, по словам его лидера Карло Фумагалли, в 1962 году в Риме на одном из обедов высокопоставленных лиц, имевших место в преддверии формирования левоцентризма³⁵. Никаких других деталей о происхождении этой группы неизвестно, и многие обозреватели склонны считать намеки Фумагалли на то, что у ее истоков стояли «сильные мира сего», простой похвальбой. Но как раз в 1962 году полковник Рокка мечется между городами промышленного треугольника Генуя—Милан—Турин, вербуя людей для Де Лоренцо. Вполне вероятно, что МАР было создано именно из завербованных, но отпра-

лено «в запас» на целых 8 лет в ожидании подходящей ситуации. Ни один из следователей, занимавшихся деятельностью МАР, не задумался над возможностью этого, как, впрочем, и о прошлом его лидера Карло Фумагалли. Мы восполним этот пробел, приведя информацию, собранную журналистами.

Итак, *Карло Фумагалли*. Его послужной список гласит: старший сержант с 1 апреля 1944 года, лейтенант с 1 января 1945 года³⁶. На самом же деле в 19 лет Фумагалли добровольно вступает в армию «Итальянской социальной республики», но спустя 5 дней дезертирует и скрывается в горах. Здесь, в горной зоне Сандрио, действует капитан альпийских стрелков Мотта, который ранее участвовал в антипартизанских акциях в Хорватии. Под именем Камилло Мотта командует 5-й армией, действующей независимо от Комитета национального освобождения Верхней Италии. Фумагалли создает автономную боевую группу из бывших контрабандистов, названную им «Совы», в рамках 5-й армии. «Странная война» Карло Фумагалли состоит главным образом в сборе военной материальной помощи, в изобилии доставляемой союзниками на парашютах в зону, контролируемую Камилло. Причем каждую неделю «война» прерывалась воскресным перемирием с фашистами, во время которого «совы» братались с ними, выпивая и танцуя на деревенских площадях. После Освобождения Мотта и Фумагалли получили по Бронзовой медали, которыми американцы награждали своих иностранных друзей. Кстати, такую же награду получил и Эдгардо Соньо, встречавшийся с Мотта и Фумагалли в горах под Сандрио в апреле 1974 года.

Мы привели эти факты, чтобы было понятнее, на чем не одно десятилетие основывались контакты Фумагалли как с американцами, так и с капитаном Мотта, который после войны до 1972 года служил в СИФАР, выйдя в отставку в чине генерала. По поручению американцев Фумагалли выезжал в Южный Йемен для организации повстанческой борьбы против левого правительства. Но американцы были не единственными, с кем поддерживал контакты бывший командир «сов». В 1970 году он признался журналисту Цигари, что консультировал эмиссаров Штрауса в вопросах «создания политического движения, цель которого — моральный подрыв существующей пра-

вительственной системы»³⁷. В 1974 году Джорджо Цикари откроет, что начиная с апреля 1970 года по заданию службы он не раз беседовал с Фумагалли и его правой рукой Гаэтано Орландо, записывая беседы с ними на магнитофон. Во время одной из бесед Орландо проговорился, что Фумагалли находится в дружеских отношениях с рядом офицеров СИД, «которые выступали то ли от имени СИД, то ли от имени группы внутри СИД, недовольной ее деятельностью». Это был откровенный намек на «параллельные службы», пусть даже сделанный Орландо случайно. Содержание бесед оставалось тайной до 1974 года.

Вернемся к весне 1970 года: 11 и 14 апреля заряды динамита напрочь снесли несколько опор высоковольтной линии в Вальтеллине. Командир карабинеров из Сандрио, полковник Монико, начал расследование. В следующие недели его коллеги в СИД узнали все, что с этим связано, из записанных на пленку бесед Цикари с Фумагалли, однако не сообщили полковнику ни одного факта. Одновременно 23 апреля шеф политического отдела римской квестуры Спинелла получил от магистратуры разрешение на прослушивание телефонов генерала Мотта, поскольку, по полученным сведениям, в его квартире «должно состояться совещание, предположительно связанное с событиями под Сандрио». Таким образом, в апреле 1970 года и римская квестура напала на след шефа МАР и его сообщников. Действительно, несколько дней спустя четверо из них были арестованы. Что касается самого Фумагалли, то, находясь под следствием за вооруженное нападение, он долгие годы скрывался от правосудия... живя в Милане и встречаясь с сотрудниками магистратуры и корпуса карабинеров. «Проявился» он внезапно в 1972 году в Лукке на процессе против подрывной группы, после того как истек срок действия ордера на его арест, и незадолго до того, как судья Тамбурино предъявил ему множество обвинений—от вооруженных нападений до незаконного хранения оружия и взрывчатки. Это случилось в ноябре 1972 года, но не прошло и года, как Фумагалли снова взялся за свое. На этот раз он установил контакты с Соньо, со Спаццини, с генералом Нарделлой, то есть с теми, кто каждый по-своему, но преследует одну цель. Их планы если и разнятся, то лишь в деталях, словно написаны на задан-

ную тему, а вот кем заданную, никакое следствие до конца так и не смогло выяснить, не имея возможности преодолеть искусственно создаваемые барьеры. В русле этих планов лежали и действия Фумагалли, в чем он признался в 1974 году на допросе в Брешии³⁸.

Показателен и тот факт, что, когда генерал Нарделла в предчувствии скорого ареста судьей Тамбурино решил удариться в бега, он обратился к помощи шефа МАР, который и организовал его переправку сначала в Сан-Ремо, затем за границу. Если генерал, возглавляющий такую службу, как психологический отдел армии, вверяет свою судьбу автомобильному вору Фумагалли, то он, очевидно, должен иметь с ним отношения, которые исключали бы провал. Не предполагает ли это совместную принадлежность к единой тайной организации? С другой стороны, после своего ареста Фумагалли недвусмысленно заявил: «Мне платят даже за пребывание в тюрьме»³⁹. В этой связи симптоматичны и его связи, выявленные следствием,—кроме тех, что он имел с Нарделлой,—с другими обвиняемыми по делу «Розы ветров». Есть свидетельство Торкуато Николи, который, передавая беседу с Валерио Боргезе, состоявшуюся в мае—июне 1973 года, рассказал, что бывший командир «Дечима мас» говорил ему «о широких контактах в различных областях», о новом государственном перевороте, «находящемся в стадии организации», к которому примкнули некоторые военные, раздавшие свыше 500 автоматов частью фашистам и главным образом «белым партизанам»*. Часть автоматов попала к людям Фумагалли.

Таким образом, воссоздать картину антиконституционных действий между 1970 и 1972 годами можно с достаточной определенностью. Все подрывные группы, принимавшие в них участие, поддерживались в состоянии боевой готовности со стороны тех сил, которые сами в нужную минуту были готовы «разыграть путчистскую карту», используя ее или как единственное средство, или (вспомним 1964 год) как оружие шантажа.

Концентрация всех следствий в руках римской магистратуры имела бы смысл, служи она эффективному

* Террористические группы, не относящиеся к «чернорубашечникам» — неофашистам.

расследованию, то есть поиску секретного координационного центра подрывной стратегии. Но цель была прямо противоположной: помешать обнаружению этого центра, каковым являлась «параллельная секретная служба», подчиненная НАТО. Не случайно же следствие по делу «параллельной СИД», начатое в 1976 году, долгое время придерживалось в «предварительной стадии» и затем, 20 октября 1978 года, прокурор республики Де Маттео предложил сдать дело в архив. 22 февраля 1980 года судебный следователь, ведший дело, так и поступил.

Как мы уже отмечали, дело Фумагалли получило широкую огласку. Уже на следующий за преступлением на площади Фонтана день Джорджо Цикари сообщил на страницах «Коррьере делла сера», что СИД с его помощью начиная с 1970 года была в курсе всей деятельности Карло Фумагалли. Журналист еще не раз возвращался к этому. «Соответствующие органы правопорядка обязаны сегодня объяснить, почему Фумагалли не был вовремя остановлен. Кто-нибудь должен сказать нам, кто ему помогал, чьей поддержкой он пользовался и, главным образом, почему. А то, что он пользовался ею еще с лета 1970 года, мы в состоянии доказать компетентным органам». Через несколько дней министр обороны Андреотти в уже упоминавшемся интервью в «Мондо» назвал это «голословным обвинением осведомителя СИД, перешедшего в свое время на службу в отдел тайных дел»⁴⁰, изобразив поступок Цикари лишь следствием острой конкуренции двух суперполиций. Не исключено, что мотивации журналиста были именно таковы, но это никак не снижает убедительности его обвинений, на которые СИД не ответила публично. По отношению к Цикари реакция СИД была довольно угрожающей. Вот как развивались события в изложении самого Цикари на допросе у судьи Тамбурино.

В пятницу, 31 мая, появляется первая статья — разоблачение Цикари в «Коррьере делла сера». В тот же день судья по телефону просит его явиться для дачи показаний и назначает встречу на следующий день в суде Вероны. Сразу же после этого звонка раздается другой: звонит полковник Моретти из легиона Брешии и передает журналисту просьбу генерала Палумбо, командующего 1-й дивизией «Пастренго»: срочно встретиться по очень важному делу, о котором не хотелось бы говорить по

телефону. Около 14.00 к Цикари является полковник Росси из миланского легиона карабинеров, повторяющий просьбу Палумбо. Цикари соглашается и идет в условленное место. Здесь его ждет «ситроен» с гражданским номером, в котором находятся полковник Росси, генерал Палумбо и еще один офицер. Проехав немного, машина останавливается на площади Де Анджели, и журналиста проводят в роскошную квартиру, на двери которой табличка: «Космесис с. п. а.». После того как Росси и второй офицер выходят, Палумбо приглашает Цикари в кабинет, где с глазу на глаз генерал требует от него не говорить никому ни слова о том, что ему известно, иначе его ждут большие неприятности. Журналист отвечает, что служба безопасности допустила преступление, и требует ответа на вопросы, поставленные статьей. Палумбо заверяет, что они уже переданы самым высоким государственным инстанциям, и вновь требует не писать других статей. Встреча эта, по словам Палумбо, является его личной инициативой. Наконец, чтобы убедить журналиста оставить опасную тему, генерал обещает ему в качестве компенсации секретную информацию из другой области. Беседа завершается предложением о сотрудничестве: поскольку генерал в курсе завтрашней встречи с судьей Тамбурино, его просьба состоит в том, чтобы Цикари проинформировал генерала, какими уликами располагает судья и каковы его намерения. И назначает новое свидание на завтрашний вечер.

Предусмотрительный журналист имел с собой хорошо спрятанный микромагнитофон и записал всю беседу, пленку с которой передал депутату Ренато Баллардини, адвокату по профессии. Через несколько недель статья, подготовленная на этом материале, появилась в «Панораме», вызвав неистовую ярость командования дивизии «Пастренго». В коммюнике, им выпущенном, вслед за угрозой подать иск в суд — так никогда и не исполненной — следовали такие слова: «Информацию о встрече между генералом Палумбо и тем же Цикари надо расценивать как абсолютно ложную или по меньшей мере искаженную по форме и содержанию. Генерал Палумбо встретился с Цикари по специальному распоряжению министерства обороны для того, чтобы убедить его в необходимости сообщить все, что ему известно о деятельности, проводимой Фумагалли, и побудить назвать по-

именно всех «покровителей» Фумагалли соответствующим инстанциям».

Однако пленка, переданная журналистом адвокату Баллардини, недвусмысленно свидетельствовала, что во время беседы с генералом журналисту рекомендовали совсем противоположное.

Здесь нелишне вспомнить, как в 1981 году, давая показания миланским судьям Туроне и Коломбо, подполковник Николо Боццо⁴¹ заявил о существовании в командовании 1-й дивизии карабинеров «Пастренго» влиятельной «группы власти», сформировавшейся в период 1971—1974 годов. В нее, кроме генерала Палумбо, входили полковник Музумечи, полковник Фавали и подполковник Санторо. Группа находилась под патронатом генерала Пикьотти, тогдашнего сотрудника Де Лоренцо, ставшего позже правой рукой Личо Джелли.

Имена всех вышеперечисленных встречались в прессе в связи с потрясавшими Милан в 70-е годы событиями, в которых каждый из них в той или иной степени был замешан. Фавали, начальник штаба 1-й дивизии «Пастренго», ставший позже директором службы безопасности и информации «Банка д'Америка э д'Италия», был первым, кто вину за преступление на площади Фантана постарался свалить на анархистов. Палумбо, как мы только что видели, оказал сильное давление на Цикари, когда тот решился предать гласности связи Фумагалли. Генерал, являвшийся в то время командиром дивизии «Пастренго», станет затем заместителем главнокомандующего корпуса карабинеров, а еще чуть позже — членом коллегии «Банка д'Италия». Полковнику Музумечи в хронике событий 70-х годов уделено меньше всего внимания, он выдвинулся на первый план в период с 1978 по 1981 год, когда стал одним из руководителей спецслужб. Многие из офицеров этих служб вступили в ложу «П-2», членом которой был и он сам. Подполковник Санторо, сотрудник миланской генеральной прокуратуры, принимал участие в расследовании событий в Тренто в 1971 году⁴².

К этой группе примыкал также и подполковник Маццей, который, по словам Боццо, поддерживал контакты с террористом Пьетро Дель Джудичи. Маццей попал под дисциплинарное расследование, когда был подслушан компрометирующий его разговор по телефону с женой

Джудичи, Анной Дитель⁴³. Однако осенью 1979 года, не дожидаясь окончания расследования, полковник уволился из армии и тотчас же получил место в «Банко амброзиано»⁴⁴.

С этими именами связаны и еще более серьезные с политической точки зрения факты: в начале 60-х годов, по свидетельству того же Боццо, в кабинете Палумбо устраивались встречи с участием Джорджо Пизано, Франко Сервелло, Гастоне Ненчиони и Адамо Дельи Окки, членов руководства различных групп миланских неофашистов, лично замешанных в тяжелых преступлениях, имевших, судя по всему, общую цель с командованием миланских карабинеров.

Вспомним, что Сервелло, тогдашний вице-секретарь неофашистской партии Итальянское социальное движение (МСИ), привлекался к суду как вдохновитель покушения, стоившего жизни полицейскому агенту Марино, что Дельи Окки был одним из руководителей недолго просуществовавшего движения «Молчаливое большинство». В этой связи интересно заявление отца главного обвиняемого по одному из дел — Дуилио Лоя, — в котором говорится, что Сантроио убедил его сына взять все на себя, чтобы выгородить истинных виновников.

Показательно, что почти все названные «герои» 1973—1974 годов окажутся позже в списках членов ложи «П-2», а многие из них, что также достойно внимания, высокопоставленными сотрудниками «Банко амброзиано» при Роберто Кальви и «Банка д'Америка э д'Италия».

СЕКРЕТНЫЕ ПРОТОКОЛЫ АТЛАНТИЧЕСКОГО СОЮЗА

Эта глава рассказывает о «службах безопасности» НАТО. Она, пожалуй, одна из самых важных в книге, поскольку вскрывает суть двусторонних соглашений в рамках Атлантического союза, согласно которым секретные службы стран-членов, в особенности так называемых «пограничных стран», как, например, Италии, брали на себя широкие обязательства по отношению к разведслужбам США. Открытие ряда архивов американского правительства позволило узнать об уже упоминавшемся плане антикоммунистического вмешательства, названном «Размагничивание», который от имени Италии подписал в

50-е годы глава СИФАР, не информируя об этом свое правительство⁴⁵.

Соглашения, о которых мы повели речь, основываются на дополнительных секретных протоколах, подписанных Италией в 1949 году в рамках общего договора о создании Атлантического пакта. Протоколы предусматривают создание неофициального, де-юре не существующего организма, который гарантировал бы положение Италии в ряду других стран — участниц Атлантического пакта даже в том случае, если после очередных выборов сменится политический курс страны. В официальных документах об этих протоколах упоминается лишь мельком, видимо, в силу их секретного и незаконного характера. Претворение в жизнь их положений целиком зависело от личных возможностей главы секретной службы и его отношений с американскими коллегами. Последние же всегда были заинтересованы иметь надежных и покладистых контрагентов.

Протоколы предусматривали существование служб с вполне легальной задачей: составление картотеки кандидатов на те или иные ответственные должности. Тот же самый Де Лоренцо, давая показания парламентской следственной комиссии, подтвердил существование отдела с такими функциями, возникшего в связи с обязательствами, взятыми в связи с подписанием Атлантического пакта. «При генеральном штабе обороны под эгидой СИФАР действует отдел безопасности Атлантического пакта, обеспечивающий безопасность и секретность сотрудников, занимающихся определенным родом деятельности. Этому отделу поручен сбор подробной информации, которая служит основой для досье. Сотрудники отдела получают эту информацию непосредственно через корпус карабинеров... С помощью корпуса карабинеров этим отделом составлено большое количество досье, число которых постоянно растет... Проблема досье есть проблема безопасности Атлантического пакта»⁴⁶.

Как видим, для Де Лоренцо составление досье на итальянцев — вопрос чисто технический и дело абсолютно законное, а потому оправдывающее затрачиваемые огромные усилия на их сбор.

В показаниях от 14 октября 1969 года Де Лоренцо на процессе, инспирированном им против еженедельника «Эспрессо» и генерала Гаспари, вновь утверждал, что

сбор досье направлен лишь на выявление тех, кому можно доверять с точки зрения безопасности и преданности НАТО, что необходимо не только для создания определенных гарантий правительству, но и для реализации спущенных сверху директив в министерствах и некоторых научно-исследовательских центрах⁴⁷.

Признания генерала наделали много шума. Хотя отделы, называвшиеся специальными секретариатами, существовали во всех министерствах, имевших точки соприкосновения с НАТО (обороны, иностранных дел, транспорта, сельского хозяйства, промышленности и внешней торговли), и занимали высокое место среди важных подразделений этих министерств, самыми значительными и засекреченными являлись отделы безопасности Атлантического пакта (УСПА), входившие в структуру только двух министерств: обороны и внутренних дел. Они имели прямую оперативную связь с центром в Брюсселе, а также контакты с аналогичными отделами других стран союза.

Кто в наших секретных службах осуществлял связь с главными центрами командования НАТО? До 1974 года УСПА министерства внутренних дел возглавлял Умберто Федерико Д'Амато, сохранивший за собой эту должность, даже когда весной 1972 года стал главой отдела тайных дел. С июня 1974 года, то есть с роспуском отдела тайных дел и созданием инспектората по борьбе с терроризмом (переименованного затем в службу безопасности), до января 1978 года, то есть до расформирования и этой службы, УСПА возглавлял квестор Антонио Карлино. С образованием СИСДЕ (службы информации и демократической безопасности) руководство отделом было поручено заместителю начальника службы Сильвано Руссоманно.

Сложнее обстояли дела в министерстве обороны. Там тоже существовал УСПА, по уставу руководимый «главным лицом, отвечающим за безопасность нации», то есть начальником секретной службы. Они же, как правило, перепоручали руководство УСПА офицерам рангом ниже. В период действия «стратегии напряженности» начальником УСПА был полковник Антонио Алеманно. Отдел, по словам Де Лоренцо, занимался главным образом сортировкой людей «по ранжиру», соответствующему следующим уровням секретности документов, принятым в НАТО, к которым допускался тот или иной сотрудник

министерства: конфиденциально, строго конфиденциально, секретно, очень секретно. Был еще пятый уровень: максимальная секретность («нос космик»), который распространялся на очень узкий круг людей.

Из допросов судьей Тамбурино полковника Спяцци и Кавалларо выяснилось, что существовал отдел еще более секретный, чем УСПА. В своих первых показаниях, сначала в магистратуре Падуи, затем — Рима, Мичели утверждал, что не занимался никакой антиконституционной деятельностью, ибо его действия «вписывались в рамки деятельности специального сверхсекретного органа, существовавшего в недрах спецслужбы». На просьбу пояснить сказанное генерал не ответил, прикрывшись фразой о недопустимости разглашения военно-политических секретов. Единственно, кто бы мог освободить его от сохранения тайны, это — правительство, добавил генерал. В связи с чем судьи обратились к Альдо Моро, который категорически отрицал существование какой-либо параллельной организации как внутри, так и за пределами секретной службы. Он дал ясно понять, что достаточно информирован, чтобы исключить саму возможность существования тайной организации из военных и гражданских лиц, преследующей антиконституционные цели.

Расследование по делу «суперСИД» все более запутывалось, и судья Дель'Орко, «унаследовавший» его у Тамбурино, намеревался запутать его еще больше. Однако во время судебного слушания 14 декабря 1977 года по делу о путче Боргезе Мичели неожиданно для всех проделал брешь в стене круговой поруки, окружающей суперсекретную организацию.

Вероятнее всего заговорить генерала побудило осознание того, что дальнейшее молчание или отрицание явного может обойтись дороже, чем откровенность. Толчком к этому шагу явился вопрос «в лоб», заданный судьей Антонио Аббате: «В свое время судья Тамбурино спросил вас: существует ли в рамках СИД параллельная структура, опирающаяся на скрытые возможности официальной службы? Я же сформулирую вопрос несколько иначе: возможно или нет существование в недрах СИД организма-двойника, действующего параллельно с официальным?» На что последовал ответ: «То есть вы хотите знать, существует ли в самой СИД секретнейший орга-

низм. Я прежде уже рассказывал, что СИД представляет собой 12 подразделений, каждое из которых в свою очередь имеет в качестве приложения соответствующие подразделения — оперативные службы, охраняющие конституцию. Кроме того, существует, и всегда существовала, особая секретнейшая организация, о которой известно руководству государства. На сторонний взгляд эта организация может быть оценена как нечто чуждое официальной линии службы. Речь идет об организме внутри СИД, деятельность которого абсолютно конституционна, даже если порой внешне таковой не кажется. Если вам необходимы подробности, я не смогу их сообщить. Запросите их у руководства государства, быть может, оно внесет окончательную ясность в этот вопрос».

Сказав «а», говори «б»... Пойманный на слове судьей Аббате, генерал вынужден был поведать детали отношений между миром политиков и суперсекретной организацией. На вопрос, имел ли возможность министр обороны составить себе полное представление о реальной структуре секретнейшего организма или же был информирован о ней лишь в общих чертах, Мичели недвусмысленно ответил: «Что касается этого, могу ответить утвердительно: да, министру Танасси было известно все об этой структуре. Как и двум другим министрам, занимавшим этот пост в те годы, когда начальником СИД был я. С Танасси, например, я довольно детально обсуждал этот вопрос»⁴⁸.

Итак, факт, что существует легальный организм, действующий тем не менее в самом глубоком подполье, закрытый для контроля не только со стороны парламента, но и исполнительной власти. Мичели, сославшись на секретность, отказался пояснить, в чем состояли цели «суперСИД», хотя и сделал многозначительный намек, что они не совпадали с задачами официальной службы.

Таким образом, картина подрывной системы, нарисованная судьей Тамбурино в 1974 году, в сущности, совпала с реальным положением дел. По прошествии трех лет, защищенный парламентской неприкосновенностью, генерал Мичели позволит себе признать правоту своего бывшего обвинителя.

«ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ СИД»

Те, кто по долгу службы хорошо осведомлен о задачах «параллельной СИД», позволяют другим считать их направленными на обеспечение оперативного вмешательства в жизнь нации с целью воспрепятствовать возможным антиправительственным выступлениям или же в случае тяжелых стихийных бедствий. Якобы для того и необходимо было составлять списки абсолютно надежных людей, которых можно использовать в чрезвычайных обстоятельствах, людей самых различных профессий, без которых, якобы, в подобных обстоятельствах невозможно обойтись, например врачи, медперсонал.

Хотя в такой подаче задачи «параллельной службы» выглядят вполне законными, тем не менее эту цельную программу вмешательства правительство гласности не предавало, парламент не одобрял. Мало того — она «выводила из игры» предназначенные для действий в чрезвычайных ситуациях государственные учреждения: префектуры, квестуры, территориальные военные командования. И еще: коль скоро цели программы — защита государственных институтов от возможных вооруженных посягательств и поддержание порядка в случае стихийных бедствий, то ради чего было городить вокруг нее такой высокий забор секретности? Достаточно было засекретить ее оперативные планы, а не само существование. Кроме того, какая необходимость была в военной секретной базе на Сардинии (куда «курсанты» доставлялись по ночам на самолетах с зашторенными иллюминаторами) для подготовки врачей, медперсонала и т. д.? Существование базы содержалось в глубочайшей тайне. И земля под нее была выделена не по запросу министерства обороны, а приобреталась на деньги еще руководителей СИФАР, выступавших в качестве частных лиц.

Действительно, изначальной задачей секретной структуры являлось вмешательство только в случае вооруженного восстания. Однако сложившаяся в 60-е годы в Италии ситуация, тяготеющая, медленно, но упорно, к усилению позиций левых сил, подтолкнула руководство НАТО к идее использовать эту структуру для дестабилизирующих операций. Подтверждение этому можно обнаружить в небольшой книжке журналиста-неофашиста Эггардо Белтраметти, связанного с Раути и Джаннеттини,

где говорится о «параллельном штабе, состоящем из военных и гражданских лиц... который, действуя подпольно, занят формированием подпольного же аппарата из надежных людей, часть которых прошла соответствующие специальные курсы террористической войны». В предисловии к книге генерала Джорджо Лиуцци, тогдашнего начальника генерального штаба армии, также говорится о необходимости создания уже в мирное время «сил территориальной обороны из военных и гражданских лиц, соответственным образом и тайно обученных, со смешанными (военно-гражданскими) штабами во главе»⁴⁹. Все это напоминает структуру «Розы ветров», как ее увидел судья Тамбурино, исходя из показаний Роберто Кавалларо. Поскольку события 1964 года продемонстрировали, что государственный переворот не самый верный способ воспрепятствовать сползанию страны влево, «параллельная служба» изменила тактику. В связи с новыми задачами в 1968 году была реорганизована школа диверсантов СИД на Сардинии.

Под «стратегию напряженности» начала подводиться теоретическая и материальная база. И если раньше сотрудники «параллельной службы» вербовали гражданских лиц в «силы поддержки» на случай военного путча, то сейчас начали обучать их технике длительных подрывных действий. Цель, правда, оставалась той же: любыми средствами сохранить политический статус, сложившийся в Италии после 18 апреля 1948 года.

Давайте присмотримся к «параллельной организации» и попытаемся выявить ее корни. В других европейских странах — членах НАТО подобные структуры являлись абсолютно легальными, действуя под видом «групп гражданской защиты», которые создавались для быстрых действий на случай стихийных бедствий. В ФРГ, например, в 60-е годы был принят Закон на случай острой необходимости. В конформистской атмосфере аденауэровской Германии этот закон встретил слабенькую оппозицию в лице еженедельника «Шпигель», который сумел разглядеть в «гражданской обороне» ширму для военизированной организации, обучающей своих членов в специальных лагерях.

В этом свете было бы нелишним вспомнить о деятельности Сандро Саккуччи, который летом 1970 года, за несколько недель до путча Боргезе, с одобрения и на

деньги министерства обороны развернул лагерь «вспомогательной подготовки».

В сентябре того же года еженедельник «Спеккьо» опубликовал пространную статью о Саккуччи, где говорилось: «То, что лагерь возник не без поддержки со стороны генерального штаба, не вызывает сомнений. Кем были предоставлены средства, можно понять из текста двух телеграмм: одна из 4-го отдела служб генштаба армии от 11 августа 1970 года, № 733/182, которой санкционируется создание лагеря; другая, от 13 августа, из отдела служб римской группы войск за № 8930/10200, касающаяся, в частности, передачи материалов для его оборудования... Около 20 офицеров различных родов войск выразили готовность предложить лагерю свои услуги в качестве инструкторов»⁵⁰.

Вместе с тем существует немало более ранних свидетельств тайной деятельности генеральной дирекции гражданской обороны и пожарной службы министерства внутренних дел. В одном из писем, относящемся к 1969 году, Эдгардо Соньо, жалуясь на то, что из-за деятельности, осуществляемой им от имени министерства внутренних дел, затормозилась его дипломатическая карьера, пишет: «В 1949 году депутат Шельба, тогдашний министр внутренних дел, обратился ко мне с вопросом, не возьму ли я на себя организацию давно задуманной службы гражданской обороны... В июле 1953 года по инициативе Президиума Совета министров, возглавляемого Шельбой, мне вновь предложили миссию чрезвычайного и секретного характера: организацию психологической защиты демократических институтов, возобновив работу, начатую в 1948 году»⁵¹.

В этот период генеральную дирекцию гражданской обороны и пожарной службы возглавлял уже знакомый нам Джузеппе Пьекэ, бывший шеф СИМ и ОВРА. В 1953 году Соньо взялся за порученное ему Советом министров дело, подключив сюда частную организацию «Мир и свобода» («Паче е либерта»), однако существующую не без поддержки правительства Шельбы и министерства обороны, возглавляемого в то время Рандольфо Паччарди⁵².

Преобразование легальных структур гражданской обороны в «тайные параллельные» — главная задача деятельности Соньо в течение многих лет. В докладе СИД,

переданном в 1974 году министром обороны Андреотти римской магистратуре, есть упоминание о беседе, датированной 4 июля 1974 года, между агентом службы и Соньо. Агент так передает ее содержание: «По словам объекта, необходимо организовать автономный центр гражданской обороны, который смог бы довести до конца.... то, что государственные бюрократические органы сделать не в состоянии; к тому же организационная и пропагандистская деятельность под вывеской гражданской обороны — превосходный канал проникновения».

ТАЙНА МЫСА МАРРАРДЖУ

Мы уже говорили о центре подготовки на Сардинии. Руководимый СИД, этот лагерь — ключ к осмыслению до сих пор неясных обстоятельств кровавых событий, происшедших в Италии с 1969 по 1975 год. Пик в работе лагеря точно совпадает с годами так называемой «стратегии напряженности».

Центр был создан в 1963 году в виде «школы диверсантов» СИФАР, по странному совпадению — за год до попытки переворота Де Лоренцо. Однако, кроме военных, в центре прошло подготовку немало гражданских лиц. Позже, в 1968 году, при участии американских специалистов база была расширена и переоснащена. Появился небольшой аэродром для вертолетов и легких самолетов, морские причалы в глубине некоторых естественных гротов — подальше от любопытных глаз, новые здания и подземные галереи.

В конце 1968 года в присутствии малочисленной группы военной элиты состоялось торжественное открытие базы. База функционировала с апреля по октябрь. В остальные месяцы года там оставался лишь гарнизон охраны: 40 человек, 10 из них — карабинеры из СИД. Командование гарнизоном базы приравнивалось к командованию батальоном.

Эта информация добавляется подробностями, содержащимися в нескольких статьях, напечатанных еженедельниками «Темпо» и «Эуропео»: долгие годы начальником базы являлся полковник Фернандо Пасторе Стокки, служивший в секретариате Мичели, когда тот был главой армейской спецслужбы.

В апреле 1969 года, когда в Милане Фреда и Вентура положили начало акциям «стратегии напряженности», взорвав бомбы на территории ярмарки и Центрального вокзала, на секретную базу прибыли первые «слушатели». Сборным пунктом для них служил воинский сектор аэропорта Чиапино. Ночью самолет с зашторенными иллюминаторами доставлял их в Альгеро-Фертилия. Отсюда на вертолетах, также с зашторенными окнами, их перевозили на базу, размещавшуюся на морском берегу в окрестностях мыса Маррарджу, между Альгеро и Бозой, недоступную с земли — дорог к ней не было, а горы обрывом нависали над берегом. Ведшееся в течение долгих лет строительство дороги между Альгеро и Бозой, как раз вдоль побережья, было по неясным причинам приостановлено, несмотря на протесты местных жителей. А живописные окрестности базы продолжали служить местом тренировок десантников, полигоном для отработки техники засад, обращения со взрывчаткой и т. д. Курсантам запрещалось всяческое общение с внешним миром. Большинство из них долгие годы не представляло себе месторасположения базы. Курс обучения длился от 15 дней до 6 месяцев. Самый длительный курс назывался «школой разведки — дезинформации», или «пятой школой». На краткосрочных курсах обучали терроризму, борьбе с партизанами, саботажу. Закончив курсы, «рекруты» возвращались по домам (опять же с сохранением полной конспирации), увозя с собой «наглядные пособия», то есть специалисты по оружию получали «в подарок» автомат, подрывники — взрывчатку и т. д.

Дома они пребывали как бы «в резерве», объединенные в небольшие группы, руководимые офицером разведотдела ближайшей воинской части. Последний нес за них ответственность перед руководством службы. «В миру» вчерашние курсанты получали строжайший приказ: никому ни слова о полученной подготовке.

Теперь обратимся к временам возникновения базы. Все началось 8 мая 1954 года, когда в Риме три «состоятельных гражданина» создали «общество с ограниченной ответственностью» под названием «Torre marina» («Морская башня»). Членами-основателями являлись: Этторе Муско, Антонио Ланфалони и Феличе Сантини⁵³. Коммерческие цели общества: приобретение, продажа, управление и сдача в аренду недвижимости как в городе,

так и в сельской местности, «где бы она ни располагалась». Капитал общества составлял 900 тысяч лир, по 300 тысяч с каждого,—сумма, скажем прямо, незначительная. Да и срок деятельности общества, 6 лет, слишком мал для реализации какого-либо серьезного жилищного проекта. Но странности общества этим не ограничивались: штаб-квартира «Морской башни» располагалась в Риме на улице XX сентября, в помещении... СИФАР, а тремя «состоятельными гражданами» были не кто иные, как... шеф СИФАР, начальник ее административного отдела и глава спецслужбы армии.

Несколько месяцев спустя после основания общество сделало первое, и, кажется, единственное, приобретение: был куплен обширный участок земли к югу от Альгеро по 3 лиры за 1 квадратный метр, на общую сумму 2 050 412 лир. 5 января 1956 года владельцы «Морской башни» продали свои доли другим «состоятельным гражданам»: Этторе Муско передал свою Джованни Де Лоренцо, Антонио Ланфалони—Джулио Феттарappe Сандри⁵⁴, Феличе Сантини—Луиджи Тальямонте, ставшему администратором общества. Девятью днями раньше Де Лоренцо сменил Муско на посту шефа СИФАР. Предположительно в те же дни произошла замена руководителей армейской спецслужбы и главы административного отдела СИФАР. Тальямонте действительно являлся администратором службы в период руководства ею Де Лоренцо.

В 1958 году «Морская башня» приобрела еще несколько гектаров прилегающих земель, а 5 сентября 1961 года общество объявило о «самоликвидации в связи с истечением срока деятельности»⁵⁵. Среди членов общества было единственное гражданское лицо в этой троице, инженер Аурелио Росси, заменивший Сандри. Прежде чем самоликвидироваться, общество успело закупить несколько моторных быстроходных катеров на сумму 60 миллионов лир. Ликвидация общества завершилась 4 апреля 1963 года, но еще в ноябре 1962 года министерство обороны экспроприировало принадлежавшие ему земли «в пользу государства». Естественно, владельцы «Морской башни» не возмутились подобным решением, и министерство незамедлительно вступило во владение этим районом. Запутанная процедура приобретения земли и ее передачи военному ведомству—первое свидетельство

крайней секретности появившейся на ней базы. Само военное ведомство было ознакомлено с ней лишь в самых общих чертах.

В начале 1963 года началось строительство базы. Годом раньше, в июне, СИФАР согласилась с требованиями ЦРУ о «программировании многоцелевых акций, мобильно приспособляемых к возможным действиям в чрезвычайных обстоятельствах»⁵⁶. План «Соло» готовится к осуществлению, и поэтому СИФАР нуждается в гражданских лицах, которые могли бы действовать в рядах левых, провоцируя беспорядки. Полковник Рокка мечется по Пьемонту и Лигурии, вербуя людей. Вполне вероятно, все они были первыми «курсантами» базы на мысе Маррарджу.

То, что среди курсантов находились гражданские лица, отрицалось всегда. Разобраться, где военный, а где гражданский, было невозможно: все носили одинаковые маскировочные комбинезоны. Только очень узкий круг людей знал, что в лагере проходили подготовку практически только гражданские лица⁵⁷.

Весной 1976 года занятия на базе не возобновились. Продолжилось строительство дороги Альгеро — Боза, начатое еще в 1960 году. В мае 1979 года она была торжественно открыта в присутствии мэров обоих городков.

Такова подноготная истории Италии между 1969 и 1975 годами. Это история секретной службы, которая на государственные деньги обучила свыше 1000 человек⁵⁸ искусству подрывных действий против государства. Поэтому-то все подрывные группы, действовавшие в 60-е годы, были так похожи одна на другую: «ребята», хотя и принадлежали к группировкам разной политической окраски, были обучены в одном месте, одними и теми же инструкторами, в одних и тех же целях. И взрывчатка, которой они пользовались в своих «политических» акциях, имела определенное происхождение, являясь «даром» секретной базы на мысе Маррарджу, или одного из двухсот складов боеприпасов, которыми располагала «параллельная СИД» на территории Италии.

В 1975 году база была закрыта. Закрыта или переведена в другое место? Если верна вторая гипотеза, то где ее новое месторасположение: в Италии или за границей? Какая разница самолету, вылетающему в ночное время из

Чампино, где приземляться: в Альгеро, в Греции или каком-нибудь пустынном месте Северной Африки? Год предполагаемого закрытия секретной базы совпал с резким изменением политической окраски итальянского терроризма. Феномен «красных бригад» и всего левого терроризма слишком неожидан, чтобы не вызвать подозрений, тем более что его появление предсказывало то же руководство спецслужб. В сентябре 1974 года глава СИД, Мичели, во время допроса судьей Тамбурино в присутствии прокурора Нунцианте заявил: «Отныне вы больше слова не услышите о черном терроризме, сейчас будут говорить о терроризме других цветов»⁵⁹. Не прошли ли через лагерь в Альгеро и герои «красного» террора?

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV

¹ Опубликован в приложении к «Gazzetta ufficiale», № 11, от 15 января 1966 г.

² Секретный циркуляр министерства обороны от 25 июня 1966 г., обновленный 13 декабря 1977 г. Им определены следующие задачи СИД:

а) сбор внутри страны и за рубежом всей информации, полезной для обороны и национальной безопасности;

б) координация деятельности разведки, контрразведки и служб безопасности отдельных разведслужб вооруженных сил;

в) координация всей информации, касающейся обороны и национальной безопасности, собранной государственными органами;

г) охрана политических, военных секретов и других государственных тайн;

д) борьба с разведывательной деятельностью и прочими действиями, могущими нанести вред обороне и национальной безопасности;

е) выполнение любых разведывательных заданий в интересах обороны и национальной безопасности по поручению министерства обороны.

³ В течение многих лет Хенке был военным адъютантом при кабинете министра. К этим годам относятся его первые контакты с Ренцо Роккой, который уже руководил отделом РЕИ СИФАР.

⁴ Отдел «Б» имел следующую структуру: начальнику отдела подчинялись 1-е отделение (внутренняя безопасность), 2-е отделение (контрразведка), 3-е (военная полиция), 4-е (специальные исследования — наследник РЕИ). В его ведении находилось также управление центров контрразведки Рима, с которыми были связаны центры контрразведки, расположенные в главных городах страны. Количество этих центров менялось в зависимости от ситуации, как правило, в 70-е годы их было 18. При необходимости открывались новые, которые через год или даже месяц могли быть закрыты. Постоянные центры действовали в Риме, Милане, Турине, Вероне, Падуе, Триесте, Генуе, Болонье, во Флоренции, в Неаполе, Бари, Палермо, Кальяри. Центр в Перудже возник в связи с допуском в университет иностранных студентов.

⁵ *Рейнхард Гелен* родился в Эрфурте в 1902 г. Служил в генеральном штабе фашистской армии с 1935 г. В 1940 г. становится адъютантом

генерала Гольдера, начальника генштаба, а позже — командующего иностранными вооруженными силами на Восточном фронте. В 1945 г. попадает в плен к союзникам и вывозится в США. Освободившись в июле 1946 г., он двумя неделями позже основывает частную секретную Службу Гелена, которой руководит до 1956 г., когда она переходит под правительственный контроль. Гелен производится в корпусные генералы бундесвера, сохраняя за собой руководство службой, получившей название Bundesnachrichtendienst (БНД). 30 апреля 1968 г. выходит в отставку. Что касается политической ориентации Гелена, то представление о ней дает цитируемый отрывок из его книги воспоминаний о Греции времен «черных полковников»: «Можно что угодно думать по поводу того, что произошло в Греции, но факт остается фактом: сегодня Греция была бы коммунистической страной, если бы здоровые силы, вовремя сконсолидировавшись, не преградили дорогу такой опасности».

⁶ Паскуале Джулиано, начальник специального отряда падуанской квестуры, сумел разглядеть в организации, руководимой Франко Фредой, опасную террористическую группировку. Во время сбора данных о ней был ложно обвинен в том, что передал одному из своих осведомителей взрывной механизм, который тот должен был подбросить в дом Массомильяно Факини, друга Фреды. Катеначчи, прибыв в Верону с инспекцией, раздул это дело, что стоило Джулиано должности. Через два года мужественный комиссар был восстановлен на службе, правда в захолустье, в Пулье.

⁷ Вот как звучат предъявленные Катеначчи обвинения в следственном заключении миланских судей Алессандрини и Фьясконаро: «По его распоряжению отделом тайных дел министерства внутренних дел, которым он тогда руководил, были скрыты от следствия кожаные сумки, найденные в подземном переходе «Банко национале дель лаворо» в Риме 12 декабря 1969 г., а также товарный чек на имя Мозбах Грубера от 9 сентября 1968 г., изъятый 9 марта 1973 г. в мастерской кожаных изделий в Падуе, который был предъявлен следствию лишь 25 сентября 1972 г.». Кроме того, миланские судьи обнаружили, что 16 декабря 1969 г., то есть четыре дня спустя после преступления, падуанская квестура направила в отдел тайных дел и политические отделы квестур Рима и Милана три копии свидетельства продавца и владельца мастерской, где говорилось о продаже 10 декабря, за два дня до событий, четырех сумок, подобных тем, которыми пользовались преступники. До магистратур эти копии не дошли.

⁸ В действительности речь шла не столько о переименовании, сколько о новом объединении: отдел тайных дел, который до этого был поделен надвое — на отдел общей информации и отдел внутренней безопасности, — вновь объединил их, но уже в рамках службы общей информации и внутренней безопасности.

⁹ На самом деле должности заместителя начальника отдела тайных дел никогда не существовало. Как правило, эту обязанность исполняли четыре наиболее опытных префекта, входящие в руководящую группу, и самый старший из них в случае отсутствия начальника принимал на себя его заботы, не получая, однако, никаких иных прерогатив. В послевоенные годы с уменьшением числа сотрудников отдела с 20 до 9 человек соответственно уменьшалось и число «заместителей», пока единственным не остался Федерико Д'Амато.

10 Специальные секретариаты Атлантического пакта являются секретариатами безопасности и действуют во всех министерствах, имеющих контакты с НАТО. Выше их по значимости отдел безопасности Атлантического пакта, секретнейший орган в рамках министерства внутренних дел, который действует в тесной связи с аналогичными отделами министерств внутренних дел других стран — членов НАТО. Умберто Д'Амико продолжал руководить им даже после того, как возглавил СИДЖСИ. В июне 1974 г. начальником отдела стал заместитель квестора Антонио Карлино, бывший сотрудником отдела тайных дел во времена Де Ноццы.

11 Группа политиков, наиболее остро критиковавших Д'Амато, возглавлялась депутатом-социалистом Джакомо Манчини. Ежедневник «Темпо», близкий к позициям лидера калабрийских социалистов, опубликовал 27 июня 1976 г. серию статей, возлагающих на Д'Амико вину за все — или почти за все — события, связанные со «стратегией напряженности» в Италии с 1969 по 1974 г., не приводя, правда, никаких доказательств этого. 23 июля 1981 г., после публикации списков вероятных членов ложи «П-2». Д'Амато направил рапорт министру внутренних дел; позже он окажется в руках парламентской следственной комиссии по расследованию деятельности ложи «П-2». В рапорте говорилось: «В июне 1974 г. ... министром внутренних дел и тогдашним начальником полиции, а также их преемниками на этих постах неоднократно давалось понять, что мой личный опыт и знания могут быть использованы, хотя и в иной, чем прежде, форме, на службе государству... В течение последних семи лет я помогал информацией и консультациями, делая это с максимальной скромностью и не вмешиваясь в компетенцию соответствующих органов, действуя всегда от своего имени».

12 *Вито Мичели* родился в Трапани 6 января 1916 г. 19 лет вступает в 8-й полк берсальеров. Год спустя лейтенантом посылается в Абиссинию и через некоторое время оказывается в штате командования экспедиционным корпусом генерала Грациани в Аддис-Абебе. После окончания войны в Эфиопии возвращается в Трапани убежденным фашистом. С началом второй мировой войны вновь отправляется в Африку, где, будучи тяжело ранен, попадает в плен и вывозится в Индию. Вернувшись, продолжает военную карьеру: сначала назначается командиром танковой дивизии «Чентауро», затем «Ариеге». Проходит курс обучения в натовском «Дифенс колледж», после чего переходит на военно-дипломатическую работу: военный атташе в Париже, затем Бонне. После этого назначается начальником спецслужбы армии, которой руководит до 17 октября 1970 г. С июня 1976 г. — депутат парламента по списку МСИ.

13 Более детально события этой ночи выглядят следующим образом: осведомитель СИД Франко Антико, следивший за развитием событий по поручению одного из офицеров, знавших о предполагаемом выступлении заговорщиков, не имея возможности связаться с ним, решил передать информацию о времени начала путча дежурному офицеру римского центра контрразведки полковнику Джорджо Дженовези. Тот, не зная о том, что в заговоре замешан ряд руководителей СИД, передал это сообщение своему непосредственному начальнику, полковнику Каччуттоло, шефу управления центров контрразведки, а копию рапорта Антико отправил телефонограммой в римскую квестуру. Каччуттоло в

свою очередь предупредил генерала Куеиранцу, тогдашнего начальника отдела «Б», который и сообщил все Мичели.

¹⁴ Письмо от 23 сентября 1969 г., направленное агроному Приско Брилли, советнику Великого Востока в Кроссето, масоном Баччиани. Трапезами назывались банкеты, периодически организуемые масонами. «Братскими» они назывались в том случае, когда в них участвовали исключительно масоны. Если же среди участников находились «мирские» гости, трапезы носили название «белые». Великим магистром масонов в то время был Джордано Гамберини.

¹⁵ Подполковник СИД Антонио Виесцер утверждал на допросе у судьи Сики, что ему в свое время было поручено службой расследование дела о «посвящении» 400 офицеров и он обратился за информацией об этом к... Джелли, и только к нему. «Получив задание, я спросил Джелли, достоверна ли эта информация, на что получил отрицательный ответ. Это было в 1976 году».

¹⁶ Среди донесений, пришедших до 8 декабря, достойны внимания два. Первое — от 25 ноября 1968 г., прямо указывавшее на «согласованность действий между Боргезе и Пино Раути, генеральным секретарем «Ордине нуово». Второе, довольно подробное, от 11 мая 1969 г., касавшееся совещания, созванного Боргезе, с представителями генуэзских судовладельцев с целью заручиться финансовой поддержкой своей программы подавления, «даже силой оружия», растущего влияния ИКП. Наконец 7 декабря 1970 г. Мичели получает уведомление о том, что неаполитанская группа «Фронтоне национале» получила приказ о полной боевой готовности выступить «с момента на момент».

¹⁷ Допрос Паоло Аландри 16 октября 1982 г. и 23 сентября 1982 г.

¹⁸ См. главу V. Обвинительное заключение, с. 169, 171.

¹⁹ См. примечание 44.

²⁰ 7 апреля 1973 г. неонацист Нико Ацци был ранен взорвавшимся детонатором мощной бомбы, в то время как он устанавливал ее в туалете экспресса Турин—Генуя—Рим. В результате проведенного расследования несколько миланских неонацистов, группирующихся вокруг Джанкарло Роньони и журнала «Фениче», попали на скамью подсудимых. Эта группа, входившая в состав МСИ, идеологически была близка к «Ордине нуово».

²¹ 12 апреля 1973 г. во время манифестации, запрещенной властями, неонацисты Витторио Лой и Маурицио Мурелли бросили в полицейских бомбы, в результате чего один полицейский был убит. На второй день допросов Витторио Лой признал существование плана организации беспорядков и даже назвал имена тех, кто его разработал, однако позже отказался от своих показаний.

²² 17 мая 1973 г. бывший осведомитель СИФАР анархист Джанфранко Бертоли бросил бомбу в двери миланской квестуры: четыре человека были убиты, около десяти — ранены. В ходе расследования по делу «Розы ветров» судья Тамбурино установил, что Бертоли был связан с некоторыми обвиняемыми по этому делу, в частности с Сандро Рампаццо, Сante Седоной и Эудженио Риццато.

²³ *M. Scialoja. Il generale è un pero.* — «L'Espresso», 22 gennaio 1974.

²⁴ В интервью «Еурогео» 17 октября 1974 г. Кавалларо утверждал: «Организация как таковая существует и является законной, поскольку ее цель — помешать потрясению государственных институтов. Когда эти

потрясения (беспорядки, давление профсоюзов, насилие и т. д.) охватят страну, «организация» начнет действовать во имя сохранения порядка. Если же эти потрясения будут проявляться в скрытых формах, «организация» найдет возможность искусственно активизировать их через входящие в нее организмы как крайне правого, так и крайне левого толка, ряд которых в настоящее время находится под следствием по так называемому делу о «черном заговоре» («Роза ветров», «Ordine nuovo», «Фениче», МАР Фумагалли, «Джуститиери д'Италия» и многие другие)».

²⁵ Atti dell'istruttoria del giudice F. Fiore. Допрос 3 марта 1975 г.

²⁶ Штаб-квартира фашистов на озере Гарда.

²⁷ Бесплезно строить догадки относительно степени принадлежности к этому узкому кругу политических деятелей, сменявших в те годы друг друга на высших государственных должностях. Ясно одно: политика многих государств испытывала потрясения, когда «параллельные службы» делали все для устранения с высоких постов людей, не пользующихся их доверием. Примером может служить уход Вилли Брандта с поста федерального канцлера ФРГ в 1974 г. в результате эффективно проведенной провокации секретных служб, формально находящихся в его подчинении.—См.: G. Galli. La crisi e la Destra internazionale. Milano, Mondadori, 1974, p. 223 e sgg.

²⁸ Вот главный пункт ордера на арест: «За содействие созданию секретной ассоциации военных и гражданских лиц, имеющих целью вызвать вооруженное свержение и незаконное изменение конституции государства и формы правительства путем вмешательства вооруженных сил, спровоцированного деятельностью ассоциации. Для этой цели организованы вооруженные группы с иерархической структурой, связанные между собой «офицерами связи» как на нижнем уровне, так и на уровне руководства, в следующих регионах: Верона (Падуа и Верона), Лигурия (Генуя, Специя, Рекко), Тоскана (Версилья)—и носящие различные названия («Роза ветров», «Джерси», «Джуститиери д'Италия» и т. д.), получающие деньги на организацию беспорядков, погромов, террористических актов, на формирование групп поджигателей...» Эта часть ордера приведена у: C. Incerti. Un pomeriggio al SID.—«L'Espresso», 14 novembre 1974. Полная публикация текста ордера спустя несколько дней после его подписания имеет историю, заслуживающую особого упоминания. В 13.30 7 ноября 1974 г., через неделю после ареста генерала, агентство печати АНСА передало из римской штаб-квартиры полный текст ордера. Но поскольку о его содержании было известно только Мичели, судебным следователям Тамбурино и Нунцианте, генеральному прокурору республики Де Маттии и карабинерам, арестовавшим генерала, было очевидно, что публикация эта не больше, чем маневр для обвинения Тамбурино в нарушении следственной тайны и провала тем самым самого следствия. Проведя экспресс-расследование, Тамбурино выдвинул обвинения против полковника Марцолло, правой руки Мичели, который сделал достоянием гласности протоколы допроса, переданные судье адмиралом Казарди, новым главой СИД. Он обвинялся в «злоупотреблении званием офицера корпуса карабинеров, сотрудника СИД; в преступном сговоре с неустановленными лицами, вместе с которыми распространил фотокопии текста протоколов свидетельских показаний, направленных в Рим начальником СИД в адрес судебного следователя 10 ок-

тября 1974 г.». Тем не менее обвинение не имело никаких последствий.

²⁹ См.: *P. Agostini. La «Rosa dei Venti» ha spine in Alto Adige?— «Tempi e cronache», aprile 1975, затем целиком перепечатано в: «Lotta continua», 8 febbraio 1977.*

³⁰ На допросе 19 октября 1974 г. Мичели заявил судье Фьоре: «Для того чтобы защищаться должным образом и сотрудничать для обнаружения истины, как повелевает мне мой долг, я должен был бы рассказать о фактах и обстоятельствах, касающихся безопасности государства и которые считаю военными и государственными тайнами. Я уже трижды просил об освобождении меня от клятвы сохранять эти тайны, но пока разрешения на это не получал... До тех пор пока я не буду свободен от сохранения тайн, считаю себя вынужденным использовать право не отвечать на некоторые вопросы».

³¹ Commissione parlamentare d'inchiesta sulla loggia massonica P2. Seduta del 25 novembre 1983.

³² Ibidem. Commissione parlamentare d'inchiesta sugli eventi del giugno—luglio 1964. Relazione di maggioranza, p. 554—557.

³³ Commissione parlamentare d'inchiesta sulla loggia P2.

³⁴ Ibidem.

³⁵ «Il Giorno», 18 ottobre 1972.

³⁶ См.: *G. Gabbi. Chi è Fumagalli.— «L'Europeo», 20 giugno 1974.*

³⁷ Рапорт СИД от 19 сентября 1970 г. по делу МАР, с. 96.

³⁸ «Естественно, существуют связи, о которых я позволю себе умолчать. Могу только уточнить, что никогда речь не шла о связях с людьми из МСИ... Американцы поддержали бы только демохристианский переворот или по крайней мере переворот, организованный центром, но лишь при условии, что христианские демократы обладали бы действительной силой и имели бы эффективную программу. Впрочем, и это я тоже хотел бы подчеркнуть, все контакты, которые я имел в 1970 г., удовлетворяли меня до тех пор, пока совпадали с моим политическим кредо и моей программой».— Допрос 8 июля 1974 г. *Requisitoria del pubblico ministero Trovata, p. 190—191.*

³⁹ *A. Lega, G. Santerini. Strage a Brescia potere a Roma. Milano, Mazzotta, 1976, p. 142.*

⁴⁰ «Il Mondo», 12 giugno 1974.

⁴¹ Свидетельские показания, данные в Милане 24 и 25 апреля 1981 г., и памятная записка от 14 мая 1981 г. Позже Боццо подтвердил их, отвечая на вопросы парламентской следственной комиссии по делу ложи «П-2».

⁴² См. главу VII.

⁴³ «26 июня 1979 г. был зарегистрирован телефонный разговор с абонентом, находящимся в квартире по улице Фоппа, 9, принадлежащей Анне Дитель, в ходе которого полковник Маццей сообщил вышеназванному абоненту некоторые подробности операции, проводимой совместно армией и полицией против подрывной организации».— Свидетельство, данное миланским судьям 24 апреля 1981 г.

⁴⁴ Как признался подполковнику Боццо полковник Чезаре Витали, сменивший Маццей на посту начальника легиона, устройство последнего на работу в «Банко амброзиано» произошло при содействии верхушки тосканского масонства.

⁴⁵ См.: *R. Faenza. Il malaffare. Milano, Mondadori, p. 313.*

⁴⁶ Commissione parlamentare d'inchiesta sugli eventi del giugno—luglio 1964, Relazione di minoranza, p. 69.

⁴⁷ Вот наиболее интересные в этой связи выдержки из протоколов допроса:

«*Де Лоренцо*: Закон 1965 г. специально предусматривает, что лица, назначаемые на важные политические должности, должны иметь «допуск по нормам безопасности». Это предусмотрено также договором НАТО...»

Адвокат>Addамиано: Прежде вы говорили о досье СИФАР, теперь о досье министерств. Какая разница между ними?

Де Лоренцо: Никакой. Досье СИФАР и досье министерств — одно и то же.

Прокурор: Какие распоряжения давали вы своим сотрудникам в связи со сбором информации для досье? Или, точнее, какие критерии лежали в основании этой работы?

Де Лоренцо: Когда я пришел в СИФАР, там уже следовали определенным критериям. Уже в 1947 году было известно, как и что надо делать. Мотивами для сбора досье могли служить и предубеждение, и подозрение, вызванные рядом причин, например политической ориентацией человека... Ознакомительное исследование могло касаться и лиц, которым предстояло занять должность в политическом аппарате, в общественных учреждениях или в руководстве промышленностью. Проверка надежности с точки зрения безопасности диктовалась необходимостью обеспечения безопасности Атлантического пакта...»

⁴⁸ Допрос 14 декабря 1977 г. в 1-й секции суда присяжных Рима. Речь идет о Рестиво и Андреотти.

⁴⁹ E. Beltrametti. Contestazione e megatoni. Roma, Volpe, 1971.

⁵⁰ F. Albanese. Parasoccorso per L'Italia.— «Lo Specchio», 13 settembre 1970. В статье говорится о предоставлении генштабом десантной баржи, грузовика, электрогенератора, радиоаппаратуры, спецодежды и пр.

⁵¹ Письмо, направленное 12 августа 1969 г. министру иностранных дел А. Моро. Atti dell'istruttoria del giudice L. Volante sull'attività di E. Sogno.

⁵² Ibidem. Письмо от 3 марта 1960 г. маркизу Франческо Силий ди С. Андреа д'Уссита, генеральному директору персонала министерства иностранных дел.

⁵³ См.: P. Ojetti. Il Sifar comprava terreni in Sardinia.— «L'Europeo», 28 maggio 1976.

⁵⁴ Генерал Феттаратта Сандри служил еще в СИМ, где во время войны работал в оперативном отделении отдела контрразведки.— G. Pillon. Spie per L'Italia. Roma, I libri del No. 1968, p. 67.

⁵⁵ Ликвидатором общества был назначен специалист по торговому праву Этторе Де Мартино, который в 1976 г. был замешан в скандале по делу «Локхид».

⁵⁶ R. Faenza. Op. cit., p. 315.

⁵⁷ По мнению Коррадо Инчерти и Сандро Оттоленги, в лагере прошли подготовку, кроме тысяч правых экстремистов, также левые экстремисты и арабские террористы.

⁵⁸ Согласно данным К. Инчерти и С. Оттоленги, на базе прошли курсы по меньшей мере 4000 человек.

⁵⁹ Atti dell'istruttoria del giudice G. Tamburino.

Глава V

СПЕЦСЛУЖБЫ И «ЧАСТНЫЕ ЛИЦА»

Если задуматься о разного рода нарушениях закона секретными службами в послевоенные годы, бросается в глаза тот факт, что они в большой степени связаны с деятельностью ряда лиц, не являвшихся официально сотрудниками служб, но тесно с ними контактировавших.

Их роль порой была гораздо более значительной, чем роль сотрудников служб и их осведомителей, не укладывавшаяся в рамки простого сбора информации, а распространяясь гораздо шире, как бы создавая новый образ «сил поддержки». На жаргоне спецслужб они звались «агенты из кругов», или «агенты с весом».

Мы рассказываем здесь о пяти из них, на наш взгляд, наиболее ярких. Разумеется, число таких лиц намного больше, но о многих почти ничего неизвестно, другие занимали настолько высокие должности в правительственных органах, что идентифицировать их практически не представлялось возможным.

Луиджи Кавалло родился в Турине 17 мая 1920 года в семье сельскохозяйственного рабочего, как он утверждал, или зажиточного торговца лесоматериалами, как числился он в секторе кадров ИКП¹. Необычность, таинственность, которыми он так любил обволакивать свою жизнь и деятельность, имеют, таким образом, определенное объяснение. Его первые контакты с полицейскими кругами и, возможно, секретными службами начались скорее всего в предвоенные годы, когда в июле

1937 года его арестовали за кражу книг из Национальной библиотеки Турина.

В 1939 году «по ходатайству секретаря туринской федерации фашистской партии»² Кавалло получает стипендию и едет в Германию «для совершенствования знания немецкого языка». Сомнительно, что учеба была единственной целью поездки. Его пребывание в Германии закончилось в 1942 году, когда после свадьбы с дочерью одного из руководителей нацистских секретных служб он возвратился в Турин. Здесь он, получив должность в командовании инженерных железнодорожных войск вермахта, устанавливает связи с подпольщиками, действующими в городе. В частности, он сотрудничал с экстремистской группой «Красная звезда» («Stella rossa»), которую Пьетро Секкья считал «гнездом провокаторов». Согласно другим версиям, Кавалло сам явился инициатором создания этой группы, «идеологом» которой становится после смерти Темистокле Ваккареллы, считавшегося ее руководителем и погибшего при загадочных обстоятельствах. «Красная звезда» выпускала бюллетень, в котором коммунисты назывались «обуржуазившимися трусами» — подобной фразеологией Кавалло будет пользоваться в своих провокационных публикациях 50-х годов.

После Освобождения, воспользовавшись скорее всего эйфорией тех дней, ему удастся войти в состав туринской редакции «Униты», и очень скоро он начинает писать в ней передовые статьи наряду с видными лидерами компартии. Деятельность Кавалло в рядах ИКП длилась до июня 1949 года, когда материал с его подписью в последний раз появился в «Уните». 1 декабря газета на первой полосе опубликовала заметку, в которой говорилось, что Кавалло, «вызванный для разъяснения некоторых моментов его прошлого, в частности отношений с нацистскими властями, отказался отвечать», в связи с чем «товарищи и партийная организация остерегаются иметь с ним какие-либо отношения». К этому времени Кавалло уже нашел себе другое место: заключил контракт с «Гадзетта дель пополо» в качестве специального корреспондента в США с окладом 400 тысяч лир в месяц.

В одном из документов СИФАР по этому поводу написано: «Особенно выгодные условия этого контракта вызвали тогда большое удивление в журналистских кру-

гах Турина. И они объясняли его заключение дружескими отношениями Кавалло с тогдашним директором газеты, доктором Массимо Капуто, с которым тот познакомился еще в Берлине»³.

Таким образом, вторая поездка за границу связывалась в определенном смысле с первой, трехлетней, с 1939 по 1942 год, в германскую столицу. По всей вероятности, именно эти два долгих периода, проведенные за пределами Италии,—ключ к пониманию всей его деятельности на родине.

Вернувшись в январе 1954 года, после более чем 4-летнего пребывания в Нью-Йорке, Кавалло подключается к руководству антикоммунистической организацией «Мир и свобода» («Pace e liberta»), возглавляемой Эдгардо Соньо.

В июле 1954 года эта организация, вошедшая в состав Комитета национальной обороны, так ставила задачи перед своими провинциальными отделениями: «...сбирать адреса активистов всех коминформистских организаций* (ИКП, ВИКТ, СИЖ, МФИК и т. д.)... Вносить в «черные списки» всех членов компартии, занимающих ответственные должности в общественном управлении и на крупных предприятиях, с биографическими справками на каждого из них... Создать антикоммунистическую осведомительскую сеть по всем провинциям, действующую нелегально и абсолютно независимо... Создать отряды для выполнения специальных заданий»⁴.

Официально «Мир и свобода» являлась частной организацией, но архивы СИФАР того периода ясно раскрывают как ее цели, так и источники финансирования: она «должна была заменить полицию в качестве регистратора активистов ИКП и заводских партийных организаций... Определенным образом явствует, что Соньо уже получил финансовую поддержку от профессора Валетты из ФИАТа, от известного туринского промышленника Виберти и братьев Пирелли из Милана»⁵.

Следует отметить, что создание организации «Мир и свобода» относится к 1951 году и имеет явно международный характер. В том году бывший чиновник НАТО,

* Имеются в виду коммунистическая партия и тесно сотрудничающие с ней профсоюзная конфедерация, женский союз и федерация молодежи.

Жан-Поль Давид, основал в Париже антикоммунистический информационный центр под аналогичным названием. СИФАР тщательно фиксирует его контакты «на высшем уровне»: «Давид установил тесные связи с американскими представителями в НАТО и недавно предпринял поездку в США, где был принят Эйзенхауэром... Давид и Соньо отправились в Рим, где посетили посла США Люс и председателя Совета министров Шельбу, добываясь соответствующего финансирования антикоммунистической пропаганды в Италии»⁶.

Кроме Италии и Франции, аналогичные организации возникли в Бельгии, Голландии и Германии. Вероятно, «Мир и свобода» явилась первой «наднациональной параллельной структурой» Атлантического союза, и в свете этого Жан-Поль Давид стал «бывшим» функционером НАТО в той же степени, в какой полковник Рокка являлся «бывшим» офицером СИФАР.

Впрочем, тот же Соньо в конфиденциальном письме сообщал, что за его организацией стоит правительство Шельбы и министерство обороны⁷. Когда позже судья Виоланте, расследовавший предполагаемое участие Эдгардо Соньо в путче, запросил у СИФАР досье на него и Кавалло, то получил от спецслужбы настолько выхолощенную информацию, что в ней невозможно было что-либо понять. Большая часть сообщенных СИФАР сведений о деятельности «Мира и свободы» относилась к 1953—1954 годам. Но если эта организация действительно лишь ассоциация частных лиц, действующая на законном основании, то как объяснить множество купюр в информации, касающейся ее деятельности?

Более удачливым, чем Виоланте, оказался претор* Гуариниелло, в чьих руках оказались свидетельские показания сотрудника СИФАР Витторио Аваллоне, долгое время служившего в миланском центре контрразведки. Допрошенный в рамках следствия по поводу противозаконного заведения досье на ФИАТе, он заявил: «Я являюсь агентом СИФАР с 1952 года и знаю Кавалло со времен «Мира и свободы»... Тогда он поддерживал контакты с полковником Роккой, моим начальником в то время... Рокка помогал ему добиваться финансирования

* Претор—следователь по ведению малозначительных гражданских и уголовных дел.

организации промышленными кругами... Я в качестве подчиненного Рокки получил от полковника приказ присматривать за тем, чтобы Кавалло сообразовывал свои действия с задачами, входящими в компетенцию Рокки»⁸.

Свидетельство Аваллоне важно как первое, дающее ясное представление о связях, существовавших в течение 20 с лишним лет между руководством секретных служб, Конфиндустрией и крупной итальянской промышленностью. И хотя в этом союзе СИФАР играла активнейшую роль, решения все-таки принимала не она.

Тандем Соньо—Кавалло находился у руля «Мира и свободы» недолго. 2 декабря 1954 года СИФАР отмечает: «Стало известно, что граф Соньо удалил из «Мира и свободы»... Луиджи Кавалло и Габриеле Вигорелли... Кажется, Кавалло и Вигорелли в настоящее время намерены издавать газету под заголовком «Мир и труд» («Pace e lavoro») в качестве противовеса еженедельнику «Мир и свобода»»⁹.

На самом же деле, имея в виду Кавалло, следует говорить не об «удалении», а скорее о новом его назначении. Это подтверждает Витторио Аваллоне: «...затем Кавалло переезжает в Турин и получает работу на ФИАТе... До тех пор пока Рокка остается на своем посту, Кавалло продолжает поддерживать с полковником тесные отношения. Я думаю, что эти отношения и явились причиной для работы у Валетты»¹⁰.

Здесь его долгая деятельность в качестве одного из активнейших действующих лиц антирабочих провокаций на ФИАТе расцвела пышным цветом. Ханжеский тон и левацкая фразеология характерны для серии публикаций Кавалло сначала в «Мире и труде», а затем в сменившем ее «Фронте труда» («Il fronte del lavoro») об ИКП и ВИКТ, призванных дискредитировать руководителей компартии и профсоюзной конфедерации. Жесткой его критике подверглись и лидеры левого крыла социалистической партии, такие, как Витторио Фoa, Туллио Веккети, Эмилио Луссу, Дарио Валори, Лелио Бассо, Лучио Либертини. Позже журнал Кавалло получит название «Рабочая трибуна» («Tribuna operaia»), и к нему периодически будут добавляться отдельные издания.

Публикации Кавалло сопровождались разгулом репрессий на ФИАТе во второй половине 50-х годов: тысячи рабочих, практически все активисты ВИКТ, были уволе-

ны или переведены на низкооплачиваемую работу¹¹. Издательская деятельность Кавалло отличалась исступленностью и лихорадочной активностью: кроме многочисленных бюллетеней, он издает с 1962 по 1964 год также журнал, для которого выбрал название славного ежемесячника Антонио Грамши «Новый порядок» («Ordine nuovo»). Но это не единственное, чем он занимался в те годы. Как станет известно позже, Кавалло принимает активное участие в вербовке «добровольцев» в преддверии путча июня 1964 года, собирает досье на представителей левых сил. Бывший репортер «Униты» М. Липранди как-то побывал у него в кабинете и впоследствии рассказывал: «В кабинете стояла вращающаяся картотека, одна из многих. Кавалло медленно, словно лаская, вращал ее, говоря: если бы ты знал, что здесь, внутри. Здесь, внутри, имена, явки, адреса всех членов ИКП Турина».

20 лет спустя претор Гуариниелло установил, что нелегальная работа по сбору досье на предприятиях ФИАТа велась при содействии СИД, полиции и других военных органов и привела к тому, что были заведены дела почти на 350 тысяч человек. Кавалло в одном из своих бесчисленных рапортов отмечает, что не раз черпал из «информационного потока», не указывая, однако, откуда тот вытекает. Он использует адреса коммунистов или мест, где они родились, и посылает туда свои статьи или «открытые письма» под заголовками: «Стой! Не выдвигай своей кандидатуры на увольнение!», «Почему я не выставляю свою кандидатуру на роль делегата ФИОМ (Итальянской федерации рабочих-металлистов *) на выборах во внутренние комиссии»¹²** и тому подобное. Письма попадают в руки жен, которым хорошо известно, насколько обоснованными могут быть угрозы Кавалло, и которые, вполне естественно, пытаются убедить своих мужей отказаться от членства в партии и профсоюзе¹³.

Деятельность Кавалло на ФИАТе закончилась в 1966 году: в августе Витторио Валетта оставляет управление компанией. Пять месяцев спустя, и это показательно, прекратила свое существование «Рабочая трибуна». Про-

* Эта федерация входит в состав ВИКТ, руководимой коммунистами и левыми социалистами.

** Заводские профсоюзные комитеты.

вокатор оставался не у дел с 1967 по 1968 год, затем, с началом «жаркой осени»*, вновь вернулся на сцену, по-прежнему «в мундире» ФИАТа. Издаваемый им еженедельник на этот раз называется «Профсоюзная инициатива» («Iniziativa sindacale»). И деятельность его на этот раз более утонченна и многообразна. В чем она состоит, он сам рассказывает в документе, озаглавленном «Политико-профсоюзная борьба на ФИАТе». «Структура и функции Центра. Политико-профсоюзная пропаганда: совместно с представителем управления кадров анализируется информация, получаемая с различных фабрик и заводов. По домашним адресам рассылаются антикоммунистические листовки и брошюры с эмблемой Итальянской социалистической партии... Сбор информации политико-профсоюзного характера на общенациональном и местном уровнях... Сбор информации о кандидатурах людей, принимаемых на работу...»¹⁴

Меняет Кавалло и политическую окраску. В 1966 году он вступает в ИСП. Еще в 1956 году в его публикациях наметилась тенденция к противопоставлению понятий «коммунистическое» и «социалистическое» в рамках стратегии, направленной на раскол левых сил. По-прежнему главным его «заказчиком» продолжает оставаться ФИАТ: в 1970 году он пишет некоему «любезнейшему адвокату», в котором нетрудно узнать управляющего ФИАТа Джанни Аньелли: «На сегодняшний день мы уже сформировали четыре небольших отряда — каждый из трех человек, плюс шофер. Первый, созданный с помощью Абелли¹⁵, состоит из миланцев, еще два — из пьемонтцев, людей князя Боргезе... И наконец, еще один отряд, наш, из миланских «профессионалов», — для выполнения наиболее важных заданий. Благодаря довольно хорошо функционирующей службе учета политических настроений населения мы имеем возможность наносить систематические удары по наиболее опасным противникам». Таким образом, после двухлетнего перерыва деятельность Кавалло на ФИАТе возобновилась, но связи его на этот раз намного масштабнее и включают социалистов, а через Соньо, христианских демократов и церковь. Досье, обнаруженное полицией на квартире неонациста Сальваторе

* Осенний пик забастовочного движения, связанный с перезаключением трудовых соглашений между рабочими и работодателями.

Франция, практически полностью совпало с досье на того же человека, найденным в архиве Кавалло.

О своих связях с некоторыми представителями социал-партии проговорился он сам (неизвестно — случайно или специально) в записях, обнаруженных в его квартире, а также в письмах к «любезнейшему адвокату». «Нам гарантировано политическое и парламентское прикрытие со стороны объединенной социалистической партии (депутаты Маттеотти и Корти), «неннианцев» (Кракси) и даже «бертольдианцев» (депутат Чезаре Бенси)»¹⁶.

Связи Кавалло с Христианско-демократической партией обеспечивали пьемонтские демохристиане, пообещавшие ему руководство заводскими группами ХДП. Церковь поддерживала контакт с ним через монсеньора Куадри, одного из руководителей Католической ассоциации итальянских трудящихся, который в 1969 году подвергся критике за противодействие «социалистическому выбору» этой ассоциации рабочих-католиков. В те годы Кавалло под псевдонимом Итало Росси издает две книги с предисловием монсеньора Куадри, в которых нападает на инакомыслящих из католического лагеря.

Одновременно Кавалло возобновляет контакты с Эдгардо Соньо. Между июнем 1971 и июлем 1974 года, как стало известно в результате расследования судьи Виоланте, ФИАТ выплатил Соньо по меньшей мере 187 миллионов лир на финансирование его Комитета демократического сопротивления. Тот же судья прольет свет на тесные связи Соньо и Кавалло, направленные не столько на совместную деятельность в комитете, сколько на совместную подготовку «белого» путча, который должен был явиться «правым переворотом с прогрессивной левой программой, раскалывающей ряды антифашистов, с одной стороны, и выводящей из игры фашистов — с другой»¹⁷.

Планы путчистов предусматривали роспуск парламента, создание своего профцентра, образование временного правительства, поддерживаемого вооруженными силами, которое должно было бы осуществить «программу оздоровления и социальной реконструкции страны», реформу конституции и избирательной системы после всенародного референдума и «воплотить передовую социальную политику, дающую новый толчок экономическому развитию страны».

Программа, разработанная Кавалло и Соньо, как явствовало из документов, конфискованных судьей Виоланте, как две капли воды была похожа на «план демократического возрождения», подготовленный главой ложи «П-2» Джелли и обнаруженный в чемодане его дочери Марии Грации в июле 1981 года в аэропорту Фьюмичино. Совпадение не случайно, если принять во внимание, что многие из тех, кто участвовал в попытке «белого» путча, начиная с того же Соньо, будут позже фигурировать в списках членов ложи «П-2».

В середине 70-х годов Кавалло не продлевает членства в ИСП, хотя и продолжает поддерживать связи с отдельными группировками соцпартии, а во время предвыборной кампании ведет агитацию в пользу некоторых кандидатов-социалистов. В том же году он непосредственно координирует все инициативы по «поднятию морального уровня общества и оздоровлению партии», как гласило обращение к социалистам, подписанное 14 видными представителями ИСП, среди которых вместе с людьми неоспоримой честности и моральной чистоты, такими, как Ренато Баллардини и Агостино Вивiani, фигурирует темная личность Вальтера Наварры¹⁸.

Что же касается Кавалло, то границы его беспринципности безмерны: он одновременно сотрудничает с руководством социалистов и собирает для своих «заказчиков» досье, порочащие людей, с которыми поддерживает самые тесные отношения. Кроме того, как следует из одной записи, найденной в бумагах на его квартире, сделанной от третьего лица, но написанной явно самим Кавалло, он с гордостью констатирует, что имел тесные контакты в руководстве различных политических партий с целью «дискредитации их образа»¹⁹. Некоторые его деятельность характеризовали как «мучительные поиски заказчиков, пусть даже враждебных друг другу, которые платили бы побольше за его личные услуги и услуги его организации»²⁰. Думается, такая оценка не совсем верна. Кавалло отнюдь не был бедняком, владея тремя конторами — в Милане, Турине и Риме, — библиотекой, насчитывающей свыше 100 тысяч томов, типографией в Турине, кемпингом в Дейва Марине, имел яхту, наштигованную радиоаппаратурой, способную связать его с любой точкой мира.

В его распоряжении было такое снаряжение, которое частному лицу, даже поддерживаемому в течение 20 лет

крупными итальянскими промышленниками, было бы нелегко приобрести. Естественно предположить, что его организация снабжалась некоей силой, располагающей огромными средствами. В течение многих лет Кавалло часто встречался в Риме с Аймри Ховардом, агентом ЦРУ с дипломатическим статусом. К тому же, как хвастался сам Кавалло, он сохранял за собой в течение десятилетий и апартаменты в Берлине, и, думается, это вовсе не фантазия. Таким образом, Кавалло предстает перед нами фигурой, связанной с руководителями «структур безопасности» западного мира. В союзе с Соньо он явно лидирует, хотя и тот не на «последних ролях» и используется правительствами для самых деликатных поручений.

5 мая 1976 года сотрудники туринской группы по борьбе с терроризмом, возглавляемой комиссаром Джорджо Крискуоло, арестовали Соньо и Кавалло²¹. Следствие, начатое в 1974 году судьей Виоланте по делу о так называемом «белом» путче, сделало, таким образом, решительный поворот и... одновременно с этим прервалось, поскольку материалы следствия передаются в Рим. Виоланте был отстранен от следствия в связи с «некомпетентностью», несмотря на то, что ему удалось воспроизвести сложную картину заговора.

Что касается, например, Кавалло, судья констатировал, что тот был одной из ведущих фигур в заговоре. В частности, редактировал журнал «Национальная оборона» (“Difesa nazionale”), расцениваемый как важный элемент подрывного плана²². Подозрения о возможных связях между группами лиц в вооруженных силах и путчистами подтвердились тем же летом 1974 года, когда стало известно содержание телефонограммы, направленной командованием 2-й воздушной зоны командирам подведомственных частей: «...всеми средствами оказывать содействие распространению среди подчиненных первого номера журнала «Национальная оборона», изданного в Милане. Вышеназванный журнал привлекает интерес широких кругов вооруженных сил в перспективе установления республики с президентским правлением». В противовес существующему парламентскому.

Публикация фотокопии телефонограммы в «Манифесто»²³ незамедлительно вызвала парламентский запрос. Министерство обороны ответило письмом, в котором факт трактовался как простое недоразумение. Согласно

письму министерства, командование 2-й воздушной зоны направило телефонограмму с целью исполнить поручение самого министерства, желающего узнать степень популярности журнала в вооруженных силах. Ответ мало кого убедил, к тому же несколько обозревателей вспомнили, что 31 января 1974 года без какого-либо объяснения причин неожиданно был отправлен в отставку начальник генштаба авиации генерал Винченцо Лучертини²⁴.

25 мая 1976 года римская магистратура подтвердила выводы судьи Виоланте и в свою очередь подписала ордер на арест Соньо и Кавалло, уже сидящих в камерах тюрьмы Реждина Чели. Однако 19 июня судебный следователь Филиппо Фьоре по представлению главного прокурора Альберто Дель'Орко выпустил обоих на поруки. Формально обвинение сохраняло силу, но затем в обвинительном заключении 7 октября 1977 года главный прокурор потребовал оправдания Соньо и Кавалло за недостаточностью улик. 12 сентября 1978 года дело было закончено полным оправданием обвиняемых «ввиду отсутствия состава преступления».

Кавалло вернулся к своим делишкам с еще большей активностью. Некоторые косвенные улики недвусмысленно указывают на его связи с «красным» терроризмом*. В апреле 1976 года одно из писем, посланных ему его подругой, связанной с подозреваемым в терроризме Роберто Мандером, было обнаружено в логове террористов на улице Пьянецца в Турине. Кавалло оправдывался, утверждая, что письмо было похищено из его почтового ящика. В квартире самого Кавалло во время обыска, устроенного претором Гуариниелло, была найдена фотокопия письма, которое «бригадисты» похитили во время нападения на туринский центр Стурцо.

В начале 1977 года миланские судьи Алессандрини и Ломбарди начали расследование в связи с этим и другими вызывающими вопросы эпизодами, но следствие не дало каких-либо результатов. Уже в самом начале работы двух судей — один из них, Алессандрини, позже будет убит террористами — Кавалло попытался сбежать в Швейцарию через «окно» на границе, используемое контрабандистами²⁵. Арестованный швейцарской полицией, он был

* Имеются в виду левоэкстремистские группировки «красные бригады» и «первая линия».

передан итальянским властям. Это один из многих загадочных эпизодов его жизни, ибо, бесспорно, у него были другие, более надежные способы перебраться за границу, чем пересекать ее, словно жалкий контрабандист.

И опять Кавалло оставался в тени до 29 ноября 1977 года, когда в туринской редакции агентства АНСА раздался звонок и некто, назвав себя членом организации «Первая линия» заявил, что ею «арестован и заключен в народную тюрьму Луиджи Кавалло, агент ЦРУ и провокатор на службе у Аньелли»²⁶. Позже в агентство пришла листовка с фотографией похищенного, и больше никакой другой информации не поступало. В те же дни по Милану и Турину были разбросаны листовки: одни в выражениях, характерных для «Пролетарской автономии»* («Autonomia proletaria») подстрекали к выступлениям против «расы господ», другие, подписанные «Банковская автономия» — «Банко амброзиано» («Autonomia bancaria» — «Вапсо амброзиано»), призывали «товарищей» подвергнуть Роберта Кальви** «пролетарскому суду»²⁷. Как оказалось, оба вида листовок были отпечатаны в Турине, в типографии на улице Монте Ченджио, 22, записанной на имя престарелой матери Кавалло, и явились совместной акцией Кавалло и Синдоны против Кальви. В этой связи интересно интервью зятя Синдоны, данное «Эуро-пео» 17 октября 1981 года. «Я познакомился с Кавалло во время путешествия, где-то в начале 1976 года, которое Элгардо Соньо, Кавалло и Нино Синдона совершили в Нью-Йорк. Кавалло вошел в доверие Синдоны... Сотрудничество их заключалось в том, что Синдона снабжал Кавалло документами и фактами против Кальви, которые затем распространялись его агентством». Используя Кавалло в качестве шантажиста, Синдона пытался склонить Кальви к участию в собственных махинациях.

Кульминационным моментом атак на Кальви стал день 3 ноября 1977 года, когда до загадочного похищения Кавалло оставался месяц. В это утро стены всех зданий

* Так же левачские террористические группировки.

** Президент «Банко амброзиано» и банкир Синдона — главные действующие лица серии финансовых афер, в которых оказались замешанными политические деятели, церковь, масоны и, конечно же, секретные службы.

по улице Клеричи, где находилось здание «Банко амброзиано», были обклеены плакатами, на которых со многими подробностями живописались аферы Роберто Кальви. Плакаты были подписаны: «Комитет контроля за общественными институтами», адрес которого — улица Галарате, 131,— полностью совпадал с адресом редакции «Национальной обороны» и агентства, возглавляемых Кавалло. Несмотря на то что плакаты быстро уничтожили люди Кальви, они вызвали серию инспекций в «Банко амброзиано», проведенных по распоряжению отдела надзора «Банка д'Италия». Расклейка плакатов, как станет известно позже, была совместной акцией Синдоны и Кавалло. Она последовала вслед за визитом в штабквартиру «Банко амброзиано» в июле 1977 года Вальтера Наварры, когда тот на глазах побледневших от ужаса служащих приклеил к стене коридора плакат с угрозами в адрес Кальви²⁸.

Имя Луиджи Кавалло вновь всплыло в прессе 11 октября 1979 года, когда в Нью-Йорке был «освобожден» якобы похищенный Синдона. В этот день к Кавалло обратился журналист «Панорамы» Романо Канторе с просьбой организовать встречу с банкиром. Кавалло пообещал устроить ее через зятя Синдоны, и в момент, когда он рассказывал журналисту, что банкира никто не похищал, к столику ресторана, где оба сидели, подошли четверо в штатском, которые и увели Кавалло с собой. Власти предъявили ему официальное обвинение в том, что он въехал в США по фальшивому паспорту, и заявили, что, будь у него настоящий паспорт, до ареста бы дело не дошло. Осталось неясным только, зачем Кавалло нужно было пользоваться фальшивым паспортом, если он мог воспользоваться настоящим. Или он сам подставил себя под арест, почуяв опасность? А может быть, американцы испугались, что он слишком многое знает о «похищении» Синдоны? Как бы то ни было, Кавалло только через пять лет объявился в Париже, где 30 мая 1984 года был арестован за вымогательство денег у Кальви, но вскоре вышел на свободу. Однако в середине июня прокурор Виола потребовал начать по этому поводу судебное разбирательство.

Ландо Дель'Амико родился в Карраре 1 января 1926 года. Ему исполнилось 18 лет, когда он встал под знамена

«Итальянской социальной республики». После ее краха, перебравшись в Рим и попробовав себя в ряде второразрядных газетенки, он поступил на работу в «Секоло д'Италия», орган итальянских неонацистов. Но и там пробыл недолго: в 1953 году Дель'Амико вступает в социал-демократическую партию и становится директором ее еженедельника «Ла Джустиция». Именно в эти годы берет начало длившийся почти два десятилетия, до конца 70-х годов, его союз с депутатом Луиджи Прети.

В ноябре 1961 года подполковник СИФАР Агостино Буоно и Ландо Дель'Амико отправляются в Равенну с чемоданчиком, в котором лежат 30 миллионов лир. Деньги выделены для выполнения деликатного задания: с их помощью «убедить» ряд деятелей республиканской партии порвать с ее крылом, возглавляемым Паччарди, и примкнуть к сторонникам Ла Мальфы.

Кто возложил на них эту миссию, так и осталось неизвестным. Ходило мнение, что это был президент ЭНИ* Маттеи, давно ведущий жестокую борьбу с монополией транснациональных нефтяных компаний — так называемых «семи сестер», и заручившийся в схватке с ними, не без помощи СИФАР, поддержкой многих арабских правительств, и которому для успеха своей деятельности на этом пути было необходимо ослабить позиции таких проамерикански настроенных политических деятелей, как Паччарди.

Операция закончилась провалом: «паччардист» Гуэррино Равайоли, к которому среди первых обратились посланцы, сделав вид, что вступает в игру, обратился в полицию. Оба эмиссара ретировались в Рим. Долгие годы об этом факте никому не было известно, и лишь в мае 1974 года Паччарди, узнав о попытке подкупа соратников, поднял шум в парламенте, выступив с рядом депутатских запросов. Начавшееся было судебное разбирательство быстро заглохло, поскольку дело отнесли к разряду государственных секретов.

Действительно, в ходе судебного слушания подполковник Буоно подтвердил, что ему было приказано войти в контакт с Ландо Дель'Амико для осуществления «мис-

* Государственно-монополистическое объединение, контролирующее нефтехимическую промышленность.

сии» в Равенне, но, когда судья попросил его остановиться на этом подробнее, подполковник заявил, что сделал бы это охотно, не будь связанные с этим обстоятельства «государственными секретами».

В 1959 году Дель'Амико основал агентство печати Монтечиторио, в структуре которого с 1 января 1964 года начала работать «служба досье». Согласно циркуляру ее главы, Анджело Маннони, она была «техническим аппаратом для оказания помощи ежедневным и прочим периодическим изданиям, пресс-центрам, частным и общественным предприятиям в получении информации о политически активном населении за период с 1935 года по настоящий день». И чтобы не возникало дальнейших вопросов, автор циркуляра добавляет: «На каждого итальянского политического деятеля любого уровня заведено наиболее полное досье, в котором представлена вся официальная и неофициальная информация, имеющая к нему отношение»²⁹.

В своей штаб-квартире на улице Панеттериа, 36, агентство взяло «под колпак» политическую сферу жизни страны, наладив сбор и обмен информацией, в которые втянулись многие депутаты парламента и сенаторы, участвующие в политических междоусобицах. Но не только парламентарии черпали из «информационного кладезья» агентства: среди его клиентов находился и генерал Де Лоренцо. Это подтверждает фотокопия письма, появившаяся в феврале 1968 года на страницах еженедельника «АБЦ». «Дорогой генерал, прилагаю к настоящему письму 32 биографии, относящиеся к разделу «Итальянская социал-демократическая партия». Материал о коммунистах будет готов в течение месяца... Напоминаю Вам, что расходы за проделанную работу могут быть включены в членский взнос Службы, что же касается двух фотокопий документов, полученных от известного лица, то они должны быть оплачены отдельно». Эти несколько строк дают довольно ясную картину взаимоотношений генерала и агентства. Особенно красноречивы слова о «членском взносе». Что еще показательное, так это дата письма — 12 июля 1964 года: именно в это время полным ходом шла подготовка плана «Соло».

СИФАР практически подрядила агентство Дель'Амико на создание солидной доли из тех 34 тысяч незаконных досье, ставших позже предметом специального пар-

ламентского расследования. В этом свете понятен ужас, который наводило это агентство на политиков между 1964 и 1969 годами: нередки случаи, когда в результате его «деятельности» рушились политические карьеры.

В 1969 году Дель'Амико выступил с инициативой создания Национальной ассоциации агентств печати, которая объединила 80 из 400 действующих в Италии агентств. Президентом стал Даниель Каметти Аспри, владевший в то время девятью небольшими агентствами. Вступая в должность, он сказал со всей откровенностью: «Тут слишком абстрактно трактуются функции журналиста агентства печати. Одни утверждают, что он — артист, другие называют его мастерским. Для меня же он не кто иной, как торговец информацией»³⁰. Вице-президентом, разумеется, стал Ландо Дель'Амико.

Некоторое время спустя он будет вызван в суд для дачи разъяснений в связи со следствием по делу о взрыве на площади Фонтана. Причиной вызова окажется письмо, направленное им зятю нефтепромышленника Монти, Бруно Риффезеру, в котором он писал: «Я передал, как было договорено, 18 500 000 лир журналисту Пино Раути... Поскольку деньги взяты из бюджета Монтечиторио, я должен буду возместить эту сумму путем обычной процедуры перевода в конце месяца со счета «Эридания»... Я выслал в Болонью сведения для депутата Прети... К сожалению, они недостаточно полны, однако точны»³¹. Письмо датировано 18 сентября 1969 года. При обыске в САРОМ*, проведенном миланскими судьями, обнаружилось, что на счет «Эридания» 30 сентября поступил вклад в сумме 18 432 000 лир. Между 1972 и 1975 годами Дель'Амико несколько раз менял свои показания, относящиеся к этому письму: то настаивал на том, что никогда не писал его, то подтверждал его достоверность, то вновь отрицал свое авторство, что и привело к его аресту миланской магистратурой.

По окончании следствия главный прокурор Алессандрини высказал подозрение, что письмо Дель'Амико является фальшивкой, состряпанной теми, «кто мог быть заинтересован приписать Раути несуществующие преступные связи с целью отвлечь внимание от действительно

* Компания по очистке нефтепродуктов, принадлежавшая Монти.—
Прим. авт.

существующих групп, в недрах которых действовал Раути». Произнося заключительную речь, судья Д'Амброзио сказал еще более конкретно: «...любое следствие, направленное на выяснение, по чьему поручению Дель'Амико подписал это письмо-фальшивку, вылилось бы в выяснение, кто стоял за спиной Раути в террористической деятельности, проводившейся его группой в 1969 году»³².

С 1974 года Дель'Амико отходит в тень. Его имя вновь всплывает в ноябре 1979 года в связи с арестом за участие в гигантской афере, нанесшей огромный ущерб «Банко ди Наполи». Банда мошенников похитила из банка сотни миллиардов лир, используя для этого сложную электронную систему, подключившую частный терминал к компьютеру в штаб-квартире банка. Скандал разразился огромный, но быстро выдохся: так и осталось тайной, какая же сумма была похищена столь изобретательно.

В следующем году Дель'Амико возвращается к своей обычной деятельности: открывает агентство печати «Республика» («Repubblica»), не имеющее, разумеется, ничего общего с одноименной ежедневной газетой. Уже сама цена его годовой подписки — 1 200 000 лир — красноречиво демонстрировала, на какой контингент читателей ориентировалось агентство³³. Что касается его политической окраски, то она была явно демохристианской, что означало конец так долго длившегося союза Дель'Амико с социал-демократами. Теперь агентство частенько с подачи Европейской рабочей партии (ПОЕ) — «группы давления», возглавляемой близкими к администрации Рейгана американскими и западногерманскими политическими кругами, — выступало с яростными нападениями на лидера социалистов Кракси.

Начиная с октября 1981 года агентство «Республика» — в авангарде фронтального наступления на начальника спецслужбы вооруженных сил (СИСМИ) генерала Лугарези. 3 ноября агентство «проговорилось» о предстоящем обыске сотрудниками службы квартиры специалиста по торговому праву Джанни Кьерегато, друга депутата Пикколи. Это была явная провокация, тем не менее началась кампания по диффамации генерала, длившаяся почти два месяца. Первым органом массовой информации, подхватившим это известие, явился еженедельник «Гутторома» — более чем странное издание, отра-

жавшее позиции узкой группы депутатов-демохристиан.

Тезис, который муссировали и агентство, и еженедельник, состоял в том, что СИСМИ затеяла операцию в квартире юриста с целью завладеть личными бумагами депутата Пикколи. Операция эта, как вытекало из реплики агентства, была сорвана лишь благодаря заблаговременно опубликованному известию о предстоящем «налете». За этим следовал вывод, подхваченный другими органами печати: под руководством Лугазери СИСМИ вернулась к противозаконной практике, характерной для службы в прошлые годы.

При этом агентство «Республика» и «Тутторома» сделали поворот на 180 градусов по отношению к занимаемой прежде позиции. Если до этого они выступали сторонниками слияния всех спецслужб под эгидой СИСМИ, постоянно и остро критикуя за «некомпетентность» сотрудников армейской спецслужбы (СИСДЕ), то теперь «неожиданно» они превратились в активных заступников СИСДЕ, превознося ее эффективность, в то время, как, по их словам, СИСМИ оказалась в глубоком кризисе.

Дело кончилось тем, что Ландо Дель'Амико был арестован 13 декабря 1981 года по обвинению в клевете на полковника Мезину, которого агентство назвало непосредственным организатором предполагаемого «налета» на квартиру Кьерегато. Это был энный по счету арест Дель'Амико, чувствовавшего себя в таких обстоятельствах как рыба в воде: уже за много месяцев до этого ответственным директором агентства «Республика» стал его сын Уго.

Гuido Джаннеттини родился 22 августа 1930 года в семье полковника инженерной службы флота. Единственный мальчик в семье, он с детских лет тянулся ко всему, что связано с армией. С октября 1963 года он начинает работать в «Ривиста милитаре», органе армейского генерального штаба. Его первая публикация на страницах журнала — рецензия на книгу Эдди Бауэра о танковой войне — в этом вопросе Джаннеттини считал себя специалистом и возвращался к нему не раз.

Начальником генерального штаба армии в те годы был Джузеппе Алойя, убежденный адепт перестройки вооруженных сил с целью превращения их в орудие подавления подлинных и вымышленных «мятежных»

движений. Джаннеттини — сторонник подобной идеи, о чем с энтузиазмом пишет в еженедельнике «Вита». 18 октября 1966 года начинается его сотрудничество с СИД: в этот день он приступает к работе в отделе «Р» (разведка за рубежом) с особыми полномочиями, исходя «из потребностей генерального штаба». Что это означало, не знал никто. Известно лишь, что в отделе Джаннеттини только получал зарплату. В свое время судья Алессандрини попытается заострить внимание на такой «службе», но генерал Де Марко, руководивший отделом «Р», ограничится заявлением, что приказ о приеме Джаннеттини на работу исходил лично от начальника СИД. Что же касается «потребностей» генерального штаба, то генерал Стефани, глава канцелярии генерала Алойя, объяснил их так: «Начальник генерального штаба в этот период собрал около себя круг журналистов, среди которых были, например, Джорджо Торкиа, Анъези, Бельтраметти, с которыми он поддерживал хорошие отношения, чтобы те через свои органы массовой информации широко рассказывали о военных проблемах»³⁴.

Объяснение, мягко говоря, малоубедительное, как, впрочем, и гипотеза, выдвинутая некоторыми авторами, согласно которой Алойя, внедряя верных ему людей в СИД, старался сохранить контроль над службой, только что циркуляром министра обороны выведенной из подчинения генштабу. На наш взгляд, «работа» Джаннеттини в службе состояла в большем: через СИД он был внедрен в «параллельную структуру», переживавшую в то время «теоретическую фазу» своего становления (пример тому — уже упоминавшаяся конференция в отеле «Парко дей принчипи»), но уже готовившуюся перейти от слов к делу.

Как бы то ни было, все офицеры СИД, допрошенные судьями, в один голос оценивали Джаннеттини как мелкую сошку. Хотя хорошо известно: Джаннеттини поддерживал особые отношения с верхушкой службы, в частности с руководителями отдела «Б», каждый из которых лично представлял его своему преемнику. Если предположить, что СИД располагала 15 тысячами платных осведомителей, то кажется несколько странным столь повышенное внимание со стороны высших офицеров службы к «наивторостепеннейшей пешке», какой по утверждениям офицеров СИД, являлся Джаннеттини. В

этой связи интересно ознакомиться с выдержками из отчетов руководителей отдела «Б», относящихся к журнаlistsу. Вот что пишет Энцо Виола, которому он был «придан» летом 1967 года, после 8-месячной работы в отделе «Р»: «...Джаннеттини оказался не в состоянии представить конкретную информацию по ряду интересующих нас областей, ограничиваясь намеками на возможность предоставления ее в будущем. Я лично познакомил его с моим преемником, полковником Гаской Куеиранцей, когда уходил с этого поста». А вот в свою очередь слова Гаски Куеиранцы: «...сотрудничество с ним не дало каких-либо значительных результатов... передаваемые им сведения были почерпнуты по большей части в журналистских кругах... В июне 1971 года он был представлен мною моему преемнику генералу Малетти»³⁵.

А вот Малетти: «В качестве сотрудника отдела «Б» Джаннеттини находился в контакте со мной до сентября 1972 года, когда, в силу его очевидной низкой производительности и неспособности, или нежелания, добывать интересующие нас сведения, я прервал личные контакты, поручив одному из моих сотрудников периодическое общение с Джаннеттини в Риме для: 1) получения от него сведений, которыми он мог располагать, 2) осуществления контроля за его действиями. Но и эти контакты прекратились в марте—апреле 1973 года, поскольку Джаннеттини исчез из поля зрения...»

Все как один высказываются о Джаннеттини не самым лестным образом и тем не менее лично передают его, как эстафетную палочку, своим преемникам. Кроме того, утверждение Малетти о том, что контакты с осведомителем прервались в марте—апреле 1973 года, когда тот «исчез из поля зрения», не соответствует действительности: Джаннеттини получал в СИД жалование еще целый год.

И если уж Джаннеттини зарекомендовал себя столь бездарным осведомителем, то остается предположить, что держали его на службе, видимо, за какие-то другие таланты. Не был ли он сотрудником «параллельной службы», для которого работа в СИД — лишь прикрытие?

Уже сам эпизод с решением в июне 1973 года защитить Джаннеттини перед лицом миланской магистратуры вскрыл глубокое несоответствие между утверждениями о скромной роли Джаннеттини в рядах службы и уровнем

сил, мобилизованных на его защиту. «Для принятия такого решения,—сказал в одном из интервью Андреотти,—было созвано совещание в Палаццо Киджи. Это было серьезной ошибкой. Нужно было назвать вещи своими именами: Джаннеттини—давнишний осведомитель СИД, для которой аккуратно собирает сведения, относящиеся, например, к организации террористических акций»³⁶. Позже Андреотти отрицал, что назвал Палаццо Киджи и, давая показания по этому вопросу, утверждал, что «узнал от генерала Мичели, что вопрос о Джаннеттини дискутировался в высшей политической штаб-квартире», добавив для тех, кто не понял: «Для генерала высшая политическая штаб-квартира означает не что иное, как ссылку на министра»³⁷.

Это интервью соотносительно со временем, когда оно было дано, позволяет предположить, насколько серьезной была ситуация в стране.

В октябре 1969 года, то есть за два месяца до событий на площади Фонтана, Джаннеттини отправился в Югославию в группе журналистов, освещающих официальный визит в эту страну президента республики Сарагата. Официально он—специальный корреспондент неофашистской «Секоло д'Италия», на самом же деле—как станет известно из документов судебного разбирательства в Катандзаро—эmissар СИД с заданием: «Наладить контакты с югославскими журналистами и их коллегами из-за «железного занавеса», неустойчивыми с идеологической точки зрения и открытыми для ценностей западного образа жизни»³⁸.

Из тех же документов явствует, что отдел тайных дел министерства внутренних дел с 26 сентября 1961 года установил за Джаннеттини «специальный надзор», поскольку тот был замечен в связях с ОАС. Он был снят только 21 сентября 1968 года, когда «феномен ОАС исчерпал себя», но через некоторое время вновь установлен уже в связи с тем, что Джаннеттини оказался членом «Авангардия национале». «Специальный надзор» подразумевал среди прочего контроль за передвижениями по всей территории Италии. Таким образом, Джаннеттини начал сотрудничать в журнале генерального штаба и был принят на работу в секретную службу в то время, когда с него—приятеля зарубежных террористов—не спускала глаз другая секретная служба. Наверняка и в тот момент,

когда под прикрытием официального визита он выполнял в Югославии задание СИД. Мало того, что секретная служба посылает в другую страну агента с заданием, она к тому же поручает ему установление контактов с потенциальными врагами существующего в этой стране конституционного порядка — это двойное преступление.

Впрочем, Джаннеттини не раз таким образом «представлял итальянскую армию и правительство на международной арене». Например, в 1969 году под «крышей» журналиста он совершил длительную поездку в Западную Германию, где посетил училище бронетанковых войск, командование пограничных сил, школу психологической войны в Кобленце. Во время этой поездки, в которой, кстати, принимал участие и Раути, он сфотографировался на «леопарде», строго засекреченном новом немецком танке³⁹.

Какие верительные грамоты предъявлял он, «представляя» в таких секретных миссиях? Кто ими его снабжал? Не та ли организация, стоявшая над СИД, по настоянию которой он был принят в службу? Не по ее ли «путевке» Джаннеттини в ноябре 1961 года оказался за океаном, в Аннаполисе, где в школе морских пехотинцев прослушал трехдневный курс на тему «Возможности и техника государственных переворотов в европейских странах»?

При всем том Джаннеттини никогда не скрывал своих политических взглядов. «Я противник демократии,— утверждал он в одном из интервью, как раз в то время, когда «прятался» от суда.—Я всегда был фашистом. Лучше сказать: я—неофашист. Люди, подобные мне, работают над тем, чтобы совершить в Италии государственный переворот. Или развязать гражданскую войну»⁴⁰. В соответствии с такой идеей действует и руководимое им агентство печати. Кроме того, Джаннеттини, по словам некоторых его коллег, принимает участие в деятельности секретной организации, снабжающей самой солидной информацией международные неонацистские движения. Интересно одно заявление Джаннеттини: «Я хорошо знаком с представителями нацистского режима... Некоторые из них служили в вермахте, другие — в секретных службах Гитлера... Цели наши ясны, а в деньгах мы не испытываем недостатка... Сегодня предпринимаются продуманные попытки направить кризисную ситуацию

в Италии к нужному нам исходу, и этим занято много людей, в том числе за ее пределами»⁴¹.

Действительно, Джаннеттини — член многих международных шпионских организаций, одна из которых маскировалась под агентство печати. Трудно предположить, что СИД не ведала о его международных связях, следовательно, она не видела в них ничего предосудительного. Может быть, некоторые террористические международные организации — также порождение «параллельных служб» западных стран? Иначе трудно объяснить, каким образом им удавалось набирать силу и продолжать действовать, даже когда становилось достоянием гласности их прямое участие в тех или иных крупных террористических акциях.

11 августа 1974 года, после почти годичного укрывательства от суда в Буэнос-Айресе, Джаннеттини сдается властям. С этого дня он ведет себя как безупречный секретный агент, очень тщательно выбирая каждое произнесенное им слово — не дай бог упомянуть кого-либо из людей службы. 20 марта 1981 года, оправданный судом присяжных Катандзаро, Джаннеттини выходит на свободу.

Аджинтер Пресс. Его основатель Ив Герэн-Сейрак — один из тех французских офицеров, которые после предоставления независимости Алжиру и краха террористических устремлений фашистов из ОАС эмигрировали из Франции, снедаемые досадой и обуреваемые жаждой мщения. Некоторые из них утихомирились, некоторые, перебравшись в Конго или Родезию, в качестве наемников сражались на стороне самых реакционных сил, он же обратил свой взор на Лиссабон, столицу одного из немногих «здоровых» режимов — фашистской Португалии времен Антониу ди Оливейры Салазара.

У него была четкая программа будущей деятельности: создать агентство, которое, прикрываясь журналистским статусом, стало бы практическими курсами саботажа, шпионажа и терроризма. Подробности программы были изложены в рукописи книги, которая выйдет позже под названием «Принципы», а пока хранящейся в небольшом чемоданчике, с коим он никогда не расставался.

В Лиссабоне Герэн-Сейрак был обласкан и заручился

обещанием щедрой помощи, особенно со стороны Легиона — преторианской гвардии режима, напоминающей по сути своей нацистскую СС или испанскую фалангу. Но самую солидную поддержку ему предоставила ПИДЕ — тайная полиция Салазара. С ней бывший оасовец заключил долговременный договор, текст которого был обнаружен в архивах агентства на следующий день после падения салазаризма. В одном из пунктов договора говорилось, что Герэн-Сейрак взял на себя обязательство создать организацию, которая под вывеской «агентства печати» гарантирует выполнение специальных заданий за рубежом, главным образом в африканских странах, разорвавших отношения с Португалией.

С 1962 года по 1965 год агентство, получившее название Аджинтер Пресс, формирует активную сеть осведомителей из числа коллаборационистов и журналистов. До 1968 года она действует главным образом в странах Африки. С 1968 года акцент в работе Аджинтер Пресс переносится на Европейский континент. Герэн-Сейрак и его правая рука, Роберто Лерой, совершают многочисленные поездки по странам Европы, в частности в Италию.

Итальянский журналист Лео Негрелли ведет на итальянском языке от имени Аджинтер Пресс передачи на Италию с радиостанции «Радио Португалии». Не исключено, что среди зачитываемой им информации содержались и зашифрованные директивы итальянским агентам Герэн-Сейрака. Деятельность организации принимала все более отчетливую «двухэтажность»: информационная и пропагандистская работа велась под крышей Аджинтер Пресс, в то время как подрывная террористическая — под именем ОАКИ (Вооруженной организации против международного коммунизма).

Такой была организация уже в 1969 году, когда было совершено преступление на площади Фонтана. В отчете, составленном СИД на следующий день после этого трагического события, оба руководителя Аджинтер Пресс оказываются «выкрашенными» в политические цвета, абсолютно противоположные тем, которые оба фашиста никогда и не скрывали. То, что агентство финансировалось политической полицией Салазара, не могла не знать СИД. Тогда ради чего эта явная ложь в отчете службы? Если она так уж хотела покрыть агентство, было достаточно вообще не упоминать о нем: вряд ли сотрудники

магистратуры смогли бы докопаться до него своими силами.

Этот вопрос не нашел ответа, так как магистратура не смогла добраться до истоков преступления на площади Фонтана.

Интерес судебных чиновников к Аджинтер Пресс пробудился в 1974 году, когда «революция капитанов» свернула шею фашистскому режиму в Португалии и стали достоянием гласности архивы агентства, содержащие имена всех его итальянских агентов. В списках было почти 30 имен, в том числе: Гуидо Джаннеттини, Джано Аккаме—правая рука Паччарди, Джорджо Торкиа—редактор «Темпо» и директор агентства «Ольтремаре», где работал Джаннеттини; Пино Раути—бывший редактор «Темпо» до своего избрания в парламент; Пьеро Бускароли из «Боргезе», Армандо Мортилла—директор агентства печати ФИЕЛ; Эцио Чиккарелла, Умберто Маццотти, Микеле Ралло из «Секоло д'Италия», Джино Аньезе—сотрудник римской редакции «Темпо». На каждого журналиста заведено подробное досье. Так, из досье Джаннеттини вытекало, что он вступил в контакт с португальским Легионом еще в 1962 году, то есть тогда же, когда началось его сотрудничество с итальянским генштабом.

Самым значительным документом была папка, содержащая донесения вышеназванных журналистов. Папка, озаглавленная «Наша политическая деятельность», была начата в декабре 1968 года. Вот отрывок из одного документа, хранившегося в ней: «Мы считаем главным направлением нашей политической деятельности приведение в состояние хаоса всех государственных структур... Первое, что мы должны сделать,—разрушить структуру государства, прикрываясь при этом действиями компартии и прокитайских группировок. Мы уже внедрили в них своих людей и через них будем осуществлять наши акции—пропагандистские и насильственные, так, чтобы акции эти казались совершенными нашими противниками из коммунистического лагеря. Мы будем также осуществлять давление на отдельных лиц, представляющих централизованную власть на всех уровнях. Подобные действия вызовут чувство антипатии к тем, кто угрожает спокойствию каждого в отдельности и нации в целом. С другой стороны, это не сможет не сказаться на

экономической стабильности... Следовательно, первая фаза состоит в следующем: внедрение, сбор информации и создание напряженности в жизненно важных центрах государства... Для проведения подобных акций, несомненно, необходимы значительные финансовые средства. С ними будет возможно строить свою работу таким образом, чтобы все больше людей вступали в наши ряды. Они служили бы также для подкупа или финансирования политических групп, которые могут оказаться полезными»⁴².

Как видим, речь идет о фундаментальных принципах «стратегии напряженности». Но, пожалуй, самое интересное, что найденные в Лиссабоне документы содержали и списки итальянских сотрудников Аджинтер Пресс, почти целиком совпадающие со списками журналистов, которые, как установлено расследованием еженедельника «Темпо», были завербованы СИД в конце 60-х годов⁴³. Это совпадение достаточно красноречиво. Позже мы еще поговорим о темных делишках «агентств печати», которые существовали, в частности в Риме, за счет финансовой поддержки секретных служб.

Здесь же остановимся на одном из таких агентств, которое из-за тесной связи с Аджинтер Пресс заслуживает особого упоминания. Имеется в виду «Ольтремаре», руководимое Джаннеттини и Торкиа. В лиссабонских архивах был обнаружен даже официальный договор о сотрудничестве, предусматривавший «обмен журналистской информацией, новостями, документами, касающимися ряда африканских стран; взаимопомощь в рамках борьбы с коммунизмом; участие обоих агентств в практическом создании центра связи и координации на международном уровне; психологическую и пропагандистскую деятельность, координируемую на основании оперативных планов»⁴⁴.

К этому надо добавить и собственно террористическую деятельность, осуществляемую лиссабонским агентством, как мы помним, под вывеской ОАКИ. Оно организовало практические курсы, на которых в течение двух месяцев изучались «теоретические» дисциплины, такие, как обеспечение безопасности, пропаганда, прикрытие, алиби, отход, а также «практические»: саботаж, простейшие навыки работы со взрывчатыми веществами и механизмами.

В этой связи интересен отрывок из книги Джаннеттини «Техника революционной войны», адаптирующей к обстановке в Италии принципы «лекций», читаемых на курсах ОАКИ. Книга прямо-таки пророческая, учитывая, что написана она в 1965 году. «Рассматривая терроризм как таковой, нужно сказать, что он может выступить в двух видах: как терроризм вообще и терроризм избирательный. Первый состоит во взрывах бомб в общественных зданиях и помещениях, на улицах, в местах скопления народа или в стрельбе из огнестрельного оружия по людям наугад... Избирательный терроризм, напротив, заключается в устранении определенных лиц, тщательно отобранных по ряду причин: тех, что могут быть использованными противником, тех, кто, будучи мирно настроенным и умиротворяющим других, мешает обострению борьбы, или тех, чье устранение повлечет за собой ответные тяжелые репрессии, отчего «стратегия напряженности» может повлечь за собой гражданскую войну»⁴⁵.

В этом отрывке кровавые задачи терроризма делятся на две основополагающие — «черную» и «красную». Особенно страшно проявятся они в 70-е годы.

Выбор в качестве цели людей, которые, «будучи мирно настроенными и умиротворяющими других, мешают обострению борьбы», нашел свое отражение в практике «красных бригад», жертвами которых стали судьи, принадлежащие к умеренным кругам, такие, как Алессандрини, Галли, Минервини.

Среди инструкций, которыми снабжали своих агентов Аджинтер Пресс и ОАКИ, была особая — называвшаяся «Специальные задания».

Большой интерес представляет раздел инструкции, касающийся захвата руководящих постов в «параллельных группах», целью которых была поддержка подрывных организаций внутри институциональных структур государств.

Все эти материалы тщательно изучались судьями Д'Амброзио и Алессандрини до тех пор, пока незаконным решением кассационного суда в декабре 1974 года они не были отстранены от расследования. Несколько месяцами раньше оба судьи получили конфиденциальную информацию об Аджинтер Пресс и начали тайное расследование, для чего собирались съездить в Лиссабон.

Решение о передаче следствия в Катандзаро было принято как раз накануне этой поездки, результаты которой могли бы привести к выявлению недостающего звена в цепи, связывавшей подлинных вдохновителей кровавого преступления на площади Фонтана и, не исключено, других трагических эпизодов «стратегии напряженности» с их исполнителями.

Группа «Паладин». «Риск—не проблема для нас. Группа «Паладин» выполняет наши приказания на национальном и международном уровнях, включая зоны, лежащие за «железным» и «бамбуковым» занавесами. Полная секретность гарантируется. Находящиеся в нашем распоряжении великолепные специалисты готовы отправиться куда угодно для выполнения наших приказаний. Обращаться по адресу: группа «Паладин», доктор Г. Х. Шуберт, «Панорама», Албуферете, Аликанте, Испания». Такое платное объявление несколько раз между 1972 и 1974 годами появлялось на страницах «Геральд трибюн», выходящей в Париже на английском языке.

Группа «Паладин», так непринужденно рекламирующая собственный «искушенный опыт» в делах, поданных лишь намеком, являлась детищем «черного интернационала», возникшего в 1945 году для обеспечения надежных маршрутов для бегства нацистских преступников и комфортабельные убежища, где они могли бы укрыться от ответа за содеянное. Источником финансирования «интернационала» служили богатства, награбленные третьим рейхом и предусмотрительно хорошо запрятанные в 1944 году. Основатель группы «Паладин» Герхард Хермут фон Шуберт был среди самых усердных учеников Геббельса. В дни краха гитлеризма он бежал в Аргентину, где несколько лет жил, пользуясь особым расположением Перона. Здесь же сдружился с Иоханнесом фон Леерсом, еще одним высокопоставленным нацистским чиновником. Позже, когда режим Перона был свергнут, оба бежали на Ближний Восток, предложив свои услуги некоторым арабским правительствам.

В 1971 году фон Шуберт взялся за задуманное: собрал вокруг себя большое количество бывших нацистов, беспринципных и готовых за деньги взяться за любое поручение. Затем он перебирается в Испанию, в Аликан-

те, основывает здесь штаб-квартиру своей организации и отсюда начинает плести по всему миру агентурную сеть. Нет никаких сомнений: чтобы подобная организация имела возможность действовать, необходима по меньшей мере терпимость к ней со стороны правительств стран, где существовали ее филиалы. Как станет известно позже, «Паладин» пользовался протекцией ряда правительств, заключивших с группой тайные соглашения.

«Независимая позиция агентства превратила его в идеальный инструмент для проведения самых грязных операций, собственное участие в которых могло бы скомпрометировать правительства» — так высказался по поводу «Паладина» Луис Мануэль Гонсалес-Мата («Льедо» — Лебедь) — бывший агент испанских спецслужб, сообщивший еженедельнику «Эуропео» много интересного об агентстве и его тайных делах, совершенных в Италии в 70-е годы⁴⁶.

Одним из них был террористический акт в аэропорту Фьюмичино 17 декабря 1973 года. В тот день, в 12.40 минут, вооруженная группа из семи человек поднялась на борт «Боинга-707» компании «Панам», вылетавшего в Бейрут с 59 пассажирами и 9 членами экипажа, бросила в салон две бомбы и скрылась. В результате погибло 30 человек. Еще одна группа из 5 человек, убив служащего таможи, преградившего ей путь, ворвалась в самолет компании «Люфтганза», прихватив в качестве заложников 6 агентов национальной безопасности и служащего аэропорта, которого позже убили в Афинах, где самолет совершил первую посадку. В конце концов террористы сдались властям Кувейта. Оба акта были совершены, несмотря на неоднократные предупреждения об их подготовке, полученные секретными службами накануне.

Газеты тотчас же подняли шум: «Эуропео» опубликовал ряд доказательств, что израильские секретные службы заранее предупредили СИД о возможном нападении на аэропорт; в свою очередь «Эпока» привела свидетельство офицера спецслужбы ВВС, у которого во время нападения погиб брат, рассказавшего, что в начале декабря сама СИД предупредила министерство внутренних дел, а также министерство обороны о возможных террористических актах в аэропорту Леонардо да Винчи⁴⁷.

Спустя несколько месяцев, 22 августа, скандал вспыхнул с новой силой: генерал Малетти в одной из бесед с журналистами заявил: «За три дня до нападения «федатинов» на Фьюмичино, осмыслив данные, полученные из различных источников, я лично проинформировал министра внутренних дел о том, что такое может случиться». Это заявление произвело сенсацию. На следующий день министр внутренних дел Тавиани ответил пространным коммюнике, суть которого сводилась к тому, что в предупреждении СИД указывались совсем иные цели нападений, а о Фьюмичино не было и речи. По этому поводу судья Сика, выяснявший в то время международные связи итальянского терроризма, потребовал как от СИД, так и от министерства внутренних дел соответствующие документы. Тавиани тотчас же прислал копии рапорта СИД от 14 декабря 1973 года и информации, присланной израильскими коллегами вечером 13 декабря.

Сведения эти, по утверждению министра, были-де слишком неопределенными, чтобы принимать какие-либо срочные меры: речь в них шла лишь о том, что какие-то три человека покинули Канарские острова с целью совершить террористический акт против одного из самолетов «Эль Ал».

Через несколько дней свою документацию представила судье и СИД. Она полагала, что ее содержание было достаточно серьезным, чтобы привести в состояние боевой готовности специальные войска охраны.

Как бы там ни было, ясно одно: секретные службы были хорошо осведомлены о предстоящей акции. «Эуро-пео» опубликовал документ, переданный ему Луисом Гонсалес-Матой, в котором рассказывалось о целой серии телефонных переговоров между Испанией и римской компанией электронного оборудования, считавшейся итальянским отделением «Паладина».

Из документа следовало, что СИД была проинформирована, помимо израильских, испанскими секретными службами, но этих сведений в министерство внутренних дел не передала. В частности, «Эуро-пео» рассказал, что Генеральная дирекция безопасности (ГДБ)* 16 декабря направила в Рим магнитофонную кассету с записью телефонного разговора, происшедшего днем раньше, меж-

* Испанская военная секретная служба.

ду неким сеньором Кадиром и неизвестным лицом из «фирмы электронного оборудования».

В ходе разговора испанский собеседник сообщил своему «визави» следующее: «Мы рассчитываем вылететь 17 числа, но не все вместе, так как не удалось купить билеты для всех... Встретимся в транзитном зале... в условленном месте»⁴⁸.

В сопроводительной бумаге к кассете ГДБ содержалось множество подробностей, относившихся к беседовавшим: оба были хорошо известны испанской полиции. «Особенно опасным» был назван человек из Рима, которого просил к телефону Кадир. Речь шла о некоем Абу Саббе. ГДБ сообщала СИД, что Абу Асмарон Саббе числится в списках наиболее опасных террористов, он замешан в кровавых событиях сентября 1972 года в Мюнхене*.

Информация была достаточно подробна, но СИД не отреагировала. Больше того, в те же самые часы, когда лилась кровь во Фьюмичино, во Дворце правосудия несколько судей под сильным нажимом секретных служб и политических властей приняли решение об освобождении пяти арабских террористов, схваченных несколькими месяцами раньше в Остии с миниатюрной ракетной установкой, нацеленной на взлетную полосу Фьюмичино.

Скандал вновь вспыхнул в июне 1976 года в результате серии разоблачений, связанных с предполагаемой деятельностью «параллельной» террористической группы, состоящей из сотрудников общественной безопасности и замешанной во взрыве в поезде «Италикус» и кровопролитии во Фьюмичино. Газета «Республика» опубликовала статью, в которой говорилось: «Есть подозрение, что вся эта акция была согласована с соответствующими отделами СИД, руководители которой позволили выйти на свободу пяти террористам и предоставили в их распоряжение военный самолет (возвращаясь из Ливии, самолет с экипажем из семи итальянцев неожиданно рухнул в море). Подозрение появилось после того, как стало известно, что четверо сотрудников общественной безопасности, дежуривших в аэропорту в день налета,

* Убийство арабскими террористами членов команды Израиля во время XX Олимпийских игр.

были сразу же после него переведены в другие места службы»⁴⁹.

Дабы завершить картину, напомним, что, согласно многим свидетельствам, шестеро агентов общественной безопасности, захваченные в качестве заложников, были разоружены без какого-либо сопротивления с их стороны, а в полученных следственной комиссией, руководимой заместителем начальника полиции Ли Донни, показаниях капитана общественной безопасности Луиджи Каччаторе говорилось: «Во время нападения террористов постовой общественной безопасности Кампаниле Антонио, находящийся на террасе западного крыла аэровокзала, мог оказать противодействие нападающим, открыв огонь из автомата, которым был вооружен, однако выстрелил всего два раза».

Кармине Пекорелли, называемый всеми Мино, родился 14 июля 1928 года в Сессано, провинция Кампобассо, в семье аптекаря. В 16 лет он, по его словам, вступил в ряды добровольцев, сражавшихся за освобождение родины, и получил высокую награду из рук генерала Владислава Андерса, командовавшего польским корпусом в войсках союзников в Италии⁵⁰. После войны он учится в лицее в Изернии, затем в Риме на юридическом факультете университета. Получив диплом, некоторое время работает в адвокатской конторе, затем открывает собственную контору на улице Тачито, 90, в нескольких десятках метров от дома, который позже станет штаб-квартирой его агентства ОР. Адвокатом он пробыл недолго, однако сумел приобрести репутацию эксперта по крупным мошенничествам и банкротствам и стать своим человеком в политическом и деловом мире, а также в римской магистратуре. К этому времени, вероятно, относятся и первые контакты с секретными службами. В 1967 году он берется за журналистику: основывает журнал «Мондо д'оджи», периодическое издание по вопросам политики и современной жизни. Директором журнала становится Паоло Сенизе, сын бывшего начальника фашистской полиции Кармине Сенизе. Миланскую редакцию возглавляет Нино Пулейо, профессиональный журналист,— в 1945 году он по поручению шефа американского ОСС в Италии Джеймса Энглетона укрывает в

своим домом от партизанского суда командующего фашистскими формированиями «Дечима мас» князя Боргезе.

«Мондо д'оджи» начал с обвинения нефтепромышленника Аттило Монти и его правой руки, генерала Форнары, бывшего командующего финансовой гвардией*, в вывозе капиталов и контрабанде нефтепродуктами. В этот период, как следует из анонимного интервью одного бывшего офицера СИД, данного в апреле 1979 года журналу «Панорама», Пекорелли знакомится с Алойей через Эггардо Бельтраметти, сотрудничавшего с «Мондо д'оджи». В 1968 году журнал в унисон со скандальным крайне правым еженедельником «Спеккьо» развязывает жестокую кампанию против Итальянской социалистической партии, используя для этого документы, полученные из СИД. Несколько лет назад, в эпоху Де Лоренцо, депутаты-социалисты Пьераччини и Корона воспользовались финансовой поддержкой, вероятнее всего не предполагая, что она исходит от СИФАР. Сейчас, когда деятельностью спецслужбы занялась парламентская следственная комиссия, публикация обоими еженедельниками фотокопий полученных депутатами чеков была явно направлена на ослабление позиций социалистов — членов этой комиссии, ратующих за вскрытие темных сторон событий июля 1964 года. Номер «Мондо д'оджи» с фотокопией чеков был отпечатан тиражом в сотни тысяч экземпляров, его распространяли бесплатно на улицах Рима и Милана, протягивая прямо из окон автомобилей, принадлежащих СИД.

Какой бы ни была вина двух депутатов-социалистов, очевидно: оформляя чеки, в СИФАР с самого начала рассчитывали воспользоваться ими для шантажа в нужное время.

Несколько месяцев спустя «Мондо д'оджи» начал новую кампанию, явно инспирированную службой. На этот раз ее мишенью стал чванливый Доминиканский университет Рима, Про Део, под крышей которого с давних пор происходили встречи людей ЦРУ, высокопоставленных прелатов и крупных промышленников. Еженедельник опубликовал большую фотографию, запечат-

* Служба, в функции которой входит борьба со злоупотреблениями финансового и экономического характера.

левшую ректора университета, падре Феликса Морлиона, и министров-демохристиан Джузеппе Спатаро и Мариано Румора в компании с тремя сотрудниками секретной службы ЦРУ. В пространном пояснении к снимку значилось: «Дела, секс и благочестие... В следующем номере «Мондо д'оджи» представит общественному мнению документированное расследование, «героями» которого явятся нацистское гестапо, американское ЦРУ, Ватикан, секретные службы трех стран—членов НАТО, ФИАТ, Монтекатини, Мишлен, Батя и Орден доминиканцев... Мы обнаружим письма и фотографии политиков, считающихся неприкосновенными. Мы обнаружим секретные документы госдепартамента США и специальных служб Италии—наследниц ОБРА... Вся имеющаяся в нашем распоряжении документация размножена в трех экземплярах: первый хранится в зарубежном банке, второй—у итальянского нотариуса, третий—у доверенного лица нашей издательской группы». Напрасные предосторожности: материалы расследования так никогда и не были опубликованы, зато перестал существовать «Мондо д'оджи». Анонс о расследовании вызвал тревогу у руководства Отдела тайных дел, и оно приняло меры: на Пекорелли было оказано сильное давление, причем в качестве рычага были использованы финансовые затруднения еженедельника. В конце концов Пекорелли уступил: журнал закрыли, его основатель получил в присутствии нотариуса деньги для оплаты всех долгов издательства. Пекорелли подписал обязательство не возобновлять издательскую деятельность в течение пяти лет как минимум.

Он сдержал обещание в том, что касалось «Мондо д'оджи», однако не отказался от своего «хобби». 22 октября 1968 года отдел печати римского суда дал разрешение на регистрацию под № 12418 агентства ОП («Оссерваторе политико» — «Политический обозреватель») со штаб-квартирой в Риме, по улице Тачито, 50. Разрешение было выдано на имя владелицы агентства, неизвестной молодой женщины из Тренто, Марины Брадстеттер,—явно подставного лица. Ответственным директором агентства стал, напротив, хорошо известный журналист Франко Симеони, бывший сотрудник «Мондо д'оджи». Позже, в 70-е годы, он будет руководить такими изданиями, как «Вита сера» и «Фьорино».

Сотрудничество Симеони с Пекорелли длилось недолго. В последующие годы последний опубликует провокационную статью, направленную против своего старого союзника. Дело в том, что в апреле 1969 года ОП, возглавляемое Симеони, опубликовало короткую заметку, в которой «предсказывались» драматические события в Баттипалье. Через несколько часов в городишке действительно произошли серьезные инциденты, стоившие жизни двум жителям. Год спустя Пекорелли в своей статье задал вопрос, кто или что позволило ОП предречь драматические события.

Симеони на посту директора сменил Никола Фальде — бывший полковник и сотрудник СИД, с 1967 по 1969 год руководивший в ней отделом РЕИ после полковника Рокки. Некоторое время он вершил делами агентства в одиночестве, позже это бремя разделил с ним Пекорелли. Однако и их сотрудничество не стало счастливым, в апреле 1974 года полковник оставил свой пост в ОП. Пекорелли сообщил об этом в коммюнике агентства в присутствии ему стили: «Офис, руководство, редакторы и весь персонал, кормящийся агентством, извещают с кратким блаженством о том, что их безвременно покинули сотрудники: Никола Николла Фальде и доктор Аннибале Иллари»⁵¹. Так закончилось длившееся всего несколько месяцев сотрудничество, о начале которого ОП возвестило в феврале 1974 года следующим образом: «Адвокат Мино Пекорелли, понимая всю ответственность, налагаемую на него миссией агентства, берет на себя руководство им, разделяя его с доктором Николой Фальде, который после горячих уговоров дал свое согласие на это»⁵².

В ноябре 1980 года, в разгар нефтяного скандала, Никола Фальде был привлечен к суду как человек, получивший в 1977 году по заданию Пекорелли 30 миллионов лир взятки. Явившись в суд, бывший шеф отдела РЕИ, ничего не опровергая, поведал, что ОП с самого рождения «являлось агентством, которое использовал Хенке для своих бесчестных целей». Назавтра Хенке выступил с заявлением: «Я никогда не был знаком с доктором Пекорелли. Отрицаю также, что деятельность его агентства финансировалась СИД или что агентство хотя бы создавалось при участии СИД, по крайней мере в период моего руководства службой»⁵³. Последние слова

ясно давали понять, что отрицание не распространяется на период, когда шефом СИД был Мичели.

С июня 1972 по июль 1973 года Пекорелли руководил пресс-бюро Фьорентино Сулло — тогдашнего министра по делам областей. Еще одним политиком, с которым адвокат поддерживал тесные отношения, был Джачинто Боско. Кстати, последний являлся земляком Никола Фальде, и бывший полковник некоторое время служил даже его секретарем. Вообще притом, что известно о Фальде, его присутствие в руководстве агентства подобного типа кажется несколько загадочным и двусмысленным. Случайно ли он ушел из агентства в начале 1974 года, когда внутренние противоборствующие силы в секретных службах готовились к финальной схватке? Какие все-таки позиции в службе занимал Никола Фальде, известный своими антифашистскими взглядами и лояльностью к республиканским институтам? Вопросы, на которые нелегко дать точные ответы⁵⁴.

В ноябре 1973 года, когда начался конфликт двух групп внутри СИД, представленных соответственно Мичели и Малетти, Пекорелли становится на сторону первого. И получает предупреждение: его автомобиль вдребезги разнесен неизвестными лицами.

Несмотря на это, кампания против генерала Малетти и капитана Лабруны становится все более интенсивной. В сентябре 1974 года Пекорелли начинает в печати нападать и на Хенке, видимо, для того, чтобы укрепить позиции Мичели, пошатнувшиеся в последние месяцы. Он пишет: «...как всякий уважающий себя агент, Хенке, воспевая демократию, творит тоталитаризм... Возьмем хотя бы события 1969 года, когда прошлое легкомыслие вылилось в ответственность за серьезные проступки. Тогда как все главные действующие лица вышли из них с большими потерями, единственный, кто извлек противостественную выгоду, был адмирал внутренних вод, друг исключительно самому себе, открыватель журналистских талантов, начиная с Жаннеттини и кончая Симеони, делами которого следовало бы поинтересоваться компетентным органам»⁵⁵.

Выступив в такой грубой форме против адмирала, Пекорелли вернулся к ежедневным выпадам против Малетти и Лабруны. В 1975 году, отвечая на вопросы судебного следователя Фьоре, генерал Малетти прямо

объяснил их тем, что ОП выполняло указание начальника СИД Мичели. И добавил: «Я не считаю, что делаю опрометчивое заявление, говоря, что диффамация осуществляется с подачи самого главы службы. Мне известно, что агентство в ряде случаев получало финансовую поддержку из фондов службы. Мне известно также, что служба купила у агентства несколько абонементов, в стоимость которых вошли деньги на кампанию диффамации и другие акции, осуществление которых в силах того же агентства»⁵⁶.

Суть написанного Пекорелли зачастую трудно расшифровать, порой понять ее мог лишь тот, против кого была направлена статья, всегда носившая характер серьезного предупреждения. Но какими были реальные рамки отношений между Пекорелли и секретными службами? Еженедельник «Темпо» в 1976 году опубликовал материалы собственного расследования, касающегося журналистов, финансируемых СИД. Перечислено было 81 имя «служителей пера», и лишь один из них — Карло Де Ризио⁵⁷, по мнению журнала, отказался от вербовки. Среди названных «Темпо» мы находим многие имена, уже встречавшиеся в скандальных хрониках 60—70-х годов⁵⁸.

Шестеро из списка, в том числе и Пекорелли, подали на журнал в суд за клевету. Долго тянувшийся процесс завершился 30 декабря 1981 года. Судья посчитал доказанными связи службы с Пекорелли и Джано Аккаме, однако касательно остальных четверых журналистов отметил отсутствие каких-либо доказательств и обвинил автора статьи Лино Яннуцци в умышленной клевете.

Процесс тем не менее оставил немало вопросов. В названной статье, например, упоминались цифровые символы, под которыми в архивах СИД значились досье, заведенные, по словам автора, на каждого журналиста. Генерал Джованни Ромео, начальник отдела «Б» в момент опубликования статьи, будучи вызванным в суд, подтвердил, что символы эти почти полностью соответствовали находящимся в картотеке службы. На вопрос председателя суда, не содержат ли досье сведения о журналистах или информацию, полученную от каждого из них, генерал ответил утвердительно.

Что касается Пекорелли, то суд заключил: «ОП являлось инструментом, используемым руководителями

СИД, и в частности Вито Мичели, в целях, далеких от истинных целей службы...» В вышеупомянутой статье «Темпо» среди прочего приводилось заявление Родольфо Карделлини, бывшего главного редактора ОП: «Каждый день СИД присылала нам сведения внутреннего и международного характера, которые необходимо было публиковать. Руководитель агентства, Мино Пекорелли, находился в тайных контактах с генералом Мичели и его доверенным лицом, фельдфебелем Иовине»⁵⁹.

Карделлини, некогда возглавлявший АИПЕ, агентство, подобное ОП, с ярко выраженным проамериканским уклоном, частенько снабжавшее военные круги интересовавшей их информацией, в интервью «Темпо» вспоминает, что почти ежедневно полковник Минерва, казначей СИД сначала при Хенке, затем при Мичели, навещал владельца агентства Леоне Канкрини.

При Монтечиторио не было ни одного аккредитованного журналиста этого агентства, тем не менее оно являлось одним из самых осведомленных в вопросах политической жизни.

В 60-х годах АИПЕ повело клеветническую кампанию против сенатора Феруччио Парри, закончившуюся скандалом и суровым приговором клеветникам...

Вечером 20 марта 1978 года молодой человек в светлом плаще ждал Пекорелли на улице возле редакции. В 20.45 журналист вышел из подъезда, попрощался с секретаршей и сел в автомобиль, припаркованный неподалеку. Как только он завел мотор и подал машину назад, подошедший молодой человек постучал в стекло дверцы. Пекорелли не успел достать револьвер: пуля убийцы попала ему в рот. Открыв дверцу, молодой человек разрядил всю обойму ему в спину.

В эту ночь многие спали беспокойно, встревоженные тем, что в результате обыска, вызванного убийством Пекорелли, всплывет немало темных историй. Однако ничего не случилось: в течение нескольких дней вокруг убийства выросла непроницаемая стена, и следствие, которое вел судебный следователь Мауро, было практически остановлено, после того как к нему подключился сотрудник магистратуры Доменико Сика.

Личо Джелли родился в Пистойе 21 апреля 1919 года в семье мельника среднего достатка. Уже в отрочестве проявился его характер: в 13-летнем возрасте он пинал ногами учителя-антифашиста. Правда, вместо поощрения за это «геройство», которого он наверняка ждал, его исключили «из всех школ королевства». 18 лет он записывается добровольцем в 735-й батальон «черных рубашек» и отправляется в Испанию. Вместе с Личо уезжает его брат Рафаэле. В бою под Малагой в апреле 1938 года он будет смертельно ранен. Через несколько лет Личо посвятит брату свою книгу «Огонь!.. Легионерская хроника антибольшевистского восстания в Испании».

9 июня 1940 года Джелли призывают в армию, и 22 марта 1941 года он в составе 127-го пехотного полка отбывает в Дураццо⁶⁰. Затем его переводят в подразделение авиадесантников, дислоцированное в Витербо, где он во время тренировочных прыжков получает травму. Это происшествие помогает ему уйти из армии: 30 июля 1942 года Джелли переводят в запас, и он переезжает в Каттаро. Здесь его назначают сперва начальником отряда милиции, а чуть позже — секретарем фашистской организации городка, расположенного неподалеку. Именно в эти годы Джелли устанавливает первые контакты с агентами итальянской и зарубежных спецслужб. В этот период Личо Джелли активно работает на СИМ и, вероятно, с этой же целью устанавливает связь с английской секретной службой.

Его пребывание в Каттаро завершается летом 1943 года: 25 июля Джелли призывают под ружье и вновь направляют в центр подготовки авиадесантников в Витербо. После 8 сентября он, как и многие итальянцы, возвращается домой, в Пистойю. Здесь знакомится с молодыми фашистами-республиканцами, среди которых Джорджо Пизано⁶¹ и Маурицио Дельи Инноченти⁶². Для Джелли наступает богатый приключениями период: он становится фактически офицером связи с немецким командованием и одновременно устанавливает контакты с местными участниками Сопротивления. Когда 8 сентября 1944 года в Пистойю входят союзнические части, во главе их авангарда идет проводник — Личо Джелли. Местное руководство Комитета национального освобождения снабжает Джелли бумагой, подтверждающей его сотрудничество с ними, что спасает его от партизанского

суда. В эти месяцы он становится своим человеком и в «Каунтер интеллидженс корнс» (КИК) — службе контрразведки 5-й американской армии. Видимо, используя протекцию этой службы, Джелли перебирается в Ла Маддалену, на Сардинию, к одной из своих сестер, вышедшей замуж за морского офицера. Здесь 11 сентября 1945 года его настигает правосудие: Джелли арестован за преступления, совершенные в бытность фашистом, такие, как похищение людей, воровство и т. д.

Из тюрьмы в Кальяри Джелли отправляет в СИМ письмо, предлагая сообщить информацию исключительной важности и срочности. К письму приложен список из 50 человек, сотрудничавших, как и он, с фашистами в Пистойе. Именно этот донос держал в руках в начале 1979 года Пекорелли, когда попытался шантажировать Джелли, опубликовав статью, содержащую намеки на его прошлое⁶³. Ему так и не удалось предать гласности документ, так как через некоторое время он был застрелен. После смерти Пекорелли высказывалось много предположений об истинных намерениях, вызвавших появление статьи. Список, содержащий 50 имен, сам по себе не мог служить таким уж сильным орудием шантажа, ибо этих людей хорошо знали в городке, к тому же они никогда не скрывали своих симпатий. По мнению некоторых, Пекорелли двигала амбиция: он стремился обнародовать связи, которые с 1945 по 1950 год поддерживал Джелли с секретными службами некоторых европейских стран. Один из официальных документов флорентийского центра СИФАР подтверждает это.

Во всяком случае, тот отрезок жизни Джелли окутан тайной. Несколько лет он живет в Аргентине, но неизвестно, чем там занимается. Затем возвращается в Пистойю представителем «Ремингтона», чуть позже открывает книжный магазин. Далее становится секретарем депутата от ХДП Ромоло Дьечидуэ и работает с ним в течение 10 лет, до 1958 года. Потом продает магазин и переходит на работу в фирму «Пермафлекс», где быстро делает карьеру.

5 ноября 1963 года он просит о приеме в масонскую ложу и три года ходит в «подмастерьях»* ложи «Джан

* «Подмастерье» — второй из 33 рангов масонского посвящения.—
Прим. авт.

доменико романьози», где на него с подозрением смотрят некоторые бывшие антифашисты—видные члены ложи. Перелом в масонской карьере Джелли наступил 28 ноября 1966 года, когда Великий магистр затребовал его дело из «Романьози» и перевел Джелли в ложу «Пропаганда-2», перестраиваемую под руководством адвоката Роберто Аскарелли. Джелли проявляет бешеную активность, и за короткий срок ему удастся увеличить количество членов ложи до 400 человек. После этого ложа получает название «Группы Джелли/П-2»⁶⁴.

Наиболее интересная фигура среди новообращенных членов ложи—генерал Джованни Аллавена, бывший шеф СИФАР, вступивший в ложу в начале 1967 года. Это наиважнейший момент в истории отношений между секретными службами и масонством. Аллавена, уволенный из СИФАР в июне 1965 года, передал в ложу большое количество досье, прихваченных им из архивов службы⁶⁵, которые, составив основу личной «коллекции» документов Джелли, сделают его одним из самых опасных людей Италии. Где-то в 1968 или 1969 году в ложу «П-2» вступает и генерал Мичели, тогдашний глава секретной службы армии⁶⁶. Когда в октябре 1970 года уходит в отставку начальник СИД Хенке, именно Джелли рекомендует генерала аппарату Танасси в качестве идеального преемника. Два месяца спустя князь Боргезе предпринимает неудачную попытку государственного переворота, длившегося всего несколько часов. В январе 1983 года в руках парламентской следственной комиссии по делу ложи «П-2» окажется протокол допроса молодого «расска-завшегося» неофашиста Паоло Алеандри, в котором тот расскажет сотрудникам магистратуры, какую роль играл Джелли в начале, а затем и во внезапном прекращении путча.

Между 1969 и 1974 годами, совпадающими с воплощением «стратегии напряженности», отношения между секретными службами и тайной ложей становятся все более тесными. Чуть позже когда начальник службы безопасности Эмилио Сантилло направит во Флоренцию судьям Паппалардо и Винье, ведущим дело об убийстве прокурора Оккорсио, подробный рапорт в 17 папках, в них, кроме вырезок с «журналистскими бестактностями», будет и список предполагаемых членов ложи «П-2». В списке имена Вито Мичели, Джана Аделио Малетти,

Антонио Лабруны, Кармело Спаньюоло, Джованни Алойи, Дуилио Фанали, Уго Риччи, Джино Биринделли, Ремо Орландини, Эдгардо Соньо, Сандро Саккуччи, Сальваторе Драго, Джакомо Микалицио, Джулио Карадонны, Микеле Синдоны, Умберто Ортолани, Джана Антонио Мингелли, Освальдо Мингелли. Как видим, перечислены все главные действующие лица самых мрачных событий политической жизни тех лет⁶⁷.

Неудивительно, что все попытки сотрудников магистратур или других органов, стремившихся получить от секретных служб сведения о деятельности ложи, заканчивались безрезультатно. Служба окружила ложу непроницаемой стеной молчания. Это констатировали судьи, расследовавшие дело «Розы ветров», их коллеги, распутывавшие убийство Оккорсио, и даже некоторые члены кабинета министров. В январе 1977 года депутат Латтанцио, тогдашний министр обороны, прочитав статью в «Уните» о «посвящении в масоны» в 1969 году 400 офицеров с целью задействия их в путче, запросил у СИД информацию по этому поводу. В марте того же года СИД ответила нотой из 62 строк, гласившей: «До сих пор служба не уделяла какого-либо специального внимания масонству, принимая во внимание, что... принадлежность к нему считается законной с точки зрения права на свободу ассоциаций». Остальные строки были посвящены действиям коммунистической партии, направленным на «подрыв сил и влияния итальянских масонских лож, расцениваемых ею как центры власти, способные противодействовать политической и экономической деятельности ИКП»⁶⁸.

Гротесковая ситуация достигла кульминации 4 июля 1977 года, когда глава СИД Казарди направил эту же ноту судье Велле, расследовавшему дело о взрыве в «Италикусе», сопроводив ее памяткой за своей подписью, где говорилось: «СИД не располагает какими-либо особыми сведениями о ложе «П-2». Она не представляет для Службы специфического интереса. Не располагаем мы и информацией о Личо Джелли, касающейся его принадлежности к ложе «П-2»»⁶⁹. Эти слова написаны в то время, когда деятельность «П-2» вступила в самую опасную фазу, чему содействовал добрый десяток ее членов — сотрудников СИД.

Справедливости ради надо отметить, что в истории отношений Личо Джелли с руководителями секретных служб есть и малоприятные для него страницы. В памятной записке, направленной римским судьям, расследующим убийство Пекорелли, полковник Виеццер утверждает, например, что весной 1974 года генерал Мичели, тогдашний глава СИД, поручил полковнику Марцоло, начальнику Управления римских центров контрразведки, послать в Пистойю офицера для изучения прошлой деятельности Джелли. Учитывая, что Мичели давно состоял в ложе «П-2», его приказ об «изучении» прошлого своего масонского начальства кажется прямо-таки предательством. Как бы то ни было, из Рима в Пистойю был направлен капитан, который приступил к выполнению задания, наладив для этого контакт с командиром местных карабинеров. Однако, несмотря на меры предосторожности, друзья Джелли «вычислили» капитана как посланца СИД и сообщили «достопочтенному» Джелли. Последний, видимо, выразил Мичели протест, и тот, оправдавшись тем, что впервые слышит об этой акции, приказал полковнику Марцолло отозвать капитана из Пистойи. А Джелли устанавливает с Мичели дружеские отношения, позволяющие ему быть в курсе дел службы и пресекать всяческие попытки копаться в его прошлом и настоящем.

История тем не менее имела продолжение, потому что унтер-офицер карабинеров Пистойи, который помогал капитану в его задании, не получив приказа прекратить работу, подготовил объемный рапорт о прошлом Джелли и ждал, когда же за ним явятся из Рима. Через некоторое время вместо знакомого капитана в Пистойю прибыли полковник Романьоли и капитан Лабруна, чтобы допросить Маурицио Дельи Инноченти по поводу путча Боргезе: им-то и был вручен этот рапорт. Документы, в нем содержавшиеся, позже оказались в руках парламентской следственной комиссии по делу о ложе «П-2» и побудили ее выслушать в течение трех часов генерала Мичели, ставшего к этому времени депутатом парламента от МСИ. В конце этого бесконечного слушания, «расцветченного» генеральскими «не знаю», «не помню», председатель комиссии Ансельми резко оборвал Мичели, напомнив ему, что из вышеназванного рапорта, составленного в бытность его начальником СИД, следует, что Джелли

сотрудничал со службой под именем Филиппо и даже имел в СИД телефонную явку⁷⁰.

Эта информация, вместе с признанием Мичели о частых встречах с Джелли и Сальвини, произвела эффект разорвавшейся бомбы и высветила в абсолютно новом свете отношения между верхами секретных служб и масонства. В ходе слушания член комиссии, депутат-коммунист Джорджо Бонди, напомнил, что, будучи во главе службы, генерал, обращаясь к Сальвини, пользовался псевдонимом — доктор Фиренце, — как это принято в общении с агентами или осведомителями. Припертый к стене, Мичели заявил, что «не исключает факта» сотрудничества Сальвини в той или иной степени со службой. К тому же из рапорта следовало, что сам Джелли неоднократно подчеркивал свою принадлежность к секретной службе, что подтверждалось показаниями некоторых ее офицеров. Заседание комиссии завершилось устным выговором Мичели за намеренное замалчивание фактов. Защищенный депутатской неприкосновенностью, генерал, хотя и избежал применения к нему более серьезных мер, подал в отставку.

Показательно, что в начале 1977 года, когда ложа значительно активизирует свою деятельность, рядом с Джелли находятся Франко Пиккьотти и Джованни Фанелли — оба в разное время тесно сотрудничавшие с другими начальниками секретных служб. Генерал Франко Пиккьотти долгое время служил начальником штаба корпуса карабинеров и в 1964 году принимал участие в подготовительных совещаниях по плану «Соло» с руководителями СИФАР и командирами трех дивизий карабинеров. Затем Пиккьотти стал заместителем главнокомандующего этого рода войск. Джованни Фанелли работал в отделе тайных дел незадолго до ее роспуска в 1974 году. Его имя никогда не упоминалось в скандальных хрониках. Член старой тайной ложи, закрытой 26 октября 1965 года, он, ветеран «П-2», состоял в самых добрых отношениях с Джелли. Настолько добрых, что именно его римские апартаменты по улице Луиджи Болио, 20, избрал «достопочтенный» в качестве новой резиденции ложи.

Присутствие этих людей в ближайшем окружении руководителя масонской ложи, принимающей все более отчетливые черты тайного «параллельного центра вла-

сти», интересно и с той точки зрения, что под крышей ложи мирно уживались две соперничающие друг с другом секретные службы, представленные в ней высокопоставленными офицерами. Среди офицеров корпуса карабинеров было немало масонов, в момент наивысшего расцвета ложи «П-2» в ее составе было 52 представителя этого рода войск, составлявшего каркас секретных структур всех других родов. Это, конечно же, не означает, что «П-2» можно считать эманацией секретных служб. В определенном смысле она являла собой более сложный и более важный организм, поскольку ее членами были лица, представляющие все области общественной жизни. Отношения между ложей и службами строились на паритетной основе и взаимной информации.

Бежав из Италии в марте 1981 года, Личо Джелли был арестован в Женеве 13 сентября 1982 года при попытке забрать переведенные заранее в швейцарский банк деньги, на которые к тому времени был наложен арест. В ночь с 9 на 10 августа 1983 года, за 10 дней до того, как швейцарские власти должны были передать его итальянским коллегам, Джелли с помощью сообщников исчез из тюрьмы Шан Доллон. Той же ночью—быть может, это совпадение—на виадуке железнодорожной линии Болонья—Флоренция, неподалеку от Вайано, под локомотивом экспресса Милан—Палермо взорвалась бомба. Крушения поезда и его падения с виадука, которое могло стоить жизни многим, удалось избежать по чистой случайности.

В мае 1984 года были опубликованы первые варианты заключительного отчета парламентской следственной комиссии, тщательно восстанавливающей деятельность главы ложи «П-2». Ознакомившись с ними, Джелли через своих адвокатов приказал доставить членам комиссии несколько досье из своей «коллекции», надеясь оттянуть этим принятие ими окончательного решения. Однако присланные материалы не смогли сбить комиссию с толку и ничего не прибавили к картине, воссозданной ею за три года упорной работы.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ V

¹ Автобиография, датированная 12 июля 1949 г. Хранится в архиве туринской федерации ИКП.—См.: *A. Papuzzi. Il provocatore*. Torino, Einaudi, 1976, p. 13.

² Appunto Sifar del 25 maggio 1954.

³ Appunto Sifar del 25 luglio 1954.

⁴ Circolare di Pace e Libertà, appunto del Sifar, 13 luglio 1954.

⁵ Appunto Sifar del 16 ottobre 1953.

⁶ Appunto Sifar del 25 maggio 1954.

⁷ См. главу IV. Письмо маркизу Силий, генеральному директору персонала министерства иностранных дел. Atti dell'istruttoria del giudice Violante sull'attività di E. Sogno.

⁸ *A. Papuzzi*. Op. cit., p. 112, 113.

⁹ Appunto Sifar del 2 dicembre 1954.

¹⁰ *A. Papuzzi*. Op. cit., p. 113.

¹¹ См.: *E. Pugno, S. Garavini. Gli anni duri alla FIAT*. Torino, Einaudi, 1974.

¹² См.: *A. Papuzzi*. Op. cit., p. 50, 51.

¹³ С 1954 по 1957 г., в то время как общая численность рабочих на заводах ФИАТ возросла с 17 до 64 тысяч, многие тысячи рабочих — профсоюзных активистов ВИКТ и активистов ИКП были уволены в связи «с сокращением штатов» или переведены на малооплачиваемую работу.

¹⁴ *A. Papuzzi*. Op. cit., p. 119.

¹⁵ Член парламента от МСИ Туллио Абелли был заместителем секретаря партии. Покончил с собой в 1977 г.

¹⁶ *A. Papuzzi*. Op. cit., p. 120.

¹⁷ Atti dell'istruttoria del giudice L. Violante.

¹⁸ *Вальтер Наварра* родился в Ферраре 7 сентября 1919 г. В 1953 г. эмигрировал в Буэнос-Айрес. В 1961 г. основал журнал «Мондо социалиста», назначив директором Луиджи Кавалло.—См.: Appunto SID № 04/1 del 26 giugno 1974. Затем он возглавил журнал «Либре фронтьер», открыто защищавший Синдону. Кроме того, Наварра сотрудничал с Синдоной и Кавалло в их кампании против Кальви. В сентябре 1981 г. был арестован по делу о попытке шантажа Синдоной банкира Куччия.

¹⁹ Вот полный текст записи: «Наш друг отлично проделал свою работу: он окончательно расколол «Молчаливое большинство», ничем себя не выдав. Кроме того, он установил контроль над сторонниками «ключевой» позиции, что позволило ему осуществить следующие акции: 1) использовав группу Соньо—Брозио, практически расколоть либеральную партию; 2) использовав Биринделли и некоторых руководителей Итальянского социального движения—оппонентов Альмиранте, обострить кризис партии и опорочить Альмиранте; 3) использовав группу сотрудников депутата Эмилио Коломбо, дискредитировать правое крыло ХДП; 4) использовав друзей Ферри, Реале и Кукки, дискредитировать руководящее ядро социал-демократической партии; 5) осуществить ряд акций, ослабивших личные предсъездовские позиции некоторых руководителей соцпартии...»—*Atti dell'istruttoria del giudice Violante*.

²⁰ *A. Papuzzi*. *Op. cit.*, p. 85.

²¹ Пункты обвинения: «политический заговор», «подстрекательство к преступным акциям против государства», «оскорбление президента республики», «оскорбление конституции государства».

²² Первый, и единственный, номер журнала вышел в июне 1974 г. под эгидой «экономической и военно-политической секции Комитета по контролю за общественными институтами». В обращении к читателям говорилось: «Мы приглашаем всех офицеров армии, авиации, флота и генерального штаба... положить конец унижениям и убаюкивающим маневрам, направленным против вооруженных сил со стороны некоторых политических деятелей... Наступило время и необходимость установления военной власти».

²³ См.: «Il Manifesto», 1 settembre 1974; «Paese sera», 3 settembre 1974.

²⁴ Генерал Лучертини был допрошен судьей из Падуи Джованни Тамбурино в связи с расследованием дела «Розы ветров». Кроме того, в августе 1974 г., когда ожидался государственный переворот, министр обороны Андреотти приказал аппарату Верховного командования «немедля совершить передислокацию войск в узловые точки для срыва возможных выступлений». Среди тех, кто получил такой приказ, были генералы Пьетро Дзаваттаро Ардицци, Луиджи Салатиелло и Джузеппе Сановито.

²⁵ См.: «Il Corriere della sera», «La Repubblica», 9 Marzo 1977.

²⁶ «L'Unità», 30 novembre 1977.

²⁷ *L. Sisti, G. Modolo*. *Il Banco paga*. Milano, Mondadori, 1982, p. 36.

²⁸ См.: *L. Sisti, G. Modolo*. *Op. cit.*, p. 21.

²⁹ «ABC», 4 febbraio 1968.

³⁰ «L'Astrolabio», 5 luglio 1970.

³¹ *Fiasconaro e Alessandrini accusano Venezia—Padova*. Marsilio, 1974, p. 96.

³² *I. Paolucci*. *Il processo infame*. Milano, Feltrinelli, 1977, p. 39.

³³ В номере от 5 декабря 1980 г., открывая подписную кампанию, редакция писала: «Наше издание ежедневно ложится на столы влиятельных людей страны и поэтому может стать действенным инструментом реализации реалистических идей в жизнь. Это утреннее издание лишено всего бюрократического, чего никак не могут выбить из своих аппаратов многие министры... Одна из главных особенностей нашего издания состоит в том, что мы публикуем конфиденциальную информа-

цию, отражающую все точки зрения, бытующие в Палаццо Киджи и интересующие местную номенклатуру... Естественно, такое издание требует особых финансовых затрат. Каналы, из которых мы черпаем наши сведения и документы, стоят затраченных денег».

³⁴ Le Stragi del Sid. I generali sotto accusa, a cura di Roberto Pesenti. Milano, Mazzotta, 1974, p. 21.

³⁵ C. Mosca. Catanzaro, processo al Sid. Roma, Riuniti, 1978, p. 44.

³⁶ Andreotti: Questa è la verità.— «Il Mondo», 20 giugno 1974.

³⁷ C. Mosca. Op. cit., p. 51.

³⁸ «La Repubblica», 9 Novembre 1977.

³⁹ См.: «L'Europeo», № 26, 27 giugno 1974.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ «L'Europeo», № 35, 29 agosto 1974.

⁴² «L'Europeo», 28 novembre 1974.

⁴³ См.: «Il Tempo», 19 settembre, 5 dicembre 1976.

⁴⁴ Atti dell'istruttoria del giudice D'Ambrosio.

⁴⁵ G. Gianettini, Techiche della guerra rivoluzionaria. Roma, I gialli politici, 1965, p. 52, 53.

⁴⁶ См.: «L'Europeo», 16 giugno 1974.

⁴⁷ Вот текст письма-свидетельства капитана спецслужбы ВВС, датированного 5 января 1974 г.: «Я, нижеподписавшийся, капитан Нарчизо Коррадо, состоящий на службе в генеральном штабе ВВС, 2-й отдел СИОС, могу лично подтвердить тот факт, что в течение последних месяцев руководителям службы безопасности, а также министру внутренних дел неоднократно направлялись документы, содержащие предупреждения и предположения, касающиеся нападений на итальянские аэродромы отрядов палестинских экстремистов. В частности, один из документов, датированный 12 октября 1973 г., рекомендовал максимально усилить охрану аэродромных сооружений; другой, днем раньше, сигнализировал, что нападение на один из аэропортов может состояться 17 октября 1973 г. Несмотря на то что даты нападений, приводимые в документах, предположительны, сути дела это не меняет. Прошу считать мое заявление осуждением действий тех, кто по долгу службы обязан отвечать за безопасность граждан, дабы в будущем, сбросив одежды легкомыслия, они серьезнее относились к делу, доверенному им итальянским народом... *Капитан Нарчизо Коррадо, 5 января 1974 г.*».— «Il Giornale d'Italia», 14 novembre 1980.

⁴⁸ «L'Europeo», 5 settembre 1974.

⁴⁹ «La Repubblica», 13 giugno 1976.

⁵⁰ C. Cederna. Giovanni Leone. La carriera di un presidente. Milano, Feltrinelli, 1978, p. 154.

⁵¹ ОР, 8 aprile 1974.

⁵² ОР, 20 febbraio 1974.

⁵³ «L'Unità», 12 novembre 1980.

⁵⁴ Обстоятельства назначения полковника Фальде руководителем ОП объясняет документ, оказавшийся в руках парламентской следственной комиссии по делу ложи «П-2». «...После трудных переговоров с адвокатом Пекорелли и лицами, не пожелавшими назвать себя, исходя из пожеланий генерала Мичели, было достигнуто следующее соглашение: руководство агентством поручается доктору Фальде; агентство отказывается от недружественных выступлений по отношению к руководству Совета министров, министру обороны и ряду представителей

армии, а также к Ватикану, Квириналу и депутату Бизальи... В обмен на это Пекорелли получал 30 миллионов лир для оплаты договорных обязательств агентства, 2 миллиона в качестве месячного ассигнования агентству и 800 тысяч на оплату консультаций ИРИ...» — Ufficio istrusione del tribunale di Roma. Atti del procedimento penale sull'omicidio Pecorelli. Acquisito dalla commissione parlamentare d'inchiesta sulla loggia P2.

⁵⁵ ОР, № 16842, 19 settembre 1974.

⁵⁶ «Panorama», 20 novembre 1975.

⁵⁷ *Карло Де Ризио* — редактор ежедневного издания «Темпо». Его имя значится в списках вероятных членов ложи «П-2».

⁵⁸ Среди названных наиболее известны: Джано Аккаме, многолетний редактор «Нуова република»; Эгардо Бельтраметти; Пьеро Бускароли, редактор «Боргезе», бывший также недолго директором газеты «Рома»; Леоне Канкрини, владелец агентства АИПЕ; Энрико Де Боккард, сотрудник «Спеккьо»; Ландо Дель'Амико, о котором мы уже писали особо; Джузеппе Дель'Онгаро, ставший позже директором «Сеттиманале», имя которого встречается в списках членов ложи «П-2»; Франко Ди Белла, директор «Коррьере дела сера» в период расцвета ложи «П-2»; Джанкарло Финальди; Фаусто Джанфранчески; Гуидо Жаннеттини; Джорджо Нельсон Паже, директор «Спеккьо» с первого до последнего дня; Гуидо Палья, будущий корреспондент «Ресто дель карлино» в Риме, а затем спецкор «Национе» и «Джорнале нуово»; Джорджо Пизано, директор «Кандидо» и сенатор от МСИ; Пино Раути; Джорджо Торкья; Джорджо Цикари, бывший репортер «Коррьере дела сера», и др.

⁵⁹ «Il Tempo», 5 dicembre 1976.

⁶⁰ Приведенные данные находятся в его послужном списке № 4781. Другие источники (См.: *R. Risaliti. La storia di Gelli.* — «Paese sera», 29 ottobre, 1, 3, 7 novembre 1981) утверждают, что на самом деле в это время он находился в Пистойе в качестве функционера местной фашистской федерации. Если верна именно эта версия, то, значит, уже в те годы он обладал способностью использовать в собственных интересах случайных влиятельных друзей.

⁶¹ Пизано появился в Пистойе за несколько дней до 8 сентября вместе с отцом, назначенным в город вице-префектом. — См.: «La Nazione», 24 agosto 1981.

⁶² *Маурицио Дельи Инноченци*, сотрудник СИД, участвовавший в 1974 г. в расследовании дела «Розы ветров», снабжал судебных чиновников строго дозированной информацией об ее деятельности.

⁶³ См.: ОР, 20 febbraio 1979.

⁶⁴ См.: *G. Rossi, F. Lombrassa. In nome della «loggia».* Roma, Napoleone, 1981, p. 156, 158.

⁶⁵ См.: АА. VV. *L'Italia della P2.* Milano, Mondadori, 1981, p. 40.

⁶⁶ Допрос Л. Джелли 28 сентября 1976 г. судьями Паппалардо и Виньей во Флоренции: «Мичели вступил в ложу еще до того, как пришел в СИД. Я познакомился с ним в 1968 или 1969 году во время одного из официальных приемов... Я предложил ему вступить в ложу, и он принял предложение, сказав, что и его дед был масоном». Мичели, отвечая на вопросы судей, напротив, назвал датой своего вступления в ложу 1971 г.

⁶⁷ CM.: Ministero degli Interni. Direzione Generale della P. S. Servizio di Sicurezza. Rapporto № 224/24900, 9 ottobre 1976.

⁶⁸ Servizio Informazioni Difesa, Al Ministero della Difesa, Gabinetto del Ministro, Prot. № 04/5207/1.

⁶⁹ Atti dell'istruttoria sulle strage dell'Italicus; Atti dell'istruttoria del giudice Sica sull'omicidio Pecorelli. Memoria prodotta dal colonello Viezzer, 3 agosto 1981.

⁷⁰ Commissione parlamentare d'inchiesta sulla loggia massonica P2. Seduta del 29 giugno 1982.

Глава VI

КРИЗИС СИД И ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ В СИД

В июне 1971 года на смену руководившему отделом «Б» Федерико Гаске Куеиранце, произведенному в корпусные генералы, приходит Жан Аделио Малетти, 50-летний миланец со сдержанными, аристократическими манерами. Новый шеф контрразведки получил образование в моденской военной академии. С 1948 по 1950 год он вместе с генералом Мино обучался в США, позже по делам службы неоднократно бывал в ФРГ и Израиле, где обзавелся добрыми друзьями. Кроме всего прочего, о нем ходила молва, что он друг и греческих «черных полковников» со времен его многолетнего пребывания в Греции в качестве военного атташе. В 1968 году, когда СИД организовала «ознакомительный» круиз в Грецию 200 итальянских фашистов, возглавляемых Раути, Делле Кьяйе и Мерлино, Малетти также был в Афинах. Он побывал в греческой столице и в 1969 году, когда представители крайне правых пытались установить связи с полковниками с целью подготовки в Италии путча «а-ля Греция».

На подобные обвинения Малетти возражал, что именно он, а не кто иной, заранее информировал итальянское правительство о готовности полковников-фашистов захватить власть. Скорее всего ближе других к истине суждение о нем «Эспрессо»: «Твердый консерватор, ориентированный больше вправо, нежели к центру»¹.

Что касается деловых качеств, то Малетти слыл в своей области новатором: будучи хорошо знакомым с методами работы израильских и западногерманских спецслужб, он был нетерпим к итальянской заорганизо-

ванности. Его приходу обязана СИД созданием абсолютно автономной и функционирующей вне всяких бюрократических рамок оперативной группы, возглавляемой 44-летним экспансивным неаполитанцем Антонио Лабруной. Он пришел в СИД в 1968 году.

Нельзя сказать, что Лабруна был идеальным секретным агентом, к тому же он был полной противоположностью сдержанному Малетти, и тем не менее он довольно долго оставался его правой рукой — до тех пор, пока их отношения не дали трещину в связи с событиями, связанными с обнаружением досье «М. Фо. Биали»².

Разногласия в руководстве службы начались меньше чем через год после вступления Малетти в должность начальника отдела «Б». Причины этого носили двоякий характер: первая — личного плана; другая — общего, даже международного. Рассмотрим их по порядку.

Итак, Малетти являл собой образ педанта. Его подчиненные по гарнизону, где он служил до откомандирования в Афины, вспоминают его как сурового, требовательного к себе и другим человека. Начальник же СИД, генерал Мичели, напротив, был довольно импульсивным и приблизительным во всем, и, вероятно, дотошность и усидчивость главы контрразведки породили в нем подозрение, что они скрывают (так на самом деле и было) тайное желание сменить его на посту шефа службы. К тому же в СИД существовала традиция: именно начальник отдела «Б» становился главой службы. Так что опасения Мичели имели под собой вполне определенные основания.

И все-таки думается, личные отношения таких разных людей — не самая главная причина, вызвавшая раскол, в который были втянуты затем практически все офицеры СИД. Правильнее будет считать конфликт Мичели — Малетти персонифицированным выражением противоборства двух концепций деятельности западных секретных служб в целом. Просто, начавшись как личная взаимная нетерпимость двух генералов, конфликт позже приобрел реальные черты обострения внутренних отношений, характерных для всех западных аналогичных служб.

Совершенно очевидно, что с конца 1971 года и до лета 1972 года произошло несколько событий, свидетельствовавших о смене стратегии определенных сил. До сих

пор единственный рецепт, который прописывали секретные службы для лечения болезней страны, предусматривал усиление крайне правых на фоне активизации террористической деятельности групп, возглавляемых «параллельными структурами». С весны 1972 года кое-кто в руководстве этих структур, проанализировав последствия «студенческого бунта» 1968 года и «жаркой осени», посчитал тактически выгодным «героические деяния «черных» террористов использовать как раздражитель для активизации противоположного, или «красного», экстремизма»³.

Однако решение «отдать на заклятие» вчерашних союзников и внести в свои действия стратегические и тактические корректировки встретило сопротивление со стороны части «твердолобых» руководителей СИД, продолжавших делать ставку на крайне правых. Однако их «умеренные» коллеги поддержали новую тактику, что и вылилось в форму самой настоящей войны между Мичели и Малетти.

Ряд органов массовой информации отнес последнего к разряду «демократических генералов»: он все-таки был из тех, кто пользовался симпатиями широкого спектра политиков: от греческих полковников до наших социалистов. Истина скорее всего посредине: Джан Аделио Малетти являлся профессионалом, близким к немецким и израильским спецслужбам и небольшой группе в спецслужбах США.

Само назначение Малетти на должность начальника отдела «Б» случилось несколько месяцев спустя после вызова к Рейгану посла Соньо. Военный государственный переворот в Италии считался теперь крайней мерой, в качестве его альтернативы на первый план выходил «бескровный путч», который имел бы вид институциональной реформы. Он должен был поддерживаться умеренными кругами промышленников, выступавших за усиление роли Италии, избавленной от «коммунистической опасности», в рамках европейского содружества и более самостоятельной по отношению к Соединенным Штатам. Предварительным условием его реализации была очистка поля боя от скомпрометировавших себя кровавыми преступлениями групп.

С этой целью Малетти подготовил объемное досье по делу о попытке путча князя Боргезе, которое затем, в

сентябре 1974 года, когда столкновение между двумя стратегиями достигло решающей фазы, передал судебным органам. Разногласия в СИД обрели четкие формы. Взрыв произошел в марте 1974 года, когда, вернувшись в министерство обороны, Андреотти решительно взял сторону Малетти.

И тут сложилась парадоксальная ситуация. От своего предшественника Гаски Куеиранцы Малетти унаследовал тесные контакты с Гуидо Джаннеттини. Таким образом, оказалось, что, с одной стороны, его отдел финансировал и оказывал поддержку людям, связанным с кровавыми событиями на площади Фонтана; с другой — расследовал обстоятельства политического заговора «черного князя» и его покровителей. Очевидно, на этот счет Малетти имел определенные распоряжения. Был момент, когда он сделал попытку объяснить свое поведение, заявив в суде Катандзаро: «Мы были вынуждены поступать так по настоянию дружественной секретной службы»⁴, — но никто из судей не посчитал необходимым остановить внимание на этом тревожном признании.

Событиям в СИД предшествовал ряд так до сих пор и не объясненных полностью акций вооруженных сил. В конце 1973 года в Бергамо прошли военные учения: часть моторизованных патрулей имитировала захват префектуры, муниципалитета и других ключевых центров города, другая — получила приказ добраться до домов, в которых проживают активисты профсоюзов и левых политических партий, а также работники муниципалитета, и прохронометрировать время, необходимое для их доставки в штаб.

Сообщение о данных учениях было опубликовано автором этих строк в еженедельнике социалистов, небольшом по тиражу, но достаточно популярном в политических кругах. Кстати, никем никогда не опровергнутое⁵. Конфиденциальная информация была получена из надежного источника в вооруженных силах. По капризу случая, еженедельник поступил в газетные киоски в субботу, 26 января, именно в то время, когда из многих казарм, разбросанных по всей Италии, начали поступать тревожные известия о других подобных таинственных учениях, о танках с работавшими всю ночь двигателями, об аэродромах, окруженных пулеметными установками, о подразделениях, приведенных в состояние боевой готов-

ности. На следующий день «Унита» опубликовала обеспокоенную заметку, озаглавленную «Слухи об объявлении тревоги в казармах», в которой сообщалось о «распоряжениях, относящихся к чрезвычайным мерам», и требовалось «дать все необходимые разъяснения». Чуть позже стало известно, что в ночь с субботы на воскресенье в столице также были приняты чрезвычайные меры безопасности с привлечением служб охраны Квиринала, аэропорта Фьюмичино, министерств, обеих палат парламента, радио и воинских казарм.

На следующий день начался поток сумбурных опровержений: согласно официальным источникам, меры безопасности в Риме были приняты ввиду наступления очередного воскресного дня с запрещением автомобильного движения для снижения уровня загазованности воздуха. Что же касается тревоги в казармах, то министр обороны Танасси ее просто отрицал. Затем последовали еще два столь же малоубедительных утверждения, в чем-то корректирующие первые: оказывается, полиция патрулировала улицы Рима, потому что-де поступил сигнал о возможном террористическом акте палестинских экстремистов. Объявление же тревоги, как сообщило министерство обороны, было результатом ошибки младшего офицера СИД при расшифровке кодированного сообщения из Вероны.

На том с объяснениями было покончено. Стало известно только, что в то же самое утро в министерстве обороны состоялось совещание, в котором участвовали, кроме министра обороны Танасси, глава СИД Мичели, командующий корпусом карабинеров Мино, начальник полиции Занда Лой и квестор Рима Теста. Уже этот факт сам по себе разрушает версию о тревоге в результате ошибки младшего офицера: вряд ли из-за промаха некоего унтера собрались бы вместе руководители национальной безопасности.

Несколькими днями раньше произошло еще одно событие, взволновавшее воды политического моря. Кармело Спаньюоло, генеральный прокурор Рима, в интервью журналисту Массимо Капраре из «Мондо» заявил: «Мы намерены выдать ордер на арест квестора Анджело Маньяно, чтобы взорвать крепость покровительства, его защищающую... Мы обнаружили штаб-квартиру учреждения, где стояла аппаратура подслушивания разговоров в

кабинете судьи Скуилланте... Необходимо кардинально почистить полицию... Коррупция в полиции началась еще во времена Тамброни, и сейчас нелегко вырвать ее с корнем. Потому что создание в полиции отдела тайных дел и передача ему права трактовать по своему усмотрению деликатную информацию означали появление механизма шантажа, которым не избежали соблазна воспользоваться не только руководящие работники, но и подразделения среднего звена⁶.

Интервью вызвало громкий скандал, обнажив беспрецедентный конфликт в верхнем эшелоне государственной власти. Конфликт, рамки которого остались, однако, неопределенными, как и место эпизода с интервью в контексте более общего конфликта, о котором мы говорили раньше. Во всяком случае, установлено, что Спаньюоло был в тесных отношениях с Синдоной, другом Никсона и банкиром «ястребов». И не случайно крах банкира-авантюриста, несколько отсроченный его необычайной способностью шантажировать настоящих и бывших друзей и врагов, начался летом 1974 года, одновременно с падением Никсона.

В такой атмосфере после восьмилетнего перерыва произошло возвращение на пост руководителя военного ведомства Джулио Андреотти. С его приходом шеф отдела «Б» Малетти больше не сражался в одиночку, заполучив в союзники самого министра. Резко сдвинулось с места расследование дела о путче Боргезе и следовавших за ним антигосударственных выступлений. Началась практическая работа по «сжиганию» наиболее опасных подрывных групп в «параллельной СИД». За счет чего же Малетти и его людям удалось укрепить свои позиции? Скорее всего за счет поддержки международных разведцентров, с которыми он был связан с давних пор и которые внесли коррективы в свои стратегические планы, порой не совпадающие с планами национальных спецслужб. Эта гипотеза подкрепляется рядом событий, происшедших в Европе в 1974 году.

В Португалии 25 апреля салазаровец Каэтано в результате быстротечной «революции красных гвоздик», или «революции капитанов», уступил место правительству, возглавляемому генералом Спинолой. В течение многих лет генерал сражался против национально-освободительного движения в Анголе и Мозамбике и

отдавал себе отчет, что сейчас будет более разумно «сделать себе демократическое лицо» — предоставить колониям формальную политическую независимость, сохраняя экономический контроль над ними, нежели вести безысходную партизанскую войну. С той же целью были предоставлены и кое-какие демократические свободы португальскому народу, что принесло генералу двойную выгоду: устраняло опасность дальнейшего развития революции и подновляло фасад Португалии, делая его более презентабельным в глазах международного общественного мнения.

Летом пало еще одно фашистское правительство, на этот раз в Греции. Его бесславный конец также объяснялся новой стратегией, переориентированной с правого направления на более умеренные позиции. Сложившуюся на континенте напряженную ситуацию необходимо было разрядить: профашистские правительства и военные диктатуры должны были исчезнуть. В такой обстановке было бы полным сумасшествием поддерживать тех, кто твердо лобом придерживался противоположной точки зрения.

Однако быстрых изменений как на национальном, так и на международном уровнях нельзя было ожидать. Если в ЦРУ верх взяли «голуби», то в других секретных службах, тяготеющих к Пентагону и главному командованию НАТО, были расположены следовать тем целям, которые поставили перед собой «параллельные структуры».

Арест Фумагалли в мае, убийство неофашиста Джанкарло Эспости в Пьян дель Рашино, нашумевшее интервью Андреотти в «Мондо» — симптомы закулисной, с применением ударов «ниже пояса», борьбы двух группировок, поддерживаемых могущественными покровителями.

Почему осторожный и благоразумный человек Андреотти почувствовал необходимость публично предвосхитить увольнение Мичели? Видимо, в те июньские дни борьба между главой СИД и его покровителями, с одной стороны, и Андреотти, Малетти и их сторонниками — с другой, была еще далека от завершения, и министр своим заявлением решил нанести упреждающий удар с целью внести смятение в ряды противника. Интересен и тот факт, что интервью Андреотти появилось 8 июня, после того как судья Тамбурино направил президенту респуб-

лики Леоне телеграмму, в которой вводил его в курс проводимого им расследования и сообщал о возможных серьезных последствиях. Весьма сомнительно, чтобы поставленный президентом в известность о содержании телеграммы министр обороны не понял, что судья близок к выяснению всех аспектов деятельности особой группы в секретных службах, и поэтому поспешил с помощью интервью опередить события.

Министр поставил политический мир перед лицом свершившегося факта и вызвал моментальный отказ от Мичели его итальянских покровителей. Последовавшее в августе стремительное падение Никсона вызвало дальнейшее смятение заговорщиков. Правда, уже в ноябре «крестные отцы» Мичели воспрянут духом и медленно, но неуклонно начнут отвоевывать утерянные позиции.

Пока же ситуация продолжала обостряться. 26 июля Малетти заканчивает свой 56-страничный доклад по поводу всех подрывных заговоров, имевших место в Италии с 1970 по 1974 год.

В нем упоминался и Мичели, который до 31 июля еще оставался главой службы, хотя уже и передавал дела адмиралу Казарди. Именно адмиралу как лицу, отвечающему за национальную безопасность, и вручается доклад начальника отдела «Б». 5 июля документ обсуждается на коллегии службы в присутствии Малетти, Казарди и Мичели.

Озабоченность в связи с событиями в СИД проглядывала и в публикациях прессы. Неожиданно 14 августа Гуидо Джаннеттини, живущий под дамокловым мечом ареста за участие в преступлении на площади Фонтана, предстает перед нашими консульскими работниками в Буэнос-Айресе и передает себя «в руки правосудия». Официальная пресса пытается навязать гипотезу о том, что поступок Джаннеттини продиктован его финансовыми затруднениями. На многочисленных допросах он вел себя крайне осторожно, чтобы не дай бог не сообщить что-либо, могущее нанести вред лицам, руководившим СИД во время событий на площади Фонтана. И тем не менее он сообщил, что с 26 апреля, контактируя с капитаном Лабруной, получал деньги от отдела «Б». Это было явным подкопом под Малетти: в схватке двух высших руководителей СИД Джаннеттини сделал свой выбор. Несмотря на поддержку, которую ему оказывал

отдел «Б», Джаннеттини решил выступить против своего бывшего покровителя.

16 сентября Андреотти поставил точку в конфликте, давно сотрясавшем службу, отстранив от должности генерала Мичели, ожидавшего назначения командующим 3-м армейским корпусом, и передал римской магистратуре три папки подготовленного отделом «Б» досье, о котором мы упоминали выше.

Документы оказались в руках судьи Клаудио Виталоне, друга министра обороны, бывшего комиссара общественной безопасности, принимавшего участие в качестве главного прокурора в следствии по делу о путче Боргезе. Передача досье римской магистратуре создавала впечатление, что в одном судебном ведомстве, близком к политическим властям, собираются сконцентрировать все расследования, связанные с антигосударственными выступлениями. Силы, делающие ставку на правое крыло масонских организаций, придя в себя после удара, нанесенного им действиями Андреотти, перехватили инициативу. Осенью они провели две операции. Первая была направлена на отстранение судей в Турине, Милане и Падуе от следствий, которые те вели; вторая имела целью удалить из правительства самого Андреотти, а заодно и министра внутренних дел Тавиани.

Реакция перешла в контрнаступление. 2 октября Танасси открыл «военные действия», заявив о правительственном кризисе и необходимости досрочных выборов. Через два дня премьер-министр Румор подал в отставку. 14 октября глава государства поручил Фанфани формирование правительства, но тот через 12 дней напряженных консультаций отказался от этой затеи, не сумев найти общий язык с социал-демократами. 21 октября предложение о создании левоцентристского правительства получил Альдо Моро. В последнее десятилетие он не раз выступал против огласки «грехопадений» секретных служб. И вовсе не из-за симпатий к заговорщикам и экстремистам, а потому что считал: как бы ни обстояли дела, определенные органы государства должны быть защищенными от публичных разоблачений, ибо таковые угрожают их эффективности.

24 ноября Моро сформировал свой четвертый кабинет. «Ястребы» вмешались в распределение министерских портфелей: на Моро было оказано сильнейшее давление с

целью устранения Тавиани и Андреотти. И цель была достигнута — первый был выведен из состава правительства, второй — возглавил министерство финансов.

В середине декабря правые одержали еще одну победу: решением кассационного суда от соответствующих расследований отстранялись судьи Д'Амброзио, Виоланте и Тамбурино.

Это кардинальное решение не случайно было принято именно тогда, когда туринский судья Виоланте уже вышел на контакты и связи ФИАТа и ряда других фирм с путчистами, группировавшимися вокруг Эдгардо Соньо; когда в Милане судьи Д'Амброзио и Александрини собрались предъявить обвинение в соучастии в заговоре адмиралу Хенке, бывшему шефом СИД во время преступления на площади Фонтана; когда падуанский судья Тамбурине готовился сорвать завесу с оперативного и исполнительного центра всей «стратегии напряженности».

Постепенная утрата позиций группой Малетти завершилась отстранением последнего от руководства отделом «Б» в октябре 1975 года. Инициатива неожиданно перешла к министру обороны Форлани, который, лично заверив Малетти, что ни о каком его перемещении не может быть и речи, воспользовался отсутствием генерала в Италии и в ночь с 28 на 29 октября сообщил ему телефонограммой о назначении командиром дивизии «Гранатъери ди Сарденья». Начальником отдела «Б» стал полковник Джованни Ромео, 56-летний римлянин, до того момента — глава спецслужб армии.

Ромео, который вот-вот должен был стать генералом, считался единомышленником Мичели. Таким образом, в то время как готовились наиболее значительные процессы по делу об антиправительственных заговорах, адмирал Казарди, глава службы СИД, оказался в абсолютной изоляции, лишавшей его реальной власти.

Отступим же несколько назад и посмотрим, что представляли собой секретные службы после кризиса мая — июня 1974 года.

ИНСПЕКТОРАТ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Генеральный инспекторат по борьбе с терроризмом — таково его полное название — родился практически в течение 48 часов, между 30 мая и 1 июня. Проводя перестройку криминалистической службы, Тавиани и Сантилло ориентировались на международный опыт, плодом которого явилось создание за 4 года до этого Криминалпола, уголовного подразделения Интерпола. И в Италии была предпринята довольно успешная попытка отказаться от старой, горизонтальной структуры, в основании которой находились квестуры и передвижные полицейские отряды. Наиболее ответственная часть следственной работы передавалась единой организации, действующей на всей территории Италии.

То есть был создан орган, который, имея территориальные филиалы, решал оперативные задачи, тесно взаимодействуя с политическими отделами квестур, передвижными отрядами полиции и Криминалполом.

В организационном плане инспекторат являл собой старую структуру отдела тайных дел, дополненную группой из 200 человек для решения оперативных задач: к 9 сотрудникам распущенной СИДЖСИ, оставшимся, за исключением их начальника Федерико Д'Амато, в системе министерства внутренних дел, были добавлены 13 работников полиции, возглавивших соответствующее число территориальных филиалов. Основными сотрудниками Сантилло были Витторио Милициа, Гульельмо Карлуччи, Алессандро Мильони, Сильвано Руссоманно, Антонио Карлино и Паскуале Скьявоне. Римская команда была укомплектована 20 младшими офицерами⁷.

Инспекторат имел 4 подразделения — дивизионы, при этом один решал общие, оперативные задачи, а каждый из трех остальных — собственные, специфические, исходя из «адресата» (правый терроризм, левый терроризм, международный терроризм), координируя деятельность с областными филиалами и политическими отделами квестур.

Структура центрального аппарата инспектората была очень мобильной, и его компетенция распространялась на всю территорию страны. Это давало возможность его сотрудникам исследовать подрывной феномен в комплек-

се. Каждый из 13 территориальных филиалов располагал всего лишь 10 сотрудниками, что свидетельствовало о сдержанности политических властей в вопросе усиления чисто гражданской службы безопасности.

Правда, вначале предполагалось, что в инспекторате будут работать также офицеры корпуса карабинеров финансовой полиции из недавно созданной специальной команды генерала Далла Кьезы, но этого не произошло, ее ждала иная судьба.

Специальная команда Далла Кьезы появилась для расследования похищения членами «красных бригад» генуэзского судьи Сосси. 29 мая 1977 года она была создана при командовании туринской бригады корпуса карабинеров, чья юрисдикция распространялась и на Лигурию. В нее вошли 7 офицеров и 33 унтер-офицера⁸. Вначале она тесно взаимодействовала с аналогичной группой полиции, возглавляемой тогдашним квестором Турина Эмилио Сантилло, будущим главой инспектората. Потом Далла Кьеза продолжил расследование самостоятельно, проведя успешную операцию по внедрению в «красные бригады» Сильвано Джиротто, о чем расскажем позже. Когда обнаружили место, где содержался похищенный Сосси, и задачу можно было считать выполненной, главное командование корпуса карабинеров решило не расформировывать команду, а перевести в Милан. Далла Кьеза возразил против такого решения, считая ошибкой ограничивать ее деятельность только этим городом. В конце концов из 40 сотрудников 8 перевели в Милан, 8 — в Рим, 8 — в Неаполь, 2 — в Геную, с таким расчетом, чтобы они явились ядром новых самостоятельных команд корпуса карабинеров. Так в составе городских оперативных отделов по борьбе с терроризмом появились специальные отделения.

Инспекторат еще только создавался, когда в экспрессе «Италикус» взорвалась бомба. Сантилло и его ближайшие сотрудники тотчас же выехали в Болонью, начав расследование без поддержки со стороны СИД. Поэтому неудивительно, что следствие не приносило результатов. Поскольку пребывание специальной бригады инспектората в Болонье не могло длиться бесконечно, спустя несколько недель Сантилло со своими помощниками вернулся в Рим и там продолжил работу.

КАЗАРДИ У РУЛЯ СИД

Большие перемены затронули и СИД. 1 августа 1974 года Марио Казарди сменил Мичели на посту главы службы. В неоднократно цитировавшемся интервью Андреотти журналу «Мондо» адмирал характеризовался как «либерал, стоящий вне блоков, и большой гурман». Думается, определяющим в его назначении был тот факт, что при дружеских отношениях с Хенке и Андреотти Казарди являлся как бы гарантом внешнего по форме обновления службы при сохранении преемственности ее основополагающих принципов. Одной из первых акций нового главы СИД было уничтожение 34 тысяч досье, незаконно созданных еще СИФАР времен Де Лоренцо. Было также дано обещание создать комиссию для выяснения законности существования остальных 123 тысяч досье, собранных в 1964 году, но это обещание так и осталось невыполненным.

Да и само уничтожение досье походило больше на фарс. Подполковник Виеццер, отвечая на вопросы судьи Сикиа, сообщил, что в свое время по каждому из досье было сделано подробное резюме в двух экземплярах, один из которых Де Лоренцо взял себе и следы которых так и не были обнаружены. С другой стороны, появление в 1981 году дела ложи «П-2» подтвердило подозрение, что немало людей — среди них Джелли — имели возможность ознакомиться с содержанием этих досье. 9 августа 1974 года председатели парламентских комиссий, государственные советники, руководители СИД, чиновники государственного контроля были приглашены сопровождать конвоируемые усиленным военным эскортом грузовики с пресловутыми досье от корпуса № 4 в Форте Браски до крематория Фьюмичино⁹.

Так с трехлетним опозданием было выполнено решение, явившееся результатом бурного голосования в палате депутатов 4 мая 1971 года, когда по окончании дискуссии по докладу депутата Алесси, представившего резолюцию большинства парламентской следственной комиссии по событиям 1964 года, парламент обязал правительство уничтожить досье.

В 1975—1977 годах итальянский терроризм изменил тактику, отказавшись от практики массовых кровопролитий, и начал хорошо организованные покушения на

отдельных людей, прежде всего сотрудников магистратур. 8 июня в Генуе террористы из «красных бригад» убили генерального прокурора республики Франческо Коко и сопровождавшую его охрану. 10 июля в Риме судья Витторио Оккорсио был застрелен экстремистами из «Нуово ордине», связи которых с масонством и международным уголовным миром он обнаружил. Ни одно из расследований не привлекло внимания СИД, больше того, выяснилось, что служба была в курсе планов неонацистов из «Нуово ордине», однако не соизволила предупредить магистратуру. Начав следствие по делу об убийстве Оккорсио, прокурор Виталоне обнаружил официальную информацию об этих планах, которую служба направила командованию корпуса карабинеров. Виталоне допросил в этой связи начальника отдела «Б» Ромео и, видя, как тот увильчивает от ответов, попросил его явиться на следующий день. Проинформированный об этом, генеральный прокурор Килиберти отменил вызов генерала в суд и начал служебное расследование против самого Виталоне. Такой эпизод, не укладывающийся в рамки права судебных властей допрашивать любого, кого считают необходимым допросить в интересах дела, явился иллюстрацией давно ведущейся войны между отдельными группировками военно-политических сил страны.

Через эту же призму надо рассматривать и дискуссию, спровоцированную 10 августа в парламенте генералом Мичели, свежеспеченным депутатом от неонацистского МСИ во время голосования вотума доверия правительству Андреотти. Впервые взяв слово, генерал сообщил, что еще в 1971 году в качестве главы СИД негативно отнесся к предстоящему назначению Андреотти главой правительства. Неожиданный выпад бывшего шефа СИД, независимо от его политических намерений, осветил вопрос о лояльности, которой требовали США от тех, кто занимал такие ответственные должности, как глава правительства, министры внутренних дел и обороны. Откровения Мичели относились к 1971 году, он как раз тогда получил в американском посольстве 800 тысяч долларов на «пропагандистские мероприятия» в связи с предстоящими весной 1972 года выборами¹⁰.

Еще одним полем боя различных политических сил в 1974—1977 годах была перестройка итальянских секретных служб. Необходимость ее срочного проведения выте-

кала еще из заключительного доклада парламентской следственной комиссии по событиям 1964 года. Однако в течение долгих лет христианским демократам и их единомышленникам из других партий удавалось задуть любую попытку претворить в жизнь указания комиссии. Когда в 1973 году обнаружилась неприглядная роль секретных служб в подрывных акциях начала 70-х годов, левые силы настойчиво добивались их реформы. Летом 1974 года, назначая нового главу СИД, министр обороны Андреотти представил это решение как первый шаг такой реформы.

На деле кажущееся общим желание реформировать спецслужбы скрывало глубоко противоположные цели и интересы. С одной стороны, министр внутренних дел Коссига и значительная часть левых требовали разделения их функций и передачи вопросов внутренней безопасности гражданскому аппарату; с другой — военная верхушка, поддерживаемая большинством христианских демократов, социал-демократами и правыми партиями, изо всех сил защищала прерогативы военных, дававшие им возможность в течение полувека монопольно руководить службами безопасности Италии.

Первый шаг был сделан Коссигой 31 июля 1976 года: соответствующим декретом инспекторат по борьбе с терроризмом получал новое название — служба безопасности (*Servizio di sicurezza*); но речь шла не о простом переименовании — на самом деле декрет вносил новые акценты в деятельность службы. Утверждение ее начальником Эмилио Сантилло недвусмысленно указывало на стремление передать в руки гражданского аппарата вопросы внутренней безопасности.

Реакция военных была очень резкой. 2 ноября правительство представило проект закона, в соответствии с которым секретная служба вооруженных сил выводилась из подчинения министра обороны и передавалась в прямое подчинение главе правительства, оставаясь тем не менее «единым организмом, выполняющим все задачи разведывательного характера в целях обороны и безопасности государства». Кроме этого, проект предусматривал значительное нововведение — парламентский контроль за деятельностью секретных служб как через полугодовые отчеты правительства, так и путем создания «внутрипарламентского комитета по вопросам информации и без-

опасности с задачей определять и рекомендовать главе правительства основные направления и фундаментальные цели информационной политики»¹¹.

При обсуждении проекта закона в парламенте различные партии выступали с собственными предложениями по реформе секретных служб и ревизии государственных секретов. Для изучения этих предложений в апреле 1977 года была создана специальная комиссия. А пока война между гражданской и военной спецслужбами шла, не ведая передышки. Одним из ее наиболее серьезных эпизодов явилась попытка взорвать поезд Неаполь—Рим, главным действующим лицом которой была осведомитель службы общественной безопасности Рита Мокседано, перевербованная СИД¹².

Закон, практически без поправок, был одобрен парламентом в ноябре 1977 года. Руководство, политическая ответственность и координация информационной политики возлагались на главу государства. Предусматривалось учреждение при нем межминистерского комитета по информации и безопасности (КИИС). Кроме того, создавался также исполнительный комитет по службам информации и безопасности (КЕЗИС). Об этих нововведениях мы поговорим позже.

Новые органы еще не начали создаваться, но уже вспыхнула ожесточенная борьба за командные должности в них. Первой ее жертвой пал заместитель министра внутренних дел Джузеппе Дзамберлетти, демохристианин-центрист, один из наиболее вероятных кандидатов на должность руководителя КЕЗИС, в задачу которого входила координация деятельности обеих служб. Неожиданно его наиболее близкий сотрудник Джузеппе Бальбо был арестован за прикарманивание части денег канадской фирмы, поставляющей сборные домики для пострадавших от землетрясения во Фриули. Вина Бальбо была бесспорной, но ряд органов печати и некоторые политики отметили, что за настойчивостью, с какой к этому делу притягивался Дзамберлетти, явно скрывались некие силы, противящиеся его назначению на ответственный пост в руководстве секретными органами страны.

Ведь Дзамберлетти в интервью еженедельнику «Панорама» сразу же после взрыва в «Италикусе» заявил: «В качестве секретной службы суверенной страны СИД должна иметь возможность контролировать также и то,

что делает в Италии ЦРУ», и добавил: «Несколько лет назад Федеративная Германия была в ситуации, подобной нашей. Затем там организовали ведомство по защите конституции с большими возможностями, и обстановка сразу же улучшилась»¹³.

Такой была атмосфера в стране накануне принятия закона о реформе секретных служб.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VI

¹ «L'Espresso», 27 giugno 1976.

² См. последнюю главу.

³ G. Galli. *La crisi italiana e La Destra internazionale*. Milano, Mondadori, 1974, p. 39.

⁴ R. Fabiani. *Lassù qualcuno mi spara*.— «L'Espresso», 11 aprile 1976.

⁵ См.: G. De Lutiis. *Chi gioca al golpe*.— «Aat», 25 gennaio 1974.

⁶ См.: «Le Mondo», № 4, 24 gennaio 1974.

⁷ Самым известным сотрудником Сантилло являлся, несомненно, Сильвано Руссоманно. Родившись в 1924 г. в Реджо Эмилии, служил в 51-м пехотном полку Перуджи. В 50-е годы пришел в полицию. В 1956 г. служил в Альто Адидже, после чего был переведен в Рим, в отдел тайных дел, в котором верховодила триестинская четверка— Де Ноцца, Мангано, Бенефорти и Карти, ближайшие друзья Тамброни. Изгнание этого «квартета» в результате событий 60-х годов открыло дорогу Руссоманно, ставшему ближайшим сотрудником Д'Амато, с которым он проработал 14 лет, занимаясь главным образом, начиная с 1968 г., делами левого экстремизма.

⁸ См.: Commissione parlamentare d'inchiesta sulla strage di via Fani, sul sequestro e l'assassinio di Aldo Moro e sul terrorismo in Italia. *Audizione del generale Carlo Alberto Dalla Chiesa del 8 luglio 1980*.

⁹ См.: *La grande fumata*.— OP del 27 marzo 1979. Подполковник Виеццер на допросе 1 июня 1981 г. по делу об убийстве Пекорелли сообщил: «Я хотел бы уточнить обстоятельства операции по уничтожению досье СИД: досье, предназначенных к уничтожению, было около 16 тысяч. Об этом было доложено министру Андреотти. Однако тот, выступая в парламенте, называл цифру 32 тысячи. После чего распорядился, чтобы к уже отложенным было добавлено еще 16 тысяч, что и было сделано. Большинство новых досье содержало одну или несколько страниц».

¹⁰ См.: «La Stampa», 28 gennaio 1977. Парламентская комиссия, возглавляемая Отисом Пике, была учреждена в 1975 г. американским конгрессом для расследования деятельности ЦРУ и других американских секретных служб. Доклад комиссии Пике был опубликован в приложении № 514 к еженедельнику «Панорама».

¹¹ Disegno di legge № 696 sull'Istituzione e ordinamento del servizio per le informazioni e la Sicurezza.

¹² 6 февраля 1977 г. Мокседано позвонила сотруднику службы безопасности и предупредила, что в экспрессе 710 находится мощная бомба. После нескольких часов интенсивных поисков и повторного звонка женщины бомбу обнаружили за несколько минут до взрыва. Рядом с ней лежала листовка «Нуово ordine». Арестованная Мокседано заявила, что она явилась «жертвой махинации, спланированной в интересах влиятельных людей». Скорее всего она стала орудием тех, кто задался целью дискредитировать службу безопасности. Осужденная на 5 лет тюрьмы, Рита Мокседано была освобождена в мае 1979 г. за недостаточностью улик.

¹³ «Raporama», 15 agosto 1974.

Глава VII

МЕТОДЫ СОКРЫТИЯ СЕКРЕТНЫМИ СЛУЖБАМИ СВОЕЙ ПРОТИВОЗАКОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В предыдущей главе мы рассказали о секретных службах накануне их перестройки. Здесь же обратимся к некоторым эпизодам, характеризующим их взаимоотношения с судебными инстанциями. Если попытаться охарактеризовать их одним словом, то это слово будет — оборона. Или защита. Защита от «назойливого любопытства» магистратур по поводу противозаконной деятельности спецслужб, как-то: укрывание преступников, замешанных в тех или иных антигосударственных акциях, попытки направить расследования по ложному следу, частое использование формулы «государственные секреты» даже тогда, когда всем ясно, что она — лишь ширма для прикрытия неприглядной истины.

Такая тактика секретных служб приносила желаемый результат. Примером могут служить оправдательные приговоры организаторам и исполнителям кровопролитий в Тренто, на площади Фонтана, в Брешии и в экспрессе «Италикус».

А начало этому было положено давным-давно. В главе II мы рассказали, как в 1944 году полковник карабинеров Романо Далла Кьеза организовал давление на судью, расследовавшего преступную деятельность Роатты. Когда же запугать судью не удалось и Роатту арестовали, магистратура получила от анонимного «доброжелателя» огромное количество материалов, в той или иной степени связанных с расследуемым делом. Цель такого шага — утопить следствие в море второстепенных деталей. Перед лицом большого количества свалившейся на него информации следователь неизбежно отвлекается — как он надеется, только на время — от рассматриваемых им до сих

пор версий. Этот маневр спецслужб, как правило, сопровождала организованная кампания в печати, цель которой — путем публичного обсуждения новых фактов обесценить имеющиеся у следователя аргументы, основанные на уликах, собранных ранее. Утонувшему в море неожиданно и без труда полученной информации следователю уже не до версий, намеченных когда-то. К тому же всегда рядом оказывается некто, по-отечески увещающий его закончить следствие, поскольку уже собрано достаточно свидетельских показаний. Затем в зале суда «суперсвидетели» откажутся от своих показаний или подадут их таким образом, что обвиняемые будут оправданы «за недостаточностью улик».

Примерно подобным образом поступили со следователем по делу «Розы ветров». Когда многомесячные попытки помешать следствию ни к чему не привели, перед следователем предстал генерал Алеманно, заявивший о готовности сотрудничать. Появились свидетели, горящие желанием дать следствию важные показания. Однако судья Тамбурино не дал сбить себя с толку, и лишь путем волевого решения кассационного суда удалось отобрать у него расследование.

Еще одним из наиболее эффективных методов «обороны» является использование спецслужбами вышестоящих судебных органов, обладающих правом затребовать любое дело и передать его в руки другого следователя. Есть масса примеров, когда генеральные прокуроры поступали таким образом под давлением секретных служб. Один из нашумевших — связан с расследованием «самоубийства» полковника Рокки¹, бывшего начальника отдела РЕИ СИФАР и СИД. Вмешательство службы в расследование было грубым и преступным. Сразу после получения известия о смерти полковника СИД послала на место происшествия трех офицеров, показавших позже, что они даже не входили в квартиру полковника, ограничившись лишь констатацией достоверности информации о его смерти. Такую явную ложь опровергла печать, рассказавшая об исчезновении большого количества документов из кабинета Рокки. Этим дело не ограничилось: СИД предложила римской прокуратуре приставить к следователю своего представителя для «охраны секретных документов, которые, возможно, могут быть обнаружены» в квартире полковника. Следователь Отторино Песке отверг предло-

жение, сославшись на то, что СИД не имеет процессуальных полномочий и что «охрана возможных секретных документов» представляется ему глупостью с юридической точки зрения. Реакция судебного следователя, однако, не понравилась генеральному прокурору Гуарнере, который сообщил, что предложение прикрепить к следствию своего сотрудника исходило лично от главы СИД Хенке и что он настаивает на этом. В ответ на новый отказ Песке и конфискацию им папок с документами Рокки Гуарнера запретил следователю «совать в них нос», до тех пор пока с ними не ознакомится человек из СИД. Игнорирование распоряжения генерального прокурора обернулось для Песке отстранением от дела: генеральный прокурор затребовал его в собственное производство, объяснив это на пресс-конференции «интересами государства и необходимостью более квалифицированного следствия». Разумеется, так и не были объяснены многие таинственные обстоятельства странного «самоубийства» Рокки — посредника в нелегальной торговле оружием и вербовщика провокаторов.

ОТ ПЛОЩАДИ ФОНТАНА К «ЧЕРНОМУ ПОРЯДКУ»

С самого начала следствия по делу о взрыве на площади Фонтана действия секретных служб были направлены на то, чтобы вывести из-под него истинных участников преступления.

«Несколько дней спустя после известных событий в Риме и Милане один из сотрудников, исполняющий задание в другом секторе Службы и имя которого не может быть названо... случайно узнал, что Мерлино Марио якобы имеет намерения дать показания, если его подвергнут допросу, и что 12 декабря 1969 года он совершил длительную прогулку в обществе Стефано Делле Кьяйе»². Эта записка — официальный «вклад» СИД в расследование, проводимое следователями Кудилло и Оккорсио спустя семь месяцев после его начала. Шестнадцать строк машинописного текста с подписью главы СИД должны были служить доказательством того, как много труда вложили три тысячи сотрудников службы и более семи тысяч осведомителей, чтобы более чем через полгода узнать то, что любой журналист раскопал бы за три

дня. Ясно, что СИД давно знала о подготовке «взрывов в местах скопления народа», иначе для чего в противном случае в СИД были направлены два донесения Джаннеттини о подготовке преступлений? Хотя руководители службы всегда отрицали, что получили их. Лишь однажды об этом проговорился генерал Гаска Куеиранцца. Еще одним «вкладом» в расследование была встреча сотрудника СИД Гаэтано Танцилли со Стефано Серпиери — осведомителем, внедренным в группу Вальпреди. На основании сообщения Серпиери было составлено три рапорта: один — от 16-го и два — от 17 декабря, в которых Мерлино назывался непосредственным исполнителем спланированных Ивом Герэн-Сейраком взрывов в Риме по распоряжению Стефано Делле Кьяйе. Этот след мог служить хоть какой-то зацепкой. Но СИД делала все, чтобы запутать дело, например изменив в документах «политическую окраску» преступников. В первом рапорте, от 16 декабря, Мерлино назван «прокитайски настроенным элементом», а Герэн-Сейрак — «анархистом». Во втором донесении, днем позже, Мерлино уже становится «анархистом», что же касается Герэн-Сейрака, там утверждалось, что он тоже «анархист», однако в Лиссабоне ничего не известно о его идеологической принадлежности. Третий, наиболее подробный рапорт, направленный римским управлением контрразведки в отдел «Б», уже определял Мерлино как «находящегося на позициях, близких к анархизму», а по поводу Герэн-Сейрака рекомендовалось сообщить судебным властям лишь о части его деятельности, касающейся связей с Мерлино и Делле Кьяйе, поскольку якобы другие действия иностранца требуют дополнительной проверки. Надо сказать, что в полиции Рима уже с 1965 года существовало досье на Герэн-Сейрака. В нем фиксировались все его жизненные перипетии, начиная со службы в эсэсовских частях «Республики Виши». Нет никаких сомнений, что досье в СИД было еще более детальным и полным.

Свет на удивительную «неосведомленность» проливает документ, который был передан из отдела «Б» адмиралу Казарди. «Как Герэн-Сейрак, так и его правая рука, Лерой, не являются анархистами, а принадлежат к антикоммунистической организации. Предлагается не сообщать эту информацию службе общественной информации и карабинерам»³.

Возникает вполне резонный вопрос: к чему все эти ухищрения, если было проще вообще не поднимать вопроса о Герэн-Сейраке и его организации? Ибио Паолуччи выдвигает гипотезу, согласно которой версия о группе Вальпреди в те первые дни выглядела убедительной, однако истинные организаторы преступлений — сотрудники СИД — опасались, что она не выдержит серьезной проверки. Следователям могло броситься в глаза несоответствие между поразительной организованностью одновременно четырех взрывов и скромными возможностями немногочисленной группы Вальпреди. Если же за этим «угадывалась» международная организация, дело выглядело намного достовернее. К тому же Португалия в те годы прочно находилась в руках фашистов, и в отношении Герэн-Сейрака и Лероя было практически невозможно провести какое-либо серьезное расследование. «Так одним выстрелом убивали сразу двух зайцев: в качестве вдохновителей преступления назывались люди, принадлежащие к широко разветвленной международной организации, владеющей большими деньгами и отработанной террористической техникой, и одновременно навязывалась версия, расследовать которую не представлялось возможным»⁴.

Но оказалось — совсем необязательно было так усложнять все: следователь Кудилло, не задавая себе неудобных вопросов, довольствовался «монстром Вальпреди», после чего 9 июля Хенке позволил с нескрываемой наглостью отправить ему рапорт, упоминавший в начале главы.

В тот же день Стефано Делле Кьяйе, вызванный следователями для дачи свидетельских показаний, исчез из Рима.

И спустя много лет, 20 ноября 1973 года, когда обвинения против Вальпреди почти целиком лопнули и становилась все более отчетливой роль Джаннеттини в преступлении, СИД на новый запрос следователей, на этот раз миланских, ответила, что не располагает никакой новой информацией о случившемся. Чуть раньше, 12 июля, руководитель СИД Мичели направил судье Д'Амброзио письмо, в котором расценил как неправдоподобную всякую информацию об участии в преступлении Гуидо Джаннеттини.

В истории расследования обстоятельств взрыва на

площади Фонтана показателен эпизод, когда СИД снабдила паспортами и переправила одного за другим за границу двух главных обвиняемых по этому делу — Марко Поццана и Гуидо Джаннеттини.

К этому необходимо добавить организацию побега террориста-неофашиста Вентуры из тюрьмы города Монца. Именно эти операции, подготовленные или осуществленные в начале 1973 года, то есть тогда, когда судья Д'Амброзио почти вплотную подошел к выявлению истинных организаторов преступления, явились элементами плана СИД, который, как предполагалось, уведет следствие в сторону от двух главных виновников.

Если можно было понять вывоз за границу Джаннеттини, бывшего в течение семи лет агентом службы, то объяснить заботу СИД о Марко Поццане, незаметной личности, мелком служащем из Падуи, было трудно. Очевидно, СИД опасалась, что Поццан, который в 1972 году привлек Раути к организации взрыва, — слишком слабое звено в цепи, и, оказавшись он в руках следствия, не исключено, что оно вытянет у него много неприглядной информации, и не только об этом преступлении.

Первым был переправлен за границу Поццан: 20 июня 1972 года миланские следователи выдали ордер на его арест, однако он словно испарился. Тем не менее через несколько месяцев служба вступила с ним в контакт и в январе 1973 года укрыла на конспиративной квартире оперативной команды капитана Лабруны на улице Сицилии, 235, прикрытой вывеской несуществующей фирмы «Туррис фильм».

Здесь, как рассказал сам Поццан в 1976 году следователю в Катандзаро, ему задали много вопросов о событиях, в которых он принимал участие, и о роли в них террориста Фреды. Допрашивавшие его люди записывали ответы на магнитофон, проявляя особый интерес к показаниям, которые он давал следователям Калоджеро и Стицу о связях Раути. Должно быть, служба хотела знать, насколько увяз в преступных акциях лидер «Нуово ордине». Через три дня Поццан с паспортом на имя Марио Дзанеллы в кармане покинул страну. Когда в 1981 году будут опубликованы списки вероятных членов мasonicкой ложи «П-2», обнаружится, что человек, которому принадлежал паспорт, реально существует и упоминается

в этом списке. Вряд ли такое совпадение — случайность, поэтому напрашивается вывод, что уже в январе 1973 года организатор побега капитан Лабруна имел контакты с главой ложи Джелли и его «братьями» и мог рассчитывать на молчание одного из них.

В 1976 году, когда следователи из Катандзаро проясняли обстоятельства побега Поццана, и шеф отдела «Б» Малетти, и начальник оперативной команды Лабруна заявили, что они действительно переправили за границу некоего Марио Дзанеллу с заданием внедриться в ряды итальянских неонацистов в Испании. Однако, по их утверждению, как только Дзанелла пересек границу Испании, он исчез.

Все же следователю удалось выяснить, что по прибытии Поццана в Испанию у него просто отобрали паспорт на имя Дзанеллы. Сам Поццан в показаниях, данных после возвращения, пожаловался, что был брошен в Испании сопровождавшим его младшим офицером СИД. Эти показания подтверждались и тем, что при отъезде из Рима сотруднику службы был куплен билет туда-обратно, тогда как для Поццана — в один конец. Выяснилось также, что фотография в паспорте Дзанеллы была идентичной фотографии в удостоверении личности Поццана, сделанной тремя годами раньше. Без особых трудностей показания Малетти и Лабруны были опровергнуты. Их слабая самозащита, по всей вероятности, объяснялась тем, что оба офицера пришли в отдел «Б» после взрыва на площади Фонтана, а обвинение в содействии побегу Поццана их мало волновало.

15 января 1973 года пришла очередь Джаннеттини. Схема была той же: две ночи пребывания в убежище службы на улице Сицилии, затем выезд за границу с чужим паспортом. И вовремя: 17 марта Вентура начал давать показания, а 18 мая прокурор дал санкцию на арест журналиста. Месяц спустя, в июне 1973 года, Д'Амброзио направил главе СИД запрос о Джаннеттини, результатом чего явилось уже упоминавшееся совещание на высшем уровне, где было принято решение продолжать укрывать осведомителя. 12 июля 1973 года Д'Амброзио получил соответствующий ответ⁵.

Дело не ограничилось просто организацией побега журналиста. СИД выплачивала деньги Джаннеттини и после того, как 9 января 1974 года миланские следовате-

ли выдали ордер на его арест за участие в преступлении на площади Фонтана.

Согласно материалам следствия, связь СИД с ним прервалась в апреле 1974 года, когда состоялась последняя поездка капитана в Париж. Однако поведение Джаннеттини в последующие годы по отношению к СИД, которую он старался не компрометировать ни единым словом, дает основания подозревать, что контакты с ним служба не прерывала еще долгое время.

Осенью 1973 года в Падуе началось следствие по делу организации «Роза ветров». И в этом случае следствие обратилось в СИД за информацией об обвиняемых, тем более что многие подследственные являлись офицерами службы. В частности, судья Тамбурино запрашивал сведения об участии в подготовке переворота Уго Риччи, офицера, очень быстро выросшего по службе до генерала. Естественно, к лету 1974 года служба располагала самым подробным досье на генерала, ибо давно прослушивала его телефонные переговоры. Однако в ответе судье руководство СИД утверждало, что генерал — человек «твердых демократических убеждений» и его поведение «достойно подражания». Прежде чем дать ответ судье, шеф службы ознакомил с его письмом министра обороны Танасси, которое тот пометил: «Сообщать как можно меньше». Рядом генерал приписал: «Распоряжение Его Превосходительства» — и отдал приказ об отправке судье ложного ответа⁶.

Двуличие поведения СИД объясняется все время сохраняющимся разделением функций между собственно спецслужбой и «параллельной», даже если они и сливались в конкретных людях. Отсюда возникновение нередко абсурдных ситуаций, когда отдел перехвата информировал о подготовке подрывных акций, которые организовывала сама служба. Понятно, что записи прослушивания никогда не попадали в руки судебных инстанций. Генерала Риччи служба просто предупредила о намерении судьи Тамбурино обыскать его квартиру и служебный кабинет. Перед нами пример прямого содействия преступлению, уголовно наказуемое деяние, к которым верхи СИД прибегали довольно часто.

Еще более привлекательными в этом смысле явились события 28 февраля и 1 марта 1974 года, когда в Каттоликке секретно состоялся съезд запрещенной экстре-

мистской организации «Нуово ордине» («новый порядок»), завершившийся ее возрождением под новым названием «черный порядок». На сборище была принята программа установления связей с другими подрывными группами. Согласно показаниям работников ресторана, где заседал съезд, на нем присутствовало 25 человек, однако судебным органам так никогда и не удалось ни составить полный список имен, ни узнать о содержании дискуссии. СИД же, напротив, с самого начала знала о сборище все, поскольку оно проходило в пансионате, владельцем которого был Катерино Фальцари, сотрудник бюро переводов болонского центра контрразведки.

Судья Цинкани, занимавшийся этим делом, подчеркнул, что участники съезда прекрасно знали об этом факте. «Владелец пансионата Катерино Фальцари являлся сотрудником итальянских спецслужб, и участники съезда даже не скрывали, что знают это. Представляется по крайней мере странным, что руководители нелегальной организации избрали для своего совещания место, где они, несомненно, должны были быть под наблюдением... Остается предположить, что то было единственное безопасное место, где они могли ничего не бояться»⁷.

Представшие перед судом по делу о 6 покушениях члены «черного порядка» были 3 мая 1978 года оправданы или приговорены к смехотворным наказаниям. 22 сентября 1980 года в ответ на очередное предложение председателя суда присяжных Болоньи Антонио Де Газетано о сотрудничестве для установления истины глава СИСДЕ ответил: «Сообщаем, что факты по интересующему вас делу имели место гораздо раньше, чем была создана наша служба. Поэтому мы не можем представить каких-либо нужных вам сведений»⁸. Формально корректный ответ СИСДЕ по сути таковым не являлся, поскольку она унаследовала большую часть архивов службы общественной безопасности Сантилло и СИД, которые, как мы видели, имели достаточно полную информацию.

ТРЕНТО: СОТРУДНИЧЕСТВО РЯДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В ПОДРЫВНЫХ ЦЕЛЯХ

Дело о взрывах бомб в Тренто явилось примером, когда возможность выявить и наказать организаторов

стратегии террора была близка к осуществлению. На рубеже 1976—1977 годов различные государственные органы, наперебой обвиняя друг друга, снабдили следствие большим количеством ценной информации. Так стало известно о секретнейших совещаниях на высшем уровне в Риме и в Тренто в 1972 году.

7 ноября 1972 года левацкая газета «Лотта континуа», рупор одноименной организации, публикует сенсационный материал под заголовком «Тренто, 18 января 1971 года: полиция организует акцию, которая должна стать массовым убийством». В статье утверждалось, что газета располагает признанием некоего молодого человека, лично, по заданию полицейских, устанавливавшего бомбы. Далее газета писала: «Нам известно и о существовании секретного доклада СИД по поводу найденных в здании суда бомб, где указывается, что проведенное расследование дает основания считать это делом рук «полицейского корпуса», а посему расследование лучше прекратить».

8 ноября состоялись два закрытых совещания: одно — в Тренто с участием правительственного комиссара Аугусто Бьянко, квестора Леонардо Музумечи и полковника финансовой гвардии Сальваторе Монте; другое — в Риме, в министерстве внутренних дел, с целью определить линию поведения в отношении газеты. Несколько дней спустя полицейское управление Рима обвинило газету в «распространении тенденциозной информации с целью спровоцировать общественные беспорядки». Против газеты был начат процесс, тянувшийся почти три года и завершившийся оправданием «Лотта континуа» с размытой формулировкой — «ввиду того, что сам факт публикации не является преступлением».

Тем не менее выступление газеты вызвало формальное расследование дела о несостоявшихся взрывах. В июле 1976 года судья из Тренто подписал ордер на арест Серджо Дзани, которого «Лотта континуа» еще с 1972 года называла непосредственным организатором преступления. Но большой шум вызвал арест 17 декабря 1976 года полковника финансовой гвардии Лучио Сирагузы, возглавлявшего в 1971 году в Тренто спецслужбу гвардии. Обвинение грозило ему каторгой за участие в организации взрывов, хранение и перевозку взрывчатки. Вместе с полковником был арестован его подчиненный, фельдфебель Сальваторе Сайя. Ордер на их арест был

выдан на основании донесения офицера корпуса карабинеров Микеле Санторо, в котором утверждалось, что взрывчатка была передана трем контрабандистам спецслужбой финансовой гвардии. Эти трое — осведомители службы, якобы передали взрывчатку Серджо Дзани и его соучастнику Клаудио Видману, изготовившим взрывное устройство и вернувшим его контрабандистам для установки на месте взрыва.

Казалось, все ясно, и развязка близка. Однако до финала было далеко. 21 декабря 1976 года главное командование финансовой гвардии распространило коммюнике, утверждавшее, что «оба подследственных военнослужащих в течение всей их службы действовали в рамках дозволенного и неукоснительного соблюдения законности»⁹.

Это было объявлением войны. Из Рима судьям Тренто поступило подробное досье, доказывавшее, что вина за неудавшиеся покушения лежит на СИД, полиции и карабинерах. Досье представляло собой кладезь ценнейшей секретной информации: служебных записок, протоколов заседаний на высшем уровне и т. д., — подтвержденной в ходе тщательной следственной проверки. В результате 27 января 1977 года были арестованы заместитель начальника полицейского управления города Саверио Молино, полковник корпуса карабинеров Микеле Санторо и полковник СИД Анджело Пиньятели. Обвинение против Молино было очень серьезным: упущения по службе, подлог при исполнении служебных обязанностей, лжесвидетельство и соучастие в преступлении. В том же, кроме подлога, обвинялся Санторо. Пиньятели обвинялся лишь в содействии преступлению. Впервые три высокопоставленных чиновника различных учреждений были арестованы за преступление, связанное с политическим терроризмом.

Каждый из трех в недавнем прошлом являлся действующим лицом событий «стратегии напряженности». Саверио Молино много лет руководил политическим отделом полиции Падуи: здесь в 1969 году в квартире Эудженио Риццато были найдены планы антигосударственных акций, принадлежащие секретной организации, которая станет известна позже как «Роза ветров». Вместо того чтобы поставить в известность об этом судебные органы, Молино вернул документы Риццато, сделав их

фотокопии, направленные затем в отдел тайных дел. Тогда же он взял под контроль телефон Фреды, но сдал пленки с записанными разговорами в архив, хотя в них и содержались серьезные улики подрывной деятельности неофашиста.

Не менее серьезные грехи числились и за Санторо. Накануне политических выборов 7 мая 1972 года патрулем финансовой гвардии был задержан неофашист Луиджи Бьондаро, перевозивший в микроавтобусе большую партию оружия. Бьондаро заявил, что выполняет поручение «полковника карабинеров Санторо», и был немедленно отпущен. Примерно в то же время Санторо вел следствие по делу о дневниках Пизетты¹⁰. Наконец, не совсем выяснена роль, которую Санторо сыграл в событиях, происшедших в Милане за несколько часов до убийства полицейского Марино. Пользуясь дружбой с семьей начальника полиции Лоя, он, видимо, сумел передать в тюрьму отпрыску друзей некоторые советы, которые в конце концов повредили юноше, но спасли от возможного привлечения к суду руководителей МСИ.

Имя полковника Пиньятели возникло в хронике терроризма, когда в ходе расследования деятельности «Розы ветров» выяснилось, что он, занимая пост начальника веронского центра контрразведки, стер магнитофонные записи компрометирующих телефонных разговоров подполковника Амоса Спяцци и других членов «теневой» группы.

Появление досье и последовавшие за этим аресты свидетельствовали, что у «параллельной службы» своя логика. Именно этим можно объяснить тот факт, что фашист Бьондардо не только не был арестован финансовой гвардией, но вовсе не попал в зону внимания следственных органов и продолжал посещать штаб трентинских карабинеров и даже участвовать в официальных соревнованиях по стрельбе. Тогда как с другими обвиняемыми по делу о бомбах поступили иначе, взяв их в суровый оборот. Один из второстепенных обвиняемых по этому делу, Энцо Ферро, служивший в свое время в армии под началом бывшего тогда майором Амоса Спяцци, рассказал о существовании в Тренто ячейки «Розы ветров», в которую, кроме местных представителей левой террористической организации «национальный авангард», входили почти все участники расследуемого дела — от полков-

ника Санторо до Дзани и Видмана. Ферро прямо возложил ответственность за подготовку взрывов на эту ячейку. Предварительное следствие подтвердило наличие тесных контактов Ферро со своим бывшим командиром, заставив более внимательно отнестись к его показаниям.

Однако вскоре следствие по делу о «Розе ветров» было передано в Рим. По требованию главного прокурора Симеони туда были переданы и материалы допросов, связанных с деятельностью Пиньятели и Санторо, однако столичные судебные органы не проявили к ним особого интереса. не захотев увидеть очевидной связи между двумя делами. Допрошенный в тюрьме в связи с показаниями Ферро Спьяцци, разумеется, отрицал все: и существование трентинской ячейки «Розы ветров», и свое знакомство с полковником Санторо. Тем не менее связи двух главных обвиняемых по делу о бомбах, обнаруженных в Тренто карабинерами, с СИД и финансовой гвардией, судя по материалам следствия, были признаны неоспоримыми. В деле есть показания одного свидетеля, которому Дзани как-то признался, что «полиция шантажировала его, предъявив доказательства контрабандистской деятельности, и обещала Дзани «забыть» об этом, если тот согласится сотрудничать, взявшись за установку бомб. Он подложил одну под памятник павшим в войне, а другую не то в здании суда, не то в квестуре, где должно было состояться какое-то совещание»¹¹.

31 января 1977 года припертый к стене доказательствами полковник Санторо сослался на пресловутые «военно-политические секреты».

В ходе расследования обнаружилось, что в мае 1971 года и Санторо, и Пиньятели направили соответствующим вышестоящим командирам, то есть Грассини и начальнику отдела «Б» Гаске Куеиранце, рапорты, ложно излагающие историю с найденными бомбами и называвшие виновниками событий капитана финансовой гвардии Сарагузу, его сотрудника, фельдфебеля Сайю, а также Дзани, Видмана и нескольких контрабандистов.

Полковник Грассини тотчас переслал рапорт командира 1-й дивизии «Пастренго» генералу Верри, который в свою очередь проинформировал главнокомандующего корпуса карабинеров Коррадо Сан Джорджо. Он же лично 5 июня 1971 года доложил о содержании рапорта министру внутренних дел Рестиво, учитывая, что в

донесении говорилось об участии в деле полиции Тренто. Конечно же, предварительно об этом был проинформирован министр обороны Танасси и, как считает судья Симеони, глава правительства на основании статьи 28 Устава корпуса карабинеров, предписывавшей прямой доклад главе правительства в особо серьезных случаях.

Одним словом, летом 1971 года политические и военные руководители страны были в курсе событий в Тренто, но никто не подумал поставить в известность об этом судебные инстанции или командование финансовой гвардии, что следовало бы сделать уже потому, что именно ее сотрудники обвинялись в серьезном преступлении. Прокурор Симеони написал по этому поводу: «Многие в то время знали о необоснованности обвинений против сотрудников финансовой гвардии, поэтому и не проинформировали ее командование, боясь, что первое же вдумчивое следствие опровергнет эту версию и выявит истинных виновников».

В конце концов дело обрело целых три версии: официальную, возлагавшую ответственность на «неизвестных лиц»; версию, изложенную в рапортах СИД и корпуса карабинеров, называющую организатором преступления финансовую гвардию и с которой были ознакомлены политические руководители страны, и, наконец, версию, выдвинутую «Лотта континуа», указывающую на полицию Тренто как на главного преступника.

Эти-то версии обсуждались на двух секретных совещаниях 8 ноября в Риме и Тренто. В них принимали участие представители политических и военных властей, а также авторы фальшивых донесений Санторо и Пиньятели и, совсем уже в духе Кафки, начальник спецслужбы финансовой гвардии полковник Монте, пребывавший не в курсе дела до самой последней минуты. Эта игра длилась до конца 1976 года, когда наконец началось расследование дела о бомбах в Тренто.

Итак, взаимоотношения спецслужб и правоохранительных органов мы охарактеризовали словом «защита». Но случай со складом оружия, «обнаруженным» в ноябре 1972 года в Камерино, уже выходил за рамки просто защиты противозаконной деятельности службы и карабинеров и являлся преднамеренной провокацией.

Утром 10 ноября в заброшенном хлеву, в нескольких километрах от небольшого городка в области Марке, было обнаружено несколько ящиков с гранатами, пулеметы, винтовки, взрыватели со взрывчаткой, а также с десяток страниц закодированного текста. После расшифровки оказалось, что это списки людей, подлежащих уничтожению или похищению, списки членов организации из числа левых внепарламентских групп и, наконец, перечень хранящегося в хлеву оружия с указанием, где оно приобретено. На следующий день газеты «Темпо» и «Ресто дель Карлино» опубликовали сообщение о необычайной находке. Сразу же бросилась в глаза удивительная осведомленность авторов статей как о том, что арсенал принадлежит «внепарламентским левым», так и о происхождении оружия,— то, что станет известно лишь через несколько дней после расшифровки найденных бумаг.

Были арестованы два значащихся в списке молодых человека—Паоло Фаббрини и Карло Гуаццарони, и начались повальные обыски у других, значащихся там же. Заодно обыски были произведены в квартирах членов местной ячейки Коммунистической федерации молодежи. Экспресс-следствие проводил командир карабинеров городка Камерино капитан Джанкарло Д'Овидио¹². Уже с первых шагов Д'Овидио местные левые организации выступили с обвинением против него как против исполнителя грязной провокации, что не помешало двум парням провести в тюремной камере несколько месяцев, пока их не выпустили на поруки. Следствие растянулось на годы, и лишь 28 апреля 1976, когда судебный следователь из Камерино Пьетро Аббритти, посчитав имеющиеся улики недостаточными, оправдал всех обвиняемых.

Впоследствии прокуратура Анконы опротестовала приговор, и следственный отдел апелляционного суда вновь вызвал всех подозреваемых. Однако 7 декабря 1977 года суд присяжных города Мачераты вновь целиком оправдал всех.

Истина всплыла несколько лет спустя, когда стало известно о докладной записке, поданной подполковником Виеццером судье Сике в ходе следствия по делу о смерти Мино Пекорелли. В ней Виеццер рассказывает о провокационной деятельности некоторых отделов СИД, в частности команды, подчиненной Лабруне. «Следуя приказам генерала Мичели, фельдфебель Эспозито накануне

политических выборов 1972 года вместе с капитаном Лабруной участвовал в установке взрывных устройств в помещениях МСИ, чтобы, выставив ее жертвой левого террора, привлечь к ней симпатии избирателей и отнять голоса у ИКП и в целом у левых партий, на которые должна была возлагаться вина за взрывы... Тем же руководствовался майор Джанкарло Д'Овидио, который тогда же, будучи командиром карабинеров Камерино, организовал с помощью Лабруны и, возможно, Эспозито склад с оружием, а после его обнаружения обвинил в этом левых (процесс Гуаццарони)»¹³.

Похожее заявление сделал двумя годами раньше неофашист Стефано Делле Кьяйе, давая интервью журналисту Романо Канторе. «Все это оружие, взрывчатка и зашифрованные документы были подготовлены Лабруной с целью начать антикоммунистический крестовый поход». На вопрос журналиста: «Отдаете ли вы отчет, насколько серьезно ваше утверждение?» — Делле Кьяйе ответил: «Если Лабруна будет все отрицать, мы ему кое-что напомним, назвав имена и фамилии тех, кто снабдил его оружием и взрывчаткой и подготовил шифровки»¹⁴. Цель этого интервью, данного сразу же после ареста Малетти и Лабруны, очевидна: подставить ножку сопернику шефа СИД и его правой руки. Но это не лишает заявление неофашиста определенной ценности. Два столь разных, но одинаково хорошо осведомленных источника, подтверждая друг друга, называют организатором провокаций капитана Лабруну. Правда, подполковник Виеццер был более откровенным, добавив, что тот «выполнял распоряжения генерала Мичели», то есть подчеркнул, что в какое-то время команда Лабруны как бы лишилась статуса оперативного подразделения, подчиненного отделу «Б», и превратилась в исполнителя противозаконных приказаний главы службы.

КЛАУДИА АЙЕЛЛО И ВЗРЫВ В ПОЕЗДЕ «ИТАЛИКУС»

Ночь с 3 на 4 августа 1974 года, 1 час 20 минут. Экспресс «Италикус», следовавший по маршруту Рим — Монако, находился в тоннеле Сан-Бенедетто, когда страшный взрыв вдребезги разнес пятый вагон. Трагическим результатом явились 12 убитых и 48 раненых.

Кровопролитие, о котором заранее была предупреждена Италия, совершилось.

Действительно, уже 8 июля начальник полиции Лой направил всем начальникам отделений железнодорожной полиции телеграмму, в которой говорилось: «Объявить постоянную тревогу на железной дороге в связи с поступающими сигналами о готовящемся взрыве... принять все возможные меры, повесить бдительность персонала и охраны... осуществлять регулярные и тщательные проверки... подозрительных пассажиров, багажа и пустых вагонов, где могут быть спрятаны взрывные устройства»¹⁵.

Позже, неожиданно и без всякого объяснения, министр внутренних дел отменил меры предосторожности.

17 июля депутаты Альмиранте и Ковелли — секретарь и президент МСИ, проинформировали начальника инспектората по борьбе с терроризмом Сантилло о возможном взрыве в поезде «Палатино» на подходе к станции Тибуртина, о чем, по их словам, стало известно от близкого к партии адвоката. В качестве возможного исполнителя террористического акта адвокат назвал Да-вида Айо, аспиранта-физика. Попытка бросить тень на члена ИКП Айо провалилась уже через несколько часов, что же касается имени загадочного адвоката, друга депутатов-неофашистов, то о нем так ничего и не удалось выяснить.

Сообщения о возможных взрывах в поездах поступали в квестуры разных городов Италии, в частности Рима, Бари, Венеции.

Такой тревожной и напряженной была атмосфера в стране, когда утром 31 июля Клаудиа Айелло, сотрудница районного отделения СИД в Риме, подчиненного полковнику Марцелло, зашла в лавку, где торговали лотерейными билетами, и, позвонив по висящему на стене телефону-автомату, сказала следующее: «Бомбы готовы... поезд прибудет в Болонью... машина отвезет вас в Местре... не волнуйтесь, паспорта в порядке... перейдете границу... не беспокойтесь»¹⁶.

Этот разговор слышали три присутствовавших в лавке человека: две женщины, служащие в лавке, и клиент, которые после ухода девушки, потрясенные ее словами, обсудили услышанное. С того дня клиента, регулярно появлявшегося в лавке в течение двух последних лет,

никто больше не видел, а женщины обратились в полицию лишь на следующий день после взрыва в экспрессе.

Айелло еще не раз заходила в лавку для того, чтобы позвонить, но, так как там было много народу, женщины не слышали, о чем она говорила.

На допросе девушка не отрицала, что она часто пользовалась телефоном лотерейной лавки, но категорически отрицала, что когда-либо говорила о бомбах. «Скорее всего те, кто слышал мой разговор,—заявила она,—неправильно восприняли мое шутовское обращение к маме, которую я зову «секс-бомба»».

Тем временем личность Клаудии Айелло обростала довольно интересными подробностями. Ее отец, полковник корпуса карабинеров, до своей смерти в 1971 году являлся консультантом межпарламентской комиссии по расследованию деятельности мафии на Сицилии. Мать, греческая гражданка, с давних пор использовалась СИД в контрразведывательных акциях. Клаудиа, официально принятая на работу в службу в качестве переводчицы 1 июля 1974 года, на самом деле сотрудничала с ней уже с 1967 года, будучи завербованной другом семьи, майором карабинеров Доменико Монти, занимавшим тогда должность секретаря управления центров контрразведки Рима¹⁷.

Вообще семья Айелло была в самых сердечных отношениях со многими сотрудниками секретных служб. В свидетельских показаниях на суде генерал Марцолло сказал, что подружился с Айелло в Брессаноне в далеком 1964 году, когда командовал местным отделением карабинеров.

Давние связи семьи со службой подтверждает и содержание записки СИД, переданной судьям Болоньи. «Сначала управление центров контрразведки Рима пользовалось услугами Креузи Марии, гречанки по рождению. С помощью семьи Айелло (мать, дочь, иногда отец), а также с подключением других людей были проведены акции...» Далее следует купюра, «компенсированная» припиской: «...контрразведывательного характера». Затем читаем: «В последнее время синьорине Клаудии Айелло, которая постепенно заменила мать в работе на УЦКР с целью сбора более подробной информации о деятельности греческой иммиграции в Италии, было предложено войти с нею в контакт, используя личные

знакомства... на самом высоком уровне...» Тот факт, что девушка среди марксистов Рима имела много знакомых, был хорошо известен органам контрразведки»¹⁸.

Перед нами самая настоящая шпионка, внедренная в ИКП и среду греческих иммигрантов. Правда, на допросах Айелло всегда утверждала, что вступила в компартию по собственной инициативе и что руководители службы обещали не обращать внимания на ее политические взгляды. Совершенно обратное заявил адмирал Казарди: «Как мне стало известно, при содействии службы Айелло вступила в ИКП, чтобы придать большую эффективность сотрудничеству девушки с нами»¹⁹. Айелло вступила в ИКП именно в июле 1974 года, когда ее отношения с СИД обрели официальную форму.

В ходе процесса капитан Ло Стумбо, тогдашний заместитель начальника центра контрразведки по средиземноморскому сектору, заявил: «Не исключено, что квартира на улице Казал Бертоне, куда переселилась девушка, по ее утверждению, из-за ссоры с матерью, была подобрана с помощью службы»²⁰. Эта квартира находилась неподалеку от типографии греческих иммигрантов в квартале, где Айелло посещала секцию федерации коммунистической партии как сочувствующая, а позже как ее член.

Вот такая разносторонняя личность 31 июля 1974 года разговаривала с кем-то по телефону о предстоящем массовом убийстве. 9 августа полиция, получив показания двух служащих лотерейной лавки, сообщила их дежурному судебному следователю Паолино Дель Анно, однако тот вызвал женщин на допрос только 24 августа. Еще неделя ему понадобилась, чтобы отослать их свидетельства в болонскую магистратуру. Таким образом, следователь, которому поручили дело о взрыве, получил столь важные сведения спустя два месяца после преступления.

Нет смысла говорить, что как в этом случае, так и позже сотрудничество СИД со следствием практически равнялось нулю. Вызванный 22 августа на допрос генерал Малетти сообщил, что СИД не предпринимала никакого расследования обстоятельств взрыва в «Италикусе»²¹.

17 мая 1976 года прокурор Велла вновь обращается в СИД за информацией. Дело в том, что после упомянутого выше допроса, выйдя из здания суда, Малетти заявил собравшимся журналистам следующее: «В настоящее вре-

мя мы не располагаем возможностями распространять наши расследования за пределы страны, но скоро все будет иначе»²².

Напомнив об этом обещании, прокурор поинтересовался у СИД, не имеет ли она какой-либо информации, относящейся к делу о взрыве, полученной из зарубежных источников службы.

На это ему ответил генерал Казарди: «Как уже говорилось, СИД не проводила ни раньше, ни тем более в последнее время никакого специального расследования по делу о взрыве, поскольку оно не входит в компетенцию службы, и, обрабатывая полученную информацию, не обнаружила никаких полезных для следствия сведений»²³.

Невероятный ответ, которым руководитель СИД как бы расписывается в несостоятельности службы, чего она явно не заслуживает. Видимо, так же считает и Велла, потому что через пять дней повторно обращается к ее главе: «...любезно прошу Ваше Превосходительство сообщить, проводила ли Ваша Служба какое-либо расследование по данному вопросу и если да, то каковы результаты. Считаю совершенно возмутительным и невозможным безразличное отношение к случившемуся специализированного учреждения, предназначение которого — гарантировать безопасность нашей страны и ее институтов». И эта попытка бесполезна: 16 июля Казарди в письме № 04/21.049/01 слово в слово повторил свой предыдущий ответ²⁴.

Переписка между шефом СИД и прокурором будет длиться еще долго, захватив период, когда в поле зрения следствия попадает и масонская ложа «П-2». Апогей наступит 4 июля 1977 года — адмирал напишет следователю: «...СИД не располагает какими-либо сведениями о ложе «П-2»... а также информацией о принадлежности к ложе Личо Джелли...»²⁵

Заметим, что это написано шесть месяцев спустя после перестройки ложи, с вовлечением в нее многих сотрудников СИД. Кроме того, как установила парламентская следственная комиссия по делу ложи «П-2», к этому времени Личо Джелли являлся давним агентом-осведомителем СИД под всевдонимом Филиппо.

Однако в письме руководителя службы сообщается кое-что новое о Клаудии Айелло. Впервые официально

признается, что она «была задействована в сборе информации среди греческих иммигрантов и ряде контрразведывательных акций»²⁶. Кроме того, к письму была приложена уже упоминавшаяся записка СИД с девятью купюрами на пяти страницах текста.

14 мая 1982 года во время процесса председатель суда присяжных Болоньи потребовал от главы службы представить полный текст документа, но получил ответ, что купированные строки «представляют собой государственный секрет».

Согласно незадолго до этого принятому закону о секретных службах, наличие секретности должен был подтвердить глава правительства. Появилась надежда, что Спадолини, занимавший тогда этот пост, даст отрицательный ответ на этот вопрос, делом доказав желание правительства сорвать покровы с тайн, скрывающих многие трагические события в стране. Однако в сентябре 1982 года премьер-министр подтвердил наличие секретности в записке СИД. После чего он обязан был объяснить все межпарламентской комиссии по службам информации и безопасности, его «спас» разразившийся правительственный кризис, в результате которого Спадолини лишился кресла главы правительства.

Была утрачена последняя возможность пойти по следу, который мог бы привести к преступникам и подтвердить или опровергнуть ряд предположений, например выдвинутое в свое время главным прокурором Персико: «...через Айелло... в июле 1974 года так называемые «параллельные службы» обменивались предупреждениями, какими пользуются органы безопасности стран-союзниц, когда становится известно о каких-либо серьезных акциях, в частности покушениях»²⁷.

Одновременно с процессом по делу о взрыве в экспрессе претор Ленци начал 27 апреля 1982 года судебный процесс против Клаудии Айелло по обвинению в лжесвидетельствовании. Совершенно неожиданно этот второстепенный процесс оказался очень громким: в ходе слушаний, завершившихся 27 января 1983 года, вновь всплыли лицемерие руководства СИД, а также судьи Дель Анно, первым собравшего свидетельские показания летом 1974 года. Выяснилось, что Айелло занималась главным образом расшифровкой подслушанных телефонных разговоров и что квартира на улице Аурелиана была

далеко не захудалой явкой службы, а одной из главных, хорошо оборудованных конспиративных баз управления центров контрразведки Рима²⁸. С «хозяином» квартиры полковником Вентури тесно сотрудничала Айелло.

Стало также известно, что капитан Ло Стумбо сопровождал Айелло и ее мать на допрос к судье Дель Анно и что последний в нарушение закона разрешил капитану присутствовать при допросе.

Завершая процесс, претор, «учитывая особый вред, нанесенный лжесвидетельством, процессу, направленному на выявление виновных в организации взрыва», приговорил Айелло к двум годам тюрьмы, «нисколько не сомневаясь, что Айелло, в течение восьми лет шедшая по пути преступлений, в будущем вряд ли исправится».

Кроме того, претор распорядился переслать материалы суда в прокуратуру для возбуждения дела против Марцелло, Ло Стумбо, Сассо и двух их подчиненных по обвинению в даче ложных показаний. И наконец, он приказал направить данные процесса в прокуратуру Перуджи для привлечения к суду судьи Дель Анно за нарушение закона.

ДЕЛО СОНЬО

Следствие по делу подготовки Эдгардо Соньо «белого путча», которое вел туринский судья Лучиано Виоланте, также можно смело включить в длинный список следствий, сорванных совместными усилиями спецслужб, отказавшихся представить необходимые следствию документы, и римской магистратурой, этим бездонным омутом, поглотившим немало серьезных расследований. Но настойчивость и большой юридический опыт судьи придали этому делу громкий резонанс, что повлекло за собой два решения конституционного суда, ставших затем краеугольными камнями начавшегося процесса переоценки и изменения понятия государственных секретов.

В ходе следствия судья посчитал необходимым приобщить к делу все документы, связанные с деятельностью Эдгардо Соньо, находящиеся в архивах СИД. 27 января 1975 года он послал главе службы запрос об этом. 12 февраля СИД переслала ему несколько страничек, причем сильно правленных; иногда купюры покрывали всю страницу. В сопроводительной бумаге указывалось,

что это — единственное, чем может поделиться служба, ибо все остальные имеющиеся в ее распоряжении документы относятся к категории секретных, поскольку связаны со «спецзаданиями контрразведывательного характера».

Получив такой ответ, судья обратился к главе правительства — им стал Альдо Моро — с просьбой подтвердить наличие государственных секретов в затребованных материалах. 4 июня 1975 года Моро ответил, что они действительно относятся к «области, связанной со специфической контрразведывательной деятельностью, и содержат сведения об иностранцах, агентах-осведомителях, шифры разведывательных операций и другую информацию, затрагивающую политические и военные интересы государства, не подлежащую разглашению»²⁹. Тем не менее глава правительства добавлял: «Однако с объективной точки зрения содержание этих документов не носит секретного характера», а посему, после купирования отдельных данных, они могут быть переданы следствию. 18 июля 1975 года судья получил 71 страницу текста, столь густо замаранного рукой цензора, что понять смысл оставшихся нетронутыми абзацев было просто невозможно. Под предлогом законного права вычеркивать имена агентов-осведомителей и другие сведения о подразделениях СИД и проводимых ими операциях служба скрыла данные, которые скрывать не имела права, поскольку они, как отметил сам премьер-министр, «не носили секретного характера» и относились к «деятельности указанного лица, направленной на поиски приобретения поддержки и финансовой помощи для своих пропагандистских акций».

Учитывая последнее, судья вновь, 28 января 1976 года, потребовал от СИД передачи ему всех документов об отношениях Соньо и службы. 9 февраля служба ответила заявлением, что эти отношения носили конфиденциальный характер, а в ответ на требование о выдаче необходимой информации о Луиджи Кавалло направила судье две страницы из досье на последнего с припиской, что остальные документы также секретны. 4 февраля 1976 года судья вызвал генерала Мичели, который на вопрос, не получал ли он когда-нибудь финансовой поддержки от Соединенных Штатов, ответил, что эти данные секретны.

12 февраля и 15 апреля Виоланте обратился к Моро с просьбой подтвердить, что вопрос, связанный с вышеупомянутым финансированием, действительно является секретным³⁰. Ответа из канцелярии главы правительства он так и не дождался. Продолжать следствие в такой обстановке судье представлялось бессмысленным. Он хотел выяснить, не было ли среди получателей 800 тысяч долларов, которые ЦРУ передало Мичели «на проведение пропагандистской кампании», кого-либо из обвиняемых. Однако ширма секретности, возведенная Моро и Мичели вокруг службы и ее деяний, стала непреодолимой стеной на пути поиска ответов на жгучие вопросы.

5 мая 1976 года туринский судья, выдав ордер на арест Соньо и Кавалло, поставил перед конституционным судом два вопроса: о противоречивости в компетенциях различных государственных ведомств и о соответствии конституции страны двух статей Уголовно-процессуального кодекса. Одновременно судья выразил протест против принятого решения о передаче расследования в Рим и заявил, что самоустраняется от участия в нем в связи с невозможностью работать в сложившейся ситуации³¹.

3 марта 1977 года конституционный суд, рассмотрев первый из вопросов, поставленных Виоланте, касающийся полномочий и права судебных органов требовать передачи им всех необходимых документов, в данном случае об Эдгардо Соньо, признал законность позиции судьи. В своем решении суд подтвердил право главы правительства объявлять тот или иной документ секретным, но тем не менее согласился, что одновременно это создает помеху сбору доказательств, необходимых для эффективного расследования уголовного дела. То есть признавалось правомерным обращение к суду для решения вопроса о том, что важнее в каждом конкретном случае — сохранение секретности исполнительными органами или же требование судьи, ищущего истину. Это было важное решение, поскольку впервые узаконивалось право отдельных судебных органов вступать в спор по этому вопросу. Что касается данного случая, то есть законности запрета главы правительства на передачу Виоланте материалов на Соньо, то сам следователь должен был теперь, после решения суда, в течение 20 дней выполнить ряд формальностей, необходимых для

получения этих материалов, а значит, и для продолжения расследования. Однако Виоланте не стал ничего делать: все документы следствия уже находились в Риме. Тем не менее был создан прецедент, на который отныне мог бы сослаться любой судья, оказавшийся в подобной ситуации.

Еще более важным стало следующее решение конституционного суда, по вопросу, опять-таки поставленному Виоланте, о конституционной законности статей 342 и 352 Уголовно-процессуального кодекса, в частях, касающихся толкования понятия секретности. Судья заметил, что в принятой трактовке эти статьи практически являются «препятствием, из-за которого следователь не имеет никакого права голоса, и решение принадлежит исключительно исполнительной власти»³².

И в этом случае суд признал правоту Виоланте, объяснив как противоречащие конституции обе статьи кодекса в части, где признается право главы правительства игнорировать требование в определенный срок объяснить причины, побудившие присвоить любому документу разряд секретности. Отныне он не имел права оставлять это требование без ответа.

Подобное решение конституционного суда было прямым предвестником новой интерпретации понятия секретности, на чем, как мы уже говорили, настаивал ряд политических партий. Впервые высшая судебная инстанция решилась вынести собственное суждение по этому вопросу, и такое решение можно расценить как историческое, поскольку оно открывало дорогу новым принципам, нашедшим свое воплощение в законе о реформе секретных служб.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VII

¹ Рокка был найден мертвым в полдень 27 июня 1968 г. в своем кабинете на улице Баберини, 86. Он служил в СИД до 30 июня 1967 г., после чего перешел на работу в бюро, занимающееся коммерческой деятельностью и принадлежащее формально ФИАТ. На самом деле бюро являлось конспиративной базой контрразведки, а сотрудники — отставниками министерства обороны. Секретарша когда-то даже служила в отделе РЕИ службы.

² Atti dell'istruttoria del processo Valpreda, v. 1, parte 1, foglio 183biss.

³ С. Mosca. Catanzaro, processo al Sid, Roma, Editori Riuniti, 1978, p. 108.

⁴ I. Paolucci. Il processo infame. Milano, Feltrinelli, 1977.

⁵ Что касается этого решения, Андреотти в июне 1974 г. заявил в интервью журналу «Мондо»: «Было создано совещание в Палаццо Киджи», — но позже отрицал, что произнес такие слова. Для оценки поведения принимавших участие в совещании бывших министров Румора и Танасси была создана парламентская следственная комиссия, которая 24 августа 1981 г. сняла с них обвинения в содействии преступлению и лжесвидетельстве. Одновременно комиссия оправдала и действия Андреотти и Дзагари. Однако если последний был оправдан абсолютным большинством голосов, то бывшие министры собрали только арифметическое большинство. Это позволило призвать их к ответу перед лицом совместного заседания обеих палат парламента, которое и должно было решить, обоснованы ли выдвинутые против них обвинения. 18 марта 1982 г. троица была оправдана, получив большинство голосов за счет партий правительственной коалиции, и темные страницы этой истории так и остались непрочитанными.

⁶ См.: Atti dell'istruttoria sulla Rosa dei venti. Fascicolo di documenti sequestrati dal giudice Tamburino nella sede del Sid, ib 10 ottobre 1974.

⁷ Sentenza istruttoria del giudice Zinani del 25 giugno. 1976, p. 44, 45.

⁸ "L'Unità", 17 novembre 1980.

⁹ "Corriere della sera", 29 gennaio 1977.

¹⁰ См. главу VIII.

¹¹ Atti del tribunale di Roma, tomo 1, foglio 17, fascicolo G, Requistoria del pubblico ministero Simeoni, p. 16, 64.

¹² Капитан Д'Овидио значился в списках Джелли под № 1654.

- ¹³ Atti dell'istruttoria del giudice Sica: memoria difensiva del tenente colonello Viezzer consegnata il 3 agosto 1981.
- ¹⁴ "Panorama", 4 maggio 1976.
- ¹⁵ Minisero degli interi. Direzione generale pubblica Sicurezza. Telegamma № 300/51320/86. E. 6. Atti dell'istruttoria del giudice Vella, fascicolo S/20.
- ¹⁶ Interrogatorio di R. Carosi, dinanzi al giudice Vella, del 7 novembre 1974.
- ¹⁷ См.: Appunto interno del Sid datato 19 novembre 1974, inviato al giudice Vella il 4 luglio 1977;
Corte d'Assise di Bologna. Interrogatorio del maggiore Antonio Lo Stumbo del 6 maggio 1982.
- ¹⁸ Appunto datato 19 novembre 1974, inviato al giudice Vella il 4 luglio 1977.
- ¹⁹ Interrogatorio ammiraglio Casardi del 21 novembre 1974 dinanzi al giudice Vella.
- ²⁰ Interrogatorio del 6 maggio 1982.
- ²¹ См.: Testimonianza del generale Maletti, del 22 agosto 1974. Fascicolo 17/57.
- ²² Nota del giudice istruttore Vella al capo del Sid del 17 maggio 1976. Atti istruttoria, fascicolo 59/1.
- ²³ Servizio informazioni difesa, nota № 04/15370/10, del 1 giugno 1976.
- ²⁴ См.: Nota del giudice istruttore Vella al capo del Sid del 22 giugno 1976. Atti istruttoria, fascicolo 59/9.
- ²⁵ Nota del capo Sid № 04/16450/0/1 del 4 luglio 1977.
- ²⁶ Nota del capo del Sid № 04/16450/0/1.
- ²⁷ Reguistoria del pubblico ministero Luigi Persico del 27 ottobre 1979, p. 22.
- ²⁸ Сюда переправлялись арабские террористы, готовившие бойню в аэропорту Фьюмичино.— См.: La sentenza del pretore Lenzi del 27 gennaio 1983. Мауро Вентури, который окажется замешанным в деле «Розы ветров», был в описываемое время секретарем полковника Марцолло.
- ²⁹ Ricorso del giudice Violante alla Corte Costituzionale Giur. Cost., 1976, 11, p. 530.
- ³⁰ Ibidem.
- ³¹ См.: Sentenza del giudice F. Amato, E. Sogno, Il golpe bianco. Milano Edizioni dello Scorpione, 1978:
Corte costituzionale, ordinanza № 49 del 3 marzo 1977; Il testo completo in Giur. Cost., 1977, p. 581.
- ³² Corte costituzionale, sentenza № 86 del 24 maggio 1977.

Глава VIII

СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ И ЛЕВЫЙ ТЕРРОРИЗМ

МАРКО ПИЗЕТТА

Первым из числа представителей левого терроризма, чьи связи с секретными службами стали достоянием гласности, был Марко Пизетта. Вероятно, он давно уже состоял в осведомителях полиции, когда весной 1972 года с ним установила контакты СИД. История отношений с «красными бригадами» берет начало 2 мая того же года, когда он был арестован в Милане, на пороге квартиры на улице Дельфино.

В 1969 году этот 26-летний электротехник из Тренто совершил несколько террористических актов против сотрудников городской администрации и больше года скрывался от правосудия. Сдавшись властям в марте 1970 года, Пизетта был отпущен на свободу уже 30 мая; из трех лет, которые ему определил суд, два были «прощены». Уж не тогда ли взяла над ним «шефство» спецслужба?

Будучи арестованным 8 мая 1972 года, Пизетта сразу же выразил готовность сообщить «некоторые сведения». Освобожденный через три дня в обмен на адрес оружейной мастерской в Турине, он перебрался в Инсбрук. Здесь его настигли карабинеры.

27 июня 1972 года в казарме карабинеров в Тренто — их начальником в то время был подполковник Микеле Санторо — Пизетта передал миланскому судье Чиро де Винченцо «исповедь» на 22 страницах. Главным в ней было обвинение в принадлежности к «красным бригадам» племянника Тольятти и некоторых генуэзских друзей. Правда, перед тем как излить душу перед специально вызванным из Милана судьей, Пизетта провел три дня в

обществе подполковника Санторо¹. О встрече Пизетты с судьей подполковник послал рапорт своему начальству, сообщив, что сразу после встречи электротехник «по договоренности с СИД» перебрался в безопасное место, «чтобы исключить возможность контакта с ним полицейских служб»².

Де Винченцо с самого начала не поверил откровениям Пизетты и после соответствующей проверки принял решение не давать делу юридического хода. Это сделал генуэзский судья Марио Сасси: в середине августа он выдал ордер на арест Витторио Тольятти и двух его друзей. Однако версия о «следе Тольятти» быстро оказалась под угрозой провала. И вот тогда на сцену выступили люди СИД. Они откопали Пизетту в Австрии, куда он к тому времени перебрался, и, угрожая тюрьмой за старые грехи, заставили переехать в Поки ди Салорно, на заранее снятую виллу. Согласно показаниям местных жителей, на вилле в течение двух недель постоянно находилось пять-шесть человек. Пизетта позже рассказал журналистам, что однажды двое из этой группы уехали куда-то и через несколько дней вернулись с пачкой отпечатанных на машинке бумаг, которые приказали ему переписать от руки. «Труд» Пизетты, на этот раз составивший 90 страниц, вновь поднимал тему террористической деятельности племянника лидера компартии и содержал сведения о начальном периоде жизни «красных бригад». Заверив подпись Пизетты у нотариуса в Мюнхене 29 сентября 1972 года, СИД помогла ему уехать в Германию.

В конце декабря, связавшись с корреспондентом еженедельника «АБЦ», Пизетта рассказал ему о шантаже спецслужбы, добавив, что не имеет ни малейшего отношения к сведениям, которые его заставили переписать.

Случилось так, что одновременно правая печать — «Боргезе», «Секоло д'Италия» и «Джорнале д'Италия» — начали публиковать выдержки из «признаний» Пизетты, а левая — «АБЦ», «Джорно» и «Лотта континуа» — их опровержение, сопроводив комментариями с обвинениями в адрес СИД³.

13 января судья Виола подписал распоряжение об изъятии из продажи на всей территории Италии упомянутых правых изданий, но после протеста юриста «Боргезе», сенатора Ненчини, распоряжение было отменено

сверху и еженедельник продолжил публикацию трех оставшихся частей фальшивки.

По ее горячим следам в Поки ди Салорно приехали несколько журналистов, но всем им дали от ворот поворот. Полицейский местечка, где находилась вилла, на которой СИД «работала» с Пизеттой, отгоняя от нее корреспондента «Джорно», объяснил, что «получил приказ фельдфебеля карабинеров из Салорно не подпускать к вилле никого и сообщать ему номера всех появившихся здесь машин»⁴. Корреспондент «АБЦ» был перехвачен патрулем карабинеров и доставлен в казарму в Эдне, где его уже ждал капитан.

Что касается переписанного Пизеттой документа — смеси лжи и правды, — то он представляет особый интерес. С одной стороны, это была очевидная попытка провокации — используя «выгодное» в пропагандистском плане имя, обвинить коммунистов в левом терроризме; с другой — в нем содержится немало достойного внимания следственных органов. Интересны, например, характеристики ряда лиц, объединившихся вокруг лингвистической школы «Иперьон» в Париже и ставших в 1979 году объектом расследования судьи Калоджеро. Неожиданная утечка информации тогда сорвала следствие еще до того, как оно началось. Представляется странным, что между 1972 и 1979 годами никто и не подумал «покопать» в этом направлении⁵.

Когда в 1975 году было обнаружено логово «бригадистов» в местечке Медилья, там среди множества документов нашлись материалы расследования «бригадистами» деятельности Пизетты во время его пребывания в Тренто⁶. Позже, давая показания, «бригадист» Фьорони отметил, что весной 1974 года «красные бригады» попросили организацию «пролетарская автономия», имевшую в Швейцарии ряд опорных пунктов, помочь подготовить убийство Пизетты, на чей след они напали в швейцарском городке Фрибурге.

По странному стечению обстоятельств «бригадисты» поручили расследование Альдо Бономи, человеку с сомнительной репутацией, в свое время помогавшему бежать в Израиль организатору взрыва на улице Фатенефрателли Джанфранко Бертоли.

ДЕЛО СОССИ

18 апреля 1974 года в разгар референдума о праве супругов на развод «красные бригады» похитили генуэзского судью Марио Сосси, специализировавшегося по делам внепарламентских левых групп. Правда, в последнее время он занялся проблемами международной торговли оружием, один из маршрутов которой шел через Геную. По этому вопросу судья в течение двух лет безрезультатно пытался добиться информации от секретных служб. А пока оказался в руках «бригадистов».

Спустя пять недель Сосси был отпущен, но сам факт освобождения и его поведение после этого вызывали недоумение. Действительно, судья не бросился к властям, как следовало ожидать, а тихо сел в поезд, добрался до Генуи и, позвонив из дома командованию финансовой гвардии, попросил о защите. Очевидно, не доверять другим ведомствам у Сосси были какие-то основания.

В последующие годы никакие новые факты не проявили причин его поведения. Пока же всплыли другие. В июне 1976 года еженедельник «Темпо» опубликовал объемный материал о том, что сразу же после похищения Сосси глава СИД Вито Мичели провел совещание с наиболее приближенными сотрудниками, в ходе которого выступил с идеей «похитить» адвоката Ладзанью, бывшего партизана, связавшегося в последние годы с группами террористов. Это нужно, как сказал Мичели, для того, чтобы, вывезя адвоката на конспиративную квартиру СИД, любой ценой заставить его назвать адрес, где «бригадисты» содержат Сосси. Статья оценивала предложение шефа СИД как инициативу, грозящую стать обычной в практике спецслужб. Журнал предположил, что эта операция должна была послужить прикрытием совсем иных целей СИД. Журнал приводил утверждение анонимного офицера службы, участвовавшего в секретном совещании: «Ладзанья никогда бы не назвал адреса «тюрьмы» Сосси, поскольку явно не знал его. На это укрытие должен был навести нас кто-то другой, кто действительно знал о нем. После этого оно должно было быть окружено и разгромлено. В нем предполагалось «обнаружить» трупы бригадистов, Сосси и Ладзаньи»⁷.

Признания офицера давались параллельно с интервью бывшего начальника отдела «Б» генерала Малетти по поводу «красных бригад»: «Летом 1975 года... мы чувствовали, что предпринимается перестройка организации... как еще более законспирированной группы, состоящей из людей, не вызывающих подозрения ни с точки зрения имущественного положения, ни с точки зрения культурного уровня... и с еще более кровавой программой... Боевики организации вербовались по всей Италии... истинные руководители предпочитали оставаться в тени, и я бы не сказал, что их можно назвать „левыми“»⁸.

В понедельник, 14 июня, редактор «Темпо» Лино Яннуцци провел пресс-конференцию, на которой, повторив основные положения опубликованных материалов, заявил, что новые «бригадисты» проходили подготовку в секретной школе на мысе Маррарджу, где, в частности, обучались стрельбе по ногам.

По словам Яннуцци, Малетти проинформировал об этом, сначала устно, затем письменно, министра внутренних дел. Некоторое время спустя генерал был отозван из Швейцарии и в считанные часы уволен.

На основании разоблачений журнала прокуратура республики начала расследование. 6 июля 1976 года допрошенный в качестве свидетеля Малетти подтвердил заместителю прокурора Альберто Дель'Орко, унаследовавшему следствие по «параллельной СИД», достоверность публикаций «Темпо»⁹.

Позже еженедельник еще раз вернулся к этому эпизоду, утверждая, что во время допроса судья пытался приуменьшить значение показаний генерала и положить дело под сукно.

Личность генерала Малетти крайне противоречива, но не приходится сомневаться, что человек, четыре с половиной года руководивший отделом «Б», был информирован, как никто иной. Правда, и раньше некоторые руководители секретных служб расплывчато намекали, что-де феномен левого терроризма хорошо изучен и достаточно контролируется. В сентябре 1974 года глава СИД Мичели на допросе у судьи Тамбурино в присутствии прокурора Нунцианте заявил: «Отныне вы не услышите больше разговоров о черном терроре, теперь будут говорить только о терроре красном»¹⁰.

Как раз в эти дни, 8 сентября, карабинеры Пинероло задержали Ренато Курчо и Альберто Франческини, главарей «красных бригад». Их аресту помогло внедрение в организацию агента СИД Сильвано Джиротто, ставшего у них своим человеком. Странно только, что при этом ограничились лишь арестом лидеров организации, а не уничтожили ее целиком, за что страна заплатила кровью.

СИЛЬВАНО ДЖИРОТТО

Первые контакты с кругами, близкими к «красным бригадам», Джиротто установил в июне 1974 года. За полгода до этого он вернулся в Италию, выполнив задание по сбору информации о сотнях чилийских антифашистов, скрывающихся в итальянском посольстве в Сантьяго.

14 мая еженедельник «Кандидо» опубликовал длинную статью под заголовком «Вот человек, который может спасти Сосси» за подписью Джорджо Пизано. В статье этот «монах-воитель» расхваливался на все лады¹¹. Внешне статью можно было принять за попытку назвать достойного посредника для спасения судьбы. На самом же деле статья, чье появление наверняка было согласовано с секретными службами, готовила почву для внедрения Джиротто в «красные бригады».

Разумеется, в такой операции не было ничего противозаконного: серьезно относящаяся к своим задачам секретная служба не только имеет право, но и должна иметь своих людей в подрывных группах с целью устранения опасности для государства.

Однако в данном случае операция выглядела двусмысленно. Когда Джиротто в самом начале своего «романа» с террористами показал Ладзанье номер «Кандидо» со статьей о себе, тот сказал: «Пусть тебя это не смущает. Это происки отдела тайных дел, куда мы тоже имеем доступ»¹². Опираясь на эту информацию, сообщенную Джиротто, главный прокурор Луиджи Москетта заявил 1 июля 1978 года: «В определенных кругах кто-то был заинтересован в том, чтобы покушения «красных бригад» не прекращались... Можно с уверенностью сказать, что бригадисты имели своего осведомителя в отделе тайных дел министерства внутренних дел»¹³.

Как мы уже говорили, в июне 1974 года Джиротто устанавливает первые контакты с «красными бригадами», через месяц он уже часто встречается с Ладзаньей и Левати, а еще через месяц становится своим человеком у Курчо, которого и сдает властям 8 сентября. Если для того, чтобы добраться до руководящего ядра террористической организации, агенту службы хватило всего двух месяцев, не означает ли это, что организация не была такой уж закрытой для проникновения? И слова прокурора Москетты о том, что кто-то заинтересован в существовании «бригадистов», в этой связи кажутся пророческими. Если уж Джиротто добился настолько высокого доверия верхушки группы, что ему поручили отвечать за подготовку кадров «красных бригад», то почему же его вывели из игры, как только были арестованы Курчо и Франческини? Еще несколько месяцев работы Джиротто в организации позволили бы уничтожить всю ее структуру. Но может быть, в этом кто-то и не был заинтересован? Может быть, Джиротто использовали только для устранения старой гвардии «бригадистов»? Известно, что именно в это время в организации обострились отношения между отдельными группировками. 17 июня 1974 года в Падуе «бригадисты» впервые совершили убийство, застрелив двух членов МСИ. Как свидетельствовали «раскаявшиеся» террористы, это убийство вызвало серьезные разногласия стратегического характера между старыми членами руководящего ядра «бригад», склонными продолжать атаки на правых, и молодыми лидерами, считающими, что самое главное сейчас — поставить барьеры на пути сближения правительственных кругов с ИКП¹⁴. Именно эта группа несколько не пострадала от внедрения в организацию Джиротто. Напротив, действия агента СИД, приведшие к аресту старой гвардии «бригадистов», облегчили захват власти в организации жесткой и компактной группой молодых ее членов.

С другой стороны, секретные службы никогда не пытались объяснить вывод из игры Джиротто нежеланием рисковать дальше жизнью своего агента, то есть единственным достойным аргументом. После операции СИД перебросила Джиротто в надежное место где-то в Саудовской Аравии, где он жил несколько лет. Перед отъездом он подготовил для судьи несколько страниц показаний, содержащих любопытные детали: «Ладзанья

сказал, что остерегался встреч со мной, но потом узнал в отделе тайных дел, что там меня считают одним из руководителей «красных бригад» и что об этом сообщено также директору «Кандидо» Джорджо Пизано... Ладзанья получил эту информацию из того же источника, что и Пизано».

Было еще одно свидетельство, подтверждавшее, что глава СИД намеревался ликвидировать Сосси и Ладзанью: «Курчо сказал, что существовало решение казнить только Сосси, но позже «красные бригады» узнали из надежного источника в министерстве внутренних дел, что карабинерам отдан приказ убить всех, включая Сосси»¹⁵. В то время главным специалистом по левому терроризму в отделе тайных дел считался вице-квестор Сильвано Руссоманно, который в 1980 году передал журналисту из «Мессаджеро» протоколы показаний «раскаявшегося» террориста Патрицио Печи.

Верная принципу, обязательному для всех секретных служб,—никакой информации о своих агентах,—СИД всегда отрицала, что оплачивала услуги Джиротто.

Однако 30 ноября 1979 года во время апелляционного процесса защита адвоката Ладзаньи предъявила суду документ, направленный 16 июля 1974 года «господину начальнику отдела «Б»», то есть генералу Малетти. В нем говорилось: «Задействованный источник в эти дни вновь испытывает серьезные финансовые затруднения. Для того чтобы полностью посвятить себя выполнению нашего задания, он просит вознаграждение в размере не менее 300 тысяч лир в месяц»¹⁶. Денег было бы не жаль, служи они искоренению терроризма в Италии. Но он лишь набирал силу.

8 июня 1976 года, за 10 дней до политических выборов, «бригадисты» застрелили главного прокурора Генуи Коко вместе с водителем и телохранителем. Резонанс был огромным, поскольку, за исключением двух неофашистов в Падуе, «красные бригады» еще никогда не убивали. Покушение, совершенное накануне выборов, которые могли завершиться победой ИКП, чего многие очень боялись, носило явно провокационный характер.

В этой шоковой атмосфере газета «Република» поместила на своих страницах интервью с неким офицером СИД. На вопрос журналиста, касающийся взаимоотношений между военной спецслужбой и инспекторатом по

борьбе с терроризмом министерства внутренних дел, офицер ответил так: «Каждый работает сам по себе. Что касается отношений, то хуже не бывает. У каждой из служб есть свой, как говорят англичане, «скелет в шкафу», то есть: свои покровители, круговая порука, закон молчания и собственные внешние контакты...» «И с террористами?» — спросил журналист. «А кто такие террористы?» — спросил в ответ офицер. Далее следовал такой диалог:

Журналист: Не знаю, я надеялся узнать это от вас.

Офицер: Для нас такого понятия не существует. Мы пользуемся словом «профессионалы».

Журналист: Вы имеете в виду иностранцев?

Офицер: И их тоже.

Журналист: И кто они?

Офицер: Немцы, американцы, арабы.

Журналист: А «красные бригады»?

Офицер: О «красных бригадах» еще напишут много путаных историй¹⁷.

На следующий день министр внутренних дел Коссига и министр обороны Форлани выступили с заявлением, что содержание интервью не соответствует истине. Министр обороны исключал возможность того, что приведенные в нем заявления мог сделать офицер секретной службы. Тенденциозное утверждение. Дирекция «Републики», поручившись за достоверность интервью, сообщила новые данные о том, что карабинеры Неаполя нашли в сумке одного из членов организации «вооруженные пролетарские ячейки» («Nuclei armati proletari») план улицы Бальби, где готовилась засада. Инспекторат по борьбе с терроризмом, конечно же, в известность поставлен не был. Не были приняты меры и по усилению охраны Коко, единственного из живших в этом квартале, кто по логике вещей мог бы оказаться объектом планируемого покушения. В результате расследования было арестовано несколько мелких «бригадистов». Но снайперская точность стрелявших — из 31 пули лишь одна прошла мимо цели — свидетельствовала: на улице Бальби действовали профессионалы. В цитированном интервью на вопрос журналиста о возможной причастности к преступлению ЦРУ офицер из СИД ответил так: «Вы все зациклились на ЦРУ. Да, ЦРУ существует, и у него огромные возможности. Но вы никогда не задумывались,

например, о возможностях ФБР? В противовес сложившемуся мнению его агенты действуют не только на территории США. А взять немцев? До сих пор живы некоторые из службы Гелена. Это очень жестокие люди, не пренебрегающие никакими средствами».

Тогда же, в 1975—1976 годах, когда в деятельности «красных бригад» произошел стратегический поворот, в Испании сложилась похожая на нашу ситуация, появилась и быстро набрала силу «красная» террористическая группа. Ее, как выяснилось много позже, возглавил бывший глава франкистской политической полиции Роберто Конеза. Организация называлась ГРАПО — группы антифашистского сопротивления первого октября. Начало ее выступлений относится к 1974 году, когда члены ГРАПО совершили ряд хулиганских акций. Затем, в период с декабря 1975 по февраль 1977 года ГРАПО похитила президента Государственного совета Антонио Марию Ориолда и председателя Высшего совета военной юстиции генерала Эмилио Виллаэскузу. Нечего и говорить, как серьезно повредили оба покушения процессу демократизации, только что начавшемуся в стране после тридцатилетия франкистского мрака.

В 1978 году члены ГРАПО убили главного директора тюрем Хесуса Хаддада — молодого чиновника демократических убеждений, инициатора кардинальной реформы тюремного дела. Через год занявший этот пост Карлос Гарсия Вальдес и продолживший дело предшественника только чудом избежал повторения его судьбы.

6 января 1979 года судебный следователь Мигель Круз Куэнка, также демократ по убеждениям, обратился с просьбой о выделении ему охраны к комиссару Конезе, поскольку получил предупреждение ГРАПО. Куэнка сообщил комиссару час, когда выйдет из дома. В указанный час он был застрелен у своего порога. Здесь-то наконец и возникли первые подозрения в отношении бывшего руководителя политической полиции.

Признанным лидером террористов ГРАПО являлся «неуловимый» Хуан Карлос Делгадо Кодекс. В марте 1979 года он высказался против энного по счету убийства, жертвой которого должен был стать генерал Аугустин Васкуез, сторонник демократических преобразований в армии: на следующий день человек Конезы всадил Кодексу пулю в затылок.

Начальником Главной дирекции безопасности был в те дни Эмилио Родригес Роман, стремившийся сломать методы, доставшиеся полиции от франкизма. 8 мая 1979 года он должен был давать показания на процессе против членов ГРАПО, но 7 мая был тяжело ранен и больше в суде не появлялся. Тогда же, в мае 1979 года, полицейская бригада комиссара Конезы была наконец распущена, а сам комиссар избежал ответственности, воспользовавшись сомнительным инфарктом, и был увезен родственниками на роскошную виллу за городом¹⁸. Тогдашний министр внутренних дел Фрага Ирибарне уверял парламент, что террористы из ГРАПО неуловимы.

Руками «неуловимых» с политической сцены Испании были устранены более 20 самых прогрессивных и авторитетных представителей судебных органов, армии и полиции. Сходство целей ГРАПО и «красных бригад» столь очевидно, что дальнейшие комментарии излишни.

ДЕЛО ИСМАН—РУССОМАННО

4 мая 1980 года газета «Мессаджеро» опубликовала отрывки из протоколов допросов Патрицио Печи, которого допрашивали судьи чуть ли не половины Италии. Эти отрывки сопровождал комментарий журналиста Фабио Исмана, которого еще в 1976 году журнал «Темпо» обвинил в связях с секретными службами. 5 и 6 мая газета продолжила публикацию выдержек из допросов.

Утром 7 мая Фабио Исман был арестован по обвинению в «выдаче, при соучастии с неизвестными государственными служащими, служебных секретов, что привело к тяжелейшим последствиям». Арест Исмана вызвал протесты журналистов и части политиков, считавших, что данный случай не имеет ничего общего с нарушением секретности следствия.

Попытки узнать, через кого он получил копии протоколов допроса, не привели ни к чему: журналист прибег к праву обвиняемого не отвечать на вопросы. Однако уже утром 13 мая имя соучастника было названо. Им оказался ни больше ни меньше как Сильвано Руссоманно, заместитель начальника СИСДЕ, за плечами которого 30 лет работы в полиции, 20 из них — в секретной службе министерства внутренних дел.

Служебная биография Руссоманно полна поступков, выглядевших подозрительно. Во время следствия по делу о взрыве на площади Фонтана он послал в Западную Германию на экспертизу, ни с кем не согласованную, обрывки сумки, в которой находилась бомба. Результаты экспертизы так и не были переданы следствию. Сгинули и сами обрывки сумки, которые могли бы стать вещественными доказательствами против Фреды. В это же время Руссоманно с полугодичным опозданием «отыскал» в уцелевшей сумке осколок стекла, идентичный тому, каким пользовался в своей мастерской для изготовления светильников Вальпреда. Но адвокат Вальпреды выступил с протестом против грубой попытки сфабриковать улики, и Руссоманно моментально перестал настаивать на своей «находке». Наконец, один из сотрудников Руссоманно «случайно потерял» бечевку с ярлыком фирмы от той сумки. Не «потеряй» он ярлык, падуанская мастерская, где приобрели сумку, была бы без труда найдена намного раньше. С такими изъятиями в биографии Руссоманно, казалось бы, не имел права работать в СИСДЕ: статья 8 закона о реформе секретных служб четко устанавливала барьер для тех, кто был замешан в подрывной деятельности, или тех, чья преданность конституции не вызывала уверенности. Тем не менее он — полицейский чин «Итальянской социальной республики», становится не просто заместителем начальника новой службы, но и отвечает в ней за подбор и расстановку кадров.

Задумайся кто-нибудь над этим, появилась бы прекрасная возможность выяснить, кто же протащил его в руководство СИСДЕ, а также каковы истинные мотивы, побудившие руководителя его уровня на столь рискованную сделку с журналистом.

После того отпала высказанная некоторыми газетами версия, что он просто продал сведения за несколько миллионов лир, но остались две других: это была ловушка, специально подстроенная Руссоманно в контексте развернутого наступления некоторых политических и военных кругов против двойственности структуры службы безопасности, или же это настоящий саботаж направленных на удушение терроризма расследований, попытка сорвать их в самый ответственный момент.

Ни первый, ни второй процессы против участников

сделки не дали ответа на эти вопросы. Более того, в деле появились новые грани. Достоинством гласности стала террористическая деятельность сына бывшего министра-демохристианина Карло Доната Каттины, но в выдержках из протоколов допроса Печи, напечатанных сначала в «Мессаджери» и перепечатанных в «Лотта континуа», отсутствовала страница, где Печи рассказывал о принадлежности Марко Доната Каттины к подрывной группе.

Не была ли сама публикация отрывков из показаний Печи попыткой обесценить показания в целом, как это не раз случалось, когда материалы следствия появлялись в печати задолго до его завершения?

Складывалось впечатление, что в то время, как работники магистратур, рискуя жизнью, вели труднейшую борьбу с терроризмом, представители других государственных институтов делали все, чтобы сорвать их усилия. И это выглядело как самый настоящий сговор.

24 мая был вынесен приговор суда первой инстанции: полтора года Исману и два года восемь месяцев Руссоманно. Приговор вызвал волну протестов: наказание Исману казалось чрезмерным.

6 сентября, накануне апелляционного процесса, Руссоманно представил суду записку на 11 страницах, где утверждал, что «утечка» материалов из СИСДЕ была элементом плана, реализация которого помогла бы разрядить напряженную обстановку, сложившуюся в стране, и заставить террористов отказаться от кровопролитий. Лишь из-за грубейшей ошибки одного из подчиненных, писал Руссоманно, Исман получил текст показаний Печи полностью, а не в виде выдержек из них. То есть в интерпретации комиссара полиции передача документов журналисту являлась акцией, достойной похвалы, которая из-за нерадивости исполнителя несколько вышла за рамки предусмотренного. Естественно, Руссоманно не упомянул фамилии «исполнителя», а Исман, неожиданно прервав свое молчание, «вспомнил», что, действительно, в его отношениях с Руссоманно был некий посредник. Ситуация вылилась в абсурд: даже если допустить возможность ошибки воображаемого сотрудника Руссоманно, то сам-то он должен был любыми средствами исправить положение. «Кто не перевернул бы вверх тормашками пол-Рима, чтобы любой ценой отыскать Исмана и заставить его, хотя бы с пистолетом у виска, вернуть докумен-

ты, публикация которых угрожала уничтожить результаты многомесячного труда, вложенного в расследование!» — воскликнул на процессе генеральный прокурор Джорджо Чампани¹⁹. Руссоманно же позволил газете опубликовать материалы в трех номерах.

Тем не менее апелляционный суд, видимо, принял к сведению невероятные объяснения комиссара: Исман был полностью оправдан, а Руссоманно — приговорен к девяти месяцам условно. Опубликованное 16 октября обоснование приговора дало возможность понять логику суда. Исман был оправдан, поскольку являлся лишь «пассивным получателем» секретных сведений от заместителя начальника СИСДЕ. Но если, как утверждалось в приговоре, Исман не побуждал Руссоманно и других сотрудников передать ему документы, то наказание заместителя начальника секретной службы должно быть гораздо тяжелее, коль скоро он действовал по собственной инициативе.

РОЛАНД СТАРК

Дело Старка — первое, когда в следствии о «красном» терроризме оказывается замешанным агент иностранных секретных служб²⁰.

Все началось 19 апреля 1978 года в Лукке, когда полиция арестовала пятерых молодых людей, принадлежащих к террористической группе анархистского толка «революционное действие» (“Azione rivoluzionaria”). В кармане одного из арестованных, Энрико Пагеры, был найден план военизированного лагеря, расположенного в окрестностях Баальбека, в Ливане. В других бумагах содержались некоторые подробности, включая пароль и указания, как до лагеря добираться.

Пагера сразу же назвал автора плана и остальных бумаг. Им оказался американский гражданин Роланд Старк, сидящий в болонской тюрьме за незаконную перевозку наркотиков. Миллионер, владелец двух фабрик в Калифорнии, кредитной фирмы в Лихтенштейне и лаборатории по производству лекарств, содержащих наркотики, в Бельгии, Старк был арестован в феврале 1975 года на основании доноса конкурента. В его номере отеля в Болонье, а также в сейфе банка в Риме были найдены потрясающие документы, из которых следовало,

что Старк поддерживал хорошие отношения с бывшим председателем управления горной промышленности Сицилии Грациано Верцотто, с бывшим заместителем министра Сальваторе Лимой, принцем Аллиатой Монреальским и бывшим главой СИД Вито Мичели. Он называл себя «деловым представителем самого могущественного лица в Ливане, которому подчинено 60 тысяч человек»²¹, явно намекая на исчезнувшего в августе 1978 года имама шиитов Мусы Садра. Садр контролировал долину Тахибе, в нескольких километрах от которой находился нанесенный на бумагу план лагеря.

Передавая Пагере этот план, Старк добавил, что в экстренном случае необходимо обращаться к Абдалле Сауди, президенту Ливийского арабского банка, владевшего десятью процентами пакета акций ФИАТа.

Несколько лет до того Старк сидел в одной камере с Курчо и в апреле 1976 года, непосредственно перед убийством Коко, дал показания прокурору Пизы Иосто Лату, которые внимательный следователь расценил бы как предупреждение о готовящемся преступлении. Однако показания содержали столько общих, не имевших никакой ценности заявлений, что следователи, утонув в них, не придали значения сказанному по существу.

В июле 1976 года, сидя в тюрьме Матеры, Старк потребовал встречи с сотрудниками инспектората по борьбе с терроризмом. 30 июля к нему были направлены вице-квесторы Никола Чоча и Франческо Берардино. Старк сообщил им дополнительные подробности о некоей террористической организации, в частности о существовании в ней трех уровней конспирации, высший из которых предназначался для действующего в Риме «центра военно-промышленной разведки», а также другую информацию, представляющую интерес для ведомства Сантилло²². Однако никакой реакции на нее со стороны инспектора не последовало.

Сидя в тюрьме, Старк установил тесные отношения с «бригадистами» и «автономистами». Там же, в тюрьме, он часто получал корреспонденцию на бланках различных американских посольств, и его не раз посещал Венди Хансен, вице-консул США во Флоренции. Тем не менее США никогда не обращались с просьбой о его выдаче, хотя им была хорошо известна роль Старка в международном наркобизнесе: специальный агент американского

ведомства по борьбе с наркотиками Томас Анджолетти направил 16 декабря 1975 года вице-квестору Альберто Сабатини из Интерпола подробнейший рапорт на бланке американского посольства в Италии с подробным перечислением всех преступлений соотечественника.

В сейфе римского банка, вскрытию которого Старк пытался помешать до последнего момента, находилось письмо служащего посольства США в Лондоне, направленное ему в его лабораторию в Бельгии, где производился наркотик ЛСД. Именно в это время следователи американской налоговой полиции искали его по всей Европе. На допросе у судьи Нунциаты Старк заявил, что как в Америке, так и в других странах случается, что служащие посольств являются сотрудниками спецслужб, о чем не знает даже посол²³.

Обвинявшийся вместе с ним за провоз наркотиков Франко Буда в своих показаниях болонским судьям сообщил другие очень интересные подробности: «Старк признался мне, что ему известно следующее: в доме римского архитектора Роберто Фиоренци, обвиняемого по делу о наркотиках, в Сиракузах в свое время скрывалась одна крупная птица, замешанная в политическом преступлении, связанном с событиями во Фьюмичино»²⁴.

26 июня 1978 года магистратура Болоньи поручила своему сотруднику Грациано Гори заняться расследованием делишек Старка, изучить его отношения с арабским миром и все прочие странные аспекты деятельности торговца наркотиками. Однако 4 июля Гори неожиданно погибает в загадочной катастрофе в туннеле автострады Дель Соле.

Одновременно Старк переводится в тюрьму Авеццано, где 11 октября ему предъявляется официальное обвинение — членство в «вооруженной банде». Обвинение подписано заместителем прокурора Болоньи Клаудио Нунциатой. Начались многочисленные допросы, в результате чего у следствия собралось много документов. Один из интересных — акт к его показаниям от 14 ноября 1978 года, гласящий: «Я, доктор Клаудио Нунциата, заместитель прокурора Болоньи, составил настоящий акт в том, что заключенный Роланд Старк сделал следующие заявления, отказавшись от занесения их в официальный протокол: 1) Существует американский закон, сурово карающий — до 15 лет тюрьмы — секретного агента, от-

крывшегося представителю другой страны. Это было заявлено на наш вопрос о характере его возможных отношений с властями других стран. 2) Он передал ряду лиц документ с фамилиями и адресами действительных руководителей «красных бригад»... что позволило бы обезвредить их. 3) В прошлом он уже передал большое количество информации офицеру корпуса карабинеров в Риме и удивлен, что на основании этой информации до сих пор не арестовано ни одно упоминавшееся в ней лицо»²⁵.

11 апреля 1979 года болонский судья Флоридиа освободил Старка. В приговоре говорилось, что он не подлежит юридическому преследованию, поскольку является агентом ЦРУ. Правда, до выяснения некоторых обстоятельств ему было запрещено покидать Флоренцию, куда он был переведен под надзор полиции. На следующий день после переезда в этот город Старк симулировал сердечный приступ и был доставлен в кардиологический центр госпиталя Кареджи.

3 мая Старк бесследно исчез из госпиталя и из Италии. Допрошенный комиссией Моро 1 июля 1980 года глава СИСМИ генерал Сантовито отрицал, что Старк являлся агентом ЦРУ. Так была упущена возможность выяснить истинную роль Старка в террористических кругах и характер его связей с консульскими властями своей страны. Осталась лишь его переписка с главарями различных террористических группировок, сведения о встречах Старка с доверенными сотрудниками генерала Далла Кьезы, например с капитаном Густаво Пиньеро, тем самым, что организовал внедрение Джиротто в «красные бригады». Так кем же был на самом деле Старк? Ответа на этот вопрос нет до сих пор.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VIII

¹ См.: Processo contro i Gap. Udienza del 5 marzo 1979.

² "L'Unità", 6 marzo 1979.

³ См.: "Il Borghese", 14, 21, 28 gennaio, 4 febbraio 1973; "Lotta continua", 19 gennaio, 7 febbraio; "ABC", 3 febbraio.

⁴ "Il Giorno", 26 gennaio 1973.

⁵ Лишь в феврале 1982 года, после обнаружения убежища, где содержался генерал Доциер, в ходе следствия был арестован Ванни Мулинарис, руководивший вместе с Дуччио Берии и Коррадо Симиони лингвистической школой в Париже.

⁶ См.: Ordinanza di rinvio a giudizio del Giudice Caselli dell' agosto 1977, p. 114 e sgg.

⁷ См.: примечание № 37 к главе IV.

Первая публикация еженедельника была затем подтверждена показаниями подполковника Виеццера: «Вместе с упоминанием о плане Мичели организовать похищение Ладзаны... Малетти сообщил мне и о совещании в Риме, на которое были вызваны из Турина, Милана и Генуи начальники центров службы для обсуждения плана похищения. Насколько я знаю, их встреча с Мичели закончилась фактически ничем. Я предупредил начальников вышеназванных центров, что, если они согласятся принять участие в похищении, я не колеблясь предам гласности всю операцию».

⁸ "Tempo", 15 giugno 1976.

⁹ См.: "Paese sera", "Il Secolo XIX", "Il Messaggero", 3 dicembre 1979.

¹⁰ Atti dell'istruttoria del giudice Tamburino.

¹¹ Трудно назвать точное время, когда Джиротто впервые установил связь со спецслужбами. Арестованный в 1958 г. за ограбление, он приговаривается к 11 годам заключения, однако уже в 1963 г. выходит на свободу за «примерное поведение в тюрьме». В октябре 1964 г. уходит в монахи, и четыре года о нем ничего не слышно, кроме того, что в 1967 г. он примыкает к общине католиков-диссидентов в Оменье, где живет до октября 1969 г. Затем эмигрирует в Чили, оттуда — в Боливию, где вступает в контакт с крайне левой группировкой МИР (Итальянское революционное движение). В августе — сентябре 1972 г. боливийская полиция наносит организации ряд ощутимых ударов,

после чего МИР объявляет о самороспуске. Джиротто возвращается в Чили за день до переворота. Во время путча появляется в здании итальянского посольства с небольшой царапиной, выдавая ее за пулевое ранение. Разгуливая по посольству, делает много фотографий, а когда 16 ноября прилетает в Турин, полиция в аэропорту конфискует у него пленки с фотографиями чилийских антифашистов, скрывающихся в посольстве от путчистов Пиночета.

¹² «La Repubblica», 2 giugno 1978. Эпизод приводится также в материалах следствия по делу «красных бригад», возглавляемого судьей Бруно Каччей.—См.: G. Gusto, A. Bonomi, F. Tommei. Criminalizzazione della lotta di classe. Verona, Bertani, 1975, p. 280.

¹³ «La Repubblica», 2 giugno 1978.

¹⁴ По поводу этих разногласий есть свидетельства Фьорони, данные им на допросе 8 декабря 1979 г. римским судьей. «Помню, как на совещании в Белладжо тезисы Негри и Курчо об отношении к ИКП сильно разнились. Негри считал, что необходимо перевести прицел с фашистов на силы социал-демократии... подчеркнув, что к ним принадлежит и ИКП, переставшая быть коммунистической партией. На это Курчо возражал, что между социал-демократией и компартией нет ничего общего».

¹⁵ Atti del processo di Torino.— «Corriere della sera», 13 maggio 1978.

¹⁶ «L'Unità», 1 dicembre 1979.

¹⁷ «La Repubblica», 10 giugno 1976.

¹⁸ См.: «Cambio 16», maggio 1979; «La Repubblica», 25 maggio 1979.

¹⁹ Udienza del 10 settembre 1980.— «Il Messaggero», 11 settembre.

²⁰ Роланд Старк родился в Нью-Йорке 4 сентября 1938 г., хотя утверждает, что он родом из Набура, города в Палестине. Работал в управлении обороны Вашингтона в должности помощника вице-секретаря, выполняя «особые поручения». Арестованный в феврале 1975 г. в Болонье за нелегальную перевозку наркотиков, 5 июля 1976 г. был приговорен к 14 годам лишения свободы и штрафу в 5 миллионов лир. 6 июля 1977 г. апелляционный суд снизил приговор до пяти с половиной лет.

²¹ «La Repubblica», 20 ottobre 1978.

²² См.: Atti del processo Moro. Cart. V, v. 1, fase 15.

²³ Речь идет об особом мнении прокурора К. Нунциати, выраженном им 6 декабря 1978 г. в ответ на требование об освобождении Старка, выдвинутое адвокатом.

²⁴ Memoriale inviato dall'imputato F. Buda al giudice istruttore Castaldo il 5 maggio 1975.

²⁵ Протокол допроса Старка главным прокурором Болоньи 14 ноября 1978 г. На допросе 21 ноября Старк утверждал, что названным офицером карабинеров был капитан Густаво Пиньеро.

Глава IX

ОТ РЕФОРМЫ 1977 ГОДА К ЛОЖЕ «П-2»

ЗАКОН О РЕФОРМЕ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ

24 октября 1977 года наконец-то вступил в силу закон о реформе спецслужб Италии. 19 статей, его составившие, с юридической точки зрения означали кардинальную ломку этой «отрасли» государственного аппарата.

Прежде всего закон устанавливал, что единственным лицом, несущим ответственность за работу спецслужб перед парламентом и страной, является отныне глава правительства, осуществляющий руководство службами через возглавляемый им же межминистерский комитет по информации и безопасности (КИИС) и исполнительный комитет по службам информации и безопасности (КЕЗИС), также подчиненный премьер-министру. Он же по согласованию с межминистерским комитетом назначал секретаря КЕЗИС.

Основной функцией КЕЗИС являлась координация действий двух новых секретных служб: СИСМИ — службы информации и военной безопасности, и СИСДЕ — службы информации и демократической безопасности¹, а также их деятельности с деятельностью вооруженных сил, корпуса карабинеров и финансовой гвардии. В обязанности комитета входила и связь секретных служб с аналогичными службами союзных стран.

Закон устанавливал два уровня контроля за деятельностью всего комплекса служб информации и безопасности, включавшего в себя межминистерский комитет, КЕЗИС, СИСМИ, СИСДЕ. Первый уровень: постоянный контроль со стороны специального парламентского комитета; второй — периодический контроль, когда раз в полгода премьер-министр представляет парламенту пись-

менный отчет о проделанной работе в области информации и национальной безопасности. Парламентский комитет, сформированный из четырех депутатов и такого же числа сенаторов на основе критерия пропорционального представительства, получал право затребовать любую информацию, входящую в его компетенцию, и обращаться с предложениями и замечаниями по этому поводу как в межминистерский комитет, так и непосредственно к главе правительства².

Серьезному пересмотру подверглось и понятие секретности. Как мы видели, 24 мая 1977 года конституционный суд признал не отвечающими конституции страны статьи 342 и 352 Уголовно-процессуального кодекса, позволяющие уклоняться от дачи показаний лицам, причастным к государственным и служебным тайнам. Опираясь на это решение суда, закон установил критерии понятия секретности, прогрессивные не только по сравнению с предыдущими, но и существующими в других странах.

Согласно новому закону, вышеназванные лица по-прежнему обязаны хранить секреты. Но если соответствующие органы, требующие у них показаний, считают ссылки на необходимость соблюдать секретность необоснованными, то они имеют право обращаться к главе правительства. Если тот не подтвердит наличия секретности, то подвергаемые допросу лица обязаны давать показания. Если же премьер-министр даст положительный ответ, он обязан сообщить парламенту и парламентскому комитету подробную мотивировку своего решения.

Что касается сотрудников секретных служб, то им в обязательном порядке предписывалось в случае получения любой информации, касающейся преступных акций или намерений, докладывать об этом начальникам соответствующих служб, которые в свою очередь должны ставить в известность министров обороны или внутренних дел, а те, через КЕЗИС, главу правительства.

Таковой в общих чертах была новая структура секретных служб. Парламентом сделано немало для установления контроля за их деятельностью. Но события следующих за принятием закона лет подтвердили тезис, что принять хороший закон еще недостаточно, чтобы определенные органы государства служили интересам страны, а не отдельных групп и центров власти. Тем не менее

демократические силы имели основания испытывать законную гордость: вряд ли в тех условиях можно было создать более прогрессивную структуру секретных служб.

Закон о реформе должен был вступить в силу через шесть месяцев после опубликования. И эти шесть месяцев стали периодом острейшей борьбы среди руководства уходящей СИД за ключевые посты в новой службе, за лишение конкурентов из СИСДЕ реальной силы. Сотрудники старой армейской спецслужбы дали ясно понять, что не расположены ни расформировывать свои периферийные центры, ни делиться с СИСДЕ огромным архивом отдела «Б», содержащим миллионы досье, ни практическим опытом, накопленным за полвека деятельности службы. Мол, отдел «Б» занимался не только вопросами внутренней безопасности, переходившими теперь в компетенцию СИСДЕ, но и контрразведкой, экономико-промышленным контршпионажем, а также исполнял функции военной полиции. И раз уж у военной службы отнимают первую из названных функций, то остаются три другие, а их невозможно эффективно осуществлять без периферийных филиалов, без необходимых материалов и оборудования³. В действительности отдел «Б» являл собой центр власти внутри СИД, организацию, состоящую из четырех подразделений, обладающих большой самостоятельностью, оснащенных самой современной специальной аппаратурой и имеющих в своем распоряжении 700 сотрудников аппарата и около 3 тысяч агентов.

Тем временем в печати начали появляться имена вероятных кандидатов на руководящие посты в новых службах. В случае СИСМИ назывались имена Роберто Ючи и Джузеппе Сантовито. Кандидатами на пост главы СИСДЕ считались Эмилио Сантилло, Карло Альберто Далла Кьеза, префекты Марио Семприни и Альдо Буонкристиано. Альтернативной для обеих служб называлась фамилия генерала Арнальдо Феррары. Кандидатура бригадного генерала Роберто Ючи — шефа спецслужбы армии, пользовалась поддержкой СИД, хотя там же у него были и противники. Принадлежавшее Мино Пекорелли агентство печати ОП, с давних пор рупор «мичелистов», развернуло против Ючи самую настоящую кампанию травли, обвинив его во всех грехах, в частности в нелегальных финансовых операциях с ливийцами. Возможно, Ючи вредило и дальнейшее родство с Андреотти,

которое, как кое-кто опасался, могло вылиться в политический союз. Кандидатура Сантовито вызывала меньше возражений. Никто не вспоминал, что, будучи полковником, он являлся приближенным Де Лоренцо, а позже, хотя и косвенно, был замешан в «белом путче» Эдгардо Соньо. В печати некоторое время муссировалось мнение, что его назначение будет на руку социалистам, правда, без уточнения, какой их части. Вполне вероятно, что такое единодушие прессы в «отбеливании» его образа было кем-то срежиссировано, да так, что журналисты отыграли свои роли, не подозревая об этом. В 1981 году его имя появилось в списке членов ложи «П-2».

Само собой разумеющимся кандидатом на роль главы СИСДЕ считался Эмилио Сантилло, в течение трех с половиной лет руководивший инспекторатом по борьбе с терроризмом и службой общественной безопасности и за это время не давший ни малейшего повода для серьезной критики. Несмотря на ограниченные возможности, возглавляемые им органы успешно провели немало операций против правых и левых экстремистов. Однако кандидатура Сантилло, поддерживаемая министром внутренних дел Коссигой, сразу встретила упорнейшее сопротивление со стороны СИД. Еще одним кандидатом на этот пост являлся генерал Карло Альберто Далла Кьеза, инициативный и авторитетный офицер, но даже в самом корпусе карабинеров многие считали его беспринципным эгоистом. С энергией, достойной лучшего применения, некоторые средства массовой информации навязывали в качестве главы СИСДЕ кандидатуру префекта Семприни, о добрых делах которого на поприще секретной работы никто до сих пор не слышал. Не считать же заслугой его причастность к ложе «П-2», о чем стало известно в 1981 году. К концу декабря назначение Сантовито руководителем СИСМИ было практически решенным делом⁴. Что же касается СИСДЕ, то СИД продолжала упрямо саботировать передачу архивов и спецтехники. Поэтому было решено назначить главой этой службы человека военного и тем самым снять последние барьеры, выгороженные бывшим руководством СИД.

В результате бесконечных совещаний министра обороны с руководством вооруженных сил сошлись в конце концов на кандидатуре генерала карабинеров Джулио Грассини⁵, имевшего чин рангом ниже корпусного гене-

рала Сантовито. Даже этим фактом «штатским» давалось понять, что роль СИСДЕ в иерархии секретных служб вторична по отношению к СИСМИ. Долгая борьба гражданских властей с генералитетом завершилась полной победой последнего. В этом свете довольно неожиданным выглядело назначение руководителем секретариата КЕЗИС префекта Гаэтано Наполетано⁶.

Сразу после того, как все вакансии в руководстве новыми секретными службами были заполнены, многие газеты опубликовали биографии их глав, сопроводив их хвалебными комментариями. Никто не вспоминал о бурном прошлом Сантовито; в панегириках Грассини подчеркивалось его участие в движении Сопротивления и т. д. Позже выяснилось: оба они оказались в списках масонской ложи Джелли.

Осталось загадкой, что побудило правительство отдать распоряжение генералу Грассини приступить к работе прямо в день его назначения, то есть 13 января 1978 года⁷, тогда как генералу Сантовито было позволено приступить к своим обязанностям в СИСМИ через месяц после назначения. Многие расценили это решение как попытку ошеломить сторонников Сантилло, не дать им возможности для перегруппировки сил. Но факт остается фактом: с 13 января по 27 июня специальной службы министерства внутренних дел практически не существовало, несмотря на наличие начальника, сотрудников и временного офиса на улице Джованни Ланцы. Именно в этот период и произошли трагические события, связанные с похищением и убийством Альдо Моро.

Назначение генерала карабинеров Грассини главой СИСДЕ, естественно, вызвало недовольство в полицейских кругах. От лица недовольных на страницах журнала «Эспрессо» выступил старший комиссар Эннио ди Франческо, работавший с Сантилло в инспекторате и службе безопасности. Воздерживаясь от прямой критики в адрес вооруженных сил, Де Франческо задавал вопрос: «Так ли было нужно показывать, что корпусу общественной безопасности наносится смертельный удар? Для самого правительства и парламента должны быть унижительны слухи о том, что данный путь — единственный, чтобы СИСДЕ получила наконец архивы бывшей СИД»⁸.

31 января министр внутренних дел Коссига, несмотря на то, что правительство уже подало в отставку и вело

лишь текущие дела в ожидании формирования нового кабинета, предпринял неожиданную акцию, издав, в обход закона о реформе секретных служб, декрет о создании нового органа — центрального бюро особо важных расследований и специальных операций (УЧИГОС). Спектр ставящихся перед ним задач был самый широкий: «1) сбор информации о политической, социальной, экономической и общественной ситуации в стране в оперативных целях министерства внутренних дел и префектур; 2) сбор информации, необходимой для поддержания и, при случае, восстановления общественного порядка; 3) проведение расследований с целью пресечения преступлений против... общественного порядка, а также актов терроризма и политических преступлений против безопасности государства и демократических институтов; 4) выполнение функций политической полиции по просьбе СИСДЕ и СИСМИ и в сотрудничестве с ними, а также задач по оперативной поддержке этих служб»⁹.

В атмосфере ожидания предстоящего роспуска парламента декрет удалось проташить без особых помех, хотя он и вызвал немалое удивление законодателей. Гуидо Неппи Модона писал в редакционной статье газеты «Република»: «УЧИГОС, как и старый отдел тайных дел, — элемент структуры министерства внутренних дел в качестве подразделения главного управления общественной безопасности. Соответственно его начальник подчиняется начальнику полиции, а тот в свою очередь — министру внутренних дел. Похоже на дурной сон: а как же принцип прямой политической ответственности премьер-министра, а также парламентского контроля за деятельностью служб информации и безопасности?»¹⁰

Отвечая на подобные критические замечания, министерство внутренних дел оправдывало создание новой структуры тем, что, поскольку СИСДЕ не исполняет функций уголовной полиции, необходим дополнительный орган, который являлся бы посредником между СИСДЕ, магистратурами и отдельными квестурами. В определенной степени это соответствовало действительности, но вовсе не объясняло широты предоставленных УЧИГОС полномочий.

Его главой стал 46-летний неаполитанец, квестор Антонио Фариелло, «считавшийся одним из лучших специалистов полиции и пользовавшийся авторитетом за

границей»¹¹. Ему подчинялась группа из 50 человек — работников аппарата и агентов, — составивших ядро УЧИГОС, руководившее работой бывших политических отделов квестур областных центров, переименованных теперь в ДИГОС (отделы особо важных расследований и специальных операций). В квестурах населенных пунктов областного подчинения эти отделы стали называться УИГОС (бюро особо важных расследований и специальных операций).

Одновременно 31 января начал работу и КЕЗИС, главной задачей которого был анализ информации, поступающей из военной и гражданской служб безопасности, выработка предложений по координации деятельности этих служб, а также их совместной или отдельной деятельности с другими соответствующими административными органами.

Кроме того, декретом главы правительства от того же 31 января отдел внутренней безопасности выводился из структуры СИД и передавался в КЕЗИС. Это был тот самый отдел, в чьи обязанности входило оформление допуска к документам всех уровней секретности, вплоть до «нос космик»¹².

Декретом премьер-министра от 10 мая 1978 года за КЕЗИС закреплялось право определять, с какими секретными службами других стран могли устанавливать контакты СИСМИ и СИСДЕ в рамках их компетенций, а также координировать эти контакты. Тем же декретом глава правительства конкретизировал состав своего «штаба», о котором в законе о реформе говорилось лишь в общих чертах. В него вошли начальник генерального штаба вооруженных сил, начальник полиции, генеральный секретарь министерства иностранных дел, командующие корпусом карабинеров и финансовой гвардией, руководитель секретариата президиума Совета министров, начальники СИСМИ и СИСДЕ и генеральный секретарь КЕЗИС.

Завершая картину созданного в результате реформы, упомянем о межминистерском комитете по информации и безопасности (КИИС), возглавляемом главой правительства и состоящем из министров иностранных и внутренних дел, юстиции, обороны, промышленности и финансов. Этот комитет явился консультативным центром по выработке основных направлений и приоритетных целей

в области информации и безопасности. «Межминистерский комитет является органом, где, как видно по составу, представлены все те, кто заинтересован в получении информации и обеспечении безопасности страны в различных областях: политической, военной, научной, экономической и финансовой. Он помогает председателю Совета министров в выработке генеральной линии в области информации и безопасности, а также в определении стратегических задач соответствующих служб»¹³.

30 января глава правительства издал циркуляр о роспуске СИД и службы общественной безопасности, создав тем самым ненормальную ситуацию: хотя циркуляром и предписывалось в общих чертах, что персонал распущенных служб должен временно, до завершения организации СИСМИ и СИСДЕ, исполнять свои обязанности; тем не менее обе службы оказались в неравных условиях. Все сотрудники бывшей СИД, почти 3 тысячи человек, остались на своих должностях, продолжая работу под руководством Джузеппе Сантовито. Что касается службы безопасности, то из 600 ее сотрудников 200 были переведены в УЧИГОС, остальные 400 — на работу, далекую от той, которой они занимались прежде. Самым тревожным в этой ситуации было то, что перетасовки затронули наиболее опытных и ценных специалистов, которые еще в мае 1977 года, начав борьбу с «красными бригадами» и прочими подрывными группировками, добились отличного результата и готовы были идти до конца¹⁴.

Все это наводило на мысль, что в верхних эшелонах власти кто-то заинтересован в проведении такой акции, явившейся, по сути, самым настоящим разгромом службы безопасности. Ибо в содеянном не просматривалось никакой убедительной мотивации, поскольку циркуляр предусматривал срок прекращения деятельности старых служб — 22 мая, и не было необходимости опережать этот срок на 4 месяца, имея в виду создание новой службы внутренней безопасности, которую в этой связи пришлось создавать с нуля.

Очевидно одно: несколько месяцев, когда созрел и был осуществлен план похищения Альдо Моро, в Италии практически не существовало секретной службы, способной бороться с внутренними подрывными элементами.

Такие действия пытались оправдать тем, что якобы

доверие к нарушившим основы демократии людям Сан-тилло утрачено. Истина же состояла в ином: в СИСМИ продолжали работать те, кто был причастен к трагическим событиям времен «стратегии напряженности». Сотрудники же бывшей службы общественной безопасности, имевшие в активе немало блестяще проведенных операций против террористов и подавшие рапорты с просьбой перевести их в СИСДЕ, получили отказ. Кое-кому удалось устроиться в УЧИГОС. Пятеро сотрудников бывшей службы безопасности попали в аппарат генерала Грассини. В том числе — уже знакомый нам Сильвано Руссомано.

Такой была расстановка сил в спецслужбах, когда 16 марта «красные бригады» похитили Альдо Моро, уничтожив сопровождавшую его охрану. К этому дню в штате СИСДЕ, включая его периферийные филиалы, насчитывалось всего около ста сотрудников. Служба не имела ни специальной техники, ни помещений, не было еще четкого разграничения функций работающих в ней людей. То есть СИСДЕ оказалась неспособной к серьезному расследованию дела Моро.

Вклад в дело новорожденного УЧИГОС ограничился рассылкой квестурам Италии приказа о введении в действие плана «ноль», предусмотренного для чрезвычайных обстоятельств. Однако приказ, подписанный главой УЧИГОС Фариелло, был выполнен только квестурой Сассари, которой он сам руководил в течение многих лет. Остальные же отнеслись к делу спустя рукава, что дало возможность преступникам спокойно замести следы.

Ситуация усугублялась глубокими разногласиями между главой КЕЗИС и руководителями обеих спецслужб, возникшими уже в первые месяцы совместной работы. Спецслужбы сразу же дали понять, что без особого энтузиазма относятся к попыткам вмешиваться в их деятельность. Наполетано даже отказали в возможности посетить штаб-квартиру СИСМИ в Форте Браски, где он временно хотел разместить службы КЕЗИС. Когда Наполетано получил назначение на пост главы КЕЗИС, он вместе с этим получил заверения Андреотти и Коссиги, что его должность будет приравнена к рангу посла и это, мол, даст ему право давать распоряжения руководителям двух спецслужб. Но посольского чина Наполетано так и не дождался.

И вот террористический акт на улице Фани. Грассини и Сантовито не скрывают своего недовольства попытками секретаря КЕЗИС вмешаться в их действия, связанные с этим дерзким вызовом «красных бригад». 26 марта Наполетано в одной из многочисленных докладных записок главе правительства и министру внутренних дел, жалуясь на чинимые ему препятствия, пишет: «Не уверен, что СИСДЕ в состоянии дать должный ответ этому вызову терроризма»¹⁵. Отношения все обострялись по мере того, как Наполетано усиливал давление на спецслужбы с целью заставить их предпринять что-то результативное. В конце концов после очередного отказа Сантовито встретиться и обсудить сложившуюся ситуацию Наполетано подал в отставку и вернулся к руководству префектурой Рима. Оставляя пост, Наполетано — человек замкнутый и деликатный, воздержался от объяснения истинных мотивов своего ухода, видимо, не желая выносить сор из избы.

Обязанности секретаря КЕЗИС поручили временно исполнять главе канцелярии премьер-министра, генеральному казначею страны Винченцо Милаццо.

5 мая в эту должность вступил префект Венеции Пелози¹⁶, когда-то, во времена наивысшего расцвета отдела тайных дел, работавший в специальном секретариате начальника полиции. В 1981 году, когда расследовалось дело логи «П-2», всплыло, что в качестве главы КЕЗИС Пелози распорядился завести досье на большое количество политических деятелей.

В конце мая был отстранен от должности и переведен в Перуджу квестром и глава УЧИГОС Антонио Фарриелло. Его преемником стал Гаспаре Де Франчиски, возглавлявший до этого квестуру области Реджо Эмилия.

Чехарда со сменой руководителей, беспорядок в спецслужбах, конечно же, не способствовали эффективному раскрытию столь серьезного преступления. Расчет Коссиги на то, что с назначением главой СИСДЕ военного вопрос о взаимоотношениях двух служб решится к всеобщему удовлетворению, полностью провалился.

Несмотря на прямую преемственность СИД, новая военная секретная служба находилась в процессе становления. Он начался с переименования оставшихся старых подразделений. Теперь бывшие отделы стали называться дивизионами. Как и бывший отдел «Б»,

первый дивизион занимался вопросами военной безопасности и контрразведкой, уступив СИСДЕ функции внутренней безопасности вместе с 50 сотрудниками, обеспечивавшими их исполнение. Дивизиону подчинялись все центры контрразведки страны, включая и римские, возглавлявшиеся полковником Деметрио Кольяндро. Второй дивизион унаследовал дела бывшего отдела «И», то есть разведки за рубежом. Третий дивизион, как и бывший отдел «С», продолжал работу по анализу данных, собираемых сотрудниками двух вышеназванных дивизионов. Продолжали заниматься прежней работой и «новые» подразделения службы: химико-фотографический центр, электронно-техническая служба, служба тыла и т. д. Заместителем начальника СИСМИ стал генерал Абелярдо Мей, но, как в СИФАР и СИД, эта должность была скорее почетной, поскольку о заместителе вспоминали лишь в случае болезни шефа службы.

Вопрос о периферийных центрах контрразведки был решен следующим образом: СИСДЕ были «уступлены» центры в Риме, Турине, Милане и Генуе. Остальные остались в руках военной службы, хотя СИСДЕ была предоставлена возможность назначать в них на руководящие должности своих людей. Но бедная соответствующими кадрами СИСДЕ с трудом смогла найти лишь по одному человеку для работы в каждом центре, и они, конечно же, погоды в них не делали.

Что касается структуры СИСДЕ, то проблем с ней было еще предостаточно. План о создании в ней десяти подразделений был отложен до лучших времен уже потому, что не было достаточного количества людей, способных возглавить их. К 22 мая были заняты только две руководящие должности в службе: начальника — генералом Джулио Грассини и его заместителя — квестором Сильвано Руссоманно.

В то время как отношения между двумя службами все больше ухудшались, в газете «Република» появилось сенсационное анонимное интервью. Некий руководящий сотрудник СИСМИ заявил: «Мы работали с письмами Альдо Моро, которые он переслал из своей тюрьмы... и пришли к обоснованным выводам, что Моро сообщил своим тамошним тюремщикам серьезнейшую информацию как политического, так и военного характера, касающуюся государственных дел и ситуации в стране». На

вопрос, кто еще в курсе этой гипотезы, сотрудник СИСМИ ответил: «Речь уже не о гипотезе. Об этом проинформированы исполнительные власти... В атлантических службах безопасности знают, что Альдо Моро в курсе важных секретов... Страны блока чрезвычайно встревожены его похищением. Обсуждается вопрос о пересмотре роли и места Италии в НАТО». Журналист спросил: «Не считаете ли вы, что с «красными бригадами» работают иностранные спецслужбы?» Ответ был: «Мы всегда так думали. Но нам возражают, что новые «красные бригады» совсем иные, чем старые. Тем более! Нельзя же серьезно думать, что совпадение отличных друг от друга интересов отдельных иностранных государств с их общей целью поставить на колени итальянских коммунистов — случайно»¹⁷.

Как видим, в интервью много «горячего». Как и следовало ожидать, последовало опровержение министра обороны Руффини, отрицавшего саму возможность подобного интервью.

Два года спустя после похищения Моро была наконец создана парламентская комиссия для расследования обстоятельств его гибели и проблемы терроризма в Италии в целом. СИСМИ, СИСДЕ и УЧИГОС представили комиссии много материалов, однако в них не было ни одного, проливающего свет на это преступление «красных бригад». Службам было некогда: шла ожесточенная грызня за престижные должности в них. Пост главы самого значительного подразделения СИСМИ — отдела «Б» — занимал с 30 ноября 1975 года генерал Джованни Ромео. Отношения его с Сантовито обострились до такой степени, что последний к моменту похищения Моро поручил решение вопросов, входящих в компетенцию отдела «Б», сотрудникам отдела «И»¹⁸. По традиции отделом «Б» руководил армейский офицер. Сейчас же ползли слухи о замене Ромео одним из двух высших офицеров корпуса карабинеров: Деметрио Кальяндро или Энрико Гальвалиджи. Первый считался человеком заместителя командующего корпуса карабинеров генерала Феррары; второй — убитый впоследствии «бригадистами» — был близок к генералу Далла Кьеза. Вокруг каждого в самой службе сложились группировки, ожесточенно сражавшиеся друг с другом. В этой грызне активно участвовал уже знакомый, нам, ставший полковником,

Виеццер, обвиненный Сантовито в передаче журналистам информации, «свалившей» Кальяндро, павшего жертвой кардинальной чистки секретных служб¹⁹. Сначала речь шла об увольнении целой тысячи офицеров, унтер-офицеров и агентов службы. Однако глава СИСМИ Сантовито добился уменьшения этого числа до 400 человек. В результате из службы ушло 350.

Внешне чистка аппарата СИСМИ выглядела результатом сокращения функций службы. Однако причины, ее вызвавшие, были более основательными. Статья 8 закона о реформе секретных служб гласила: в службах имеют право работать лишь те, кто «своим поведением и отношением к демократическим институтам не вызвал недоверия в верности завоеваниям демократической антифашистской конституции»²⁰. Именно на основании этой статьи из СИСМИ были уволены заместитель начальника службы генерал Терцани, генерал Ромео, начальник отделения внутренней безопасности отдела «Б» полковник Джорджо Дженовези (само отделение было передано в СИСДЕ) и полковник Альдо Сассо, замешанный в «деле Айелло».

Конечно же, трудно судить, насколько полно чистка затронула всех, кто запятнал себя участием в антигосударственных заговорах и акциях предыдущего десятилетия. Ставшие известными позже сведения о связях руководителей СИСМИ и СИСДЕ с ложей «П-2» оставляют место для серьезных сомнений.

29 июня 1978 года глава СИСДЕ Грассини, его заместитель Руссоманно и несколько десятков их сотрудников перебрались из тесных комнат министерства внутренних дел в апартаменты на улице Ланцы, 194. Это пристанище рассматривалось как временное, поскольку было слишком доступным для сторонних наблюдателей, но, как оказалось, СИСДЕ осела здесь надолго. Вынужденное окончательно отказаться от «наследства» бывшей СИД, руководство СИСДЕ начало создавать собственные филиалы в наиболее важных центрах страны. Наконец-то получила свое помещение и КЕЗИС. Таким образом, июль месяц можно было считать концом переходной фазы в истории специальных служб. В итоге в Италии существовала сильная военная секретная служба, имевшая 2,5 тысячи многоопытных сотрудников, с совершеннейшим оборудованием и тремястами миллионами лир бюджета. Она

должна была служить гарантом независимости и территориальной целостности страны с военной точки зрения. Рядом с ней действовала другая служба, имевшая в своем распоряжении менее 130 сотрудников, собранных с миру по нитке, не обладающих ни большим опытом, ни архивами, ни необходимым оборудованием. Они должны были защищать страну от терроризма, силы действенной, решительной, хладнокровной, с высоким техническим оснащением и уровнем подготовки ее членов, с сильным политическим руководством.

Так выглядела ситуация в политической жизни страны накануне летних каникул парламента. 30 августа глава правительства по согласованию с министрами обороны и внутренних дел поручил генералу Далла Къезе воссоздать центр по борьбе с терроризмом, эффективно действовавший под его руководством с 1974 по 1975 год, а затем, непонятно почему, распущенный. Срок действия мандата воссозданного центра определялся в 12 месяцев.

Инициатива его создания исходила от самого генерала Далла Къезы и была высказана в ходе расследования обстоятельств убийства Моро.

В его подчинение было передано 230 офицеров и унтер-офицеров и небольшие денежные средства. На них люди генерала сняли двенадцать конспиративных квартир в городах оперативного действия центра, автономного от спецслужб и карабинеров. Генерал подчинялся лишь министру внутренних дел, что вызвало некоторое замешательство в политических кругах, а также среди юристов и судебных чиновников.

Создание центра без особого энтузиазма встретили в СИСДЕ, у которой тем самым отнимались особые полномочия как раз в тот самый момент, когда служба с большими усилиями становилась на ноги. Негативной была реакция и в полицейских кругах, ревниво относившихся ко всем следственным органам, которые возглавлялись людьми из корпуса карабинеров, особенно после того, как центру было предоставлено право «консультировать президента республики по проблемам терроризма». К тому же полиции было дано распоряжение передать центру пятьдесят сотрудников, что еще больше озлобило ее руководство, вынужденное наблюдать, как ее лучших работников растаскивают СИСМИ, СИСДЕ, Далла Къеза. А у полиции

была куча собственных нерешенных проблем.

Кроме полицейских, в центре работала небольшая группа офицеров СИСМИ, выполнявшая вспомогательную работу по снабжению его необходимой для выполнения оперативных задач информацией. Эти сотрудники СИСМИ не подчинялись Далла Къезе, хотя наравне со своими коллегами из центра были обязаны еженедельно отчитываться о проделанной работе²¹.

Деятельность Далла Къезы на этом посту закончится в декабре 1979 года. А пока же, семь месяцев спустя после возрождения центра, генерал обратился к министру внутренних дел и начальнику полиции с просьбой отдать распоряжение полицейским органам помогать сотрудникам центра в работе, поскольку выяснилось невероятное: министерство забыло направить соответствующим органам декрет о воссоздании центра, в результате чего начальники полицейских участков с недоумением относились к законным требованиям о сотрудничестве, выдвигаемым людьми Далла Къезы.

ДЕЛО ДОМИНИКА ПЕРРОНЕ

Во вторник, 13 февраля 1979 года, газета «Республика» опубликовала материалы совершенно секретного доклада, имевшего пометку «нофорн», то есть закрытого для любого человека, не американца по национальности, даже если он и является сотрудником союзных спецслужб. Доклад был направлен в Вашингтон сотрудником американской военной спецслужбы и имел дату — 31 января 1979 года. В нем содержались тезисы бесед автора доклада Доминика Перроне с сотрудниками СИСМИ, СИСДЕ, КЕЗИС, а также людьми, близкими к секретным службам. Лейтмотивом доклада была крайне негативная оценка деятельности СИСДЕ и способностей ее главы генерала Грассини.

Помеченный символом Б-2²², означавшим высокую степень доверия к источнику информации и достоверности сведений, доклад дал достаточно оснований говорить о тесных связях Перроне с высокопоставленными сотрудниками наших спецслужб. Несколько дней спустя после публикации печать в качестве вероятного источника информации назвала полковника Музумечи, начальника отдела контроля и безопасности СИСМИ, который, буду-

чи когда-то подчиненным Грассини, попал под служебное расследование, начатое по указанию генерала в связи с безобразной работой возглавляемого тогда Музумечи отдела снабжения школы унтер-офицеров в Веллетри²³.

Помимо личных оценок, доклад содержал детальный план упразднения СИСДЕ, к которому, чувствовалось, приложили руку люди из нашей военной спецслужбы.

Но, самое главное, в докладе затрагивались проблемы, адресатом которых явно было итальянское общественное мнение, а вовсе не правительство США. Например, настойчиво повторялась мысль, что генерал Далла Кьеза склонен к нарушению законов в своей деятельности. Казалось странным, что госдепартаменту так уж важно, соблюдаются или нет конституционные права в борьбе с левым терроризмом. Столь же настойчивое повторение, как много бы мог сделать генерал Феррара, будь он назначен руководителем спецслужб, также казалось предназначенным «для внутреннего пользования».

Подобные «издержки» доклада привели многих наблюдателей к выводу, что эпизод с Перроне с самого начала замыслен как провокация с целью раскола и дезориентации итальянского общества.

Вполне понятно, что доклад вызвал горячую полемику в политических кругах. Сенатор Пеккьоли от имени компартии потребовал «направить официальный протест американскому правительству как с осуждением недопустимого вмешательства в наши внутренние дела, так и с целью отзыва из страны американских граждан, замешанных в этой шпионской операции»²⁴. Выдворение Перроне действительно не заставило себя ждать: 14 февраля ему предписывалось покинуть Италию в 24 часа. Это был первый случай со времени свержения фашизма, когда из Италии выдворялся сотрудник американских официальных органов.

Пеккьоли и ряд других парламентариев потребовали также «принятия срочных и жестких мер для выявления и наказания, согласно закону, тех офицеров, кто передал секретные сведения агенту иностранной разведки». Однако это требование выполнено не было: министр обороны Руффини поручил СИСМИ провести расследование с целью обнаружения соучастников преступления из числа итальянских граждан, но служба так и не нашла на их след.

В неофициальных беседах с журналистами руководители СИСМИ довольно откровенно рассказывали об отношениях, сложившихся между сотрудниками наших спецслужб с американскими коллегами. «Мы привыкли относиться к американцам как к непререкаемым авторитетам, которым нельзя ни в чем отказать и перед которыми нелишне вывернуться наизнанку, особенно если хочешь сделать карьеру».

9 сентября истек срок годичного мандата, выданного правительством генералу Далла Кьезе и его центру. Текст декрета, которым он назначался на должность руководителя центра, в течение этого срока оставался за семью печатями, что вызвало вполне определенную реакцию многих авторитетных юристов и сотрудников судебных органов в связи с возможным возобновлением мандата. «Оставление генерала в должности,— писал в июле 1979 года в «Республике» Гуидо Неппи Модона,— без разъяснения нам его полномочий означало бы продолжение политики потворства «параллельным учреждениям», проводимой последние два года демохристианским правительством с помощью создания рядом с предусмотренными демократическими реформами и одобренными парламентом структурами органов, не оговоренных законодательно или противоречащих конституционным принципам в подвергшихся реформе областях».

8 сентября правительство подтвердило возобновление мандата Далла Кьезы, приняв три условия, выдвинутые генералом: чтобы срок его полномочий не ограничивался, чтобы до конца стали ясны и подтверждены основы его отношений с полицией и, наконец, чтобы правительство оказывало ему решительную поддержку. В довершение ко всему генералу вменялась в обязанность охрана одиннадцати тюрем особого режима. Это также вызвало озабоченность: судья высшего совета магистратур Марко Рамат писал в «Паэзе сера»: «Гордиев узел: в связи с многообразием обязанностей Далла Кьезы создавалась странная, пикантная и опасная обстановка... Будем бдительны. Это вовсе не бюрократические игры... Эта мешанина компетенций усугубляет и без того имеющиеся недостатки подчиненных ему людей, отталкивает и морально разоряет наиболее энергичных из них»²⁵.

Еще не угасли дебаты, связанные с назначением генерала, а он уже был переведен на новую должность—

стал командиром дивизии карабинеров «Пастренго», дислоцированной в Милане, а руководимый им прежде центр был распущен. Работавшие с ним в течение полутора лет карабинеры перешли в «Пастренго». Из 50 сотрудников полиции, когда-то выделенных для работы в центре, 40, по ходатайству Далла Кьезы, были приняты в СИСДЕ. Сам генерал, учитывая его новую должность и большой опыт по борьбе с терроризмом, был включен в штат группы консультантов спецслужб, подчиненной КЕЗИС.

НЕФТЬ И ВЛАСТЬ

Осенью 1980 года в ходе расследования колоссальной контрабандной аферы с нефтью, в которой оказались замешаны высшие чины финансовой гвардии, вскрылись неприглядные факты закулисной деятельности СИД, возглавлявшейся в те годы адмиралом Казарди, имевшим незапятнанную репутацию. Выяснилось, что уже в 1975 году служба обнаружила серьезные нарушения со стороны финансовой гвардии, однако не посчитала нужным поставить в известность об этом судебные органы.

Все началось в феврале 1975 года, когда в Риме была основана Новая народная партия — политическая группировка, подозреваемая в нелегальных контактах с Ливией. Андреотти распорядился, чтобы СИД по своим каналам «прощупала» связи лидера этой группировки Марио Фолиньи. В результате служба собрала объемное досье, значившееся под символом «М. Фо. Биали»²⁶, ежедневно пополнявшееся все новыми записями телефонных разговоров и документами расследования. Андреотти обратился с этой просьбой к СИД, будучи министром промышленности, а не обороны, как прежде, а значит, не имел никакого права санкционировать подобное расследование. Как только стало известно, что в афере замешана элита финансовой гвардии, оно было сразу же прекращено. Осталось досье, насчитывающее почти 700 страниц, рассказывающих о махинациях Фолиньи, генерала Джудиче, его сотрудников и друзей. Досконально все знали начальник управления центров контрразведки Рима Кальядро, начальник отдела «Б» Малетти и глава СИД Казарди. Когда 29 октября 1975 года Малетти был неожиданно отстранен от руководства отделом «Б» и

поставлен командовать дивизией «Гранатъери ди Сарденья», он не оставил досье своему преемнику генералу Ромео, а передал капитану Лабруне, чтобы тот укрыл его в сейфе оперативной группы, которую возглавлял.

Скрываемые от следственных органов сведения, хранящиеся в досье, неожиданно появились в 1978 году в выпусках агентства ОП, принадлежащего Мино Пекорелли. Каким образом они оказались в руках агентства? Этот вопрос — один из многих, на которые должно было ответить следствие, начатое прокуратурой республики, в связи с деятельностью Казарди, Малетти и Лабруны.

Тем не менее та же прокуратура, обнаружив досье в бумагах Пекорелли сразу же после его убийства, в нарушение закона скрывала его содержание в течение 18 месяцев. Лишь в октябре 1980 года, когда вспыхнул скандал, главный прокурор Галлучи, оправдываясь, мотивировал это некими обстоятельствами, связанными-де с необходимостью соблюдать мифическую международную политическую тайну. Словом, в результате скандала было наконец решено начать по делу о контрабанде следствие. Однако глава правительства не разрешил выделить его в отдельное производство, и пресловутое досье было приобщено к делу об убийстве Мино Пекорелли.

И вот здесь прокуратура, которая в течение 19 месяцев как могла затягивала поиск истины, проявила необычайную активность. 12 ноября Казарди, Малетти и Лабруне было предъявлено обвинение в «разглашении служебных тайн», а их квартиры и кабинеты были обысканы. Через несколько недель по этому поводу генералу Корсини было поручено внутриминистерское расследование, и на основании его выводов министр обороны предложил разжаловать всех троих. Однако разжалование не состоялось в связи с тем, что в апреле 1981 года против этой тройцы было начато дело, проходившее по разряду уголовных.

Оставалось выяснить степень вины тех, кто вел следствие по делу о контрабанде нефтью в 1975 году. На допросе адмирал Казарди заявил, что он постоянно держал в курсе поворотов дела Андреотти. Тот же утверждал, что знал лишь о начале следствия, а его ход ему известен не был. Весьма странное несоответствие, если учесть, что именно с помощью Андреотти Казарди получил пост главы секретной службы и что оба поддер-

живали самые сердечные отношения. Типичная ситуация, когда политические власти пытаются избежать ответственности, а военные со своей стороны также отказываются взять ее на себя. В этой связи зададимся вопросом: могли ли высокопоставленные офицеры секретной службы покрывать грехи финансовой гвардии, не пользуясь они поддержкой и указаниями политических властей?

БУРНАЯ ВЕСНА 1981 ГОДА

В результате обыска, проведенного по распоряжению миланских судей Туроне и Коломбо на вилле Личо Джелли в Ареццо 17 марта 1981 года, в руки судебных органов попал огромный архив. В нем находились и списки членов тайной ложи «П-2». Помимо Мичели, Малетти, Лабруны, Фанелли²⁷, Виеццера и других руководящих работников «старых» секретных служб, в них фигурировали почти все высшие офицеры «новых». Глава СИСМИ Джузеппе Сантовито имел удостоверение под № 1630, глава КЕЗИС Вальтер Пелози состоял в ложе с марта 1979 года, не имея удостоверения. В списках значились полковник карабинеров Пьетро Музумечи, глава особого секретариата Сантовито, руководитель отдела контроля и безопасности СИСМИ; полковник карабинеров Серджо ди Донато (удостоверение № 1638), работавший в ключевом административном отделе службы, а также его заместитель майор карабинеров Марио Салаконе (удостоверение № 1684). Наконец, в списке значился подполковник Антонио Корнаккья, много лет возглавлявший следственное отделение карабинеров в Риме, а затем перешедший на работу в СИСМИ (удостоверение № 92154).

Что касается представительства СИСДЕ, то в списках, кроме генерала Грассини, числились майор карабинеров Винченцо Риццутти, вице-квестор Элио Чоппа, майор Коррадо Терранова и доктор Франческо Бернаскони, сотрудник технического консультативного совета. Риццутти (удостоверение № 2098) являлся начальником отдела особо важных операций и руководил секретариатом Грассини. Чоппа был координатором деятельности всех филиалов службы в центре и на юге страны. Коррадо Терранова был заместителем начальника флорентийского

центра. В списке фигурировали и другие офицеры периферийных центров обеих секретных служб.

Многих из перечисленных членов ложи объединяло следующее обстоятельство: дата их вступления в нее следовала сразу же за датой поступления на работу в спецорганы. Налицо было недопустимое взаимопроникновение государственных специальных органов и крайне сомнительной оккультной организации.

Чем же объяснить такое многочисленное представительство в ложе руководящих работников спецслужб? Думается, скорее всего начиная с 1977 года «П-2» превратилась в точку соприкосновения всех «параллельных структур», обладающих реальной властью в стране. Не случайно именно в январе 1977 года ложа приняла решение засекретить еще больше свою деятельность. В это время коммунистическая партия, как никогда прежде, сумела повысить свое влияние в правительственных кругах, и в этом оккультные силы видели угрозу снижения своего влияния. С другой стороны, парламент занялся разработкой реформы секретных служб, чтобы отсечь возможность использовать их в качестве оружия провокаций и антигосударственной деятельности.

С обнаружением списков членов ложи «П-2» секретные службы оказались в пикантной ситуации: там рядом с именами представителей военной элиты стояли имена руководителей СИСМИ и СИСДЕ. Членами ложи оказались семь из девяти руководящих сотрудников КЕЗИС.

27 мая состоялось совещание на высшем уровне, в котором участвовали премьер-министр Форлани, министр обороны Лагорио, министр внутренних дел Роньони, министр финансов Ревильо и заместитель секретаря КЕЗИС Маццола. После длительной дискуссии временно решено было отправить всех сотрудников секретных служб, чьи имена упоминаются в списках ложи, «в отпуск». Тем же вечером Грассини, Сантовито и начальник финансовой гвардии Джаннини подали своим министрам заявления с просьбой предоставить им отпуска. Временно исполняющими обязанности руководителей служб были назначены: Абелардо Мей (СИСМИ), вице-вестор Винченцо Паризи (СИСДЕ) и вице-префект Винченцо Майелло (КЕЗИС). Помимо названных глав трех служб, в «отпуск» было отправлено еще 12 офицеров: семь из СИСМИ и пять из СИСДЕ.

Одновременно прокуратуры Рима и Милана выдали ордера на арест Джелли, соответственно за политический шпионаж и сбор сведений, относящихся к безопасности государства. Странное обвинение явилось тактическим ходом римлян с целью взять следствие в свои руки, поскольку «политический шпионаж» считался преступлением куда более серьезным, чем простой «сбор сведений», и должен был расследоваться в первую очередь.

Вместе с ордером на арест Великого магистра римская прокуратура подписала ордер на арест полковника Антонио Виеццера. Основанием послужили обнаруженные в бумагах Джелли фотокопии некоторых досье СИФАР, сожженных во Фьюмичино в августе 1977 года. Ответственным за эту операцию являлся Виеццер, руководивший тогда секретариатом генерала Малетти.

До 1971 года Виеццер возглавлял флорентийский центр контрразведки, и к этому периоду относится его знакомство с Джелли. В ордере на арест указывалось, что полковник совершил преступление, «злоупотребляя властью и нарушая свои обязанности, предписываемые ему занимаемой должностью и общественным положением».

Будучи арестованным, Виеццер отверг все обвинения, сказав, что их надо адресовать Антонио Лабруне, также работавшему в отделе «Б», и имевшему, по его данным, контакты с советскими спецслужбами.

Лабруна ответил, что выдвинуть против него такие обвинения мог только сумасшедший. Началась длительная перепалка двух офицеров, бывших когда-то близкими соратниками.

Тем временем на авансцену вышел еще один одиозный персонаж — журналист флорентийского отделения АНСА Марчелло Коппетти. Бывший волонтер «Итальянской социальной республики», он позже сблизился с социал-демократами и социалистами, став консультантом по связям с прессой тогдашнего президента области Тоскана Лагорио, впоследствии министра обороны.

Коппетти давно поддерживал контакты с Виеццером и не отрицал, что передавал полковнику секретную информацию. В квартире журналиста были найдены документы СИФАР и СИД, списки членов «П-2» прошлых лет, многочисленные досье по важным проблемам страны, а также документы, относящиеся к делу Моро. Весь архив Коппетти был конфискован парламентской

следственной комиссией, занимавшейся этим делом, а сам Коппетти допрошен ею, правда, без каких-либо результатов.

Масла в огонь подлил случай, происшедший 4 июля в аэропорту Фьюмичино. Там была арестована дочь Джелли. В ее чемоданчике с двойным дном находились секретные бумаги. Один из документов, в частности, подтвердил, что спецслужбы продолжали использоваться в политических целях и после их радикальной перестройки. Выяснилось, что в 1979 году глава КЕЗИС Вальтер Пелози поручил отделу «И» финансовой гвардии покататься в делах депутата Джанни Де Микелиса, ставшего позже министром государственной промышленности. Мало того, что налицо факт противозаконного шпионажа за политическим деятелем, шеф КЕЗИС нарушил также закон о реформе секретных служб, запрещающий ему проводить расследования, а тем более отдавать распоряжения о них финансовой гвардии.

13 июля в политическом шпионаже, участии в преступной организации и разглашении служебной тайны был обвинен заместитель прокурора республики Доменико Сика. 16 июля находящийся в «отпуске» Пелози подал главе правительства прошение об отставке с поста главы КЕЗИС. Спадолини принял отставку, вернув его на прежнее место службы.

25 июля судебный следователь Розарио Приоре потребовал передать ему все находящиеся в КЕЗИС досье, заведенные на политических и государственных деятелей страны. О существовании этих досье стало известно из допроса заместителя главы КЕЗИС Майолло. Это обстоятельство поставило орган, призванный координировать деятельность секретных служб, на одну доску с СИФАР Де Лоренцо. Излишне рассуждать, почему столь резво начатое расследование факта нелегального сбора досье скоро забуксовало.

Тем временем кризис в руководстве вооруженных сил и спецслужб вступил в новую фазу: 8 июля, также «отпускник», начальник генерального штаба адмирал Торриззи был отстранен от должности. Это случилось через несколько дней после обнародования решения Государственного совета о «наказании всех военнослужащих, состоявших в тайных организациях». Отставка Торриззи, отрицавшего свою принадлежность к ложе,

послужила предупреждением другим ее членам.

18 июля Совет министров дал санкцию на самую серьезную перетряску военных верхов. Произошла смена руководства генерального штаба: вместо ушедшего Торриззи пост начальника занял Витторио Сантини. Новым начальником штаба сухопутных сил стал Умберто Каппуццо, бывший до этого главнокомандующим корпуса карабинеров; начальником штаба флота — адмирал Анджело Монасси; командующим финансовой гвардией — генерал Никола Кьяри, сменивший на этой должности уволенного за членство в «П-2» генерала Джаннини; главнокомандующим корпуса карабинеров стал генерал Лоренцо Вальдитара.

У руля СИСДЕ стал полицейский, 60-летний уроженец Лукки Эмануэле Де Франческо²⁸. Когда-то он руководил квестурой Рима, затем, в конце 1979 года, был назначен как специалист по терроризму префектом Турина, с прямым подчинением начальнику СИСДЕ.

Главой КЕЗИС был утвержден 55-летний неаполитанец Орацио Спарано. С декабря 1980 года он возглавил непростой участок — префектуру Падуи — и навел в ней относительный порядок. И новый глава КЕЗИС, и новый начальник СИСДЕ были знатоками терроризма, в борьбе с которым добились значительных успехов.

Что касается СИСМИ, то тут никак не могли найти преемника уходящему на пенсию Сантовито. Когда же наконец 5 августа было названо имя нового руководителя военной спецслужбы, удивлению не было предела: им стал корпусный генерал Нино Лугарези²⁹, бывший до этого командиром 10-го корпуса, дислоцированного в Неаполе.

Во время землетрясения в ноябре 1980 года Лугарези, проявляя личное мужество и самоотверженность, руководил воинскими подразделениями, помогавшими пострадавшим. Назначенный правительственным комиссаром в районах, пострадавших от стихийного бедствия, он вместе с Дзамберлетти координировал действия по оказанию помощи и размещению оставшихся живыми. Его военная карьера строилась вдали от столичных интриг. Кандидатуру генерала предложил сам Спадолини и упорно отстаивал ее перед противящейся ей военно-политической элитой.

ОПЕРАЦИЯ «ЧИСТКА»

Первое, что сделал Лугарези после назначения шефом СИСМИ,—реорганизовал структуру службы. Ознакомившись с ней, он обнаружил отсутствие четкой организации работы при наличии ненужных звеньев. И решительно взялся за наведение порядка.

Служба была разделена им на тринадцать дивизионов. Первые три выполняли задачи существовавших прежде традиционных подразделений—наступательного, оборонительного и аналитического. Новинкой стал одиннадцатый дивизион, в ведении которого находился оснащенный самой совершенной аппаратурой банк информации. Тринадцатый дивизион—служба безопасности, прежде в результате реформы переданная в КЕЗИС, теперь вернулась в лоно военной секретной службы. Руководящее звено было дополнено начальником штаба и тремя заместителями начальника службы.

Следующий шаг Лугарези—наведение порядка в довольно деликатной сфере—кадрах. Дело в том, что по классическим законам протекционизма на работу в СИСМИ были пристроены дети и родственники многих сотрудников СИФАР и СИД³⁰. Два принадлежавших службе самолета были заняты исключительно перевозками уходящих в отпуск политических деятелей и их родичей. Наконец, при службе кормилось несколько десятков щедро оплачиваемых «консультантов», функции которых были абсолютно неясными.

Лугарези начал с увольнения начальника секретариата бывшего главы СИСМИ полковника Пьетро Музумечи, имевшего удостоверение № 1604 ложи «П-2». Музумечи нашел себе теплое местечко начальника отдела безопасности «Банко амброзиано», управляемого Роберто Кальви.

Затем наступила очередь руководителей административного отдела полковника Серджо Ди Донато и майора Марио Салаконы, также членов ложи Джелли, разбазаривших налево-направо деньги службы. Уволив обоих, Лугарези изучил список «консультантов», набивавших карманы за счет государственной казны. Первой в нем стояла фамилия Франческо Пациенцы, 35-летнего земляка Сантовито, приятеля арабов-толстосумов и высокопоставленных деятелей ХДП.

Делец Пациенца являлся посредником между Джелли, итальянскими и американскими спецслужбами, а с лета 1981 года становится сотрудником Кальви, участвуя в попытке перекупить газету «Коррьере дела сера».

В 1980 году он помогал СИСМИ сделать достоянием гласности информацию о контактах брата президента Картера с Каддафи, дабы ослабить позиции Картера в его предвыборной борьбе с Рейганом. И умудрился добиться благосклонности нового президента США, не потеряв доверия арабских кругов.

Следующими жертвами затеянной Лугарези чистки стали майор Антонио Каккьоне и полковник карабинеров Антонио Корнаккья, также значившиеся в списках Джелли. Затем без лишнего шума был уволен полковник Стефано Джованноне, состоявший в теплых сношениях с Андреотти и Ватиканом, хранитель многих государственных секретов. С 1972 года Джованноне представлял военные спецслужбы на Ближнем Востоке и вместе с Мичели «конструировал» особые отношения СИД с рядом арабских государств.

В СИСДЕ 15 июля началось служебное расследование в связи с упоминанием в списках «П-2» имен сотрудников службы Риццутти, Чоппы, Бернаскони³¹ и Террановы. Через пять дней начальник управления кадров СИСДЕ предложил сдать все материалы дела в архив, поскольку, на его взгляд, они не доказывают членства перечисленных офицеров в ложе Джелли.

27 июля префект Де Франческо сел в кресло начальника СИСДЕ; ознакомившись с материалами расследования, он не согласился с этим мнением.

Тем не менее все закончилось восстановлением всех подозревавшихся в прежних должностях. Таким образом, глава СИСДЕ в чистке службы от людей, запятнавших себя связями с Джелли, был не так решителен и последователен, как его коллеги из СИСМИ.

Де Франческо больше беспокоили другие обстоятельства: к 22 января 1981 года штаты службы были заполнены всего на 55%, и, стало быть, они должны были быть организованы и подготовлены, чтобы это как можно меньше сказывалось на эффективности СИСДЕ³². В феврале 1982 года УЧИГОС при решающей поддержке СИСДЕ провело бескровную операцию по освобождению

генерала Доциера, похищенного «бригадистами». Успех операции свидетельствовал, что, если бы специальные службы были прямо задействованы и в других аналогичных ситуациях, возможно, они разрешались бы также результативно.

Так или иначе, с наведением относительного порядка в спецслужбах, ростом числа «раскаявшихся» террористов, сотрудничающих с властями, позиции терроризма значительно пошатнулись. Зато активизировалась мафия. Особенно в южных районах Италии. Реакцией правительства было назначение 1 мая 1982 года генерала Карло Альберто Далла Кьезы префектом Палермо. Он должен был координировать усилия по борьбе с сицилийской мафией. Однако все его попытки заручиться соответствующей поддержкой оказались безрезультатными. В частности, он не смог добиться специальных полномочий, дающих ему право вести расследование на всей территории страны, а это условие он считал обязательным для успешного выполнения порученного ему дела. 3 сентября Далла Кьеза и его жена были застрелены в самом центре Палермо. Через два дня на его место назначили квестора Эмануэле Де Франческо, оставив за ним и руководство СИСДЕ. Несколько недель спустя он получил полномочия, которых безуспешно добивался Делла Кьеза.

Но деятельность комиссара не привела к блестящим результатам. Больше того, 29 июля 1983 года, несмотря на полученные от осведомителей предостережения, начальник следственного отдела палермского трибунала Рокко Кинничи, а вместе с ним два сопровождавших его карабинера и гостиничный портье, случайно оказавшийся на месте бойни, были убиты мафиози³³.

Тем временем в Тренто судья Карло Палермо, давно и упорно, несмотря на чинимые препоны, расследующий дело о подпольной торговле оружием и наркотиками, наконец выяснил личности ключевых фигур этого преступления. Ими оказались бывшие сотрудники секретных служб, до сих пор поддерживающие с ними добрые отношения. Ведущую роль играл полковник карабинеров Массимо Пульезе. С 1960 по 1970 год он занимал пост начальника отделения СИФАР, а затем СИД на Сардинии. Теперь же он официально числился консультантом и деловым посредником агентства по импорту и экспорту

оружия, действовавшего главным образом на оружейном рынке Ближнего Востока. И вряд ли торговые операции агентства были бы успешными, не пользуйся оно поддержкой СИСМИ. В пасхальные дни 1983 года на бывшего полковника надели наручники и предъявили обвинение в «контрабанде и посредничестве в незаконной торговле оружием». Вместе с ним арестовали еще четырех человек, трое из которых до последнего дня поддерживали контакты со спецслужбами. Речь шла о Глауко Партеле, консультанте и директоре фирмы, связанной с ракетной техникой; о Карло Бертончини, директоре-распорядителе предприятия, производящего электронное оборудование для военной промышленности, в том числе и американской; и о Винченцо Джованнелли, главе компании, осуществляющей грузовые перевозки на базу НАТО на острове Мадалена. Все они были связаны с СИСМИ. Вот почему судья Карло Палермо счел необходимым допросить в качестве свидетеля самого начальника службы генерала Лугарези.

Имя Массимо Пульезе, члена ложи «П-2» под № 1914, уже мелькало в документах, относящихся к спецслужбам. Адмирал Казарди, давая показания судье Виоланте по поводу «белого путча» Эдгардо Соньо, заявил: «Соньо... через Массимо Пульезе и графиню Никастро обеспечивал поддержку заговора в кругах, близких к правительству». Если человек такого уровня, как посол Соньо, считал возможным использовать Пульезе в своих подрывных планах, то, стало быть, полковник играл роль намного более важную, чем та, что отвечала его месту и службе. Маловероятно, чтобы Пульезе занялся международной контрабандой оружием, не заручившись определенными гарантиями и поддержкой. Как выяснилось дальше, в ней был замешан и бывший глава СИСМИ Сантовито. Газета «Коррьере делла сера», не падкая на сенсации, писала по этому поводу: «Пульезе, которого считают бывшим сотрудником СИФАР и СИД, совсем не «бывший»... Он — человек СИСМИ и представляет ее интересы на рынке оружия... Думается, что, как и прежде, существует «параллельная структура» СИСМИ, руководящая десятками фиктивных фирм со специфическим «социальным заказом»: торговля оружием...»³⁴

30 апреля 1983 года судья Карло Палермо после четырехчасового допроса генерала Джузеппе Сантовито

предъявил ему обвинение в незаконной торговле оружием.

Судья был близок к завершению так долго тянувшегося расследования, когда генерала арестовали 2 декабря 1983 года по ордеру, выданному судьей Доменико Сикой, расследовавшим дело о связях Франческо Пациенцы с мафией. Многие газеты, радио и телевидение поспешили обвинить в том же генерала. Однако вечером было разъяснено, что основанием для ареста Сантовито послужило разглашение генералом государственной тайны: в 1980 году он передал журналу «Панорама» некое секретное досье. В этом признался следствию главный редактор журнала Андреа Барбери. Тем не менее кажется странным и малоубедительным, что бывший глава спецслужбы подвергся аресту за служебный проступок много лет спустя после того, как совершил его³⁵.

Сантовито провел в карцере казарм целый день. Наутро, после трех часов допроса, его перевели под домашний арест в связи с резким ухудшением состояния здоровья. Через два месяца Сантовито умер от цирроза печени, унеся в могилу ответ на вопрос, был ли его арест действительно связан с давнишним эпизодом с «Панорамой» или же на то были другие основания.

Осталось загадкой и то, почему такой осторожный человек, как Сантовито, долгие годы доверял двуличному, беспринципному прохвосту, каким был Франческо Пациенца.

Тем временем истекли сроки мандатов прежних глав секретных служб. 26 апреля 1984 года их сменили новые лица. СИСМИ возглавил адмирал Фульвио Мартини³⁶, бывший начальником главного секретариата министерства обороны. В наиболее острый период «стратегии напряженности» Мартини руководил отделом «С» (ситуационным) СИД³⁷. Главой СИСДЕ стал префект Винченцо Паризи³⁸, занимавший с июля 1980 года пост заместителя начальника службы. Одновременно со сменой руководителей спецслужб сменился начальник полиции. Им стал префект Рима Джузеппе Порпора. Среди кандидатов на этот пост был и Де Франческо, бывший шеф СИСДЕ и верховный комиссар по борьбе с мафией, но против его назначения возражали определенные политические круги.

История секретных служб показала, что трудно и неосмотрительно давать оценки их руководителям до того, как они проявили себя в деле. Лишь через несколько лет станет ясно, насколько верно был сделан выбор в апреле 1984 года и действительно ли нелегкое наследие Лугарези и Де Франческо оказалось в руках людей, способных решать стоящие перед итальянскими секретными службами задачи во благо своей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IX

¹ В ходе парламентских дебатов наибольшие споры вызывал вопрос о задачах и обязанностях новых секретных служб. Итоги были таковы: «СИСМИ занимается вопросами военной безопасности страны в традиционном смысле слова, т. е. осуществляет разведывательную и контрразведывательную деятельность в чисто военной области. СИСДЕ обеспечивает защиту политических институтов государства, осуществляя разведку и контрразведку в иной, чем у СИСМИ, сфере». — *A. Luzzi. I nuovi Servizi di sicurezza e il segreto di Stato, supplemento al № 11 di Polizia moderna del novembre 1977.*

² Глава правительства может вынести решение о наличии секретности в том или ином случае и обязан объяснить его в парламенте. Если парламентская комиссия большинством голосов придет к выводу о необоснованности такого решения, проблема выносится на обсуждение обеих палат парламента, которые и должны вынести окончательный вердикт.

³ См.: «Corriere della sera», 7 gennaio 1978.

⁴ *Джузеппе Сантовито* родился в Таранто в 1918 г. Образование получил в военной академии в Модене. За участие в войне награжден Бронзовой медалью за воинскую доблесть. После войны работал в службе безопасности итальянского контингента войск ООН в Сомали. Затем служил в Центре высшей военной подготовки, в отделе учебных заведений генерального штаба. Командовал 22-м пехотным полком «Кремона» и дивизией «Фольгоре». В 1966 г. возглавил отдел «И» СИД. В 1975 г. получает звание корпусного генерала. С января 1977 г. командует центральным военным округом. Умер во Флоренции 5 февраля 1984 г.

⁵ *Джулио Грассини*, бригадный генерал, родился в 1922 г. в Риме. Выпускник моденской военной академии. Будучи младшим лейтенантом корпуса карабинеров, в 1941 г. был дважды награжден Крестом за воинские заслуги. Командовал подразделениями карабинеров в Массе, Лукке, Неаполе, Кальяри и Больцано. 12 лет служил в спецслужбе флота. Затем руководил школой младшего командного состава во Флоренции. С 1973 г. командовал бригадой в Падуе.

⁶ *Газтано Наполетано*, префект, родился в Неаполе в 1915 г. Во время войны партизанил в зоне Фиуджи. Сразу после войны был назначен правительственным комиссаром по восстановлению Кассино. В 1961 г. получил ранг префекта, а через 10 лет — префекта первого класса. Возглавлял префектуры Трапани, Латины и Рима. Умер в 1979 г.

⁷ См.: Camera dei deputati. Relazione sulla politica informativa e della sicurezza e sui risultati ottenuti, comunicati alla presidenza il 21 luglio 1978.

⁸ *E. Di Francesco*. Qui c'è un poliziotto di meno.— «L'Espresso», 29 gennaio 1978.

⁹ Decreto del ministro degli interni del 31 gennaio 1978.

¹⁰ «La Repubblica», 15 febbraio 1978.

¹¹ *Антонио Фаррелло* пришел в полицию в 1955 г. в возрасте 24 лет. В 1966 г. становится сотрудником национального центра Криминалпола. В 1970 г. возглавил центр. Квестор с января 1975 г. С января 1976 г. возглавлял квестуру Сассари.— См.: «Paese sera», 2 febbraio 1978.

¹² Надо иметь в виду, что СИД, выдавая документ на допуск к сверхсекретной информации, такое решение принимала не сама. Служба лишь передавала в соответствующий отдел штаб-квартиры НАТО данные на кандидата, и там решалась его судьба. После чего СИД давалось разрешение или, наоборот, запрещалось выдавать соответствующий документ. Теперь эти функции бывшей СИД выполняет одно из бюро КЕЗИС.

¹³ *Relazione cit.* В нем уточняются обязанности секретаря КЕЗИС: «Он отвечает перед председателем Совета министров за деятельность комитета; осуществляет контроль за хранением документов, предназначенных для служб информации и безопасности, а также за сохранность документации, находящейся в архивах КЕЗИС...»

¹⁴ Из сотрудников спецслужб, работавших в периферийных филиалах, назовем следующих: *Антонио Эспозито*, начальник лигурийского отделения службы общественной безопасности, большого специалиста по борьбе с «красными бригадами»; *Нерви*, посланный руководить комиссариатом Генуи, погиб от пули террориста; начальник флорентийского отделения службы безопасности *Джузеппе Джозель*; начальник миланского отделения службы безопасности *Вито Платтоне*, позже перешел на работу в Криминалпол.

¹⁵ *A. Carlucci*. I cento giorni del prefetto.— «Panorama», 11 ottobre 1982.

¹⁶ *Вальтер Пелози* родился в 1921 г. в Казерте. Начал карьеру в 1940 г., работая в министерстве внутренних дел. С 1950 по 1961 г. служил в главном управлении полиции. Затем руководил службой вневедомственной охраны, а позже — общим отделом Совета министров. В 1972—1973 гг. — близкий сотрудник *Андреотти*, тогдашнего главы правоцентристского правительства. С июля 1973 г. по декабрь 1976 г. возглавляет префектуру Варезе, а с декабря 1976 г. назначается правительственным комиссаром области Венето и префектом Венеции.

¹⁷ «La Repubblica», 19 maggio 1978.

¹⁸ Генерал *Ромео* ушел из СИСМИ 30 июня 1978 г.

¹⁹ На самом же деле *Виетцер*, познакомившись с журналистом *Фабио Исманом*, подготовившим к публикации статью, направленную против *Гальвалиджи*, уговорил его внести в нее некоторые коррективы, значительно смягчившие ее тон.

²⁰ «Legge», 24 ottobre 1977, № 801.

²¹ См.: Commissione parlamentare d'inchiesta sulla strage di via Fani, sul sequestro e l'assassinio di Aldo Moro e sul terrorismo in Italia. Audizione del generale Carlo Alberto Dalla Chiesa dell'8 luglio 1980.

²² Доклады спецслужб, в том числе и американских, обычно классифицировались с помощью букв алфавита от А до Е для указания

степени надежности источника информации (максимальная надежность—А), а также цифрами от 1 до 5 для оценки уровня достоверности сведений (абсолютно достоверно—1).

²³ См.: «La Repubblica», 16 febbraio 1979.

²⁴ «La Repubblica», 14 febbraio 1979.

²⁵ «Paese sera», 12 settembre 1979.

²⁶ Символ «М. Фо. Биали» расшифровывался как «Мичели, Фолинья, Ливия», или—в другой интерпретации—«Минтофф, Фолинья, Ливия», т. е. являлся аббревиатурой имен участников сделки.

²⁷ Джованни Фанелли—сотрудник отдела тайных дел во времена Д'Амато.

²⁸ Эмануэле Де Франческо родился в 1921 г. в Бариле, провинция Потенца. Начал работать в полиции в 1943 г. В 1949 г. получил Серебряную медаль за воинскую доблесть, проявленную в борьбе с бандитизмом в Кампанье. Позже работал в квестурах Палермо, Катандзаро и снова Палермо, куда назначается вице-квестором. В 1973 г. возглавил квестуру Козенцы. С 1974 по 1976 г. руководил квестурой Кампаньи. С декабря 1977 по декабрь 1979 г.—квестор Рима. Потом назначается начальником Криминалпола, но через несколько недель его переводят префектом Турина для координации борьбы с терроризмом.

²⁹ Нино Лугарези родился в Равенне в 1920 г. Во время войны сражался в России, награжден Серебряной медалью за воинскую доблесть. После войны занимал ряд командных должностей в генштабе армии. Затем принял командование дивизией «Фольгоре». В сентябре 1968 г. становится начальником отдела служб генерального штаба. С 1972 по 1975 г.—вице-инспектор тыла армии. С 1975 по 1977 г. командовал противовоздушной артиллерией армии. С 1977 по 1979 г. командовал военной зоной Эмилия—Тоскана. В 1979 г. получает чин корпусного генерала и возглавляет 10-й армейский корпус.

³⁰ См.: «Interrogazione», № 137, dell'8 aprile 1980, a firma dell'on. Falco Accame.

³¹ 15 октября 1981 г. доктору Бернаскони было возвращено подписанное им соглашение о сотрудничестве со службой.

³² См.: Relazione del Comitato parlamentare per i servizi di informazione e sicurezza, comunicata alla presidenza il 30 aprile 1981.

³³ В 8 часов утра автомашина, начиненная 100 кг тритола, взорвалась в момент выхода судьи из дома. Сигнал был подан по радио кем-то, кто видел дверь его дома.

³⁴ «Corriere della sera», 8 aprile 1983.

³⁵ По свидетельству Барбери, в первых числах сентября 1980 г. Франческо Пациенца организовал ему встречу с Сантовито. Последний посетовал, что в печати хвалят только СИСДЕ, а о СИСМИ даже не упоминают. По совету Пациенцы генерал показал журналисту доклад о международных связях террористов и о возможных их контактах со странами Восточной Европы. В следующем номере 15 сентября 1980 г. еженедельник обнаруживал эти сведения, указав источник информации.

³⁶ Фульвио Мартини родился в Триесте 26 февраля 1923 г. Начал службу на флоте в декабре 1944 г. Был штурманом, офицером на базе торпедных катеров Монцамбано. В 1958 г. стал командиром корвета «Алцеон», затем фрегата «Касторе», а в 1972 г.—крейсера «Витторио Венето». В 1973 г. назначается начальником отдела «С» СИД, которым руководил до роспуска службы в январе 1978 г. Став заместителем

начальника новорожденной СИСМИ, служил в ней до августа того же года. Затем командовал 2-м морским дивизионом, после чего был переведен в секретариат министерства обороны. В декабре 1982 г. получил звание адмирала эскадры.

³⁷ В задачи отдела ситуаций входил анализ и обработка информации, собранной отделами «И» и «Б».

³⁸ *Винченцо Паризи*, доктор юридических и политических наук, родился в Матере 30 октября 1930 г. В 1951 г., поступив в министерство внутренних дел, вел оперативную работу в различных квестурах страны. Затем основал и возглавил организационный отдел главного управления полиции. С 1973 по 1977 г. возглавлял отдел вооружения министерства внутренних дел, одновременно являясь членом Европейского комитета по проблемам преступности. В 1978 г. назначается квестором Гроссето. Через год уходит в СИСДЕ. В январе 1983 г. получает ранг префекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль, которую секретные службы Италии стали играть в послевоенные годы, существенно отличалась от той, которую они играли до войны. Уже при фашизме СИМ постепенно утрачивает черты органа военной разведки и контрразведки, приобретая черты настоящей подпольной структуры. Но то пока были единичные факты биографии военной секретной службы нашей страны.

С окончанием войны разведывательные структуры не были распущены, как случилось, например, в 1929 году в США, когда государственный секретарь Генри Стипсон расформировал «черную палату», как называли отдел дешифровки государственного департамента, заявив: «Джентльмены не читают переписки других»¹. Президент Трумэн сказал, что «военная тактика, военные операции, психологическая война и политические манипуляции не могут быть оправданными в мирное время», однако тут же потребовал создать постоянно действующую организацию, которая заботилась бы «о координации и анализе всей информации, собираемой отдельными министерствами и другими правительственными органами»². Так, в США в 1947 году Управление стратегических служб (ОСС) — военная секретная служба — было заменено еще более подготовленной для тайных операций организацией — Центральным разведывательным управлением (ЦРУ). Аллен Даллес, который через несколько лет станет его директором, настоял на включении в закон о ЦРУ статьи, согласно которой управлению разрешалось выполнять «задачи и функции в сфере разведки в соответствии с директивами Совета Безопасности

ООН»³. Именно этой статьей ЦРУ оправдывало позже вмешательство, порой даже вооруженное, во внутренние дела других стран. Даллес был достаточно откровенен, обрисовывая сферу интересов ЦРУ. Так, в меморандуме, подготовленном им для сенатской комиссии по вооруженным силам, он пишет: «Деятельность разведывательной службы должна иметь самые разнообразные цели и достигать их, применяя ту или иную тактику в зависимости от ситуации... Проблема противоборства двух несовместимых идеологий, таких, как западная демократия и коммунизм, это не только отношения между Россией и западным миром, но также и внутривнутриполитические конфликты в странах Европы, Азии и Южной Америки».

В США, правда, уже существовали два органа, запрограммированные на тайное расширение американского влияния: бюро политической координации и бюро специальных операций,— но уже во время корейской войны в 1952 году они были поглощены ЦРУ, став в ней единой дирекцией планирования. Война в Корее вызвала быстрый рост ЦРУ: с 1950 по 1955 год число его постоянных сотрудников, не считая случайных осведомителей и иностранцев, возросло с 5 до 15 тысяч человек.

«Холодная война» еще больше ускорила переход от «кустарных» приемов секретных полиций к эпохе разветвленных служб разведки и безопасности. Структуры, малочисленные, слабо оснащенные, трансформировались в многогранные и сложные организмы.

В Италии подобный качественный скачок произошел где-то в 1958 году. Раньше для этого не существовало политических предпосылок: возможности правящих кругов контролировать жизнь страны были достаточно широки. Достаточно хорошо обученной науке репрессий полиции, какой она была при Шельбе, а также услуг отдельных провокаторов высокого класса, таких, как Луиджи Кавалло.

В 1958 году, с кризисом политики центризма, предпринимается первая попытка использовать политическую секретную полицию в качестве рычага для его спасения. К этой политической акции прибег Фернандо Тамброни, поручивший Гуидо Де Ноцце создание первой в послевоенные годы «параллельной секретной службы». Но правительство Тамброни скоро пало, и детище Де Ноццы прекратило существование.

Сдвиг Италии влево вызвал в определенной части международных политических кругов тревогу. Именно ими было принято решение о создании сильной структуры контроля за жизнью Италии. Воплощение этой идеи поручили генералу Де Лоренцо. А пока, продравшись сквозь рифы саботажей и разногласий, рождались первые левоцентристские правительства. Таким образом, рядом шли два антагонистических процесса: расширение участия в политической жизни страны социальных слоев, в прошлом от нее отторгнутых, и усиление контроля за жизнью граждан со стороны секретных служб. То есть чем дальше государство двигалось к реальной демократии, тем сильнее становилось противодействие этому тайных структур.

Не случайна их активизация в 1968 году, году майских студенческих выступлений и «жаркой осени» профсоюзных выступлений, на что оккультные силы ответили решительными акциями, повлекшими за собой человеческие жертвы.

Остальное — сегодняшняя история.

Отдельно хочется сказать о проблеме контроля за деятельностью секретных служб со стороны правительства. Деятельность тайных структур отвечала интересам наднациональных блоков, ставящих себя выше любой законной исполнительной власти той или иной страны. Вспомним исследование Роберто Фаенцы по материалам архивов правительства США, из которого следует, что в 1962 году ЦРУ подготовило меморандум (подписанный от имени Италии Де Лоренцо), о котором не должны были знать правительства стран, от чьего имени его подписывали.

Неподотчетность служб перед политическими властями создавала базу для взаимных интриг между различными службами одной и той же страны: примеров тому предостаточно на страницах данной книги. К услугам как отдельных сотрудников, так и целых подразделений спецслужб прибегали крупнейшие промышленные группы, втянутые в экономическую междоусобицу. Примером может служить Энрико Маттеи, использовавший СИФАР в борьбе с конкурентами на мировом нефтяном рынке. Правда, в данном случае речь идет о предприятии, хотя бы не входящем в противоречие с национальными интересами. Более часты примеры обратного свойства, когда

целые службы используются могущественными международными монополиями в ущерб интересам отдельных стран. Хотя порой трудно разобраться, кто кого использует. Действительно, попытайтесь найти различие между деятельностью агентов ЦРУ и деяниями сотрудников международной телефонно-телеграфной корпорации, на чьей совести целый ряд государственных переворотов в Латинской Америке. И в итальянской истории можно найти подобный пример — речь идет о секретных отчетах СИД, регулярно направляемых ею президенту компании «Монтэдисон» Чефису⁴.

Каковы же должны быть функции секретных служб в демократическом обществе? Достаточно ли одного контролирующего органа, ответственно относящегося к своим обязанностям, чтобы воспрепятствовать нарушениям законности спецслужбами, или же уклонение от контроля правительства непосредственно вытекает из их задач? Является ли то, что мы называем подрывной деятельностью, таковой с точки зрения самих служб? Проследив их деятельность за последние полвека, можно ли утверждать, что было бы лучше просто упразднить, а не реформировать эти организмы, открыто продемонстрировавшие пренебрежение к закону? Последний вопрос, кажется, из области риторики. Немыслимо, чтобы современное государство обошлось без секретных служб. Одним словом, службы — неизбежное зло.

Справедливости ради надо добавить, что в тех случаях, когда спецслужбы делают полезное дело, общественность редко узнает об этом. В том, что итальянская военная миссия в Ливане, находившаяся там с сентября 1982 по февраль 1984 года, отдалась только одним убитым и несколькими ранеными по сравнению с десятками убитых из французского и американского контингентов войск ООН, большая заслуга хорошо поработавшей СИСМИ.

Не боясь повториться, напомним, что одна из самых острых проблем — проблема правительственного контроля за деятельностью секретных структур. В силу специфики они действуют втайне, порой на грани дозволенного. Закон о реформе секретных служб от ноября 1977 года можно оценить как довольно прогрессивный, поскольку он предусматривает двухступенчатый контроль за службами со стороны парламента. Однако этот контроль

сам по себе не гарантирует от возможных «отклонений» в их деятельности.

Реальным средством ограничения чрезмерной власти секретных служб может служить установление более определенных рамок государственных секретов.

Конечно же, современное общество без секретов существовать не может. Но в истинно демократическом обществе к тайной деятельности будут прибегать исключительно в крайних случаях и по мотивам, абсолютно оправданным. В 60—70-е годы в Италии тайна служила для сокрытия серьезных компромиссов, порой принимавших форму преступных сговоров. Мы были свидетелями того, как уже в 1982 году Спадолини не позволил поднять завесу над тайнами дела Айелло, видимо, чтобы не давать повода для скандала в связи с внедрением спецслужб в среду греческих политиммигрантов.

После «циклона» «П-2» итальянские секретные службы, казалось, старались действовать в рамках принятого закона. Но феномен масонской ложи «П-2» доказывает, что подрывные структуры могут возникать и развиваться даже при наличии самого строгого контроля за деятельностью официальных секретных служб.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

¹ D. Wise, Th. B. Ross. *Servizi segreti*. Milano, Longanesi, 1969, p. 394.

² V. Marchetti, J. D. Marks. *CIA. Culto e mistica del servizio segreto*. Milano, Garzanti, 1976, p. 42.

³ *Ibidem*.

⁴ См.: «L'Espresso», 4 agosto 1974.

ГЛАВЫ ВОЕННЫХ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ

Полковник Эдоардо Дрике	1863	1866
Полковник Феличе Де Куранд де Сент-Усташ	сентябрь 1900	июнь 1902
Полковник Винченцо Гариони	июль 1902	июнь 1905
Полковник Сильвио Негри	июль 1905	сентябрь 1912
Полковник Розолино Поджи	октябрь 1912	октябрь 1915
Полковник Джованни Гарруччо	октябрь 1915	сентябрь 1917
Полковник Одоардо Маркетти	сентябрь 1917	декабрь 1919
Полковник Камилло Калеффи	декабрь 1919	февраль 1921
Полковник Аттилио Виджевано	февраль 1921	апрель 1926
Полковник Карло Барбьери	май 1926	июнь 1927
Полковник Луиджи Тозелли	июль 1927	июнь 1929
Полковник Марио Верчеллино	июль 1929	декабрь 1931
Полковник Витторио Соньо	январь 1932	январь 1934
Полковник Марио Роатта	январь 1934	сентябрь 1936
Полковник Паоло Анджои	октябрь 1936	июнь 1937
Полковник Донато Трипиччоне	июль 1937	август 1939
Генерал Джакомо Карбони	сентябрь 1939	сентябрь 1940
Генерал Чезаре Амé	сентябрь 1940	август 1943
Генерал Джакомо Карбони	август 1943	сентябрь 1943
Полковник Помпео Агрифольо	октябрь 1943	декабрь 1945
Генерал Джованни Карло Ре	октябрь 1948	март 1951
Генерал Умберто Брокколи	апрель 1951	сентябрь 1952
Генерал Этторе Муско	октябрь 1952	декабрь 1955
Генерал Джованни Де Лоренцо	январь 1956	октябрь 1962
Генерал Эджидио Виджиани	октябрь 1962	июнь 1965
Генерал Джованни Аллавена	июнь 1965	июнь 1966
Адмирал Эудженни Хенке	июль 1966	октябрь 1970
Генерал Вито Мичели	октябрь 1970	июль 1974
Адмирал Марио Казарди	август 1974	январь 1978
Генерал Джузеппе Сантовито	январь 1978	август 1981
Генерал Нино Лугарези	август 1981	апрель 1984
Адмирал Фульвио Мартини	апрель 1984	

Руководители СИСДЕ

Генерал Джулио Грассини	январь 1978	
Префект Эмануэле Де Франческо	июль 1981	июль 1981
Префект Винченцо Паризи	апрель 1984	апрель 1984

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I.	Секретные службы и фашизм	11
Глава II.	От краха фашизма до центризма	40
Глава III.	Кризис центризма и реакция секретных служб	67
Глава IV.	Левоецентризм и «стратегия напряженности»	110
Глава V.	Спецслужбы и «частные лица»	164
Глава VI.	Кризис СИД и переходный период	214
Глава VII.	Методы сокрытия секретными службами своей про- тивозаконной деятельности	233
Глава VIII.	Секретные службы и левый терроризм	260
Глава IX.	От реформы 1977 года к ложе «П-2»	279
Заключение		313

Джузеппе де Луттиис

ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ

Редактор Э. В. Расшивалова. Художник В. Б. Гордон. Художественный редактор Г. Н. Губанов. Технические редакторы В. Ю. Никитина, Д. Я. Белиловская.

ИБ № 16796

Сдано в набор 06.06.88. Подписано в печать 29.12.88. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура "Баскервиль". Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 16,8. Уч.-изд. л. 17,64. Тираж 50000 экз. Заказ № 698. Цена 2 р. 40 к. Изд. № 43883.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Можайском полиграфкомбинате Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.